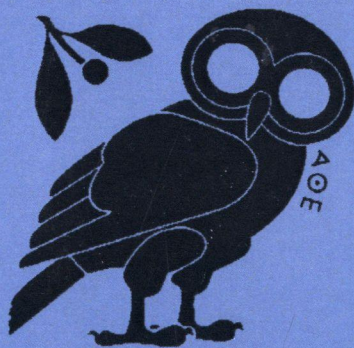


Политическая интрига и судебный процесс в античном мире



ΠΡΟΒΛΗΜΑΤΑ

ПРОВАНМАТА



Вопросы античной
истории и культуры

Выпуск 2

Политическая интрига и судебный процесс в античном мире

Под редакцией профессора Э.Д. Фролова

Санкт-Петербург
2015

Рецензенты:

д.и.н. А.Ю. Прокопьев

д.и.н. М.Ф. Флоринский

Политическая интрига и судебный процесс в античном мире /
П50 Коллективная монография под ред. проф. Э.Д. Фролова. – СПб. : Изд-во
«Реноме», 2015. – 332 с. – (Серия «ПРОВАНМАТА. Вопросы античной
истории и культуры». Вып. 2).

ISBN 978-5-91918-653-3

Статьи, вошедшие в состав монографии, освещают яркие кризисные моменты в истории античного греко-римского общества, начиная с архаической Греции и кончая императорским Римом. Среди затронутых событий оказываются конфликт лидера афинской демократии Перикла с руководимым им обществом, знаменитый процесс Сократа, судебный процесс, организованный Цицероном над Катилиной и его сторонниками, квазисудебная расправа над философом Сенекой и др. Череда этих событий позволяет представить более полно общественную жизнь античного мира.

Книга рассчитана на преподавателей и студентов гуманитарных факультетов университетов, на всех, кому интересна история европейской цивилизации.

ББК 63.3(0)32

Подписано в печать 01.10.2015. Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 20,8. Заказ № 194С. Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме», 192007, СПб., наб. Обводного канала, д. 40. Тел./факс (812) 766-05-66.
www.renomespb.ru

ISBN 978-5-91918-653-3

© Коллектив авторов, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Э.Д. Фролов. Предисловие ответственного редактора.....	7
--	---

I. Античная Греция

О.Ю. Владимирская. Судебные процессы против Мильтиада Младшего.....	13
Л.Г. Печатнова. Политические интриги в Спарте в период Персидских войн: дело Павсания.....	25
Э.Д. Фролов. Перикл: конфликт политического лидера с гражданским обществом.....	52
Е.В. Никитюк. Религиозно-политический скандал в Афинах в 415 г. до н.э.: процессы по делу гермокопидов и осквернителей мистерий.....	63
Э.Д. Фролов. Ферамен и Критий: игра в коттаб на пороге смерти.....	101
Э.Д. Фролов. Процесс Сократа: конфликт философа с государством и обществом.....	109
О.В. Кулишова. Театральная цензура в Афинах в V в. до н.э.	135

II. Эпоха эллинизма

О.Ю. Климов. Политические интриги в истории Пергамского царства.....	147
А.И. Юрин. Придворная борьба в Македонии в царствование Филиппа V.....	177

III. Древний Рим

А.Б. Егоров. Интрига в политической жизни Рима эпохи Республики (открытая и тайная политика в римской истории).....	187
А.В. Васильев. Судебные процессы над братьями Сципионами в 80-е годы II в. до н. э.	227
Д.Д. Дымская. Заговор Катилины.....	239

<i>М.В. Белкин.</i> Цицерон, Цезарь и процесс Гая Антония в 59 г. до н.э.....	261
<u>К.В. Вержбицкий.</u> Падение Сеяна (а был ли заговор?).....	275
<i>И.П. Портнягина.</i> Луций Аней Сенека. Автопортрет философа и царедворца.....	283
<i>Н.С. Широкова.</i> Гней Юлий Агрикола. Этапы карьеры и взаимоотношения с властью.....	295
<i>Э.Д. Фролов.</i> Заключение.....	325
Сведения об авторах.....	327
Список сокращений.....	329

Предисловие ответственного редактора

Предлагаемая вниманию читателей новая монография, подготовленная сотрудниками петербургской кафедры античной истории, посвящена одному из ключевых явлений античной общественной жизни – судебному разбирательству. Монография продолжает ряд аналогичных изданий, представленный такими книгами, как «Альтернативные социальные сообщества в античном мире» (2002), «Проблемы античной демократии» (2010), «Феномен досуга в античном мире» (2012).

Обращаясь непосредственно к теме и содержанию новой монографии, необходимо пояснить заглавные понятия. Слово «суд» – исконно русское, восходящее к общеславянскому и далее к индоевропейскому корню. Это понятие вполне прозрачно и особых пояснений не требует. Иначе обстоит дело с другим заглавным словом «интрига». Оно происходит от французского *intrigue*, которое, в свою очередь, восходит к латинскому *intricare* – «запутывать», «втягивать во что-либо». Слово это проникло в отечественную лексику через польское или немецкое посредство в начале XVIII века. Его значение – основное и производное – кратко и точно охарактеризовано, например, в нормативном словаре русского языка, составленном Д.Н. Ушаковым: «Интрига... 1. Скрытные действия с использованием различных неблагоприятных средств для достижения какой-нибудь цели, происки. <Например:> Дело провалилось вследствие интриг противной стороны. Вести интригу против кого-нибудь Придворные интриги. 2. Завязка, основная ситуация драмы или романа, вокруг к-рой развивается действие (лит.): Запутанная и. 3. Любовная связь, любовные отношения (устар.): И. с замужней женщиной». Нас, разумеется, интересует первое из отмеченных здесь значений – скрытные, неблагоприятные действия, происки.

В общественной практике интрига и суд нередко пересекаются и как бы дополняют друг друга. Суд отвечает позитивной склонности человека к правильному разбору любого спора, тогда как интрига служит другой и не менее естественной, склонности к обходному маневру, искажению или даже уничтожению судебного разбирательства. В общественно-политической жизни любого времени можно обнаружить множество примеров такого переплетения суда и интриги. Античность в этом отношении предоставляет яркий и богатый материал для наблюдения. Можно сказать, что все мало-мальски значимые события в политической жизни греков и римлян являют собой смешение суда и интриги, с нередким приоритетом этой последней.

В античной Греции уже в мифологической древности мы встречаем пример злокозненной интриги, приведшей к несправедливому суду. Это случай с героем Паламедом, участником похода греков на Трои, который из зависти был облыжно обвинен Одиссеем в измене и присужден ахейским воинством

к смерти. Дальнейшие примеры предоставляет нам собственно историческая жизнь. Так, одним из первых зафиксированных традицией событий в архаическую эпоху была так называемая Килонова смута (2-я половина VII в. до н.э.). Афинский аристократ, победитель на Олимпийских играх, зять мегарского тирана Феогена и сам человек исключительного честолюбия, Килон сделал попытку захватить с группой сторонников афинский Акрополь и утвердиться в родном городе в качестве тирана. Однако правящая элита, во главе со знатным родом Алкмеонидов, сумела дать отпор этой попытке: Акрополь был осажден правительственными войсками, Килон сумел бежать, а его сторонники, припав к алтарям богов и испросив пощады, сдались, но затем вопреки соглашению были перебиты. Позднее, когда смута продолжилась, в Афинах был наряжен суд над Алкмеонидами. Их сочли святотатцами и посмертно предали осуждению.

Не менее яркие примеры сплетения интриги и суда предоставляет нам греческая классика. Так, во время Греко-персидских войн состоялись первые громкие судебные процессы над политиками, чье поведение и деятельность выходили за рамки общепринятой нормы. Знаменитый полководец, победитель персов при Марафоне (490 г.), Мильтиад, дважды привлекался в Афинах к суду: первый раз, еще до Марафона, когда он в 493 г. вернулся с Херсонеса Фракийского и был обвинен в стремлении к тирании, и второй раз, уже после Марафонской битвы, когда в 489 г. он предпринял неудачную попытку захватить остров Парос и после этого был обвинен в растрате государственных денег. Первый процесс окончился его оправданием, но в результате второго он был присужден к уплате огромного штрафа и, будучи не в состоянии его уплатить, умер в тюрьме. Еще большую известность приобрели состоявшиеся позднее процессы над двумя другими знаменитыми военачальниками Павсанием и Фемистоклом. Первый из них, знатный спартиат, принадлежавший к царской фамилии, прославился победой над персами при Платеях в 479 году, но затем за самоуправство, насилие над союзниками и сговор с персидским царем и илотами был привлечен спартанскими властями к суду. Опасаясь расправы, он укрылся в храме Афины Меднодомной, был там заперт и умер голодной смертью (467 г.). В свою очередь афинянин Фемистокл, разгромивший персов в морском сражении при Саламине (480 г.), также поплатился за свое высокомерие и за связь с Павсанием. Он был привлечен к суду в Афинах, подвергся ostracism (471 г.), а затем за пределами Афин, преследованию со стороны спартанских властей и, в конце концов, вынужден был искать убежище в Азии при дворе персидского царя. Все три скандала – с Мильтиадом, Павсанием и Фемистоклом – были спровоцированы непомерным честолюбием названных политиков, но, помимо реакции на их поведение со стороны гражданского общества, в каждом случае присутствовали также интриги соперничавших с ними знатных кланов.

В эпоху высокой классики (вторая половина V в. до н.э.) примечателен конфликт Перикла и его окружения с афинским гражданским обществом,

конфликт, который вылился в серию судебных процессов, направленных сначала на близких Периклу людей (Фидий, Анаксагор, Аспазия), а затем и на него самого. Во всех этих процессах, помимо реакции со стороны народной массы, относившейся с подозрением к чрезвычайному возвышению Перикла и его друзей, конкретными пружинами судебного разбирательства служили происки политических соперников афинского лидера.

Время Пелопоннесской войны (431–404 гг.), помимо процесса против Перикла, состоявшегося еще в самом начале военных действий, отмечено целым рядом других громких скандалов, где судебное разбирательство, вызванное объективными причинами, переплеталось с низкими закулисными интригами. Это, во-первых, судебное дело против святотатцев, осквернивших гермы и мистерии, куда был вовлечен также и новый честолюбивый политик Алкивиад (415 г.). Затем, после катастрофического поражения афинян в Сицилии, скандальное осуждение стратегов – победителей при Аргенусских островах, подстроенное сторонниками олигархии во главе с Фераменом (406 г.), а еще позднее, после окончательного поражения афинян в войне и установления олигархического правления Тридцати, раскол в правящей верхушке и осуждение лидера умеренных Ферамена стараниями экстремистски настроенного Крития (404/3 г.). Завершает этот ряд громких скандалов знаменитый процесс над Сократом, обвиненным в религиозном нечестии и развращении юношества. Нечего и говорить о том, что этот процесс был своего рода актом мести афинской демократии по отношению к философу, в котором не без основания видели одного из виновников пережитых в конце войны несчастий. Как и предыдущие дела такого же рода, судебный процесс над Сократом замечателен сложной комбинацией различных инициатив. Непосредственным инициатором обвинения Сократа выступал поборник демократических и, шире, полисных устоев Анит, а общим недоброжелательным по отношению к философу фоном служила консервативная (если не сказать косная) народная масса.

Ко времени Пелопоннесской войны относятся еще два показательных судебных дела, которые надо считать первыми известными в истории процессами над военными преступниками. Первый из них состоялся в Сиракузах в 413 году, когда в сиракузском народном собрании судили взятых в плен финских военачальников Никия и Демосфена. Им ставилось в вину ничем не мотивированное нападение на мирный сицилийский город. Хотя оба они в свое оправдание ссылались на волю пославшего их в Сицилию афинского правительства, сиракузяне отказались принять это во внимание, признали афинских полководцев виновными в агрессии и присудили их к смертной казни. Второй процесс (если, конечно, краткое разбирательство и скорая расправа могут считаться судебным процессом) состоялся на берегу Геллеспонта после разгрома спартанским полководцем Лисандром афинского флота в 405 году. Пленные спартанцами афиняне, и в первую очередь стратеги и триерархи, были обвинены в бесчеловечном обращении с пленны-

ми пелопоннессцами и все были казнены. Нет нужды говорить о том, какое большое историческое значение, особенно в плане судебной типологии, имеют эти два примера мести победителей в отношении побежденной стороны. К этому надо добавить еще один пример – обсуждение победителями-пелопоннессцами судьбы капитулировавших в 404 году Афин, когда союзники Спарты фиванцы и коринфяне предлагали уничтожить город Афины, а его население продать в рабство. Однако, к счастью для европейской цивилизации это жестокое предложение не было поддержано спартанцами, и очаг античной культуры был пощажён.

Надо, впрочем, заметить, что названные процессы над военными преступниками не стали предметом специального обозрения в настоящей монографии. Это относится также и к тем судебным процессам, которые нам известны из истории поздней классики и раннего эллинизма. Так не были включены в обозрение судебные тяжбы между лидерами македонской и антимакедонской группировок в Афинах в 40-е и 30-е годы IV века (известные нам в первую очередь по речам Демосфена и Эсхина процессы о преступном посольстве и о венке), равно как и позднейшее судебное разбирательство по поводу расхищенных денег Гарпала.

В истории раннего эллинизма обойдены молчанием дела, связанные с расправой Александра Великого над оппозицией в его армии (дело так называемых пажей и связанное с ним другое дело – Филоты и Пармениона). Из сюжетов зрелого эллинизма в книге представлены эпизоды из истории македонского царя Филиппа V, в частности скандальное соперничество сыновей Филиппа Деметрия и Персея.

Гораздо полнее представлен в монографии ряд примеров интересующей нас судебной практики из римской истории. Конечно, надо принять во внимание, что в древнем Риме становление правильной государственной организации, равно как и суда, происходило более медленно, чем в Греции. В то время как в этой последней, в частности в Афинах, государственная структура, включая и суды, сложилась еще в архаический период, по крайней мере к VI в. до н.э., в Риме этот процесс завершился лишь в ходе борьбы патрициев и плебеев, точнее к началу III в. до н.э. Вместе с тем римская общественно-политическая жизнь уже в период Республики отличалась большей интенсивностью и, в соответствии с национальным характером римлян, большей жестокостью, что нашло отражение в умножающихся случаях внесудебной расправы. Ранним примером последней может служить расправа над царем-реформатором Сервием Туллеем во второй половине VI века учиненная его дочерью и зятем, будущим последним царем Тарквинием Гордым. В период ранней Республики череда политических интриг и судебных процессов нарастала с каждым столетием, поначалу еще в условиях достаточно примитивного политического быта. Примерами могут служить судебные процессы над автором первого аграрного законопроекта Спурием Кассием в первой половине V в., над членом комиссии децемвиров Аппием Клавдием в сере-

дине того же столетия, над прославленным защитником Капитолия Марком Манлием в начале IV в.

Время расцвета римской Республики отмечено противостоянием консервативного сената и братьев Сципионов, из которых старший – победитель Ганнибала Публий – тревожил римское гражданство необычайным ростом своего политического влияния и авторитета (начало II в. до н.э.). Судебный процесс, затеянный против братьев после азиатской кампании, хотя и не стал для них полной катастрофой, но все же остановил их дальнейшее возвышение. Так или иначе, вереница этих судебно-политических конфликтов характеризовалась все возрастающим противодействием консервативной верхушки римского общества исполненным опасного популизма инициативам честолюбивых политиков.

Особого накала это противодействие достигает в период поздней республики, в эпоху Гражданских войн (конец II-I в. до н.э.). При этом политико-судебные коллизии, развязанные личным честолюбием политиков, довольно быстро приобретают более широкий размах, перерастая в столкновения новых, формирующихся в ту пору группировок оптиматов и популяров. Так было в случае с братьями Гракхами, реформаторская инициатива которых натолкнулась на принципиальную оппозицию консервативного нобилитета, следствием чего была гибель обоих реформаторов в результате внесудебной расправы.

Яркие примеры политических интриг и спровоцированных ими судебных процессов демонстрирует нам последний век Республики. Характерный пример – заговор Катилины и сомнительные с правовой точки зрения осуждение и расправа над его участниками, учиненные консулом 63 года, знаменитым оратором Цицероном. Это же столетие изобилует случаями внесудебных или квазисудебных расправ. Таковы были проскрипции, проведенные в 80-х годах Суллой, а сорок лет спустя участниками второго Триумvirата Октавианом и Антонием. Примером большой политической интриги, обошедшейся без судебной процедуры, стал заговор, составленный частью сенаторов против Юлия Цезаря, завершившийся убийством диктатора.

Эта кровавая линия находит продолжение и в эпоху Империи. Ярчайшие примеры – заговор Сеяна против Теберия и заговор Кальпурния Пизона против Нерона. Заговоры эти носили сомнительный характер в том смысле, что никаких практических шагов со стороны заговорщиков в источниках обнаружить невозможно. Но даже видимость сплочения оппозиционеров и начало их конспиративной деятельности пугали носителей авторитарной власти, которая жестоко расправлялась с подозреваемыми в заговоре. В этой связи нельзя не упомянуть также о широко практиковавшейся квазисудебной расправе с неугодными лицами под предлогом уличения в оскорблении императорского величия (*crimen laesae maiestates*). Для характеристики политического климата в эпоху Империи показательна судьба выдающегося политика и военачальника Агриколы, который в правление Домициана не раз подвергался опасности преследования из-за своих военных успехов и популярности.

Проведенный обзор показывает, какой богатый материал по части политических интриг и судебных процессов таит в себе античная история. Подготовленная к изданию монография содержит ряд этюдов, иллюстрирующих это положение с достаточной, хотя и не исчерпывающей, полнотой. За пределами обзора остались многие эпизоды, но требовать здесь совершенной полноты было бы нецелесообразно. Охватить весь богатейший исторический материал в рамках одного издания было бы невозможно. В заключение признаемся, что сама тема была навеяна знакомством с изданием, подготовленным базельскими профессорами Л. Буркхартом и Ю. фон.Унгern-Штернбергом «Большие судебные процессы в древних Афинах» (Grosse Prozesse im antiken Athen / Hrsg. von L.Burckhardt und J. von Ungern-Sternberg. München, 2000). Нам представляется, что предлагаемая вниманию читателей новая коллективная монография может послужить полезным продолжением начатого швейцарскими коллегами исследования.

Э.Д. ФРОЛОВ, август 2015 г.

I. Античная Греция

О.Ю. Владимирская

Судебные процессы против Мильтиада Младшего

Мильтиад Младший, сын Кимона Коалема, знаменитый предводитель афинян при Марафоне дважды предстал перед афинским судом. Впервые – когда вернулся на родину в 493 г. до н.э. из своих владений на Херсонесе Фракийском, во второй раз – после провала Паросской экспедиции в 489 г. до н.э. Об этих судебных процессах в источниках содержится мало сведений, и чтобы можно было их интерпретировать, обратимся к историческому контексту и судьбе Мильтиада до его возвращения в Афины.

Знаменитый полководец принадлежал к роду Филаидов, одному из самых знатных родов в архаических Афинах; назвали его по имени дяди, Мильтиада Старшего. Тот в свое время не пожелал оставаться в Афинах под властью Писистрата и, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, основал поселение афинян на Херсонесе Фракийском и был там единоличным правителем¹. Мильтиад Младший воспитывался в Афинах отцом, Кимоном Коалемом (Her., VI, 103), а его брата Стесакора приютил в своем владении Мильтиад Старший. О детстве и юности Мильтиада нам ничего не известно. Его отца Кимона Коалема изгнал из Афин Писистрат. За время изгнания он дважды победил в Олимпии в состязании колесниц, передал свою победу тирану и получил возможность вернуться. Позднее он еще раз стал олимпийщиком и был убит сыновьями Писистрата (Her., VI, 103). Мы не знаем, оставался ли Мильтиад в Афинах во время изгнания отца или разделил его судьбу. Известно, что после убийства Кимона «Писистратиды в Афинах дружески обращались с Мильтиадом, делая вид, будто совершенно не причастны к убиению его отца» (Her., VI, 39)². Если убийство Кимона произошло,

¹ Подробнее о Мильтиаде Старшем см.: Владимирская О.Ю. Мильтиад Старший – ойкист: к вопросу о взаимоотношении аристократов и тиранов // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб, 2002. С. 33-42.

² П. Бикнелл считает, что поскольку Писистратиды хорошо обращались с Мильтиадом, они не убивали Кимона Коалема; историю же об убийстве придумали сами Филаиды после падения Гиппия, чтобы доказать, что они никогда не сотрудничали с тиранами: Bicknell P. J. Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. 87. Нам же кажется, что в словах Геродота нет никакого противоречия, и нель-

как предполагает Х.Т.Уэйд-Джери, во время «междоусобицы» после смерти Писистрата, и затем Писистратиды поощряли выдвижение Мильтиада, то он вполне мог стать архонтом в 524/23 г. до н.э. (Dion.Hal., VII,3)³.

Несмотря на благоволение к Мильтиаду, Писистратиды все же были рады от него избавиться, поэтому, когда погиб Стесакор, и афинское присутствие на Херсонесе оказалось в опасности, они послали Мильтиада на смену его покойному брату (Her., VI,39). Впрочем, это можно рассматривать и как проявление доверия к Мильтиаду, если принимать во внимание значение Херсонеса для Афин⁴. К тому же, Херсонес в какой-то мере расценивался и как наследственное владение Филаидов⁵.

Как рассказывает Геродот, «по прибытии, в Херсонес Мильтиад оставался дома, очевидно, для того, чтобы еще раз воздать погребальные почести покойному. Между тем, узнав об этом, властители городов на Херсонесе прибыли отовсюду выразить сочувствие. Когда они собрались все вместе, Мильтиад велел схватить их и бросить в оковы. Так-то Мильтиад захватил власть над Херсонесом» (Her., VI,39). Таким образом, Мильтиад сразу повел себя как тиран, взяв в заложники знатнейших людей Херсонеса. «Он содержал 500 наемников и взял себе в жены Гегесепилу, дочь Олора, фракийского царя» (ibid.). Этой женитьбой Мильтиад, возможно, хотел укрепить свои позиции среди соседей-фракийцев⁶. То был уже второй его брак, от которого родился Кимон (Plut. Cim.,4); первую жену, неизвестную нам по имени афинянку, он, по-видимому, оставил дома, взяв с собой своего старшего сына Метиха.

Мильтиад прибыл на Херсонес около 516 г. до н.э.; в 514-512 гг. состоялся поход Дария на скифов⁷. Вторгнувшись в Скифию, царь поручил охрану моста через Дунай греческим правителям Малой Азии, района проливов и некоторых островов, которые последовали за ним в поход (Her., IV,97-98). Когда истекли установленные Дарием для ожидания дни, и скифы посоветовали ионянам разрушить мост и бросить Дария на произвол судьбы, «афинянин Мильтиад, полководец и тиран херсонесцев, что на Геллеспонте, подал совет послушаться скифов и освободить Ионию» (Her., IV,136-137). Однако боль-

зя столь выборочно (и не приводя убедительных доказательств) относиться к традиции, тогда как следование сообщению Геродота может дать объяснение последующим событиям.

³ Cp.: Meritt B.D. Greek Inscriptions: An Early Archon List // *Hesperia*. Vol. 8. 1939. P. 60-61; A Selection of Greek Historical Inscriptions to the end of the fifth Century B.C. / Ed. by R.Meiggs and D.Lewis. Oxford, 1969. P. 9-11; Wade-Gery H.T. Miltiades // *JHS*. Vol. LXXI. 1951. P. 214, 220; Cadoux T.J. Athenian archons from Kreon to Hysichides // *JHS*. Vol. LXVIII. 1948. P. 110.

⁴ Lewis D.M. The tyranny of the Pisistratidae // *CAH*. 2-nd ed. Vol. IV. 1988. P. 298.

⁵ Graham A.J. The Colonial Expansion of Greece // *CAH*. 2-nd ed. Vol. III. Part 3. 1982. P. 122.

⁶ Ure P. N. The Other Greek World in the 6th Century // *CAH*. Vol. IV. 1926. P. 103.

⁷ How W., Wells J. A Commentary on Herodotos. Vol. 1. Oxford, 1912. P. 492; Wade-Gery H.T. Miltiades. P. 212, 215-216; Lewis D.M. The tyranny of the Pisistratidae. P. 298.

шинство греческих тиранов, связывая интересы своего правления с Дарием, отказалось разрушить мост и погубить царя и его войско.

Отметим, что некоторые исследователи считают эпизод с мостом, или, по крайней мере, предложение Мильтиада вымыслом, сочиненным для защиты перед судом после его возвращения в Афины в 493 г.⁸

Примерно к тому же времени (после 514 г.) относится другое событие, которое косвенно могло повлиять на судьбу Мильтиада. Мы имеем в виду сообщение Фукидида о том, что после убийства Гиппарха Гиппий стал более подозрительным, страшась за свою жизнь, и «начал также обращать взоры за рубеж, надеясь обеспечить себе убежище на случай переворота. В соответствии с этим он выдал свою дочь Архедику за Эантида, сына Гиппокла, лампсакского тирана, так как слышал, что они пользовались большим влиянием у царя Дария» (Thuc., VI, 59, 2-3). По сообщению Геродота (IV, 138), Гиппокл сопровождал Дария в скифском походе и воспротивился предложению Мильтиада разрушить мост. К тому же, Лампсак был первейшим врагом афинского присутствия на Херсонесе: с ним воевал Мильтиад Старший, Стесакор был убит лампсакийцем (Her., IV, 37-38). В связи с этим можно предложить по крайней мере два истолкования подобной династической политики Гиппия. С одной стороны, как пишет П.Юр, породнившись с лампсакским тираном, Гиппий мог обеспечить для Афин (хотя бы на время) то, чего они не достигли войнами: контроль над обеими сторонами Геллеспонта⁹. Х.Т.Уэйд-Джери считает такой шаг Гиппия проявлением решительного разрыва с Мильтиадом. Автору кажется вероятным, что его политика удержать Херсонес за Афинами доказала свою несостоятельность, и Гиппий своим шагом предупредил захват его Лампсаком, имевшим поддержку от персидского царя¹⁰.

Позволим себе высказать свою точку зрения на эти события. Когда Дарий отправился в скифский поход, Мильтиад, вероятно, не мог не принять в нем участия. Однако его отношение к царю было принципиально иным, чем у греков-тиранов, положение которых охарактеризовал Гистией из Милета, отметив, что «каждый из них в настоящее время является тираном в городе милостью Дария. Если же могущество Дария будет сокрушено, то ни он - Гистией - и никто другой уже не сможет сохранить своей власти над городом: ведь каждый город предпочитает народное правление господству тирана» (Her., IV, 137). Мильтиад не нуждался в царе для поддержания своей власти над Херсонесом: прибывая на полуостров, он мог рассчитывать на свои силы и, в какой-то степени, на помощь со стороны пославших его Афин. Присутствие в Европе Дария могло, напротив, только ослабить его позиции; так что если эпизод с мостом даже и является выдумкой, то он может, по-видимому, отражать господствовавшие у греческих властителей настроения.

⁸ Wade-Gery H.T. Miltiades. P. 215; Lewis D.M. The tyranny of the Pisistratidae. P. 298.

⁹ Ure P. N. The Other Greek World... P. 103.

¹⁰ Wade-Gery H.T. Miltiades. P. 216.

Что касается отношений Мильтиада с афинскими тиранами, то до его отправки в колонию Писистратиды благоволили к нему (что было сказано выше). Еще одним примером хороших отношений Мильтиада Младшего, архонта 524/23 г., с Писистратидами может служить замечание Фукидида о том, что тираны оставили афинские законы нетронутыми и «заботились лишь о том, чтобы кто-нибудь из них самих всегда занимал пост архонта» (Thuc., VI, 54, 6). Судя по архонтству Мильтиада, он также входил в это число приближенных к тиранам. Х.Т.Уэйд-Джери делает даже предположение (которое, впрочем, нельзя доказать), что первая жена Мильтиада была из дома Писистратидов, что подтверждает почет, оказанный персидским царем старшему сыну Мильтиада Метиоху, захваченному финикийцами при его бегстве из Херсонеса (Her., VI, 41). Тогда новый брак Мильтиада с дочерью фракийского царя мог означать разрыв с Гиппием и произойти не сразу по приезде его на Херсонес, а после 514 года¹¹. д

Гиппий, чувствуя непрочность своей власти после убийства брата и готовя себе почву для отступления из Афин, не мог не осознавать (особенно после скифского похода), какой силой и влиянием на ионийских греков обладает Дарий (отметим, кстати, что после своего изгнания из Афин в 510 г. Гиппий удалился сначала в свое малоазийское владение Сигей у входа в Геллеспонт, затем в Лампсак, а потом и к царю Дарию (Thuc., VI, 59, 4)). Принимая во внимание персидскую ориентацию Гиппия, а также, вероятно, его желание сохранить контроль над Херсонесом, можно предположить, что выступление Мильтиада, ставленника Гиппия, против Дария не отвечало интересам афинского тирана. Лампсакский тиран Гиппокл, сохранивший верность царю царей, мог рассчитывать на поддержку последнего в своих притязаниях на Херсонес. Так что в этом смысле брачный союз Гиппия с домом лампсакских тиранов был выгоден и в смысле их близости к Дарию, и в смысле сохранения господства над Херсонесом. Однако нам кажется, что альянс с Лампсаком мог и не означать решительного разрыва Гиппия с Мильтиадом: в этом пока не было смысла. Напротив, можно предположить, вслед за П.Юром, что политический ход Гиппия примирил на время Херсонес и Лампсак, что было выгодно и Мильтиаду. Разрыв с Гиппием, по версии Х.Т.Уэйд-Джери, был бы весьма выгоден Мильтиаду, представшему в 493 г. перед афинским судом по обвинению в тирании.

Вернемся к событиям после скифского похода. «Скифские кочевые племена, раздраженные вторжением царя Дария, объединились и дошли до Херсонеса. Мильтиад не стал ожидать вторжения скифов, а бежал в изгнание, пока скифы не ушли и долонки не вернули его назад» (Her., VI, 40). Традиция умалчивает о том, куда бежал Мильтиад от скифского нашествия.

Еще одно деяние Мильтиада в качестве правителя Херсонеса - захват острова Лемнос. Геродот красочно повествует об этом событии в связи с судом над Мильтиадом после неудачной экспедиции на остров Парос, ког-

¹¹ Wade-Gery H.T. Miltiades. P. 219.

да его друзья напоминали о заслугах обвиняемого перед афинским народом (Her., VI, 136-140). Геродот объясняет захват Лемноса наказанием переселившихся туда из Афин пеласгов за убийство похищенных афинских женщин и их детей: после этого злодеяния земля на острове перестала плодоносить, и Пифия повелела пеласгам «дать удовлетворение афинянам, какое те сами им присудят». Афиняне повелели покинуть остров, но пеласги ответили им так: «Когда корабль при северном ветре совершит за один день путь из вашей страны в нашу, тогда мы и отдадим вам свою землю» (Her., VI, 139). «Они знали, - продолжает Геродот, - что это невозможно, так как Аттика лежит гораздо южнее Лемноса. <...> А много лет спустя, когда афиняне владели уже Херсонесом на Геллеспонте, Мильтиад, сын Кимона, во время этесийских ветров, когда они дуют беспрерывно, прибыл на корабле из Элеунта на Херсонесе на Лемнос и приказал пеласгам покинуть остров. При этом он напомнил им изречение оракула, которое, как они думали, никогда не сбудется. Гефестиейцы подчинились, миринейцы не хотели допустить, чтобы Херсонес принадлежал Аттике. Афиняне осаждали их город, пока они не сдались. Так-то афиняне во главе с Мильтиадом овладели Лемносом» (VI, 140).

Итак, Геродот весьма определенно приписывает захват Лемноса Мильтиаду Младшему. Поскольку Корнелий Непот соединяет двух Мильтиадов в одном, трудно понять, к какому из них он относит захват острова. По словам Непота (I, 1), Мильтиад, отправившись выводить колонию на Херсонес, решил подчинить Лемнос власти афинян, но получил тот надменный ответ, который привел Геродот. Захвачен же остров был после военных побед Мильтиада на Херсонесе, когда он приплыл на Лемнос с севера (ibid., I, 2), за чем сразу последовал скифский поход Дария (ibid., I, 3).

В 493 г. Мильтиад был вынужден оставить Херсонес, так как приближался финикийский флот, посланный с карательными целями Дарием для наказания городов, принявших участие в Ионийском восстании. «При известии, что финикияне стоят у Тенедоса, Мильтиад погрузил на пять триер все свои сокровища и отплыл в Афины» (Her., VI, 41). Ему не удалось избежать встречи с финикийцами, но, хотя один корабль был захвачен неприятелем¹², остальным удалось спастись и благополучно добраться до Аттики (ibid.).

Подводя итог деятельности Мильтиада Младшего до его возвращения в Афины, отметим, что уже в начале своего политического пути он проявил себя гибким политиком, умеющим пользоваться обстоятельствами текущего момента. Так, он занимал пост архонта во время правления Писистратидов, но, как только представился удобный случай, покинул свой город и продолжил

¹² Начальником этого корабля был старший сын Мильтиада Меттиох, которого финикийцы доставили к персидскому царю. Вопреки ожиданиям, Дарий не только не причинил ему вреда, но и наделил домом и женой-персиянкой (Her., VI, 41). На основании этого Х.Т. Уэйд-Джери делает предположение о том, что первая жена Мильтиада, мать Меттиоха, была из дома Писистратидов, так как бывший тиран теперь находился при дворе персидского царя. – Wade-Gery H.T. Miltiades. P. 219.

укрепление владений Филаидов на Херсонесе Фракийском, предпочтя не быть под властью тиранов, даже дружественно к нему настроенных. По отношению же к варварам он сам проявил себя жестким политиком, и афиняне в какой-то степени справедливо обвиняли его потом в тирании. Однако в условиях единоличного правления смогли развиваться и те его качества, которые впоследствии помогли ему выиграть Марафонскую битву: самостоятельность, решительность, умение трезво оценить ситуацию и извлечь из нее максимум пользы. Позднее стечение обстоятельств и критическая ситуация, в которую попала вся Греция, поставили Мильтиада во главе афинской политической жизни, где он смог полностью проявить свой талант полководца.

Ситуация в Афинах кардинальным образом изменилась с тех пор, как Мильтиад их покинул, отправившись на Херсонес. После реформ Клисфена главенствующая роль в полисе стала отводиться демосу, а аристократия, которая еще долго продолжала занимать лидирующие позиции, вынуждена была подчиниться новым правилам игры. Мильтиад в Афинах начала V в. до н.э. был во многом «гостем из прошлого»: он привык к единоличному правлению, был богат и вряд ли соответствовал новым демократическим нормам своего полиса. По возвращении в Афины Мильтиада привлекли к суду. Геродот (Нер., VI, 104) сообщает об этом так: «... избежав преследования финикийян, он возвратился на родину и чувствовал себя уже в безопасности. Тогда враги схватили его и предали суду по обвинению в тирании на Херсонесе. Однако Мильтиаду удалось оправдаться от этих обвинений, и он по народному избранию был назначен афинским стратегом». За этим кратким сообщением стоит целая картина афинской политической жизни. Этот суд и избрание Мильтиада стратегом стало актом его вхождения в жизнь полиса и признанием его значимости как политика и полководца для Афин того времени: Мильтиад как никто другой знал о персидской угрозе, сталкивался с военными силами персов. Его опыт и качества личности, сформированные за время правления на Херсонесе, как нельзя лучше подходили для роли антиперсидского лидера и полководца, и именно в такой личности нуждались тогда Афины. По мнению И.Е.Сурикова, Мильтиад занял пустующую нишу в афинской политической жизни, а под его «врагами» могли подразумеваться действующие на тот момент в полисе политики: Фемистокл, Алкмеониды и приверженцы Пиистратидов во главе с Гиппархом, сыном Харма¹³. Мы не знаем, кто привлек Мильтиада к суду; можно лишь сказать, что судебные процессы были обычным видом политической жизни демократических Афин, полем, на котором велась игра между политиками и шла борьба за влияние и лидерство в полисе. Через этот процесс Мильтиад стал частью политической жизни Афин и впоследствии сыграл в ней отведенную ему роль победителя персов при Марафоне.

¹³ Суриков И.Е. 1) Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 307-310; 2) Аристократия и демос: политическая элита архаических и раннеклассических Афин. М., 2009. С. 118-128.

Как отмечали еще Ю.Белох и Р.Пельман, главной его заслугой было то, что афиняне встретили врага не за стенами города, а вышли ему навстречу и сразились в открытом бою¹⁴.

Обратимся к Геродоту, главному источнику по этим событиям. Отправляясь походом на Элладу, Дарий послал глашатаев греческим полисам с требованием «земли и воды», то есть покорности царю. Некоторые города подчинились, а спартанцы и афиняне убили послы (Нер., VII, 133). По сообщению Павсания (III, 12, 7), «виновником убийства афинянами пришедших в Аттику послы был Мильтиад», за что его поразил гнев Талфибия, легендарного глашатая Агамемнона. Геродот говорит, что этот гнев был направлен только против лакедемонян и выражался в неблагоприятных предзнаменованиях, Павсаний же прибавляет к ним еще и Мильтиада, однако не уточняет последствий.

Как повествует Геродот, «после подчинения Эретрии персы простояли там несколько дней и затем отплыли дальше к Аттике. <...> Наиболее удобным местом для действий конницы в Аттике был Марафон, к тому же находившийся ближе всего к Эретрии. Туда и вел их Гиппий, сын Писистрата. Узнав об этом, афиняне также двинулись к Марафону. Во главе их войска стояло десять стратегов. Десятый был Мильтиад» (Нер., VI, 102-103).

«Между тем, - продолжает Геродот, - мнения афинских стратегов разделились: одни высказывались против битвы с мидийским войском, так как афиняне были слишком малочисленны; другие же (в том числе Мильтиад), напротив, советовали принять бой. Когда мнения так разошлись и верх стало брать худшее предложение, Мильтиад обратился к одиннадцатому участнику голосования, избранному афинянами по жребию полемархом <...>. Полемархом же был тогда Каллимах из Афин» (Нер., VI, 109). Далее Геродот приводит пламенную речь Мильтиада, убеждающего Каллимаха принять его сторону и дать сражение, ибо в противном случае брожение среди афинян может привести к предательству (ibid.). Полемарх был убежден этими словами и поддерживал Мильтиада; было решено дать бой персам. Затем стратеги один за другим передали свое право на командование войском Мильтиаду, который пользовался среди них наибольшим авторитетом, и выполняли все его распоряжения (Нер., VI, 110; Plut. Arist., 5).

Таким образом, греки по настоянию Мильтиада дали бой врагу и одержали победу, а затем раньше варваров достигли Афин и не дали захватить беззащитный город приплывшему от Марафона персидскому флоту (Нер., VI, 116).

Марафонская битва имела, наряду с военным, огромное моральное значение. Геродот пишет по этому поводу, что афиняне «первыми из всех эллинов <...> напали на врагов бегом и не утрастились вида мидийского одеяния и воинов, одетых по-мидийски. До сих пор даже ведь одно имя мидян

¹⁴ Белох Ю. История Греции / Пер. М. Гершензона. Т.1. М., 1897. С. 283; Пельман Р. Очерк греческой истории и источниковедения / пер. А.С.Князькова. СПб., 1999. С. 123.

приводило в страх эллинов» (Her., VI, 112). Добавим, что эллины не испугались, в первую очередь, персидских лучников и атаковали бегом, стремясь быстро сократить расстояние и лишиться персов того преимущества, которое давал лук.

Что касается Мильтиада, то он «и прежде был в почете у афинян, теперь же, после поражения персов при Марафоне, приобрел еще больше влияния» (Her., VI, 132). Плутарх упоминает о том, что «после сражения с варварами при Марафоне <...> у всех на устах были речи о стратегическом искусстве Мильтиада», и что «трофей Мильтиада» не давал спать Фемистоклу (Them., 3). Павсаний называет Мильтиада «первым благодетелем всего эллинского народа» (Paus., VIII, 52, 1), поясняя, что до него герои «действовали каждый в интересах своего отечества, а не всей Эллады в целом». О почестях, оказанных Мильтиаду, есть сообщения у Корнелия Непота и Павсания. Непот пишет, что «когда в так называемом Пестром портике была написана картина, изображающая Марафонскую битву, то среди десяти полководцев на первом плане изобразили Мильтиада, ободряющего воинов и подающего знак к сражению» (I, 1). Павсаний упоминает находящуюся в Дельфах статую Мильтиада, поставленную из десятины добычи, полученной после победы при Марафоне (Paus., X, 10, 1).

Однако Плутарх замечает, что Мильтиад все же не получил масличного венка, которого он домогался, услышав «хотя и не слишком умные, но все же понравившиеся народу слова: «Когда ты, Мильтиад, в одиночку побьешь варваров, тогда и требуй почестей для себя одного»» (Plut., Cim., 8). Эти слова, прислушайся к ним Мильтиад, могли бы послужить ему предупреждением: теперь в Афинах политик не должен был слишком возвышаться, забывая при этом, что он живет при демократии, где главную роль играет demos. Но аристократы, служа народу (а иначе их существование в демократических Афинах было бы весьма осложнено)¹⁵, продолжали преследовать и личные цели, направленные на укрепление своего положения, пользуясь для этого теми средствами, которые давала им демократия и новая политическая обстановка. Однако положение их, поскольку заключало в себе определенную двойственность, было непрочным: истинные цели и стремления могли проявиться, народ подозрительно относился к чрезмерному усилению любого политика¹⁶, да и борющиеся друг с другом аристократические группировки следили за возможными промахами своих соперников.

Находясь на вершине своей славы и пользуясь огромным влиянием после победы при Марафоне Мильтиад, по словам Геродота, «потребовал у афинян 70 кораблей, войско и деньги, не сказав, однако, на какую землю собирается в поход. Мильтиад объявил только, что афиняне разбогатеют, если последуют за ним, а он, по его словам, поведет их в такую землю, где они лег-

¹⁵ Фролов Э.Д. Политические лидеры афинской демократии // Политические деятели античности, средневековья и нового времени: Межвузовский сборник. Л., 1983. С. 14.

¹⁶ Фролов Э.Д. Политические лидеры афинской демократии С. 15.

ко добудут много золота. <...> Афиняне же прельстились такими посулами и дали корабли Мильтиаду» (Her., VI, 132). С этими кораблями он отправился на остров Парос, осадил город и потребовал 100 талантов контрибуции за то, что «паросцы первыми начали войну, отправив свои триеры вместе с персами к Марафону» (Her., VI, 133).

Представленная Геродотом картина весьма интересна. Поведение Мильтиада явно противоречит принципам демократического общества, где важное значение имеет отчетность лидера перед демосом. Здесь же полководец, принимая все на свою ответственность, сулит народу большие выгоды от неизвестного дела, и характерно, что народ безропотно предоставляет ему все требуемое. Эта ситуация дает нам представление как о становлении народовластия в Афинах, так и о положении военного времени, когда полководец, пользуясь своей славой и общественным настроением, мог существенно влиять на политику государства.

Корнелий Непот излагает иной план этого похода, такой, каким он и должен был быть по законам демократии. «После Марафонского сражения афиняне опять поручили Мильтиаду флот из семидесяти кораблей для наказания островов, помогавших варварам. Командуя этими силами, многие острова он снова привел к повиновению, а некоторые завоевал. Среди прочих не принял его мирных предложений остров Парос, гордый своими богатствами», и Мильтиад стал его осаждать (Nep., I, 7). Но именно описание Геродота является наиболее значимым, так как оно, как нам кажется, описывает ситуацию ближе к той, такой она была, а не к такой, как должна была быть.

Осада Пароса продолжалась 26 дней (Her., VI, 135) и закончилась полным провалом Мильтиада: города он не взял, денег не получил и, раненый, отплыл в Афины. Относительно неудачного окончания экспедиции Геродот передает следующую анекдотическую историю: чтобы взять Парос, Мильтиад должен был войти в один из храмов перед городом и что-то там совершить (что именно, Геродот не знает). Но у дверей святилища его охватил страх, и, не исполнив должного, Мильтиад поспешил назад. Поскольку ограда была заперта, он вынужден был через нее перелезть, но, спрыгнув, вывихнул себе бедро (Her., VI, 134) и после этого отплыл домой. «Судьба определила ему печальную кончину», - заключает Геродот (Her., VI, 135).

Корнелий Непот приводит также довольно курьезное объяснение этой неудачи. «Когда город был уже почти взят, однажды ночью неизвестно почему загорелась вдали на материке роща, видимая с острова. Узрев этот огонь, и горожане, и осаждающие приняли его за сигнал, поданный царскими морями. По этой причине и паросцы воздержались от сдачи, и Мильтиад, опасаясь прибытия царского флота, сжег осадные сооружения и возвратился в Афины ...» (Nep., I, 7).

Некоторые ученые (например, Ю.Белох) рассматривают эту экспедицию как попытку Афин принудить Киклады к отложению от персов и тем самым укреп-

пить свои позиции перед повторным нападением варваров¹⁷. Ю.Белох датирует этот поход следующим годом после Марафонской битвы, то есть 489 г. до н.э.

Несколько по-иному трактуют эту историю Дж.Мунро и Е.Уолкер. Они разбирают три вопроса: дату экспедиции, ее цель и повод к возвращению. Авторы пересматривают устоявшуюся дату (489 г.) и склоняются в пользу осени 490 г., сразу после Марафонской битвы. Целью могла быть организация внешней линии обороны против персов, и, если бы задача Мильтиада была выполнена, такая оборона существовала бы еще до открытия военной кампании в следующем сезоне. Подчинившийся персам Парос был опасным соседом Наксоса, центра антиперсидской оппозиции Киклад, разграбленного Датисом и Артаферном на пути к Марафону (Her., VI, 95-96). Покорив Парос и имея на своей стороне два этих острова, Мильтиад смог бы, по мнению авторов, надеяться на приведение всех Киклад в союз с Афинами. Но этот план разрушило сопротивление Пароса, а начавшаяся зима вынудила Мильтиада снять осаду и вернуться в Афины¹⁸.

Конечно, такая версия имеет право на существование, и цель экспедиции, указанная авторами вслед за Корнелием Непотом, весьма вероятна, но хотелось бы высказать некоторые возражения их теории относительно ее даты и повода к возвращению. Нам не кажется уместным пересматривать дату Паросской экспедиции и считать, что Мильтиад спешил подчинить острова сразу после Марафонской битвы. Во-первых, была осень, и Мильтиад, как опытный полководец, не мог не задумываться о предстоящих зимних бурях и о возможных продолжительных осадах. Во-вторых, следует обратить внимание на важное замечание Плутарха: «все считали поражение варваров при Марафоне концом войны», тогда как прозорливый Фемистокл был скорее исключением из всеобщего умонастроения (Plut., Them., 3). В такой ситуации кажется более вероятным, что экспедиция Мильтиада состоялась в следующем 489 г., когда улеглась эйфория по поводу Марафонской победы, и трезвый взгляд Фемистокла, что борьба с персами еще впереди, стал находить все больше сторонников. В этой связи и возвращение вследствие надвигающейся зимы отпадает, и экспедиция могла закончиться, как пишет Геродот, из-за раны Мильтиада.

Что касается повода для Паросской экспедиции, то, на первый взгляд, сообщение Корнелия Непота вносит в этот вопрос совершенную ясность: наказание островов, подчинившихся персам, и именно для этого афиняне предоставили флот. Но этот поздний автор мог быть не до конца осведомлен в данных событиях и построить рассказ, исходя из своих представлений о необходимых в данной ситуации действиях. В этой связи обращает на себя внимание молчание Геродота о целях похода и указание на то, что Мильтиад не сообщил афинскому народу, куда и зачем он направляется. Отсюда, а также из характера личности самого Мильтиада возникает другое предположение о назначении экспедиции на Парос. Лишившись владения на Херсоне-

¹⁷ Белох Ю. История Греции. С. 286.

¹⁸ Munro J.A.R., Walker E.M. Marathon // C.A.H. Vol. IV. 1926. P. 252-253.

се, Мильтиад решил захватить новое, пользуясь славой победителя персов и доверием афинян. Как отмечает Э.Д.Фролов, у аристократических лидеров афинской демократии существовало стремление, «опираясь на мощь собственного государства, обзавестись личным доменом, как это пытался сделать Мильтиад Младший, предпринявший в 489 г. - за счет и силами афинского государства - нападение на Парос с целью создать себе здесь новое княжество взамен утраченного на Херсонесе Фракийском»¹⁹.

По возвращении в Афины Мильтиада вновь привлекли к суду. Обвинителем выступал представитель влиятельной аристократической семьи - Ксантипп, сын Арифрона, отец Перикла, женатый на племяннице Клизфена Агаристе и принадлежавший через нее к Алкмеонидам. «Он обвинил Мильтиада перед народом за обман афинян. Мильтиад хотя и присутствовал на суде, но сам не мог защищаться, так как бедро у него было поражено воспалением. Он лежал на ложе перед народным собранием, а друзья выступали в его защиту. Они подробно говорили о Марафонской битве и о взятии Лемноса: Мильтиад захватил остров и передал его афинянам. При голосовании народ поддержал Мильтиада, отклонив смертную казнь, но признал виновным и наложил пеню в 50 талантов. После этого Мильтиад скончался от гнояного воспаления бедра»²⁰. А 50 талантов уплатил его сын Кимон» (Нер., VI, 136). Корнелий Непот уточняет, что 50 талантов - та сумма, в которую обошлось снаряжение предоставленного Мильтиаду флота.

Корнелий Непот так объясняет мотивы демоса, характеризуя при этом Мильтиада: «афиняне боялись всякого своего влиятельного гражданина; им казалось, что Мильтиад, часто занимавший те или иные должности, не вынесет положения частного человека, поскольку привычка властвовать должна была возбудить в нем жажду верховной власти. Ведь за все время жизни своей на Херсонесе он был там бессменным повелителем и назывался тираном <...>. Мильтиад пользовался большим авторитетом во всех иноземных государствах, обладал знатным именем и величайшей воинской славой. Учитывая все это, народ решил, что лучше Мильтиаду понести незаслуженную кару, чем афинянам жить в страхе» (Нер., I, 8).

Подводя итог сказанному о Мильтиаде в его взаимодействии с молодой афинской демократией, отметим следующее. Мильтиад – харизматическая личность, лидер, привыкший к решительным действиям, риску и личной ответственности. Благодаря этим качествам, которые в полной мере оформились во время его правления Херсонесом Фракийским, он получил командование в обеих упомянутых кампаниях. Однако они имели противополож-

¹⁹ Фролов Э.Д. Политические лидеры афинской демократии. С. 16; ср.: Berve H. Fürstliche Herren zur Zeit der Perserkriege // Gestaltende Kräfte der Antike. 2 Aufl. München, 1966. S. 247-249.

²⁰ Мильтиад был похоронен на Марафонской равнине; его могилу Павсаний видел рядом с местами захоронения павших в битве афинян: «эти могилы воздвигнуты на месте сражения в честь их выдающейся храбрости» (Paus., I, 32,3-4; 29,4).

ный исход: победа в Марафонской битве была залогом спасения отечества, а полный провал Паросской экспедиции привел к позорному суду и смерти.

Можно сказать, что Мильтиад до конца оставался верен себе: отправляясь на Парос, он ни в чем не обманул афинян, ведь те дали ему флот под залог будущих выгод. Можно также предположить, что в случае удачного исхода экспедиции Афинское государство действительно выиграло бы: приведя Парос под афинское влияние, Мильтиад и сам мог остаться на острове, сохраняя связи с родным полисом и, в то же время, не участвуя в его бурной политической жизни. Но обстоятельства сложились иначе; Мильтиад потерпел поражение и был смертельно ранен, а государство понесло расходы. Нам хочется здесь обратить особое внимание именно на то, как в этой ситуации стала действовать только что оформившаяся афинская демократия. Она сочла необходимым взыскать расходы по суду с умирающего полководца, чьи прежние заслуги перед полисом были неоспоримы.

На такой исход повлиял целый ряд факторов, таких как борьба среди аристократических группировок, не желавших усиления Мильтиада, прошлое стратега и то, что он был «чужим» своему полису, а также яркое проявления основного принципа демократии – главенства народа и, наконец, страх неокрепшего еще строя перед слишком сильным лидером, не привыкшим подчиняться и способным поколебать устои нового порядка. Это последнее обстоятельство, на которое так ярко указал в приведенном отрывке Корнелий Непот, можно было бы отнести к процессу становления демократии, если бы мы не знали судьбы стратегов-победителей при Аргинусских островах в 406 г. до н.э. И в этом последнем процессе, и в событиях, связанных с Мильтиадом можно усмотреть, так сказать, врожденный порок развития такой системы, как демократия. Он заключается в том, что и при главенстве народа оказывается необходимым дальновидный политик, лидер, пользующийся доверием сограждан и способный, по меньшей мере, отвратить народ от принятия недальновидных решений, а в идеале активно взаимодействующий с народом не ради собственной выгоды, а ради блага государства. Такой лидер у афинской демократии был только однажды – это Перикл, при котором она достигла своего «золотого века» - баланса между демосом и его лидером. Но афинская демократия так и не научилась давать своим лидерам право на ошибку, и в том числе и эта черта привела ее впоследствии к кризису.



Политические интриги в Спарте в период Персидских войн: дело Павсания

Краткий обзор источников

О драматических событиях, связанных с Павсанием, мы узнаем главным образом благодаря подробному рассказу Фукидида в первой книге его «Истории» (I, 128–134). Этот рассказ имеет явные новеллистические черты, он полон красочных деталей и интригующих подробностей, не очень характерных для суховатого стиля Фукидида. Благодаря исключительному авторитету Фукидида, его общепризнанной беспристрастности и надежности, его экскурс о Павсании долгое время считался достойным доверия. Но начиная с 70 гг. XX в., когда появилась целая серия статей о Павсании, и вплоть до настоящего времени наметилась явная тенденция более критичного отношения к рассказу Фукидида о знаменитом спартанском военачальнике. Однако привычный пиетет по отношению к Фукидиду обязывал к осторожным оценкам¹. Тем не менее многое в экскурсе о Павсании стало казаться подозрительным и даже невероятным, в нем находили противоречия и сомнительные эпизоды. Приведем несколько высказываний на этот счет. Так, Дж. Коуквелл пишет: «Этот рассказ едва ли следует оставить в том виде, как он есть, а от Фукидида с его знанием Спарты можно было бы ожидать большей критичности»². Недоверие к объективности Фукидида высказывает и известный британский антиковед Энтони Пауэлл. По его словам, именно говоря о Спарте, «Фукидид, вероятно, отходит дважды от своих обычных скрупулезных процедур критики: о возрасте спартанской конституции и о деталях падения Павсания. В обоих случаях его рассказ, по-видимому, совпадает с интересами спартанских властей»³.

Видимо, в распоряжении Фукидида имелись документы, исходящие из Спарты: бумаги из архива Павсания или материалы судебного процесса, которые хранились в государственном архиве. Но в руки Фукидида они попали, очевидно, уже обработанными в нужном для спартанского руководства ключе. От-

¹ Как остроумно заметил Рассел Мейгтс, «если бы этот рассказ Фукидида был написан каким-нибудь другим греческим историком, он не был бы воспринят так серьезно» (Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford, 1972. P. 465).

² Cawkwell G. Thucydides and Peloponnesian War. London, 1997. P. 11 и P. 124 f., n. 35.

³ Powell A. Athens and Sparta. Constructing Greek Political and Social History from 478 BC. 2nd ed. London; New-York, 2001. P. 223.

сюда, возможно, появился искаженный образ Павсания, намеренно созданный официальной спартанской пропагандой. В отличие от афинянина Фемистокла, с которым Фукидид явно сравнивает Павсания, для спартанца у него находят-ся только черные краски. Он рисует мрачную картину: у него Павсаний коррум-пированный тиран и предатель, который ради собственных целей готов подчи-нить Персии всю Элладу. Но тем не менее рассказ Фукидида – ценнейший и са-мый полный источник из всего древнего предания о Павсании. Однако, по всей видимости, в этом рассказе присутствуют следы сознательного искажения изна-чального материала, попавшего уже в таком, искаженном, виде в руки историка. Наша задача – попытаться отделить факты от их интерпретаций и оценить сте-пень возможных искажений, вкравшихся в экскурс Фукидида.

Все остальные источники о Павсании, включая и Геродота, по своей зна-чимости уступают Фукидиду. Однако они дают важный дополнительный ма-териал и расставляют иные акценты. Так, если для Фукидида Павсаний ско-рее отрицательный персонаж, то у Геродота картина не столь однозначна (V, 32; VIII, 3, 2; IX, 64, 1; 76; 78–79; 82; 88). По всей видимости, Геродот узнал многие детали биографии Павсания непосредственно от спартанцев, хорошо помнящих героя Платей. Благодаря своим ксеническим связям с кем-то из видных спартиатов, возможно, Архием, сыном Самия, он имел возможность посещать Спарту (Her., III, 55) и получать информацию из первых рук, при-чем не только официально одобренную. Его источники были менее одиоз-ны и более разнообразны, чем источники Фукидида. В отличие от Фукидида он не имел своей целью принизить Павсания ради того, чтобы на этом фоне лучше выглядел Фемистокл.

Из поздних историков, упоминающих Павсания, ту же версию, что и Фуки-дид, но в более сжатом виде, дает Диодор (XI, 39–47), а из латинских авторов – Корнелий Непот. От Диодора (Эфора), видимо, как первоисточника, идет це-лая серия исторических анекдотов о Павсании, легших в основу вульгаты о нем (Diod., XI, 45, 6; Plut. Cim., 6; Paus., III, 17, 8). Яркие эпизоды, отсутствующие у Геродота и Фукидида, приводят историки-антиквары Плутарх (Arist., 23; Cim., 6) и Павсаний (IV, 17, 7–9). По поздним источникам можно проследить этапы создания «легенды» о Павсании с нагнетанием все более шокирующих и экстра-вагантных подробностей, отсутствующих у Геродота и Фукидида⁴.

Контакты Павсания с персами во время первого пребывания в Византии

До 478/477 г.⁵ верховное командование в Эллинском союзе принадлежа-ло Спарте. Но по целому ряду причин, главным образом из-за активной по-

⁴ Например, сообщение, что Павсаний в бытность свою в Византии убил Клеони-ку, девушку из знатной местной семьи, и так и не смог очиститься от этого оскверне-ния (Plut. Cim., 6; Paus., III, 17, 7–8), или что мать Павсания лично положила первый кирпич у входа в храм, где скрывался ее сын (Diod., XI, 45, 6–7).

⁵ Здесь и далее имеются в виду даты до н. э., если нет иных указаний.

зиции Афин, верховенство Спарты в войне против персов к 478/477 г. стало уже анахронизмом. Эта метаморфоза отчасти объясняется как негибкой политикой спартанских властей, так и грубым обращением с союзниками спартанского командующего Павсания (Нер., VIII, 3, 2).

Прежде чем перейти к анализу традиции о Павсании (а он является ключевой фигурой в спартанской политике 70-х гг. V в.), напомним начальные этапы его карьеры. Павсаний принадлежал к царскому дому Агиадов. Он был сыном Клеомброта и отцом будущего царя Плистоанакта (Thuc., I, 94; 107; III, 26; V, 19; Schol. in Aristoph. Equ., 84). После смерти отца Павсаний в 479 г. стал опекуном своего малолетнего двоюродного брата Плистарха (Нер., IX, 10; Diod., XI, 29, 4; Paus., III, 4, 9–10). Тогда же он возглавил союзную греческую армию и одержал победу над персами при Платеях (Нер., IX, 19–88; Plut. Arist., 14–20; Diod., XI, 29, 4–32)⁶. Весной 478 г. Павсаний, продолжая теперь уже наступательную кампанию против персов, поплыл во главе греческого флота сперва на Кипр, а затем в Геллеспонт.

Союзная греческая армия во главе с Павсанием освободила от персов Византий в 478 г. По всей видимости, Павсаний с флотом союзников остался там зимовать и, пусть на короткий срок, стал фактическим правителем города. Он, пользуясь своим положением, сумел оказать ряд важных услуг персидскому царю и благодаря этому наладить личные контакты с Ксерксом (Thuc., I, 128; Diod., XI, 44, 3; Нер. Paus., IV, 2). Так, Павсаний по собственной инициативе вернул царю нескольких его родственников, которые попали в плен после взятия союзным греческим флотом Византия. Из текста Фукидида следует, что Павсаний действовал тайно как от союзников, так и от собственных властей (I, 128, 5). Благодаря стараниям Павсания между ним и Ксерксом началась переписка.

Фукидид даже цитирует два письма из этой переписки (I, 128, 6; 129, 3), что свидетельствует о том, сколь большую важность историк придавал этим документальным материалам. Персидскому царю Павсаний представляется, прежде всего, как предводитель Спарты, ἡγεμὼν τῆς Σπάρτης, а не как властитель Эллады, ἄρχων Ἑλλάδος (как он сам себя назвал в одной посвященной надписи) (Nymphis ap. Athen., XII, 50, 536a). Эта самоидентификация (конечно, если письма аутентичны) проливает свет на приоритеты Павсания и на его понимание собственного места в общем раскладе сил. В ответном письме царь, пообещав Павсанию военную и финансовую поддержку, послал ему свое доверенное лицо – Артабаза, через которого впредь и надлежало вести все переговоры.

⁶ Хотя никаких точных сведений о дате рождения Павсания не сохранилось, но, судя по некоторым косвенным данным, в 479 г. он был еще сравнительно молодым человеком. Во всяком случае, как полагают некоторые исследователи, его сыну Плистоанакту, в 446 г. было около 25 лет (Plut. Per., 22, 1) (White M. E. Some Agiad dates: Pausanias and his sons // JHS. Vol. 84. 1964. P. 149; Powell A. Athens and Sparta. P. 106 f.).

Из ясного и недвусмысленного свидетельства Фукидида следует, что Павсаний вступил в отдельные переговоры с Ксерксом⁷, будучи еще военачальником воюющей с Персией греческой армии. Это случилось в 478 г., во время его первого пребывания в Византии⁸.

Те антиковеды, которые склонны, с одной стороны, видеть в Павсании «козла отпущения», а с другой – относиться с излишней критичностью к рассказу Фукидида о Павсании, уверены, что письма к царю и от него были подделаны по распоряжению спартанских властей и затем в нужный момент подброшены. Аргументы в пользу такой версии, как правило, не очень убедительны. Так, М. Лэнг утверждает, что переписки в действительности не было только на том основании, что, как она думает, Павсаний не рискнул бы хранить у себя дома подобные улики⁹. Более основательны соображения А. Блэмайра. Он полагает, что поскольку эти письма не фигурировали на суде как вещественные доказательства вины Павсания, а, судя по реплике Фукидида, были обнаружены позже (I, 128, 6), то «должно быть, они появились на свет после его смерти. В подобных обстоятельствах велика вероятность, что письма были сфабрикованы...»¹⁰. Стоит ли говорить, что аргументы А. Блэмайра не настолько убедительны, чтобы на их основании отвергать сам факт переписки Павсания с Великим царём, ясно засвидетельствованный Фукидидом.

Гиперкритики отвергают и предание о сватовстве Павсания к персидским аристократам (Thuc., I, 128, 7; Diod., XI, 44, 3; Her., V, 32). В качестве примера приведем высказывание исследователя из Болоньи А. Дженовы, который отрицает достоверность обоих вариантов матримониальных планов Павсания. По его словам, «брак с дочерью сатрапа и брак с дочерью Великого царя могут прекрасно представлять две линии одной и той же вульгаты, которая в действительности была создана в Спарте...»¹¹. Вариант Фукидида, как думает А. Дженова, стал каноническим, поскольку казался более скандальным, а значит и более подходящим для распространения, чем версия Геродота. А. Дженова, отрицая традицию, прибегает к теории заговора, согласно которой почти

⁷ Напомним, что пальма первенства в такого рода переговорах принадлежит афинянам. Они в 507 г. отправили в Сарды посольство к персидскому сатрапу Артаферну. Афинские послы, вероятно, не очень понимая последствия своего решения, согласились дать ему «землю и воду» (Her., V, 73), т. е. признали, по крайней мере формально, подчинение Афин Персии.

⁸ Сошлемся на авторитетное мнение У. Карштедта, Г. Шефера и Дж. Лейзенби (Kahrstedt U. Sparta und Persien in der Pentekontaetie // Hermes. Bd. 56. 1921. H. 3. S. 324; Schaefer H. Pausanias // RE. Bd. XVIII. Hbhd. 36. 1949. Sp. 2568; Lazenby J. F. Pausanias, Son of Kleombrotos // Hermes. Bd. 103. 1975. H. 2. P. 239).

⁹ Lang M. L. Scapegoat Pausanias // Classical Journal. Vol. 63. 1967. № 2. P. 84.

¹⁰ Blamire A. Pausanias and Persia // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. 11. 1970. № 4. P. 301 f.

¹¹ Genova A. Ancora su Pausania. Tra le righe di Tucidide // Talaros. Bologna, 2012. P. 13 (<http://talaros.altervista.org/alterpages/.../Pausania.pdf>).

все обвинения против Павсания были сфабрикованы эфорами и использовались как важный элемент направленной против Павсания пропаганды. Фукидид в его статье предстает легковверным потребителем наглых измышлений, рожденных в коварных умах спартанских лидеров. Но подобные рассуждения верны лишь отчасти. Конечно, правящая элита, стремясь очернить Павсания, как до, так и после его страшной гибели, прибегала ко всякого рода фальсификациям и роспуску ложных слухов, но это не дает права исследователям считать выдумкой всю традицию о контактах Павсания с персами.

Мы не видим весомой причины отвергать сведения Геродота и Фукидида о матримониальных планах Павсания. Конечно, когда эфоры собирали улики против Павсания, возможно, уже после его гибели, они могли использовать оказавшиеся в их распоряжении свидетельства, как устные, так и письменные, для доказательства факта его предательства. Но вряд ли они полностью выдумали сам сюжет об его предполагаемой женитьбе на знатной персиянке. Спартанские власти могли по-разному трактовать те или иные события или свидетельства в зависимости от политической конъюнктуры, но они никогда, насколько нам известно, не рисковали полностью их фабриковать.

Позиция спартанских союзников в деле Павсания

Мы полагаем, что спартанское правительство, остановив свой выбор на Павсании в качестве стратега Эллинского союза, было готово оказывать ему всяческую поддержку, закрывая глаза на мелкие, с их точки зрения, проступки своего протеже. После Платей эта поддержка стала безусловной. От Павсания кроме военных успехов требовалось только одно – лояльность по отношению к спартанским властям. И Павсаний долгое время эту лояльность проявлял. Он продолжал оставаться дисциплинированным спартиатом, безоговорочно подчиняющимся приказам, исходящим из Спарты. Стоит напомнить, что оба раза, когда эфоры отзывали его, сперва из Византия, а затем из Колон в Троаде, он немедленно возвращался в Спарту, хотя и догадывался, что там его ждет судебное разбирательство (Thuc., I, 95; 131, 1). Степень его свободы, как и любого гражданина, была жестко ограничена ценностными установками спартанского общества, куда прежде всего входило требование беспрекословно подчиняться вышестоящим.

Эфоры фактически предоставили ему *carte blanche* в его отношениях с членами Эллинского союза и первое время никак не реагировали на их жалобы, в том числе и по поводу возмутительной дельфийской надписи, в которой он объявил лично себя победителем при Платеях (Thuc., I, 132, 2 = Simonid., 17 Page)¹². И только тогда, когда поднялась волна протестов и воз-

¹² Этот дар Дельфийскому Аполлону представлял собой высокую спиралевидную колонну в виде трех бронзовых змей, на чьих головах стоял треножник из чистого золота (Her., IX, 81). В какой-то части этого монумента была вырезана посвятельная эпиграмма Павсания. Сама змеевидная колонна была вывезена в Константинополь. В настоящее время стоит там на ипподроме. Дж.-П. Баррон, автор статьи в САН, заметил, что «на змеевидных кольцах начертан в некотором смысле уникальный текст –

ника реальная угроза для спартанской гегемонии, властям пришлось предпринять какие-то меры по успокоению возмущенных союзников. Эфоры попытались замять скандал, приказав «тотчас же выскоблить с треножника» это двустилие с именем Павсания и «взамен вырезать имена всех городов», участвовавших в битве (Thuc., I, 132, 3)¹³. Но когда в союзном войске начался настоящий мятеж, направленный против главнокомандующего (Plut. Arist., 23, 5), спартанцы, дабы «сохранить лицо», срочно отозвали Павсания домой, сместили с должности наварха и судили по обвинению в государственном измене (Thuc., I, 94–95; 128; 130; Her., V, 32; Diod., XI, 44; Plut. Arist., 23; Cim., 6).

Суд над Павсанием и отказ Спарты от руководства Эллинским союзом

Эфоры, если не было особоотягчающих обстоятельств, как правило, вяло реагировали на жалобы спартанских союзников и сквозь пальцы смотрели на эксцессы своей военщины. Изредка спартанским властям приходилось как-то успокаивать общественное мнение, отзывая домой того или иного особенно «отличившегося» спартанца. Но за это не приговаривали к смерти или изгнанию. Так что Павсаний, отозванный в Спарту, по всей видимости, весной 477 г.¹⁴, беспрекословно подчинился приказу эфоров, не испытывая, по-видимому, серьезных опасений за свою жизнь. Часть спартанцев, прежде всего молодежь (νεώτεροι), встретила его восторженно как великого полководца (Diod., XI, 50, 3), и он, по словам Фукидида, приобрел в Спарте даже больше сторонников, чем мог ожидать. Поддерживали его и некоторые эфоры (Thuc., I, 134, 1). Заметим, что если бы Павсаний считал свое поведе-

список «тех, кто сражался в войне», причем присутствие здесь некоторых имен столь же трудно объяснимо, как и отсутствие некоторых других. Наиболее вероятное предположение состоит в том, что все данные, происходящие от времени, когда спартанские власти выскоблили надпись Павсания и заменили ее своей собственной, а также пропуски в списке, отражают политические реалии этого более позднего времени» (Баррон Дж.-П. Освобождение Греции // Кембриджская история древнего мира. Т. IV. Персия, Греция и Западное Средиземноморье / Под ред. Дж. Бордмэна и др. / Пер. с англ. А. В. Зайкова. М., 2011. С. 705–740).

¹³ Неприятная для спартанцев история с выскабливанием посвяtitельной надписи запомнилась, и впредь спартанские цари и военачальники были более осторожны. Так, наварх Лисандр после победы при Эгоспотамах подобно Павсанию преподнес свой дар в Дельфы (Tod² № 95; ср.: Plut. Lys., 18, 1–2; Paus., X, 9, 7). Но его памятник представлял собою сложную композицию: статую наварха, увенчанного Посейдоном, окружали статуи наиболее отличившихся спартанцев и членов спартанской симмахии. А осторожный царь Агесилай вообще запретил союзникам ставить в его честь какие-либо статуи (Plut. Apophth. Lac., 2, 26 = Mor., 210 D–E; ср.: Plut. Ages., 2).

¹⁴ Lippold A. Pausanias von Sparta und die Perser // RhM. Bd. 108. 1965. H. 4. S. 324; Loomis W. T. Pausanias, Byzantion and the Formation of the Delian League: A Chronological Note // Historia. Bd. 39. 1990. H. 4. P. 491, n. 21.

ние за границей противоправным и опасался, что ему могут предъявить обвинение в государственной измене, то, скорее всего, он предпочел бы остаться за границей.

В Спарте Павсаний предстал перед судом¹⁵. Судя по отдельным деталям, реакция властей носила чисто формальный характер, и по самым опасным для него обвинениям Агиад был оправдан. Само судебное разбирательство, как полагает Э. Эндрюс, было скорее формой перестраховки¹⁶. Фукидид дважды в своей «Истории» упоминает об этом суде. Первый раз достаточно подробно, а второй – лаконично, буквально в двух словах: «... спартиаты привлекли его к суду, но оправдали» (I, 128, 3). Фукидид разъясняет, что Павсания, однако, оправдали не полностью. Он был частично осужден, но, как указывает историк, «только за злоупотребления против частных лиц. А от главных обвинений в государственных преступлениях ему удалось оправдаться». В конце рассказа о суде над Павсанием Фукидид добавляет предложение, которое производит впечатление комментария к предыдущей фразе: «Обвиняли же его в основном в приверженности к персам (μηδισμός) и это обвинение казалось весьма достоверным» (I, 95, 5 / Пер. Г. А. Стратановского с нашими небольшими изменениями)¹⁷. Μηδισμός у Фукидида и есть основной пункт «главных обвинений»¹⁸. Обвинение в мидизме само по себе достаточно расплывчатое. По словам И. Е. Сурикова, «мидизм» – это «пропагандистский ярлык, под который при желании можно было подвести весьма широкий круг явлений: не только прямую персидскую измену как таковую или сотрудничество с “мидянами”, но и, скажем, просто приверженность персидскому образу жизни»¹⁹. Если до военного столкновения с персами внешние проявления мидизма только раздражали рядовых граждан, то во время войны они вполне могли стать поводом для судебного преследования. Это, вероятно, и случилось с Павсанием. Фукидид дает нам представление о том, что конкретно так возмущало спартанских союзников в поведении их военачальника: он, «не доволь-

¹⁵ Периетет Павсаний следующим образом описывает состав суда, полномочного судить царей (и, вероятно, членов царских домов): «В суде над лакедемонским царем заседают так называемые геронты, двадцать восемь человек, вся коллегия эфоров, а вместе с ними и царь из другого царского дома» (III, 5, 2 / Пер. С. Кондратьева).

¹⁶ Andrewes A. Spartan imperialism? // Imperialism in the Ancient World / Ed. by P. Garnsey. Cambridge, 1978. P. 93.

¹⁷ Цитаты из Фукидида здесь и далее приводятся в переводе Г. А. Стратановского.

¹⁸ У А. Липпольда сложилось впечатление, что последнее предложение о мидизме Павсания было добавлено позже и не содержалось в первоначальном рассказе о процессе (Lippold A. Pausanias von Sparta und die Perser. S. 324).

¹⁹ Суриков И. Е. Античная Греция: политика в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 2008. С. 160. О происхождении и значении термина «мидизм» см. особенно: Graf D. F. The Origin and Significance of the Term // JHS. Vol. 104. 1984. P. 15–30; Рунг Э. В. Феномен мидизма в политической жизни классической Греции // ВДИ. 2005. № 3. С. 14–35.

ствуясь прежним простым образом жизни, стал носить мидийское платье и после отъезда из Византия ехал через Фракию в сопровождении мидийских и египетских телохранителей; он завел роскошный персидский стол...» (I, 130, 1). Подобный *modus vivendi* был несовместим с нормами поведения, предписанными спартиату, как бы высоко тот ни стоял. Так что Павсания, скорее всего, судили именно за внешние проявления мидизма²⁰, которые так раздражали и самих спартанцев и их союзников и были абсолютно неуместны во время войны с Персией. Э. В. Рунг, говоря об индивидуальном мидизме, обратил внимание на то, что эпизод с Павсанием в изложении Фукидида стал первым в греческой практике официально сформулированным обвинением в мидизме, подкреплённым соответствующими доказательствами²¹. Что касается существа дела – частных контактов Павсания с персидской стороной – то, вероятно, эта тема не поднималась. Как нам представляется, переписка Павсания с Великим царем не была тайной для спартанского правительства, или, по крайней мере, для некоторых его членов, причастных к этой стороне деятельности наварха. Но подобный сюжет, по крайней мере на тот момент, не мог стать предметом открытого судебного разбирательства. Спартанские власти тщательно охраняли свои тайны, особенно касающиеся сепаратных переговоров с врагом.

Важную деталь относительно суда над Павсанием добавляет Корнелий Непот. По его словам, Павсания «освободили от обвинения, грозящего смертью, но оштрафовали» (Paus., 2, 6: *accusatus capitis absolvitur, multatur tamen pecunia*). Этому свидетельству К. Непота, скорее всего, можно доверять. Оно не противоречит, а наоборот дополняет сообщение Фукидида об осуждении Павсания за его преступления против частных лиц. Скорее всего, речь шла о жалобах отдельных командиров союзных отрядов на насильственные действия Павсания (Diod., XI, 44, 5; Plut. Arist., 23). Подобные преступления спартанских военачальников, как правило, наказывались штрафами. Насколько нам известно, спартанских царей и военачальников нередко приговаривали к большим штрафам даже в тех случаях, если в их виновности сомневались (Thuc., V, 63; Diod., XII, 78; Plut. Ages., 2; Schol. ad Aristoph. Nub., 858 f.). Эфоры при этом преследовали две цели: во-первых, они демонстрировали свое всевластие, во-вторых, пополняли вечно пустующую государственную казну.

²⁰ Как видно из контекста, именно в таком значении упоминает мидизм Павсания Афиней: «Подражал Алкивиад и мидизму Павсания (τὸν Παυσανίου μιδισμόν), для разговоров с Фарнабазом одеваясь в персидские одежды...» (Athen., XII, 49, 535e / Пер. Н. Т. Голикевича с нашими небольшими уточнениями). Мода на восточную роскошь издавна была характерна для греческих аристократов, особенно тех, кто проживал в греческих полисах Малой Азии. Так, уже Ксенофан из Колофона (2-я пол. VI в.) осуждал местных аристократов за то, что они, «научившись бесполезной роскоши у лидийцев», выходили на площадь в количестве не менее тысячи человек, щеголяя пурпурными плащами, прекрасной шевелюрой и благоухая ароматами (fr. 3 Diehl).

²¹ Рунг Э. В. Феномен мидизма... С. 32.

В целом благоприятный для Павсания результат суда свидетельствует о том, что его авторитет в Спарте был еще достаточно велик, в том числе и среди полисного руководства. В 477 г. геронты и эфоры, составляющие судебную коллегия, были к нему настроены вполне благожелательно и не имели цели непременно его осудить. Что касается частных исков, то их удовлетворение было реверансом в сторону союзников. Если на этом этапе у Павсания в Спарте и были враги, они оказались в меньшинстве.

Непосредственно с судом над Павсанием связано еще одно важное событие, которое, вероятно, имело место приблизительно в то же самое время. Как утверждает Фукидид, Спарта без всяких возражений и даже с радостью признала законным решение союзников передать Афинам командование объединенными силами Эллинского союза (I, 95, 6). Но афинский историк ничего не говорит о том, кто конкретно ответствен в Спарте за такой исход дела. Ситуацию разъясняет Диодор, который дает свой альтернативный вариант дискуссии, развернувшейся в Спарте. Она, по-видимому, имела место в 477 г., одновременно с судом над Павсанием и отправкой Доркиса ему на смену²² (Диодор ошибочно датирует дебаты 475 г.). Анализ источников приводит нас к выводу, что в спартанском обществе не было полного согласия по поводу внешнеполитического курса и отнюдь не все спартанцы были в восторге от подобной уступки. По словам Диодора, большинство спартанских граждан, особенно молодежь, выступала «за восстановление гегемонии, считая, что, если это сделают, получат много денег, и вообще Спарта станет великой и более могущественной...» (XI, 50, 2–3 / Здесь и далее пер. В. М. Строгоцкого). Но решающим, как обычно, стало мнение старшего поколения, чьи представители сидели в герусии, и Спарта безо всякой борьбы отказалась от своих претензий на гегемонию (Diod., XI, 50, 7).

Диодор в своем рассказе называет по имени геронта, чья речь убедила народное собрание умерить «имперские» амбиции и отказаться от опасной для Спарты конфронтации с Афинами. Это Гетоймарид²³. У Фукидида этих подробностей нет. Вполне вероятно, что Фукидид убрал детали, казавшиеся ему несущественными, а Эфор (Диодор) наоборот их привел: аргументы, которыми оперирует Гетоймарид у Диодора, весьма похожи на аргументы, приведенные Фукидидом (I, 95, 7)²⁴. Свидетельство Диодора о разногласиях в герусии

²² Эфоры, отправляя Доркиса, возможно, еще не знали, что союзники перешли на сторону Афин. Доркис, скорее всего, прибыл в Византий уже после образования Делосского морского союза, т. е. не раньше поздней весны или даже начала лета 477 г. (Loomis W. T. Pausanias, Byzantium and the Formation of the Delian League. P. 492).

²³ В источниках крайне редко упоминаются имена эфоров, а еще реже – имена геронтов в связи с их политической деятельностью. Спартанские политики, за исключением царей и военачальников, как правило, анонимны.

²⁴ Мы не согласны с мнением тех ученых, которые проявляют излишне критическое отношение к сообщению Диодора о Гетоймариде. В качестве примера такой гиперкритики приведем точку зрения Дэвида Льюиса. Он полагает, что вся история с Гетоймаридом и дебатами в народном собрании была придумана или, по крайней

и апелле по поводу спартанской гегемонии кажется нам вполне надежным²⁵.

У Диодора Гетоймарид – аристократ, который подобно спартанским царям ведет свое происхождение от Геракла. Он пользуется «большим авторитетом у граждан благодаря своей доблести» (XI, 50, 6). Это – типичная характеристика знатного спартанца. И роль герусии в данном контексте тоже вполне типична. Совет старейшин в Спарте обладал правом на предварительную дискуссию и на формулирование предложений перед вынесением их для голосования в апеллу (Plut. Agis, 9, 11). Именно благодаря своей пробулеватической функции герусия сумела выработать, а затем провести через народное собрание решение о резком изменении внешнеполитического курса, который выразился в отказе от слишком активной внешней политики и в свертывании морской программы. Дебаты в герусии и апелле свидетельствуют об атмосфере напряженности внутри гражданского коллектива Спарты из-за принципиальных разногласий по самому главному на тот момент вопросу: кто будет стоять во главе союзного флота, спартанец или афинянин. Свидетельство Диодора не оставляет сомнений, что герусия сыграла определяющую роль в этих спорах, настояв на сокращении или даже на полном отказе от внешнеполитической активности.

Такая нехарактерная для Спарты уступчивость, нелепая и немотивированная, с точки зрения Диодора (XI, 50, 1: Λακεδαιμόνιοι τὴν τῆς θαλάττης ἡγεμονίαν ἀποβεβλήκοτες ἀλόγως), конечно, требует разъяснений. Ведь в это время Спарта еще сохраняла реноме самого сильного в военном отношении государства. Недаром в битве при Платеях Мардоний поставил против спартанцев персов, наиболее сильную часть своего многонационального войска (Her., IX, 31). Так что не военная слабость была причиной столь удивительного отказа Спарты от руководства союзной армией. Фукидид объясняет этот акт миролюбия страхом спартанских властей, что «посланные за рубеж полководцы могут быть подкуплены (как это они уже испытали на примере Павсания)» (I, 95, 7). Эту же причину отказа Спарты от гегемонии приводит и Плутарх: «И тут Спарта на деле доказала свое замечательное здравомыслие. Когда лакедемоняне поняли, что слишком большая власть портит их военачальников, они добровольно отказались от главенства и перестали посылать на войну командующих, предпочтя господству над всей Грецией мудрую воздержность граждан и верность их отеческим обычаям» (Arist., 23 / Пер. С. П. Маркиша).

Замечание Диодора относительно расхождения взглядов молодежи и стариков в отношении спартанской гегемонии было истолковано некоторыми

мере, расширена позднее, когда стало модно проецировать в прошлое тему спартанской враждебности к Афинам (Lewis D. Mainland Greece, 479–451 B.C. // САН. 2nd ed. Vol. V. Cambridge, 2008. P. 100).

²⁵ Эту точку зрения на традицию поддержал совсем недавно Рикардо Ваттуоне, специалист по греческой историографии (Vattuone R. Diodoro e la Pentekontaetia // In ricordo di Dino Ambaglio. Atti del convegno: Università di Pavia, 9–10 dicembre 2009 / A cura di Rita Scuderi e Cesare Zizza. Pavia, 2011. P. 20).

учеными как доказательство существования двух политических группировок в Спарте, по-разному относящихся к задачам внешней политики. Так, С. Я. Лурье с одобрением отзывался о господствующей в Спарте партии, которая предпочитала держать наготове все силы для подавления любых выступлений илотов и потому «относилась неодобрительно ко всякого рода внешним авантюрам». Павсаний в его схеме соответственно возглавлял другую партию, стремящуюся к внешней экспансии²⁶. Сторонники свертыwania внешних инициатив, по мнению С. Я. Лурье, «прекрасно понимали, что ведение широкой международной политики потребует пребывания в Ионии большого числа лакедемонян, и притом не только периеков, но и спартиатов. Это не могло не повести прежде всего к тому, что эти люди усвоят новый, чуждый Спарте, образ жизни, новые потребности и демократический образ мысли, и таким образом околеченное полицейское устройство Спарты окажется в опасности»²⁷.

По большому счету С. Я. Лурье прав. Но я бы не стала говорить о каких-либо определенных партиях со своими четко формулируемыми программами и задачами в Спарте периода ранней классики. Борьба происходила скорее внутри незначительной по своей численности спартанской элиты, чье консервативное большинство, возглавляемое герусией, хотело вернуться к политике изоляционизма, отказавшись от внешнеполитических авантюр. Для Спарты это была привычная установка, обусловленная постоянно присутствующим внутренним напряжением из-за наличия в стране огромной массы илотов. Исторический менталитет спартиатов формировался под сильнейшим влиянием угрозы, которая находилась не вне, а внутри государства. Поэтому, как только миновала персидская опасность, сторонники активного внешнеполитического курса оказались в меньшинстве. Победа Гетоймарада означала поражение «ястребов» во главе с Павсанием и значительное ослабление позиций самого героя Платей.

Второе пребывание Павсания в Византии и бегство в Колоны

К сожалению, Фукидид не сообщает никаких подробностей о втором пребывании Павсания в Византии. Известно только, что он снова туда отправился вскоре после оправдания, то есть, вероятно, уже в конце 477 г. Эфоры, видимо, не препятствовали, а возможно, даже и способствовали его отъезду за границу. И это вполне понятно. Властям было выгодно избавиться от присутствия в Спарте амбициозного политика, к тому же имеющего здесь немало сторонников и друзей. Что касается Павсания, то ему также хотелось покинуть Спарту, где он чувствовал себя униженным и связанным по рукам и ногам, пребывая под неусыпным контролем гражданских властей. Он поступил так же, как незадолго до него царь Демарат. Последний, лишившись

²⁶ Лурье С. Я. Примечания к биографии Аристиды, 23 // Плутарх. Избранные биографии / Пер. и коммент. С. Я. Лурье. М.; Л., 1941. С. 381, прим. 85.

²⁷ Лурье С. Я. История Греции: курс лекций / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1993. С. 285.

трона в 491 г. и не выдержав позорного для него прозябания в качестве частного лица, покинул Спарту и оправился в Персию, где на многие годы стал гостем и военным советником персидского царя (Her., VI, 70, 2; VII, 3; Xen. Anab., II, 1, 3).

В Византии Павсаний рассчитывал по-прежнему оставаться на первых ролях: здесь он пользовался большим влиянием благодаря поддержке местного населения. Вдали от Спарты герой Платей мог хотя бы попытаться восстановить свою прежнюю славу и реабилитировать себя в глазах собственных сограждан. Сам Павсаний объявил целью своего возвращения ведение эллинской войны (I, 128, 3). Подобная прокламация, не подкреплённая официальной поддержкой государства и наличием войска, выглядела бы пустой демагогией, если бы за ней не скрывалось нечто большее. Ведь трудно себе представить, чтобы спартиат, принадлежащий к роду Агиадов и являющийся опекуном малолетнего царя, настолько свободно мог располагать собой, что имел возможность покинуть Спарту, не заручившись предварительно одобрением властей.

Фукидид, однако, настаивает, что Павсаний был послан в Византий не государством (*δημοσίᾳ μὲ οἰκέτι ἐξέπεμψε*), а отправился туда по собственному почину (*ἰδίᾳ*), снарядив, вероятно, за собственный счет, гермионскую триеру (I, 128, 3; 131, 1). Очень может быть, что афинский историк, по крайней мере формально, прав: Павсаний действительно не получил никакого официального приказа, и экспедиция в Византий была его личной инициативой²⁸. Но возникает вопрос, зачем Павсаний вообще отправился в Византий, не имея ни полномочий, ни средств «для того, чтобы сражаться за дело эллинов», как он сам заявил (I, 128, 3).

Многие историки сомневаются в свидетельстве Фукидида, что решение отправиться в Византий было частной инициативой Павсания и Спарта к этому никакого отношения не имела. Для доказательства того, что Павсаний был послан государством, часто используют сообщение Фукидида о скитале. Так, польский ученый Дж. Вольский на том основании, что Павсаний имел скиталу в Колонах, куда он бежал, делает вывод, что регент был послан в Византий с тайной миссией следить за путями, ведущими в Черное море²⁹. А. Блэмайр, как впрочем и многие другие исследователи, усматривает в наличии скиталы³⁰ у Павсания ясное указание на то, что «его пребы-

²⁸ Так, думает, например, Питер Родс. По его мнению, после того как Спарта оказалась от дальнейшей активности в Эгеиде, возвращение Павсания в Византий не могло получить официальной поддержки (Rhodes P. J. *Thucydides on Pausanias and Themistocles* // *Historia*. Bd. 19. 1970. H. 4. P. 390 f.).

²⁹ Wolski J. *Pausanias et le problème de la politique spartiate (480– 470)* // *Eos*. Vol. XLVII, 1. 1954. P. 88.

³⁰ Скитала – шифрованное послание на обернутом вокруг палки ремне; для прочтения нужно было вновь обернуть его вокруг палки той же длины и толщины. Скитала считалась элементом официальной переписки эфоров с царями и другими командующими, находящимися вне Спарты.

вание за границей было делом государственным и что он вернулся в Византий не как частное лицо, но для выполнения некоей официальной миссии», а именно, не вступая в открытую конфронтацию с Афинами, всячески вредить их интересам³¹.

Что касается скиталы, то, как нам кажется, она была обязательным атрибутом царей и других спартанских военачальников, вне зависимости от характера их деятельности за границей, и потому ее наличие ничего не доказывает и не является надежным аргументом в споре о характере миссии Павсания в Византии. Мы согласны с Дж. Лейзенби, что «Фукидид, очевидно, не видел противоречия между владением скиталой и частной поездкой Павсания»³². Несущественным элементом в экскурсе о Павсании считает скиталу и П. Родс. По его мнению, это «просто деталь, предназначенная придать художественное правдоподобие в общем-то голому и неубедительному повествованию»³³. Никакого глубоко смысла не видит в скитале и М. Нафисси: «Скитала здесь просто знак официальной власти спартанского посланца»³⁴.

Мы полагаем, что Фукидид, говоря о частном характере поездки Павсания в Византий, привел официальную версию, на которой, особенно после гибели Агиада, настаивали спартанские власти. Конечно, если бы Павсанию удалось удержать Византий и сохранить этот город в ареале спартанского влияния, его действия *post factum*, скорее всего, были бы не только одобрены спартанскими властями, но и объявлены совершенными по их непосредственному указанию. К сожалению, нам приходится только гадать, насколько самостоятельным было решение Павсания покинуть Спарту и отправиться в Византий. Но коль скоро Павсания спокойно выпустили из страны, есть вероятность, что он все же получил хотя бы устные директивы от правительства. Приведем несколько, правда, косвенных, тому подтверждений:

Во-первых, спартанским гражданам запрещалось путешествовать за границу частным образом (Xen. Lac. Pol., 14, 4; Plut. Lys., 27, 3–4; Agis, 11, 2), и вряд ли Павсаний стал исключением из этого правила. Напомним, что Демарат, задумав бежать в Персию, добился разрешения покинуть Спарту только обманным путем: он заявил, что якобы собирается посетить Дельфы (Her., VI, 70). Точно также Лисандр с трудом получил от эфоров разрешение на выезд, сказав, что ему нужно отправиться к храму Аммона (Plut. Lys., 20, 6; 21, 1).

Во-вторых, Павсаний приплыл в Византий на военном корабле, который сам же и снарядил (Thuc., I, 131, 1), что невозможно было сделать в тайне, и оставался за границей достаточно долго. Вряд ли это было возможно без попустительства властей.

³¹ Blamire A. Pausanias and Persia. P. 299.

³² Lazenby J. F. Pausanias, Son of Kleombrotos. P. 241.

³³ Rhodes P. J. Thucydides on Pausanias and Themistocles. P. 390.

³⁴ Nafissi M. Pausania, il vincitore di Platea // Contro le «leggi immutabili»: gli Spartani fra tradizione e innovazione / A cura di C. Bearzot e F. Landucci. Milano, 2004. P. 76, n. 78.

В-третьих, Павсаний был отозван только после того, как бежал в Колонны. Это означает, что эфоры, очевидно, не возражали против его пребывания в Византии.

О характере режима, установленного Павсанием в Византии, мы ничего не знаем, поскольку ни Фукидид, ни другие источники не дают никакой информации на этот счет. Г. Берве полагает, что он был тираническим, поскольку и сам Павсаний, по его мнению, «представляет тип властной, тиранической личности»³⁵. Очевидная легкость, с которой царский опекун второй раз обосновался в Византии, свидетельствует о том, что он пользовался значительной поддержкой местного населения. В этой дорийской колонии, которую в 494 г. в связи с персидской угрозой покинула часть граждан (Her., VI, 33, 2)³⁶, вполне мог возникнуть культ Павсания³⁷ с объявлением его самого героем основателем (ἥρωας κτίστης). Ч. Форнара полагает, что «подобная практика была рутинной процедурой» и в качестве параллели ссылается на Кимона, который, взяв Скирос, дал ему в своем лице нового, афинского основателя (Diod., XI, 60, 2)³⁸. Византием Павсаний, скорее всего, управлял на манер гармоста времен Спартанской империи³⁹. Вероятно, у него были собственные немалые средства и материальная поддержка персов (Ps.-Plut. Parall. minora., 10 = Mor., 308B = Stob. Flor., III, 39, 31; Diod., XI, 44, 4), чтобы обзавестись личной гвардией. Возможно, с собой он вы-

³⁵ Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. I. München, 1967. S. 180 f.

³⁶ Скорее всего, выселились в Месембрию на Черном море в основном торговцы и ремесленники, справедливо опасавшиеся конкуренции со стороны финикийцев. Как отмечает В. П. Невская, до выселения этой части граждан город держался неизменно анти персидской ориентации, а в период Греко-персидских войн Византий стал опорным пунктом персов на Геллеспонте, персидской крепостью с сильным гарнизоном. Большое количество персидской знати, захваченной позже в Византии Павсанием и Кимоном (Plut. Kim., 9), подтверждает факт превращения Византия персами в свой опорный пункт. Местные аристократы были настроены персофильски и, как правило, сотрудничали с персами (Невская В. П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953. С. 63 слл.).

³⁷ Напомним, что в конце Пелопоннесской войны личное влияние и власть спартанского наварха Лисандра были столь велики, что привели к появлению и развитию его культа и даже учреждению (на Самосе) специального празднества в честь Лисандра – Лисандрий (Plut. Lys., 18, 6; ср.: Hesych. и Phot. s. v. Λυσάνδρεϊα).

³⁸ Fornara Ch. Some Aspects of the Career of Pausanias of Sparta // Historia. Bd. XV. 1966. H. 3. P. 268, n. 63.

³⁹ Классический пример такого гармоста – Клеарх. Уже во время первого своего пребывания в Византии в 409/8 г. Клеарх вызвал большое недовольство у граждан, которые «ненавидя тяжесть его господства ..., предали город Алкивиаду» (Diod., XIII, 66, 5). Позднее, в 403 г., он повел себя как классический тиран, устроивший в городе настоящий террор с массовыми убийствами, изгнаниями и конфискацией имущества (XIV, 12, 2–9). Поведение Клеарха во многом способствовало складыванию у греков традиционного образа спартанского гармоста-тирана.

вез и какое-то количество илотов, уже служивших под его началом в армии (Ср.: Нер., IX, 10; 28–29). Граждане Византия, только что освободившиеся с его помощью от персов, вероятно, без каких-либо возражений приняли его власть, тем более что городская верхушка, проявившая мидизм, после поражения персов потеряла свое прежнее влияние. Но поскольку никакими существенными военными ресурсами Павсаний не обладал и не находился уже под защитой Спарты, афиняне должны были быстро и без особого труда выгнать его из такой ключевой базы как Византий (Thuc., I, 131, 1; Plut. Cim., 6, 9). Последние, видимо, воспользовались слухами, которые ходили о контактах Павсания с персами, как предлогом для освобождения Византия от спартанского правителя. Никаких протестов со стороны Спарты не последовало.

Когда это произошло, точно не известно. Предлагают различные даты – от 477 до 470 гг. Единственным серьезным основанием для более поздней датировки является сообщение Юстина-Трога (IX, 1, 3), что Павсаний сохранял господство над городом в течение 7 лет, т. е. с 477 по 471/470 гг.⁴⁰ Целый ряд исследователей, признающих датировку Юстина, соответственно помещают изгнание Павсания из Византия на конец 70-х гг. За позднюю датировку выступал уже Эд. Мейер. По его мнению, афиняне, не желая вступать в открытую конфронтацию со Спартой, решились изгнать Павсания из Византия только после того, как он лишился доверия спартанских властей. Это произошло, как он полагает, не ранее 470 или даже начала 469 г.⁴¹ У. Каршtedт, ссылаясь на Юстина, считает, что афиняне выгнали Павсания из Византия в 471 г. По его мнению, к этому моменту «Спарта отказалась от него, поскольку все, что она ожидала от его деятельности, уже было сделано»⁴². Высказывают целый ряд соображений в пользу поздней датировки и ряд других западных авторов⁴³.

Но большинство ученых, начиная с У. фон Виламовица-Меллендорфа, считают сообщение Юстина абсолютно неприемлемым и полагают, что Павсаний на самом деле был изгнан не позже 476 г. Среди них можно назвать Г. Бенгтсона, А. Блэмайра и Дж. Лейзенби⁴⁴. Они уверены,

⁴⁰ «Впервые этот город был захвачен Павсанием, спартанским царем, и в течение семи лет находился под его властью...» (Justin., IX, 1, 3). Хотя Павсаний назван в этом отрывке царем, однако речь явно идет именно о «нашем» Павсании, поскольку его внук, царь Павсаний, никакого отношения к Византию не имел. Это – одна из многочисленных неточностей Юстина.

⁴¹ Meyer Ed. Forschungen zur alten Geschichte. T. II. Halle, 1899. S. 59 ff.

⁴² Kahrstedt U. Sparta und Persien in der Pentekontaetie. S. 323.

⁴³ Fornara Ch. Some Aspects of the Career of Pausanias of Sparta. P. 268 ff.; Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. I. S. 180; Kinzl K. Pausanias 1 // Der Kleine Pauly. Bd. 4. 1972. Sp. 568–569; Demir M. Pausanias' actions in Byzantium after the victory at Plataea (478–469 BC) // Athenaeum. Vol. 97. 2009. № 1. P. 66 f.

⁴⁴ Wilamowitz-Moellendorf U. von. Aristoteles und Athen. Bd. I. Berlin, 1893. S. 145 f., Anm. 40; Bengtson H. GG². S. 185; Blamire A. Pausanias and Persia. P. 299 f.;

что Юстин ошибся, неправильно поняв свой источник, Помпея Трога⁴⁵. «Мало вероятно, – пишет Дж. Лейзенби, – чтобы афиняне стали терпеть присутствие Павсания в Византии целых семь лет. Византий был жизненно важен для их контроля на пути в Черное море, и едва ли можно поверить, что они стали проявлять толерантность к спартанскому присутствию в этом стратегически важном городе»⁴⁶. С. Я. Лурье также указывает на 476 г. как год взятия Византия Кимоном. По его словам, «афиняне не могли оставить этого ключа к хлебу в руках тирана Павсания и его тайных союзников-персов». Датировку Юстина С. Я. Лурье отвергает как несомненную путаницу и указывает, что это место в рукописи вообще испорчено⁴⁷. Некоторые историки, например, Дж. Джорджини, уверены, что Юстин перепутал Византий с Колонами, когда говорил, что Павсаний оставался в Византии семь лет⁴⁸.

Нам также кажется маловероятным сценарий, согласно которому Павсанию дали бы возможность целых семь лет находиться в Византии. В этом не были заинтересованы, прежде всего, афиняне, уже обладавшие достаточной силой, чтобы освободить этот важный стратегический пункт от спартанского присутствия. Вероятнее всего, Кимон взял Византией в 476 г. Последовательность событий была примерно такая. По свидетельству Фукидида, «сначала афиняне во главе с Кимоном, сыном Мильтиада, осадив, захватили Эйон на Стримоне⁴⁹, который тогда еще был в руках мидян, и продали его жителей в рабство» (I, 98, 1). Это был первый акт союзного флота уже под командованием Кимона. И только позже Кимон направился к Сесту и Византию (Plut. Cim., 9, 2–3), чтобы, наконец, освободить город от спартанского регента. К тому времени и усилиями афинской пропаганды, и неосторожным поведением самого Павсания, давшего немало поводов для резкой критики⁵⁰,

Lazenby J. F. Pausanias, Son of Kleombrotos. P. 239 f.

⁴⁵ В сочинении Юстина нередко встречаются «ошибки, нелепости и лакуны». По словам К. К. Зельина, «... известия Юстина содержат важные и в общем достоверные сведения, хотя и в очень краткой форме и в силу этой краткости, а также вследствие небрежности малосведущего эпитоматора неполные, малосвязанные и соединенные с ошибочными домыслами» (Зельин К. К. Вступительная статья // Юстин Марк Юниан. Эпитама сочинения Помпея Трога «*Historiae Philippicae*» / Пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского. СПб., 2005. С. 16).

⁴⁶ Lazenby J. F. Pausanias, Son of Kleombrotos. P. 240.

⁴⁷ Лурье С. Я. Примечания к биографии Кимона, 6. // Плутарх. Избранные биографии. С. 385, прим. 24.

⁴⁸ Giorgini G. The riddle of Pausanias. Unraveling Thucydides' account // Rivista Storica dell' Antichità. T. 34. 2004, P. 193, n. 44.

⁴⁹ Плутарх передает анекдот, согласно которому непосредственным поводом для нападения союзников на Византий стал инцидент с Клеоникой, девушкой из знатной местной семьи, которую якобы обесчестил и убил Павсаний (Cim., 6, 4)

⁵⁰ Фукидид не сообщает о том, как долго Павсаний находился в Колонах. По мнению Д. Льюиса, скорее всего, несколько лет, но сказать что-либо более точно, с его 40

реноме спартанца было таковым, что вполне оправдывало в глазах всех греков насильственные действия против него.

После изгнания из Византия Павсаний перебрался в Колоны (в Троаде)⁵¹. Выбор Колон в качестве возможного убежища, видимо, был не случаен. Этот город располагался недалеко от Даскилии, резиденции сатрапа Артабазы, вне зоны афинского контроля. Макс Дункер в свое время высказал интересное, хотя и маловероятное предположение, что Колоны были даром Павсанию от Великого царя, как если бы тот уже находился в изгнании⁵². Он исходил из того соображения, что целый ряд крупных политических деятелей Греции, оказавшись в изгнании, стали правителями приморских греческих городов⁵³. Это, как видно, была принципиальная линия персидской политики – в многонациональной стране ставить наместниками отдельных областей и городов местных лидеров. В случае с греческими городами такими лидерами часто становились известные политики-эмигранты из материковой Греции. Если бы Павсаний не вернулся в Спарту, он, скорее всего, разделил бы участь прочих знатных греческих изгнанников, закончив жизнь вассалом персидского царя. Здесь, в Колонах, Павсаний продолжил свое общение с Артабазом (Thuc., I, 131, 1). Как долго эти сношения продолжались, неизвестно. Может быть, несколько месяцев, а может быть, и несколько лет. Вероятно, в Колонах Павсаний вел образ жизни более подходящий персидскому вельможе, чем спартанскому офицеру. Его «мидизм» проявлялся, вероятно, в манере поведения, то есть в том, что больше всего бросалось в глаза и вызывало возмущение союзников еще в бытность Павсания главнокомандующим. Так, согласно Фукидиду, он стал одеваться как перс и устраивать роскош-

точки зрения, невозможно (Lewis D. Mainland Greece, 479–451 B.C. P. 100). Спорные вопросы датировки этого и последующих событий, связанных с Павсанием, рассмотрены в статье: Строгеецкий В. М. Политическая борьба в Спарте в 70-е годы до н.э. (дело Павсания) // Проблемы античной государственности: сб. науч. ст. под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1982. С. 74 слл.

⁵¹ Duncker M. Abhandlungen aus der griechischen Geschichte. Leipzig, 1887. S. 75 f.

⁵² Так, Гиппий стал правителем подвластного персам Сигея на Геллеспонте (Her., V, 91; 94). У Фемистокла во владении было три города – Магнесия-на-Меандре, Лампсак и Миунт, причем в Магнесии он даже чеканил монеты со своим собственным именем (Thuc., I, 138, 5). В Лампсаке долго еще чтили память Фемистокла, а его потомки пользовались там почетными правами (Plut. Them., 32). Бывший спартанский царь Демарат и его потомки владели Пергамом, Тевфранией и Галисарной в Мисии, а Гонгилу из Эретрии было даровано четыре города в Мисии (Xen. Hell., III, 1, 6).

⁵³ Об его предосудительном образе жизни сообщает и К. Непот, который, видимо, для жизнеописания Павсания использовал именно Фукидиду: «Он пользовался царской утварью и носил мидийские наряды, таскал за собой телохранителей из мидийцев и египтян, задавал роскошные пиры по персидскому обычаю, вызывавшие негодование присутствующих, не допускал к себе посетителей, гордо отвечал, жестоко командовал» (Nep. Paus., 3, 1–3 / Пер. Н. Н. Трухиной).

ные пиры⁵⁴, он окружил себя восточными телохранителями, он подобно персидскому царю или его сатрапам затруднил доступ к своей персоне (Thuc., I, 130; 132, 1; Diod., XI, 46, 2–3; Aelian. V. h., IX, 41). О пристрастии Павсания к восточной роскоши сообщает и Дурид Самосский: «Павсаний сложил с себя грубый спартанский плащ своих отцов и нарядился в персидские одежды» (Duris ap. Athen., XII, 50, 535e / Пер. Н. Т. Голинкевича).

Некоторые исследователи полагают, что все перечисленные Фукидидом атрибуты, присущие образу жизни персидского вельможи, были восприняты Павсанием только тогда, когда он после изгнания из Византии поселился в Колонах⁵⁵. Мы, однако, полагаем, что в Колонах только усилились те тенденции, которые, согласно Фукидиду, начали проявляться у Павсания еще в бытность его главнокомандующим союзной армией.

Источники, к сожалению, не дают прямого ответа на самый главный для нас вопрос, действовал ли Павсаний, налаживая контакты с персами в Византии, а затем в Колонах полностью на свой страх и риск или за ним стояли какие-то заинтересованные круги в самой Спарте, желающие заключения союза с Персией в качестве противовеса все возрастающей мощи Афин. В научной литературе диапазон мнений на этот счет достаточно широк. Укажем, однако, что большинство исследователей склонны видеть в Павсании скорее исполнителя воли своего правительства, чем самостоятельного политического игрока.

Уже Ульрих Карштедт выдвинул версию о Павсании как агенте спартанских властей в его переговорах с персами: «Фактом было то, что Павсаний в Византии был занят дипломатической деятельностью в русле намерений своего правительства»⁵⁶. По мнению Карштедта, эфоры поручили Павсанию начать переговоры о заключении сепаратного мира между Спартой и Персией: «Является ли слишком смелым предположение, что речь шла о мире с персами? Это не был договор в форме Никиева мира..., но трактат на пути к Каллиеву миру, который фиксировал прекращение военных действий и позволял установить нормальные отношения, без фиксации обеими сторонами конституционно признанных границ». Карштедт не сомневался, что Павсаний действовал в Византии «от имени Спарты и Симмахии», но позже это обстоятельство было настоятельно рекомендовано забыть⁵⁷. А. Гомм также уверен, что эфоры просто скрыли, главным образом от союзников, тот факт, что Павсаний вновь получил официальное назначение⁵⁸. А в статье М. Лэнг с «говорящим» названием

⁵⁴ Из отечественных антиковедов такой точки зрения придерживается: Рунг Э. В. Греция и Ахеменидская держава: история дипломатических отношений в VI–IV вв. до н. э. СПб., 2008. С. 120.

⁵⁵ Kahrstedt U. Sparta und Persien in der Pentekontaetie. S. 323.

⁵⁶ Kahrstedt U. Sparta und Persien... S. 323 f.

⁵⁷ Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I. Oxford, 1945. P. 433.

⁵⁸ Lang M. L. Scapegoat Pausanias. P. 83.

«Козел отпущения Павсаний» прямо сказано, что «Павсаний был послан с дипломатической миссией в Византий, чтобы установить контакт с персами», и что «правительство было причастно к его преступлениям»⁵⁹. В том же духе недавно высказался и М. Джорджини. По его словам, «Павсаний был там с официальной, хотя открыто и не признанной, миссией»⁶⁰. Э. В. Рунг, специалист по греко-персидским отношениям, пришел к схожему выводу: «Следует согласиться с мнением ряда исследователей, что Павсаний действовал не только в собственных интересах..., но и по тайному заданию кого-то из представителей спартанских властей, которые рассчитывали при помощи регента возобновить дипломатические отношения с Персией»⁶¹. Общая вражда к Афинам часто будет соединять Спарту с Персией и впоследствии.

Точка зрения ученых, видящих в действиях Павсания «руку» Спарты, мне представляется наиболее убедительной. Детальный рассказ Фукидида о долготерпении спартанских властей и их очень осторожном отношении ко всем обвинениям, направленным против Павсания, – явное свидетельство наличия в Спарте влиятельных людей, сочувствующих Павсанию. Во всяком случае, только в расчете на надежный тыл, Павсаний мог безбоязненно в течение долгого времени проводить более чем странную для еще воюющей с Персией Спарты политику.

Но Павсаний, как мы полагаем, не был только послушным исполнителем тайных или явных указаний спартанских властей. Все источники единодушны в том, что он был достаточно амбициозен и самостоятелен на протяжении всей своей политической карьеры. Недаром и Геродот, и Фукидид характеризуют стиль его командования как тиранический (Her., V, 32; Thuc., I, 95, 3). Конечно, у Павсания, стоящего у истоков нового для Греции типа отношений с персами, помимо государственных были и свои собственные интересы: в случае успеха переговоров с персидской стороной он мог рассчитывать на какие-то преференции для себя лично. Он мог даже мечтать о царском титуле. Павсанию, члену царской семьи, блестящему полководцу и, возможно, самому богатому на тот момент спартанцу, претензия на царскую власть должна была казаться вполне реальной. В истории Спарты есть примеры подобных устремлений спартанских политиков, даже не относящихся к высшей аристократии. Так, согласно античной традиции после смерти Лисандра, спартанского наварха и героя Пелопоннесской войны, в его доме нашли текст большой речи, общий смысл которой сводился к реформе царской власти (Ephor. ap. Plut. Lys., 30, 3–5 = FgrHist 70 F 207; Diod., XIV, 13, 8; Plut. Ages., 20, 3–5; Nep. Lys., 3, 5). Полагают, что Лисандр хотел ликвидировать монополию двух

⁵⁹ Giorgini G. The riddle of Pausanias. P. 194.

⁶⁰ Рунг Э. В. Греция и Ахеменидская держава. С. 126.

⁶¹ Ксеркс в своем письме, цитируемом Фукидидом, обещал Павсанию «сколько угодно золота, серебра и достаточное войско, где бы оно ни потребовалось» (I, 129, 3) и поручил своему доверенному лицу сатрапу Даскилия Артабазу тайно снабжать Павсания деньгами для подкупа нужных ему людей из числа эллинов (Diod., XI, 44, 4).

родов на царскую власть, включив в круг претендентов всех Гераклидов (к которым по отцу и сам относился). Как бы то ни было, неограниченный персидский кредит⁶² и большие средства, полученные в бытность Павсания военачальником Эллинского союза (Нер., IX, 81), внушали Павсанию уверенность в реальности любой политической авантюры. С помощью денег и связей он надеялся и впредь успешно решать стоящие перед ним задачи, как внутри, так и вне Спарты (Thuc., I, 131, 2).

Но *de facto* карьера Павсания закончилась ровно в тот момент, когда он решился из Византия бежать не на родину, в Спарту, а в Колоны, тем самым признав над собой власть персидского царя. Вот туда эфоры его точно не посылали, это было вполне самостоятельное и, как оказалось, гибельное для Павсания решение.

Гибель Павсания

Эфоры, вероятно, по поручению герусии, найдя возмутительным и ничем не оправданным затянувшееся пребывание Павсания в Колонах, решили, наконец, открыто выступить против него и послали глашатая в Колоны с приказом о немедленном его возвращении в Спарту. Видимо, к этому моменту правящая корпорация была достаточно раздражена доходящими до нее сведениями о демонстративном «мидизме» одного из первых лиц государства и приняла решение убрать с политической арены неудобную для репутации Спарты фигуру. Кроме традиционных обвинений в персофильстве у спартанских властей появились претензии более общего порядка: регент, ведя абсолютно неприемлемый для «правоверного» спартиата образ жизни, стал слишком дурным примером для своих сограждан. Фукидид точно диагностирует «болезнь» Павсания, смертельно опасную для спартанского истеблишмента: «Его образ жизни, несхожий с установленными обычаями, и стремление подражать варварам давали множество поводов подозревать, что он не желает как равный (ἴσος) подчиняться спартанским обычаям» (I, 132, 2). Страх перед коррумпированными и неуправляемыми полководцами стал преследовать Спарту, начиная с царя Клеомена I, и достиг своего максимума во время ее недолгой гегемонии по окончании Пелопоннесской войны.

Судя по деталям, которые приводит Фукидид, отзыв носил официальный характер: «Эфоры отправили к нему глашатая с приказом, намернутым на скиталу, следовать за глашатаем и в случае неповиновения объявляли ему войну» (I, 131, 1; ср.: Plut. Lys., 19, 7). Опальный полководец снова подчинился, хотя имел полную возможность просить убежище у персидского царя и тот, бесспорно, ему бы его предоставил. Этот факт – бесспорное под-

⁶² Имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют, что Спарта задолго до Павсания уже славилась коррумпированностью своего правящего сословия. О широком распространении этого явления в среде спартанского высшего руководства неоднократно упоминает Геродот (III, 148; V, 51; VI, 50; 72; 82; VIII, 5).

чинение Павсания рескрипту эфоров – свидетельствует, с одной стороны, о лояльности регента по отношению к спартанским властям, а с другой, – об его уверенности в своем повторном оправдании. Действительно, создается впечатление, что он не испытывал страха перед эфорами и не боялся ответственности за свои действия на Востоке. Вероятно, Павсаний твердо надеялся как на поддержку своих друзей и единомышленников, так и на силу денег. Фукидид прямо говорит, что Павсаний собирался «уладить дело подкупом» (I, 131, 2)⁶³.

Мы с доверием относимся к сообщению Фукидида относительно намерения Павсания «решать вопросы» с помощью взяток⁶⁴. Он обладал большими материальными ресурсами⁶⁵, принадлежал к спартанской элите, сохранял родственные и дружественные связи с некоторыми ее представителями, сознавал притягательность богатства для своих сограждан⁶⁶. На этом основании, видимо, и зиждилась его уверенность в своей безнаказанности. И, действительно, пока не разразился скандал, связанный с подстрекательством илотов, спартанские власти не спешили с наказанием Павсания. Фукидид объясняет такое странное поведение властей и их крайнюю нерешительность тем, что те следовали существовавшему в Спарте правилу «никогда не спешить и без явных доказательств не предпринимать против спартиата чего-либо непоправимого» (I, 132, 5). Но в данном случае, как замечает П. Родс, «нежелание эфоров действовать кажется исключительным даже для осторожных спартанцев»⁶⁷.

⁶³ Не все исследователи считают это сообщение Фукидида достоверным. Так, например, П. Олива полагает, что подобное обвинение было добавлено позже врагами Павсания и сознательно стало распространяться уже после его смерти (Oliva P. Sparta and her social Problems. Prague, 1971. P. 148).

⁶⁴ Наследственный капитал, немалые военные доходы (Her. IX. 81) и, возможно, персидские субсидии сделали его одним из самых богатых людей в Спарте. Так, Псевдо-Плутарх со ссылкой на Хрисерма сообщает, что Ксеркс передал Павсанию 500 талантов золотом (Chriserm. ap. Ps.-Plut. Parallela minora, 10 = Mor., 308B = Stob. Flor., III, 39, 31), а Диодор утверждает, что Артабаз тайно доставлял Павсанию много денег для подкупа эллинов (XI, 44, 4). Конечно, эти сведения исходят из поздних источников, а в случае Псевдо-Плутарха, еще и весьма сомнительной надежности, но в них, пусть в искаженном виде, заключены следы аутентичной традиции.

⁶⁵ Известен, скорее всего, очень древний оракул, гласивший, что «Спарту погубит ничто иное, как корыстолюбие» (ἡ φιλοχρηματία Σπάρταν ὀλέῃ ἄλλο δὲ οὐδέν) (Zenob. Prov., II, 24 = Schol. in Eurip. Androm., 446 = Arist. fr. 544 Rose). Греки, говоря об особенностях национального характера спартанцев, часто отмечали их страсть к деньгам (φιλαργυρία и φιλοχρηματία) (Isocr., VIII, 96; XI, 20; Arist. Pol., II, 6, 23, 1271b).

⁶⁶ Rhodes P. J. Thucydides on Pausanias and Themistocles. P. 392.

⁶⁷ Согласно Геродоту, в войске Павсания было 35 тысяч легковооруженных илотов. Это – огромная цифра и не все ученые с ней согласны. Но, с другой стороны, судя по тому, что илотов хоронили как погибших в сражении, они были именно φιλοί (Her., IX, 28, 2; 85, 2).

Наши источники единодушны в том, что никакого повторного суда над Павсанием после его прибытия из Колон не было (Thuc., I, 134, 1; Diod., XI, 45, 6). Власти, сколько могли, оттягивали судебное разбирательство, хотя сам Павсаний самоуверенно заявлял, что суда не боится и «готов добровольно отвечать перед судом всем, кто пожелает выставить против него обвинения» (Thuc., I, 131, 2). Его уверенность в собственной безнаказанности явно имела под собой основу. И действительно, на первых порах эфоры проявляли крайнюю нерешительность. Они то приказывали арестовать Павсания, то выпускали его из-под стражи и даже предоставляли ему свободу передвижения и возможность общаться со своими конфидентами. Все поведение эфоров свидетельствует о том, что среди них были явные сторонники Павсания. Тот же расклад сил существовал, вероятно, и в герусии, которая руководила действиями эфоров. Даже когда вина регента уже представлялась бесспорной, двое из пяти эфоров рискнули его предупредить о предстоящем аресте (I, 128–134, особенно 134, 1).

Возможно, Павсанию и на этот раз удалось бы «выйти сухим из воды», если бы он не погубил себя тем, что обратился за помощью к илотам. Как рассказывает Фукидид, эфоры «вели розыск о каких-то его переговорах с илотами... Павсаний сулил илотам свободу и гражданские права, если те поднимут восстание в поддержку его замыслов» (I, 132, 4). Согласно Фукидиду, в данном случае инициатива исходила от Павсания, а не от илотов. Это сообщение Фукидида, как правило, не вызывает никаких сомнений у исследователей. Оценивают обычно только степень вовлечения илотов в заговор и радикальность планов Павсания.

Нет ничего невероятного в том, что Павсаний, у которого в армии было много легковооруженных илотов (Hec., IX, 10; 28–29)⁶⁸, планировал освободить небольшую их часть для того, чтобы превратить в профессиональных военных (эта практика получит широкое распространение в ходе Пелопоннесской войны). Но маловероятными кажутся предположения, высказанные в частности Г. Дикинсом и М. Демиром, что Павсаний собирался использовать инициированный им мятеж илотов для силового захвата власти, уничтожения эфората и установления собственной тирании⁶⁹. Весьма затруднительно толковать предание в столь радикальном ключе. Мы полагаем, что планы Павсания так далеко не шли. Как отмечает П. Олива, если Павсаний действительно решился обратиться к илотам за помощью, то вовсе не потому, что был революционером. Скорее это был шаг отчаяния⁷⁰. Он и так сильно рисковал, заигрывая с ило-

⁶⁸ Dickins G. The Growth of Spartan Policy // JHS. Vol. 32. 1912. P. 34; Demir M. Pausanias' actions in Byzantium... P. 67.

⁶⁹ Oliva P. Sparta and her social Problems. P. 150 f.

⁷⁰ Так, подозревая царя Клеомена в подстрекательстве мессенских илотов, но не имея никакой возможности силой вернуть его в Спарту, спартанские власти стали действовать в обычной для них манере: хитростью, лестью и обманом они сначала выманили Клеомена из Аркадии и даже вернули ему все царские регалии, а вскоре, как только представился удобный случай, арестовали и казнили его (около 487 г.). См.

тами, ибо знал, что нет в Спарте большего преступления, чем подстрекательство илотов к восстанию. Но, с другой стороны, судя по недавнему опыту своего предшественника, царя Клеомена, подобная угроза, даже гипотетическая, настолько пугала власти, что могла заставить их пойти на значительные уступки⁷¹. Павсаний собирался использовать постоянно присутствующий в среде спартиатов страх перед огромной массой рабов-илотов. Ему вовсе не надо было поднимать восстание илотов, чтобы достичь каких-то преференций для себя, достаточно было просто угрожать властям такой возможностью.

Однако илоты проявили лояльность по отношению к спартанским властям и донесли на Павсания. Фукидид, что вполне естественно, не уточняет, о каких именно илотах идет речь. Но, судя по контексту, Павсаний вел переговоры с лаконскими илотами⁷². Правда, эфорам этот донос показался настолько невероятным, что до тех пор, пока они не получили бесспорных доказательств вины Павсания, они отказывались ему верить. Только тогда, когда не оставалось никаких сомнений в связи Павсания с илотами, эфоры решились предъявить ему обвинение в государственной измене. П. Родс, оценивая реакцию спартанских властей на угрозы, исходящие от царского опекуна Павсания (как до него от царя Клеомена), полагает, что «страх перед тем, что этот человек может сделать был, вероятно, более важным фактором, чем раздражение на то, что он уже сделал»⁷³.

Но, что вообще было характерно для хитроумных и осторожных спартанских политиков, болезненную и опасную тему илотов они оставили в стороне, а в качестве официального обвинения выдвинули против Павсания обвинение в предательстве. Так они теперь трактовали переписку Павсания с сатрапом Артабазом и персидским царем Ксерксом.

Следует указать на то, что далеко не все исследователи верят в достоверность сообщения Фукидида о продолжающейся уже в Спарте переписке:

подробнее: Печатнова Л. Г. Античное предание о гибели спартанского царя Клеомена I // Античный мир и археология. Вып. 12. Саратов, 2006. С. 52 – 65.

⁷¹ Согласно гипотезе, которой и мы придерживаемся, спартанцы не привлекали мессенских илотов к военной службе (Claus M. Sparta. Eine Einführung in seine Geschichte und Zivilisation. München, 1983. S. 113) и не использовали их в своих домах в качестве слуг. Для этого гораздо лучше подходили лаконские илоты, которые в гораздо большей степени, чем обычные классические рабы, были интегрированы в спартанскую общину. Можно согласиться с мнением тех ученых, которые полагают, что «спартанский мираж ослепил все классы одинаково», и лаконские илоты, точно так же, как и их господа, мечтали улучшить свое положение внутри системы, а не вне ее (Talbert R. The Role of the Helots in the Class Struggle at Sparta // Historia. Bd. XXXVIII. 1989. H. 1. P. 32; Flower M.A. Revolutionary Agitation and Social Change in Classical Sparta // Georgica. Greek Studies in Honour of G. Cawkwell. Bulletin Supplement. 58. 1991. P. 96 f.).

⁷² Rhodes P. J. Thucydides on Pausanias and Themistocles. P. 392.

⁷³ Dickins G. The Growth of Spartan Policy. P. 34.

ске Павсания с Великим царем. И более того, высказываются предположения, что недостоверна вся часть рассказа Фукидида, где речь идет о связях Павсания с Персией. Скептицизм в этом вопросе проявляли и продолжают проявлять многие ученые с начала XX в. и вплоть до настоящего времени. Так, уже Г. Дикинс в своей известной статье утверждал, что Павсаний «попал в ловушку благодаря сфабрикованной эфорами истории об его мидизме», а само обвинение в связях с персами называл смехотворным⁷⁴. К. Ю. Белох полагал, что рассказ Фукидида об интригах Павсания с персами базировался на клеветнических измышлениях, выдуманных уже после смерти Павсания для оправдания бесчеловечного обращения с ним эфоров. «Мне кажется... очевидным, — писал Белох, — что речь идет о большой фальсификации»⁷⁵. С недоверием к истории Фукидида отнесся и Г. Бенгтсон. Он считал, что обвинение в предательстве никоим образом не доказано, а сама переписка с царем, скорее всего, является апокрифом⁷⁶. Руку эфоров в этой подозрительной истории видел и П. Олива. Он напоминает, что Павсаний уже обвинялся в сношениях с персами и был оправдан из-за отсутствия доказательств. «Вся история с письмом, приходящим непосредственно после рассказа Фукидида о контактах Павсания с илотами, выглядит так, как если бы эфоры использовали хитроумный трюк для того, чтобы навсегда избавиться от Павсания»⁷⁷. А. Блэмайр полагал, что «эфоры, узнав об его революционных планах, связанных с илотами, ... нашли более драматичное, но менее политически взрывоопасное обвинение в мидизме и озаботились организовать необходимые доказательства...»⁷⁸. Той же точки зрения придерживался и Дж. Лейзенби. По его словам, «обвинения в мидизме не содержали ни толики правды», но «эфоры нуждались в более благовидном обвинении, чем связь с илотами, чтобы убедить большинство греции и массу граждан, что Павсаний был опасным предателем. Мидизм подходил их целям превосходно: это было расплывчатое “интернациональное” преступление, в котором Павсаний уже ранее обвинялся»⁷⁹. Дж. Коуквелл также полагал, что переговоры с илотами были реальным преступлением Павсания, а история с его персофильством — искусной фабрикацией⁸⁰.

Мы полагаем, что все вышеприведенные утверждения справедливы только отчасти. У нас нет никаких убедительных доказательств, опровергающих сообщение Фукидида о продолжающейся уже в Спарте переписке Павсания с Великим царем. Конечно, руководители государства приложили немало сил и выдумки к тому, чтобы создать из Павсания образ врага, но они опери-

⁷⁴ Beloch K.J. GG. 2. Aufl. Bd. II, Abt. 2. Strassburg, 1916. S. 155.

⁷⁵ Bengtson H. GG. 2. Aufl. S. 185.

⁷⁶ Oliva P. Sparta and her social Problems. P. 150.

⁷⁷ Blamire A. Pausanias and Persia. P. 304.

⁷⁸ Lazenby J. F. Pausanias, Son of Kleombrotos. P. 247 f.

⁷⁹ Cawkwell G. Thucydides and Peloponnesian War. P. 51.

⁸⁰ Lang M. L. Scapegoat Pausanias. P. 84

ровали, скорее всего, реальными свидетельствами его так называемого предательства. До истории с илотами тема персофильства Павсания их мало заботила, тем более что среди спартанских властей были, скорее всего, сторонники нового внешнеполитического курса, направленного на сближение с Персией. Но угроза, даже гипотетическая, поднять илотский мятеж объединила против Павсания всё спартанское руководство и сделала несущественными их прежние разногласия.

Согласно Фукидиду, Павсаний, не желая быть арестованным и подвергнутым суду, бежал и умер от голода и жажды в святилище Афины Меднодомной (Thuc., I, 134; *Nep. Paus.*, 4–5; *Paus.*, III, 17, 7–9). Фукидид рассказывает, как это произошло: «Когда Павсания пытались схватить на улице, он, как передают, узнал по выражению лица одного из эфоров, с какой целью тот подошел (и по едва заметному кивку другого эфора, дружески предупреджавшего его)» (I, 134, 1).

Но почему Павсаний, ранее готовый предстать перед судом (Thuc., I, 131, 2), теперь изменил свое решение и предпочел участь беглеца, молящего о защите? По-видимому, он уже нисколько не сомневался, что суд будет не на его стороне. Судебная коллегия, состоящая из геронтов и эфоров (*Paus.*, III, 5, 2), не простит ему подстрекательства илотов. Павсания ждал самый суровый приговор – смертная казнь, и этот приговор вопреки обычной практике могли привести в исполнение весьма оперативно. В такой ситуации регент предпочел искать убежище в храме, надеясь, видимо, что его родственники и друзья помогут ему бежать за пределы Спарты.

В сложившихся обстоятельствах власти не меньше, чем сам Павсаний, были заинтересованы в сокрытии его «преступлений», и потому открытый суд был им крайне нежелателен. Попытка эфоров арестовать Павсания была, возможно, сознательной провокацией. К этому выводу приходят, в частности, М. Лэнг⁸¹ и А. Блэмайр. По словам А. Блэмайра, «власти, скорее всего, были заинтересованы в том, чтобы не дать Павсанию возможности публично защитить себя. Регент слишком много знал и мог скомпрометировать весьма уважаемых в Спарте людей»⁸². А чтобы предотвратить его возможное бегство за пределы Спарты, вход в храм Афины Меднодомной замуровали. Павсания, таким образом, устранили примерно так же и по тем же мотивам, что и царя Клеомена I. Фактическое убийство Павсания, совершенное без суда, вполне вписывается в обычную для спартанских властей реакцию на крайнюю для государственных устоев опасность (*Xen. Hell.*, III, 3, 4–11; *Plut. Ages.*, 32).

Время смерти Павсания точно не установлено. Его определяют по-разному, от 476 до 466 гг., чаще всего останавливаясь на 467 г.⁸³ Такой

⁸¹ Blamire A. Pausanias and Persia. P. 304.

⁸² Wolski J. Pausanias et le problème de la politique spartiate. P. 75–92; White M. E. Some Agiad dates: Pausanias and his sons. P. 140–152; Lippold A. Pausanias von Sparta und die Perser. S. 320–341.

⁸³ Lewis D. Mainland Greece, 479–451 B.C. P. 100.

разброс мнений объясняется главным образом тем, что в экскурсах Фукидида о Павсании и Фемистокле отсутствуют какие-либо временные указания. Как правило, афинский историк ограничивается вот такими необязательными и неточными отсылками: οὐ πολλὰ ὕστερον, χρόνου ἑγγενομένου. Я присоединяюсь к мнению тех исследователей, которые считают, что последовательность событий, начавшихся в 478 г., охватывает остальную часть десятилетия, но с большей уверенностью что-либо трудно утверждать⁸⁴.

Заключение

Судя по беспрекословному подчинению приказам эфоров, Павсаний до последнего момента оставался истинным спартанцем, более всего ценившим свое место внутри спартанского гражданства. Вряд ли в полной мере прав Г. Берве, полагающий, что «Павсаний в своем высокомерии представлял тип властной, тиранической личности, которая абсолютно не была способна подчинить себя государственному порядку...»⁸⁵. Он, скорее, демонстрировал обратное – готовность сотрудничать с властями и выполнять любые, даже весьма сомнительные, их дипломатические поручения. Если правда информация об его обращении к илотам, то Павсаний решился на этот шаг только тогда, когда дошел до последней черты, потеряв надежду на конструктивный диалог с герусией и эфорами.

Павсаний первым из греков сделал ставку на союз с Персией, поискам которого он посвятил последние годы своей жизни. Интересы его собственной карьеры, интересы той группировки, которая стояла за ним, были непосредственно связаны с созданием спартано-персидской коалиции. Желание подтолкнуть Спарту в сторону Персии разделяла с Павсанием и часть спартанской молодежи (Diod., XI, 50: οἱ νεώτεροι). Уже в 70–60 гг. V в. спартанские граждане, особенно воевавшие за границей вместе с Павсанием, были охвачены страстью к личному обогащению. Отчасти именно страхом спартанских властей перед разлагающим влиянием Востока объясняется свертывание всех внешнеполитических инициатив Павсания.

Фигура Павсания по-своему трагична. Его репутация была принесена в жертву так называемым государственным интересам. Мы согласны с мнением тех ученых, которые полагают, что после его позорной гибели власти были крайне заинтересованы в диффамации Павсания. В интересах спартанского правительства было изобразить Павсания в самых черных красках⁸⁶. По словам Дж. Лейзенби, «Спарта была вынуждена пожертвовать Павсанием как “козлом отпущения”, притворяясь, что он действовал совсем один»⁸⁷.

⁸⁴ Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. I. S. 181.

⁸⁵ Lang M. L. Scapegoat Pausanias. P. 84 f.

⁸⁶ Lazenby J. F. Pausanias, Son of Kleombrotos. P. 249.

⁸⁷ Рунг Э. В. Греция и Ахеменидская держава. С. 126.

В результате самого Павсания объявили предателем, а контакты с персами представили как исключительно его личную инициативу⁸⁸.

Мы полагаем, что Фукидид взял за основу своего экскурса о Павсании версию, которая рождена была в Спарте и стала ко времени Фукидида канонической. В какой степени она соответствовала действительности, трудно сказать. Но, как нам кажется, отдельные факты биографии Павсания были подвергнуты известному искажению ради создания образа врага Спарты и предателя ее интересов. Спартанские власти были заинтересованы в том, чтобы представить Павсания большим преступником, а его поведение более экстравагантным, чем это было в действительности. Эта точка зрения на источник информации Фукидида не раз повторялась в историографии⁸⁹, в том числе и в сравнительно недавних работах. Так, Массимо Нафисси, профессор Болонского университета, утверждает, что мы имеем дело с официальной версией, выработанной и распространенной спартанскими властями с тем, чтобы оправдать незаконные действия своих магистратов, направленные против Павсания⁹⁰. Ведь Павсаний был устранен «явочным порядком», без законного судебного разбирательства.

Видимо, Фукидид, а вслед за ним и остальные древние авторы, имели в своем распоряжении сильно искаженный вариант истории Павсания. Спартанские власти во главе с эфорами внесли туда необходимые коррективы, объявив Павсания *post mortem* государственным преступником. С этой фальсифицированной версией как единственно достоверной и имели дело древние авторы. Так, Аристотель приписывал Павсанию намерение уничтожить эфорат (Pol., V, 1, 5, 1301 b 20) и стать единоличным правителем (V, 6, 2, 1307 a 2; VII, 13, 13, 1333 b 35)⁹¹. О столь радикальных планах Павсания можно, конечно рассуждать, но доказать их наличие невозможно. Все это, как замечает Дж. Лейзенби, «выглядит как своего рода преувеличенная клевета, которая, вероятно, сложилась о Павсании после его смерти»⁹¹. Посмертная репутация Павсания очень напоминает судьбу *post mortem* царя Клеомена. Крайне отрицательное отношение к Клеомену стало культивироваться в Спарте только после его смерти около 487 г. Все представители властей, замешанные в его ужасной гибели, были кровно заинтересованы в том, чтобы скрыть как от собственных граждан, так и от всего внешнего мира факт политического убийства и представить Клео-

⁸⁸ Rhodes P. J. Thucydides on Pausanias and Themistocles. P. 389.

⁸⁹ Nafissi M. Tucidide, Erodoto e la tradizione su Pausania nel V secolo // Rivista Storica dell' Antichità. T. 34. 2004. P. 160.

⁹⁰ Среди исследователей нет единого мнения относительно того, кого имел в виду Аристотель, «нашего» Павсания или того, который царствовал на рубеже V–IV вв. О дискуссии по этому вопросу см.: Печатнова Л. Г. Царь Павсаний и политическая ситуация в Спарте в конце V в. // Проблемы политической истории античного общества: сб. статей под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1985. С. 58 слл.

⁹¹ Lazenby J. F. Pausanias, Son of Kleombrotos. P. 247.

мена жертвой собственных пороков (Нер., VI, 84). В отношении Павсания эфоры пошли еще дальше: Павсания, человека царского происхождения, фактически умертвили в самом священном для спартанцев храме – Афины Халкиойкос. «Павсаниева скверна» ляжет тяжким бременем на Спарту и очень подпортит ее реноме в греческом мире.



Перикл: конфликт политического лидера с гражданским обществом*

Одним из самых примечательных явлений в общественной жизни Афин V в. до н.э. был кружок выдающихся общественных деятелей и представителей культуры, сложившийся вокруг признанного лидера афинской демократии Перикла. Обычно этот кружок рассматривают в контексте именно культурной жизни, расцвету которой так сильно способствовала утвердившаяся в Афинах демократия. Однако при ближайшем рассмотрении можно убедиться, что дружеское сообщество, сплотившееся вокруг несменяемого руководителя Афинского государства, было столь же особенным, по многим линиям бросавшим вызов традиции, сколь необычным было и положение самого его главы – Перикла¹.

В самом деле, в личности и положении Перикла (около 490-429 гг.) видное соединение разных элементов, смущавшее уже его соотечественников и современников. Принадлежа по рождению к знатной аристократической среде (его мать Агариста приходилась племянницей знаменитому афинскому реформатору Клисфену из рода Алкмеонидов, а отец Ксантипп, достаточно видный политик начала V в., также был знатного происхождения), Перикл рано связал свою судьбу с афинской демократией. Его политическое развитие было сходно с карьерой его знаменитого деда по материнской линии. Вступив в политику в середине 60-х годов, он втянулся в соперничество с вождем консервативно-аристократической группировки Кимоном и, как и Клисфен в борьбе с Исагором, логикой этого соперничества был принужден искать опоры у противной партии, у демократии. Более того, подобно своему великому сородичу, он оказался достаточно дальновидным и принципиальным, чтобы навсегда остаться верным однажды сделанному выбору. В кон-

* Публикация: Фролов Э.Д., Никитюк Е.В., Петров А.В., Шарнина А.Б. Альтернативные социальные сообщества в античном мире. СПб., 2002. С. 24-37.

¹ Из большого числа новейших работ о Перикле и афинском обществе его времени назовем лишь наиболее важные: Бузескул В.П. 1) Афинская полития Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. Харьков, 1895. С. 412-448; 2) История афинской демократии. СПб., 1909. С. 146 слл.; Bengtson H. 1) Griechische Geschichte. 4. Aufl. München, (1950) 1969. S. 201 ff.; 2) Griechische Staatsmänner des 5. und 4. Jh. v. Chr. München, 1983. S. 109-146; Homo L. Pericles: Une experience de democratie dirigeée. Paris, 1954; Schachermeyr F. 1) Perikles. Stuttgart, 1969; 2) Geisteshgeschichte des perikleischen Zeit. Stuttgart, 1971; Bowra C.M. Periclean Athens. London, 1971; Levi M.A. Pericle: un uomo, un regime, una cultura. Milano, 1980.

це 60-х годов он действовал вместе с Эфиальтом против Ареопага и Кимона, а с гибелью Эфиальта (461 г.) стал единоличным лидером афинской демократии.

С этого времени Перикл на протяжении более трети века властно направлял курс афинской политики: осуществлял дальнейшую демократизацию государственного строя, в связи с чем был оформлен допуск граждан третьего имущественного класса зевгитов к должности архонта; инициировал целый ряд социальных мер, направленных на материальную поддержку демоса, и в том числе – выплату жалования судьям, учреждение фонда зрелищных денег, вывод военно-земледельческих колоний-клерухий; реализовал широкую строительную программу, включавшую завершение сооружения пояса укреплений вокруг Афин и Пирея и, что особенно впечатляло, грандиозную реконструкцию Акрополя; наконец, решительно отстаивал державные интересы Афин, не останавливаясь перед открытым военным конфликтом со Спартой. Его политическое влияние и авторитет достигли своего апогея в 40-30-е годы: с изгнанием его нового соперника Фукидида, сына Мелесия (443 г.), Перикл надолго остался безраздельным хозяином политических дел в Афинах, что внешне выражалось в непрерывном переизбрании его в должности стратега вплоть до первых неудач в Пелопоннесской войне, когда его положение несколько – впрочем, только временно – пошатнулось.

Уже современникам бросалась в глаза необычность положения Перикла в Афинах: в условиях развитой полисной демократии, одним из фундаментальных принципов которой было пресечение чрезмерного возвышения одной личности, при строгом соблюдении ежегодной отчетности должностных лиц и тенденции не допускать неоднократного переизбрания одних и тех же политиков на ответственные государственные посты, Перикл умудрился более тридцати лет непрерывно оставаться у кормила правления и, более того, во вторую половину этого долгого периода – четырнадцать раз подряд избираться в главную правительственную коллегия стратегов, где он, благодаря своему авторитету, занимал положение фактического главы².

Уже Фукидид, оценивая в целом политический режим в Афинах при Перикле, замечал: «По имени это была демократия, на деле же власть принадлежала первому гражданину» (ἐῴγινετό τε λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχή, Thus., II, 65, 9). Оценка Фукидида – не только объективная, но и доброжелательная, как это и следовало ожидать от человека умеренной ориентации, с неприязнью относившегося к крайней, радикальной демократии и с похвалой отзывавшегося о правлении Пяти тысяч (в 411-410 гг.) как идеальном смещении олигархии и демократии (VIII, 97). Иным было отношение к полно- и долговластию Перикла со стороны таких ревни-

² По поводу политического положения Перикла см. также дискуссию в научной литературе нового времени: Morrison J.S., Gomme A.W. *Pericles Monarchos* // JHS. Vol. 70. 1950. P. 76-77; Berve H. *Die Tyrannis bei den Griechen*. Bd. I-II, München, 1967 (I, S. 197-198; II, S. 627-628).

телей демократических устоев, какими выказывали себя некоторые из авторов Древней аттической комедии. Плутарх упоминает о «злых выходках комедиографов, которые называют друзей Перикла новыми Писистратидами (Πεισιστράτιδας νέους), а от него самого требуют клятвы, что он не будет тираном (μὴ τυραννῆσειν), так как его выдающееся положение несообразно с демократией и слишком отяготительно» (Plut. Per., 16, 1). Что касается самого Плутарха, то он судит об этом предмете в полном согласии с традицией, указывая, что Перикл, в особенности во вторую половину своего правления, приобрел постоянную единоличную власть сродни тирании (διηγετὴ καὶ μίαν οὖσαν... ἀρχὴν καὶ δυναστείαν κτησάμενος, Per., 16, 3).

Фукидид, а за ним и другие вдумчивые и объективные историки (можно сослаться на Диодора и Плутарха) указывают на целый ряд важных моментов объективного и субъективного плана, обеспечивших Периклу возможность достижения столь исключительного положения. Среди них называют знатность, богатство и поддержку влиятельных друзей, несомненную последовательность избранного политического курса, ориентированного на отстаивание интересов демократии при соблюдении надлежащей нормы и баланса во внутренней и внешней политике, личную честность и неподкупность, доставившие почет и уважение среди сограждан, наконец, исключительную прозорливость суждений и ораторское мастерство, обеспечившие Периклу возможность практически непрерываемого руководства народом. Однако приобретение Периклом такого положения в афинском обществе достойными, подобающими средствами, как это справедливо подчеркнуто у Фукидида (II, 65, 8) в отличие от повторяющего наветы олигархической публицистики Аристотеля (Ath. pol., 27), не исключает признания созданной им системы режимом личной власти, напоминавшим, как то понимали многие, монархию или даже тиранию. Такая ситуация в корне противоречила принципам демократического строя, а потому неизбежно была чревата конфликтом между обществом и его авторитетным лидером.

Сказанное вполне приложимо и к так называемому кружку Перикла. Разумеется, Периклу, как и любому другому афинскому гражданину, не возбранялось иметь личных друзей, однако сложившееся вокруг него сообщество по своему составу и значению далеко превосходило любое частное содружество. Античная традиция с явным интересом относилась к этому личному окружению знаменитого политика и донесла до нас длинный ряд имен людей, стоявших рядом с ним и помогавших ему своими советами и сотрудничеством. В этом ряду прежде всего можно выделить группу интеллектуальных наставников и советников Перикла. Это, во-первых, афинянин Дамон, сын Дамонида, из дема Ои, официально занимавшийся обучением музыке, а на самом деле более всего интересовавшийся и занимавшийся политическими делами, отчего его по справедливости относили к кругу софистов. Он и Перикла обучал музыке, но еще более наставлял его в политическом искусстве (Plut. Per., 4, 1-4, где Дамон назван тренером и наставником Перикла в

политике – τῶν πολιτικῶν ἀλείπτῃς καὶ διδάσκαλος). Если верить Аристотелю, именно этот Дамон дал Периклу совет, как превзойти Кимона в искусстве демагогии: «Совет этот состоял в том, что раз Перикл не обладает такими же личными средствами, как Кимон, то надо давать народу его же собственные средства. Из этих соображений Перикл и ввел жалование для судей» (Aristot. Ath. pol., 27, 4; Plut. Per., 9, 2).

Наряду с Дамоном античная традиция называет в качестве наставников Перикла выдающихся представителей древней натурфилософии – Зенона из Элеи (ок. 490–430 гг.) и Анаксагора из Клазомен (ок. 500–428 гг.). Первый приобрел известность опровержением обыденного мнения о множественности и изменяемости вещей и в этой связи – разработкою искусства логического рассуждения, техники опровержения и доказательства, вследствие чего Аристотель признавал его изобретателем диалектики (Diog. L., VIII, 2, 57). Второй, продолжая дело ионийских натурфилософов, развил оригинальное учение о строении материи, а именно – о сложении всех чувственно воспринимаемых вещей из однородных элементов – гомеомерий (подобных частиц). Кроме того, он выдвинул положение об упорядочивающей материальный мир силе, которую он называл «умом» (νοῦς), – положение, чреватое отходом от материалистического монизма. Как бы то ни было, он решительно высказывался за естественную природу небесных светил и атмосферных явлений, лунных и солнечных затмений и падения метеоритов, чем и дал позднее повод к обвинению себя в религиозном нечестии.

Перикл несомненно многое должен был воспринять от этих своих наставников: от Зенона – искусство формальной логики, умение рассуждать и особенно опровергать доводы оппонентов (см.: Plut. Per., 4, 5); от Анаксагора – общий высокий строй мыслей, привычку любой предмет рассматривать с естественно-научной точки зрения и любую речь направлять на выяснение существа дела, обстоятельств, приведших к той или иной коллизии, и рационального способа ее разрешения (ibid., 4,6; 5-6; 8, 1-2). Особенно сблизился Перикл с Анаксагором, влияние которого на афинского политика было, по мнению древних авторитетов, решающим. По словам Платона, на мнение которого ссылается и Плутарх, «сблизившись с Анаксагором... Перикл преисполнился познания возвышенного и постиг природу ума и мышления, о чем Анаксагор часто вел речь; отсюда Перикл извлек пользу и для искусства красноречия» (Plat. Phaedr., 270 a).

К трем вышеназванным представителям древней учености, которых традиция определенно называет наставниками Перикла, надо добавить еще одного – корифея старшей софистики Протагора из Абдер (ок. 480–411 гг.). О нем известно, что он разрабатывал и преподавал новую социологическую науку – «мудрость в домашних делах, то есть как наилучше управлять своим собственным домом, и мудрость в государственных делах, то есть как искуснее всего действовать и говорить в отношении государственных дел» (Plat. Protag., 318 e).

Интересуясь главным образом искусством достижения поставленной цели, он полагал человеческий разум единственным условием успеха и критерием истины и в своей рационалистической критике сущего или принятого доходил до опасной черты релятивизма. «Человек есть мера всех вещей, – возглашал Протагор, – существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют» (Sext. Emp. Adv. math., VII, 60). Последовательно держась этого принципа, он без стеснения подвергал сомнению и отвергал все то, что не могло быть объяснено средствами разума, в том числе и самих богов: «О богах, – признавался он, – я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет, ибо многое препятствует знать это: и неясность вопроса, и краткость человеческой жизни» (Diog. L., IX, 8, 51).

Ясно, что такие воззрения и высказывания должны были доставить Протагору репутацию еще более отъявленного безбожника, чем даже Анаксагор. А между тем этот софист входил в ближайшее окружение Перикла и относился к числу наиболее ценимых им собеседников. По свидетельству Плутарха, когда какой-то атлет нечаянно брошенным дротиком убил одного из зрителей, Перикл «потратил целый день, рассуждая с Протагором о том, кого по существу следует считать виновником этого несчастного случая, – дрот, или бросавшего, или распорядителей состязания» (Plut. Per., 36, 5).

Круг интеллектуалов, с которыми Перикл находился в постоянном общении, не исчерпывался только что названными лицами. К ним надо добавить влиятельного в Афинах прорицателя Лампона (Plut. Per., 6) и прославленного драматурга, но к тому же еще и видного политика и военачальника Софокла (ibid., 8, 8). К тому же кругу, должно быть, принадлежал и Гипподам из Милета, известный проектировщик идеальных, построенных на принципах рационализма, моделей городов и государств, чьи градостроительные планы были реализованы при реконструкции Пирея и застройке выведенной на запад при Перикле новой колонии Фурий. Не исключено, что к Периклу был близок и историк Геродот, восславивший в своем труде успехи афинской демократии³, а находившийся тогда в начале своих философских исканий и также прошедший через увлечение Анаксагором Сократ рано стал за всегдатаем собраний в доме Перикла, где его привлекала, помимо прочего, возможность побеседовать с очаровательной и остроумной подругой хозяйна – Аспасией (Plut. Per., 24, 5). Близость Сократа к дому Перикла засвидетельствована также и Ксенофонтom, который в своих «Воспоминаниях» приводит беседу философа с младшим сыном Перикла – тоже Периклом (Хеп. Мет., III, 5).

Кружок друзей Перикла не исчерпывался чистыми интеллектуалами – наставниками, советниками и собеседниками. Сюда входили и люди практической ориентации, бывшие для Перикла полезными сотрудниками в самых разнообразных сферах, да и среди названных интеллектуалов были такие, кото-

³ О вероятной принадлежности Геродота к кружку Перикла см.: Лурье С.Я. Геродот. М.-Л., 1947. С. 16 слл.

рые отлично совмещали отвлеченные занятия с чисто практической деятельностью. Так, Софокл был коллегой Перикла по стратегии в войне с самосцами (441-439 гг.); в той же войне, когда дело дошло до осады города Самоса, при Перикле постоянно находился искусный механик Артемон, конструировавший новые осадные машины (Plut. Per., 27, 3-4). Протагор, Гипподам и Геродот приняли участие в основании Фурий (444/3 г.) – акции, бывшей важным элементом державной политики Перикла⁴. При этом Протагором были составлены законы для нового города (Diog. L., IX, 8, 50), а Гипподамом был набросан план его общей застройки (ср.: Diod., XII, 10,7; Hesych., s.v. Ἰπποδάμου νέμεσις). Большая дружба связывала Перикла с знаменитым скульптором Фидием, которого он сделал главным надзирателем (ἐπίσκοπος) и фактическим распорядителем работ на Акрополе – при сооружении храма Афины Девы Парфенона, помещения для мусических состязаний Одеона и роскошных ворот Пропилеев (Plut. Per., 13, 6. 14-15). Среди друзей Перикла были и такие, которые выступали его агентами в народном собрании, где он сам, стараясь на чисто монархический лад сохранять дистанцию между собою и народом, появлялся нечасто и выступал лишь по самым важным поводам (ibid., 7, 7-8).

В заключение этого перечня ближайших советников и сотрудников Перикла надо назвать еще одного человека, стоявшего к нему ближе всех остальных как раз в те годы, когда он практически единолично руководил Афинским государством, – его подругу Аспасию. Она была родом из Милета, по свидетельству античной традиции, которое необязательно опровергать, – гетерой, но незаурядной, образованной и честолюбивой, умевшей заводить связи с высокопоставленными людьми. Перикл страстно влюбился в эту женщину; он развелся со своей законной женой, от которой у него уже было двое сыновей, взял к себе Аспасию и сделал ее полной хозяйкой в своем доме. Умная, хорошо разбиравшаяся в политике, в совершенстве владевшая искусством беседы на самые разнообразные темы, она стала своеобразным центром притяжения для афинских политиков и деятелей культуры, которые ради нее с еще большей охотой посещали дом Перикла и даже приводили туда своих жен. От Аспасии у Перикла был еще один сын – Перикл Младший, считавшийся, по афинским понятиям, незаконнорожденным-нофом, которому отец позднее, когда чума унесла у него старших, законных сыновей, испросил у народного собрания права гражданства (Plut. Per., 24 и 27).

С именами Перикла и Аспасии связано в истории античности рождение нового института – открытого литературно-политического салона, которому суждено было сыграть важную роль также и в общественной жизни новой Европы. Это была бросающаяся в глаза новация, и, как это всегда быва-

⁴ Бузескул В.П. История афинской демократии. С. 166-167; Лурье С.Я. Геродот. С. 24 слл.; Строгеецкий В.М. Политика Афин в Западном Средиземноморье в середине V в. до н.э. и проблема основания Фурий // Город и государство в античном мире. Л., 1987. С. 55-79; Ehrenberg V. The Foundation of Thurii (1948) // Ehrenberg V. Polis und Imperium. Zürich-Stuttgart, 1965. P. 298-315; Bengtson H. GG⁴. S. 206.

ет, она дорого обошлась своим инициаторам. Открытая связь с бывшей гетерой, пестрый круг друзей, включавший, помимо афинских граждан, большое число чужеземцев, непрерывная череда встреч и собраний в доме, доступ в который не был заказан ни одному мало-мальски оригинальному человеку, – все это резало глаза и вызывало неодобрение у ревнителей благочинной старины. Но самое главное состояло в непрерывном росте влияния и авторитета сложившегося вокруг Перикла кружка. Исходившие от его членов новые интеллектуальные веяния, социальные и политические инициативы, строительные и художественные проекты будоражили афинскую жизнь, возбуждая подозрения и опасения в консервативной массе народа. Напомним в этой связи о позиции Древней аттической комедии, этого рупора народных настроений: она пеняла на несообразное с демократией авторитарное положение самого Перикла, а его друзей и соратников прямо именовала новыми Писистратидами!

Этим стихийным недоверием к Периклу и его кружку со стороны значительной части афинского общества отлично воспользовались политические недруги несменяемого стратега⁵. Возможно, первым объектом их нападок стал политический наставник и советник Перикла Дамон, считавшийся инициатором учреждения жалования судьям и других денежных выплат демосу. Согласно античной традиции, Дамон был подвергнут ostracismu, что могло произойти еще на рубеже 50-40-х годов как одно из следствий политической дуэли Перикла и Кимона. Но массированный характер атаки на Перикла приобрели во второй половине 30-х годов, когда его авторитарное положение начало, наконец, ощущаться как тягостное и стало вызывать недовольство в самых различных слоях и группировках, – в среде постепенно возрождавшейся олигархической оппозиции так же, как и у безусловных демократов. Олигархическая группировка вновь обрела своего лидера Фукидиду, сына Мелесия, срок изгнания которого истек в 433 г., а недовольных демократов возглавил новый политик радикального толка Клеон, сын Клезенета. Не решаясь критиковать политику Перикла по существу, поскольку было трудно найти ей разумную альтернативу, оппозиционные группы на первых порах ограничивались личными нападками на главу государства, а еще более – на людей из ближайшего его окружения, стараясь так или иначе скомпрометировать их и таким образом подорвать личный авторитет их патронов – основу его авторитарного положения.

Начавшиеся против друзей Перикла судебные процессы носили тем более острый характер, что они опирались на достаточно широко распростра-

⁵ Об оппозиции Периклу и процессах против людей из его окружения см.: Бузескул В.П. История афинской демократии. С. 241-243; Корзун М.С. Социально-политическая борьба в Афинах в 444-425 гг. до н.э. Минск, 1975. С. 40 сл.; Bengtson H. GG⁴. S.215; Frost F.J. 1) Pericles, Thucydides Son of Milesias, and Athenian Politics before the War // *Historia*. Bd. XIII. 1964. P. 385-399; 2) Pericles and Dracontides // *JHS*. Vol. 84. 1964. P. 69-72; Andrewes A. The Opposition to Pericles // *JHS*. Vol.98. 1978. P.1-8.

ненное в афинском обществе враждебное отношение к этому кружку, чья новаторская деятельность бросала вызов традиционному укладу жизни. Теперь общественная критика обрушилась на все сферы практической и просветительской деятельности, равно как и на образ жизни соратников Перикла. Одним из первых был предан суду скульптор Фидий, обвиненный в утайке драгоценных материалов (золота и слоновой кости), отпущенных на сооружение колоссальной статуи богини Афины, предназначенной для Парфенона. Когда же факт хищения доказать не удалось, ему было предъявлено новое обвинение в преступлении против религии, поскольку на шите Афины, где была представлена битва афинян с амазонками, художник наряду с мифологическими персонажами посмел изобразить себя самого и своего патрона. Фидий был заключен в тюрьму, где и умер от болезни, так, по-видимому, и не дождавшись суда. Между тем народное собрание даровало донесшему на него Менону (одному из его помощников, по-видимому, метеку) освобождение от всех повинностей (ателию) и поручило стратегам заботиться об его безопасности, – решение, которое нельзя было расценить иначе как подтверждение вины Фидия и выражение недоверия Периклу (Diod., XII, 39, 1-2; Plut. Per., 31, 2-5).

Другая атака повелась на просветительские идеи, распространявшиеся интеллектуалами из окружения Перикла. По предложению известного истолкователя оракулов, заклятого врага новых идей Диопифа народное собрание приняло постановление о том, «чтобы люди, не верующие в богов или распространяющие учения о небесных явлениях, были привлекаемы к суду как государственные преступники» (Plut. Per., 32, 2-3). Постановление прямо метило в Анаксагора, который и был привлечен к суду по обвинению в религиозном нечестии. Процесс был громким, поскольку в нем оказались задействованы протагонисты тогдашней политической жизни. По одной версии, обвинителем Анаксагора выступал Клеон, а защитником – сам Перикл, который, однако, не сумел помешать осуждению своего друга. Последний был присужден к уплате штрафа в 5 талантов и изгнанию из Афин. По другой версии, Анаксагора привлек к суду известный противник Перикла Фукидид, причем не только за нечестие, но и за дружбу с персами. Процесс был заочным, так как философ еще раньше успел покинуть Афины; тем не менее вердикт судей был суровым: они заочно приговорили Анаксагора к смертной казни (Diog. L., II, 3, 12-14, где приводятся и другие версии; ср. также: Diod., XII, 39, 2; Plut. Per., 32, 5).

Но самый болезненный удар постиг Перикла в связи с грязным процессом, куда вовлекли его подругу Аспасию: ей также было предъявлено обвинение в нечестии, а кроме того, еще и в сводничестве, поскольку, как утверждал ее обвинитель (известный своими нападками на Перикла комедиограф Гермипп), «к ней ходят свободные женщины, которых она принимает для Перикла» (Plut. Per., 32, 1). Лишь с большим трудом, лично взявшись защищать любимую женщину и, по свидетельству древних авторов, «очень много

слез пролив за нее во время разбирательства дела», Перикл сумел упросить судей прекратить позорное дело (*ibid.*, 32, 5).

Трудно сказать, как дальше развивались бы события в Афинах и каких еще успехов добились бы противники Перикла, придерживаясь столь эффективной тактики (когда-то, кстати, опробованной самими Периклом и Эфиальтом в борьбе с Ареопагом), если бы не разразилась новая война со Спартой и Пелопоннесским союзом, перед лицом которой, по крайней мере на некоторое время, должны были утихнуть внутренние страсти. Не исключено, как это предполагали уже в древности (ср.: *Diod.*, XII, 38-39; *Plut. Per.*, 31-32), что неуступчивость в конфликтах с Коринфом и Мегарами, проявленная Периклом накануне войны, объяснялась как раз его желанием форсировать начало военных действий, чтобы таким образом погасить огонь внутренней смуты и по необходимости заставить народ вновь сплотиться вокруг своего испытанного лидера.

Однако, если таков именно был тайный расчет Перикла, то его надо признать весьма рискованным: он мог оправдаться только в том случае, если бы война оказалась для афинян успешной. Между тем уже с самого начала обнаружилось слабые места в стратегическом плане Перикла, и первая же крупная неудача – чума в Афинах, спровоцированная повторными вторжениями пелопоннессцев и бегством массы населения под защиту городских стен – немедленно поколебала доверие сограждан к своему лидеру, пошатнула его авторитет и доставила его политическим недругам желанный повод для возобновления критики и судебного преследования.

Летом 430 г. Перикл впервые за последние пятнадцать лет не был переизбран в стратеги. Мало того, по предложению известного политика Драконтиды (он был эпистатом пританов в 446/5 и стратегом в 433/2 гг.), он был привлечен к судебной ответственности за вероятные преступления по должности. Во всяком случае от него потребовали отчитаться за все суммы, которыми он распоряжался в бытность свою стратегом. При этом, по дополнительному предложению другого видного политика Гагнона (также неоднократно исполнявшего обязанности стратега), суд должна была вершить представительная комиссия, составленная из гелиастов трех судебных палат, т.е. из 1500 человек. Среди обвинителей, по некоторым источникам, был также и Клеон. В итоге разбирательства Перикл был признан виновным и присужден к штрафу то ли в 15, то ли в 50, а по некоторым источникам даже в 80 талантов (*Thuc.*, II, 65, 3; *Diod.*, XII, 45, 4; *Plut. Per.*, 32, 3-4; 35, 4-5).

Как водится, афиняне вскоре раскаялись в учиненной ими по отношению к Периклу несправедливости. Не видя ему достойной смены, они реабилитировали опального политика и в следующем году вновь избрали его в стратеги, но он уже не успел толком воспользоваться новым своим назначением, так как спустя короткое время (еще в том же году) стал жертвой очередной вспышки эпидемии. Как бы то ни было, история с Периклом и его кружком чрезвычайно поучительна. Она показывает зыбкость древней

демократии и неизбежность трансформации авторитарного политического лидерства в режим личной власти. Форсированное разрешение внутренних социально-политических конфликтов и столь же решительная державная политика были обусловлены жизненными интересами афинской демократии, но этим же было предопределено и перерождение конституционного назначения Перикла в квази-монархическую власть. Соответственно и кружок друзей Перикла типологически предварял собою те придворные общества или советы друзей, которые станут важными элементами новой политической структуры, возникавшей в позднеклассическое и раннеэллинистическое время в тиранических или собственно монархических государствах. Демократическое общество чувствовало угрозу традиционному порядку, исходившую от его собственного порождения, от Перикла и его окружения, и этим объясняются возникший в конце концов конфликт и те судебные процессы, которые пошатнули положение самого знаменитого политика и обернулись трагедией для некоторых из наиболее близких к нему людей.



Религиозно-политический скандал в Афинах в 415 г. до н.э.: процессы по делу гермокопидов и осквернителей мистерий

В последнюю четверть V в. до н.э. Афины сотрясла целая серия процессов по обвинению в асении, т.е. религиозном нечестии – это процессы Анаксагора и Протагора, Перикла и Фидия, Аспасии и Сократа. Однако именно процесс 415 г., связанный с изуродованием герм и профанацией Элевсинских мистерий, был наиболее резонансным, имевшим серьезные и, можно даже сказать, трагические последствия для афинян¹. Это был эксцесс, в котором очень тесно сплелось много различных компонентов – религия и политика, объективные трудности экономического и военного положения Афинского государства в конце Пелопоннесской войны и личные политические амбиции или корыстные интересы отдельных участников этого преступления, проявление элементов кризиса системы полисных ценностей, сформировавшейся во второй половине V в., и специфические психологические особенности афинского демоса. Судебный процесс, следовавший за этим преступлением ярко выявил многие острые проблемы афинского полиса, начиная с проявлений первых признаков политической нестабильности, поскольку нельзя сказать, что это преступление было совершено маленькой группой – в него было вовлечено достаточно много афинян, и заканчивая политическим вакуумом в смысле отсутствия достойных преемников Перикла на посту лидера афинской демократии. Таким образом, как это преступление против традиционного культа, так и судебный процесс стали косвенной причиной неуклонного продвижения Афин к военному и политическому упадку. Вне зависимости от реальной мотивации участников этих преступлений, судебное разбирательство с самого начала развивалось именно как политическая интрига. И, прежде всего, потому, что одним из участников этого скандала был Алкивиад.

Личность Алкивиада и все перипетии его жизни всегда привлекали к себе пристальное внимание как врагов, так и его сторонников, как в древности, так и в современности². Алкивиад родился в родовитой и богатой афинской се-

¹ Так, отзыв Алкивиада для судебного разбирательства в Афины практически обрек Сицилийский поход на провал, повлекший за собой огромные человеческие и материальные потери. Подробнее см.: Stahl H.-P. *Literarisches Detail und historischer Krisenpunkt im Geschichtswerk des Thukydides: Die Sizilische Expedition* // RMPH. N. F. Bd.145. 2002. N. 1. S. 68-107.

² Жизнь Алкивиада тщательно изучена, см., например: Babelon J. *Alcibiade, 450-404 avant J.-C. P.*, 1935; Hatzfeld J. *Alcibiade. Étude sur l'histoire d'Athènes à la fin du*

мье – его отцом был Клиний, а матерью – Диномаха из известного в Афинах с давних времен рода Алкмеонидов. Это придавало особое значение обвинению его в 415 г. в нечестии, так как отпрыск стариннейшего аристократического рода нанес ущерб старинным религиозным установлениям полиса.

1. Следствие по делу гермокопидов и осквернителей мистерий

Современных литературных свидетельств относительно событий 415 г. сохранилось сравнительно немного. Единственный дошедший до нас памятник того времени – это так называемые Аттические стелы, имеющие огромное значение для исследователя, так как они являются официальным документом, фиксирующим последствия судебного разбирательства³. Последовательность же самих событий можно восстановить только по более поздним источникам – прежде всего, речи Андокида «О мистериях», составленной в 400 г., т.е. через 15 лет после событий, а также по кратким сообщениям Фукидида в VI книге его «Истории», составленной через несколько лет после этих событий (27-29, 53, 60-61). К этому надо добавить речь «Против Андокида по обвинению в нечестии» Псевдо-Лисия (VI, 3, 11, 21-24, 35-36, 50-53), речь «Об упряжке» Исократ (XVI, 5-9), пассажи у Диодора (XIII, 2, 1-7; XIII, 3), биографии Никия и Алкивиада у Плутарха (Nic., 13, 3; Alc., 17-22; 23, 1), жизнеописание Андокида у Псевдо-Плутарха (Vitae X or., II) и биографию Алкивиада Корнелия Непота (3-4). И, тем не менее, это чуть ли не единственный судебный процесс по обвинению в асебии, который можно попытаться реконструировать хотя бы частично и привести в соответствие с общим историческим фоном.

Итак, в одну летнюю ночь 415 г. незадолго до отплытия афинского флота в Сицилию все гермы в городе были кем-то изуродованы. Почти сразу после этого, «с гневом и страхом узнав о случившемся и видя в нем действия заговорщиков, ставящих себе цели, куда более далекие, Совет и народ начали строжайшее расследование и собирались много раз подряд в течение нескольких дней» (Plut. Alc., 18). Подобные инциденты происходили в Афинах

V^e siècle. P., 1940; Taeger F. Alkibiades. München, 1943; Thompson W. E. The Kinship of Pericles and Alkibiades // GRBS. 1970. Vol. 11. № 1. P. 27-33; Stanley P. V. The family connection of Alcibiades and Axiochus // GRBS. 1986. Vol. 27. № 2. P. 173-181; Ellis W. M. Alcibiades. L.; N. Y., 1989; Суриков И. Е. 1) Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 14-35; 2) Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М., 2011. С. 160-209.

³ Pritchett W. K., Amyx D. A. The Attic stelai. Pt. I // Hesperia. Vol. 22. 1953. № 4. P. 225-299; Pt. II // Hesperia. Vol. 25. 1956. № 3. P. 178-328; Pt. III // Hesperia. Vol. 27. 1958. № 3. P. 163-254; № 4. P. 255-310; Pritchett W. K. Five new fragments of the Attic stelai // Hesperia. Vol. 30. 1961. № 1. P. 23-29. Русский перевод Аттических стел см.: Андокид. Речи, или история святотатцев (с приложением параллельных свидетельств о процессе разрушителей герм в Афинах в 415 г. до н.э.) / Пер. и комм. Э. Д. Фролова. СПб., 1996. С. 156-190; 192-195. Далее ссылки на этот источник будут даваться в сокращенной форме, например: AC I, 12.

и прежде (Thuc. VI, 28, 2; cf. Plut. Alc., 19, 1; Ps.-Plut. Vitae X or., II, 4)⁴, но, в данном случае, преступление было совершено с широким размахом и в период сильного эмоционального напряжения, связанного с Сицилийской экспедицией. Плутарх описывает, как буквально всех в Афинах захватила мысль похода в Сицилию (Plut. Alc., 17, 1-4). Алкивиад уже после своего бегства в 415 г. говорил, что целью экспедиции было завоевать Сицилию, Южную Италию, Карфаген, а потом всей мощью ударить по Пелопоннесу (Thuc. VI, 90, 2; cf. VI, 18, 3). Поскольку Сицилия представлялась афинянам важным опорным пунктом по пути продвижения на Запад, о захвате которой они мечтали еще при жизни Перикла (Plut. Alc., 17, 1)⁵, то трудно представить себе степень воздействия кошунства в отношении герм именно на афинян, склонных, к тому же, под влиянием чувств принимать быстрые и необдуманные решения⁶.

В Афинах, по-видимому, все же не было единогласного мнения по поводу экспедиции. Как сообщают античные авторы, поход готовился по оракулу из Додоны (Paus. VIII, 11, 12; cf. Dio Chrys. XVII, 17) и на него расходовались деньги не только из государственной казны, но, возможно, и из священных сумм⁷. Однако некоторые из жрецов были настроены негативно (Nic., 13, 1). Вероятно, такой позиции жрецов способствовали различные знамения, наблюдавшиеся перед началом похода (Paus. X, 15, 5; cf. Plut. Nic., 13, 3-4, 7, 11; Alc., 18, 4). Попутно отметим, что после сокрушительного провала экспедиции в 413 г. афиняне обрушили всю свою ярость не только на ратававших за нее ораторов, но и на прорицателей, не сумевших ее предотвратить (VIII, 1, 1). Однако Алкивиад, который, как понимали уже его современники, был одним из главных инициаторов экспедиции, также привлек на свою сторону древние предзнаменования, сулящие афинянинам удачу (Nic., 13, 1). В таких сложных, не только с точки зрения политики, но и с точки зрения психологии, условиях проходили в Афинах дебаты в экклесии и принималось реше-

⁴ Этим сведениям античных авторов вполне доверяют современные исследователи, см., например: Kagan D. The peace of Nicias and the Sicilian expedition. Ithaca; L., 1981. P. 204.

⁵ Westlake H. D. Athenian aims in Sicily, 427-424 B.C. // Historia. Bd. 9. 1960. S. 385-402; Bosworth B. Athens' first intervention in Sicily: Thucydides and the Sicilian tradition // CQ. Vol. 42. 1992. № 1. P. 46-55. Обычно считается, что хлеб был одной из причин острой заинтересованности Афин в Сицилии, однако, он занимал далеко не главное место в экономике острова, см.: Angelis F. de. Going against the grain in Sicilian Greek economics // G&R. Ser. 2. Vol. 53. 2006. № 1. P. 29-47.

⁶ Интересные наблюдения о ментальности греков и особенностях ее проявления в экстраординарных обстоятельствах см.: Latham K. J. Hysteria in history: some topoi in war debates of Homer, Herodotus and Thucydides // Museum Philologum Londiniense. Vol. 5. 1981. P. 54-67; Карпук С. Г. Толпа в архаической и классической Греции // ВДИ. 2000. № 3. С. 3-15.

⁷ Giovannini A. Le Parthenon, le tresor d'Athena et le tribut des allies // Historia. Bd. 39. 1990. H. 2. S. 129-148.

ние о грандиозном походе. И, тем не менее, начало экспедиции не было отложено, несмотря на то, что гермокопиды нанесли оскорбление божеству, которое являлось покровителем путешественников и моряков. Это можно было бы объяснить известным равнодушием части афинян в отношении соблюдения ими благочестия, что обуславливалось широкой поддержкой самого похода. С другой стороны, в августе 413 г. единичное неблагоприятное знамение – лунное затмение – стало причиной того, что поход на Сиракузы был отложен (Thuc. VII, 47, 1; 48, 4; 50, 4). Причину такой непоследовательности, по-видимому, надо искать в большой эмоциональности афинян, которые к началу похода относились с энтузиазмом и не желали учитывать плохие предзнаменования, а после многочисленных неудач в Сицилии, по словам Фукидида, воинами овладело совершенно другое настроение, заставившее их принимать во внимание даже знаки, которые обычно, не внушали такого панического страха⁸.

Источники свидетельствуют, как постепенно разжигался в Афинах скандал, связанный с изуродованием герм и профанацией мистерий, тем более, что в него почти сразу же оказался замешанным именно Алкивиад⁹. В исследовательской литературе нет единого взгляда на причины, побудившие афинян превратить этот инцидент в грандиозный скандал. Так, Эд. Мейер полагал, что демократические лидеры стремились таким образом устранить политического конкурента, который, по словам Фукидида, мешал им «упрочить свое влияние в народе... и занять первое место в государстве» (VI, 28, 2)¹⁰. Противоположное мнение высказал еще в свое время Г. Гётц, считавший, что врагами Алкивиада являлись олигархи, стремящиеся помешать Сицилийской экспедиции, но самое главное – уничтожить демократа Алкивиада¹¹. Как нам представляется, во-первых, ситуация в Афинах в это время не была подходящей для столь яростного и открытого выступления олигархов, а, во-вторых, древние авторы не называют персонально ни одного сторонника олигархической группировки, участвовавшего в качестве обвинителя в судебном разбирательстве 415 г. Поэтому мы присоединяемся к точке зрения Эд. Мейера.

⁸ Как уже неоднократно отмечалось в литературе, религиозные умолчания Фукидида столь же заметны, как и политические умолчания Ксенофонта, причем вне зависимости от того, как решать вопрос о собственных религиозных взглядах Фукидида. Эта особенность проявляется и в специфике описания событий 415 г., поэтому то, что он пишет о религиозной мотивации поступков своих сограждан, могло не соответствовать общепринятому мнению афинян, см.: Hornblower S. The religious dimension to the Peloponnesian War, or, what Thucydides does not tell us // HSCPh. Vol. 94. 1992. P. 170 ff.

⁹ Weil H. Les Hermocopides et le peuple d'Athenes // REG. T. 6. 1893. P. 317-321.

¹⁰ Meyer Ed. Geschichte des Alterthums. Bd. 4. Stuttgart – B., 1902. S. 507 ff.; ср. Бузескул В. П. История афинской демократии. СПб., 1909. С. 321-323.

¹¹ Gotz W. Der Hermokopidenprocess. // Jahrbucher für classische Philologie. Bd. 8. 1876. Hbd. 8. S. 535-581.

Если же доверять словам Андокида и Исократу, то следствие с пристрастием по делу нечестивцев 415 г. действительно началось именно с доносов на Алкивиада по обвинению в другом преступлении против богов – в осквернении мистерий, в которых он, якобы, участвовал. Его враги, потерпев неудачу в попытке изгнать его с помощью ostracism в 417 г., решили, по-видимому, использовать этот способ ограничения его влияния на внутри- и внешнеполитическую жизнь Афин, о чем ясно говорит Исократ в речи «Об упряжке», составленной, якобы, от имени Алкивиада Младшего. Этот последний, с возмущением отвергая нападки на отца, уверяет слушателей в том, что обвинение в асеебии было делом рук именно его политических врагов: «Зная, что из всех религиозных преступлений граждан более всего могут возмутить преступления против мистерий, а из прочих преступлений – покушения на демократию, они соединили вместе оба эти обвинения и заявили в Совет, что мой отец организовал гетерию для устройства государственного переворота, и что, сходясь на пирушку в доме Пулитиона, отец с товарищами его справляет мистерии. Граждане были возбуждены серьезностью этих обвинений и поспешно созвали народное собрание» (XVI, 6-7). Как нам представляется, вполне возможно, что враги Алкивиада решили испытать настроения народа, бросив такой пробный шар первоначально на заседании Совета, с тем, чтобы потом, при поддержке булевтов, вынести этот вопрос на заседание экклесии. И далее, как бы последовательно продолжая рассказ Исократу, Андокид в речи «О мистериях» говорит, что народное собрание состоялось, когда триера стратега Ламаха уже стояла на внешнем рейде (I, 11) и, как добавляет Плутарх, стратегам были предоставлены неограниченные полномочия (Alc., 18, 3).

На этом собрании выступил некто Пифоник и открыто обвинил Алкивиада в осквернении мистерий, пообещав под условием предоставления «безопасности» (ἄδεῖα) привести слугу в качестве свидетеля. Был приведен Андромах, слуга Полемарха, который и сделал первый донос, назвав десять человек: Алкивиада, Никиада, Мелета, Архебиада, Архиппа, Диогена, Полистрата, Аристомена, Эония, Панэтия (And. I, 12-13). Сразу же после доноса Андромаха, по-видимому, была назначена комиссия Диогнета для расследования всех обстоятельств преступления (And. I, 14).

Момент для такого нападения на Алкивиада был выбран очень удачно – сразу же после осквернения герм, совпавшего, к тому же, с имевшим большое символическое значение праздником Адониса, когда афинские женщины повсюду выставляли изображения покойных и пели погребальные песни (Arist. Lys., 407-415; Plut. Nic., 13, 3; 13, 11; Alc., 18, 4). Аристофан в комедии «Лисистрата» (407-415) представляет это так:

СОВЕТНИК: Когда ж конец придет распутству женскому,
Тимпанам женским, праздникам Сабасия
И оргиям на крыше в честь Адониса?
Ведь сам я был свидетелем в собрании:

За Демостратом слово. Предлагает он
Отправить флот в Сицилию, а женщины
Вопят и пляшут: «Ай, ай, ай, Адонис мой!»
Набор в Закинфе предлагает Демострат,
А женщины на крыше скачут пьяные:
«Увы, увы, Адонис!» Так-то женщины
Перекричали горбуна негодного.

Празднование Адоний происходило в какой-то момент приготовления к Сицилийской экспедиции, но не в день ее отплытия. Трудно представить, что афиняне могли совместить столь долгожданное для них событие с таким печальным днем. С другой стороны, представляется маловероятным, чтобы Аристофан всего лишь через два года после катастрофы, поскольку «Лисистрата» была поставлена в 411 г., мог описать недавние события в искаженном виде. Возможно, как следует из Аристофана (I.c.) и Плутарха (Alc., 18), Адонии задержали на несколько дней начало похода, когда реально все уже было готово¹².

Фукидид¹³ и Плутарх передают очень схожие версии развития событий, представляя как было инспирировано в Афинах сразу после доноса Андромаха шумное судебное разбирательство по делу герм, к которому тут же было присоединено и обвинение в осквернении мистерий с тем, чтобы дискредитировать Алкивиада, обвинив его в попытке олигархического переворота. Среди врагов Алкивиада (Thuc. VI, 28, 2; 61, 1) источники называют демагога Андрокла (Thuc. VI, 19, 1; And. I, 27; Plut. Alc., 19, 1), а также демократов Писандра и Харикла (And. I, 36; cf. Isocr. XVI, 4). Вполне возможно, что одним из главных инициаторов нападков на Алкивиада был именно Андрокл, представитель крайне радикальной демократии (Plut. Alc., 19; cf. Thuc. VI, 19, 3). С нашей точки зрения, также вполне обоснованно можно предположить, что Андромах, сделавший первое официальное заявление относительно осквернения мистерий Алкивиадом (And. I, 11-13), и был одним из тех рабов и метеков, которых привел Андрокл. Но, будучи в Афинах фигурой одиозной в политическом плане, Андрокл хотел остаться в тени, поскольку, в ином случае, цель его выступления была бы воспринята исключительно как нападки на конкурента. Поэтому вместо него на собрании выступил Пифоник, личность нам ближе неизвестная и, вероятно, более нейтраль-

¹² Дата Адоний дискутируется в научной литературе, в которой приводятся сроки, начиная с ранней весны и кончая поздней осенью, см.: Hatzfeld J. Le depart de l'expédition de Sicile et les Adonies de 415 // REG. T. 1. 1937. P. 293-303; Furley W. D. Die Adonis-Feier in Athen, 415 v. Chr. // Ktema. Vol. 13. 1988. P. 13-19; Dillon M. P. 'Woe for Adonis': But in spring not summer // Hermes. Bd. 131. 2003. H. 1. S. 1-16.

¹³ О соотношении версий Фукидида и Андокида см.: Raubitschek A. E. Andocides and Thucydides // Raubitschek A. E. The schools of Hellas. Essays on Greek history, archaeology, and literature. N.Y., Oxford, 1991. P. 292-295. По мнению А. Раубичека Андокид, составляя свою речь «О мистериях» в 400 г., был знаком с описанием событий в «Истории» Фукидида.

ная, который и предложил привести раба в качестве свидетеля и, более того, участника кошунственного представления мистерий Алкивиадом.

Затем враги, по-видимому, не без участия того же самого Андрокла, договаривают ораторов выступить с предложением провести судебное разбирательство уже после окончания похода (Plut. Alc., 19 ff.; cf. Nep. Alc., 4, 1-3). Алкивиад, чувствуя поддержку воинов, пытался добиться суда сразу же, опасаясь заочного осуждения. Однако его враги испугались, что благодаря привлекательности личности Алкивиада и давлению войска приговор может оказаться слишком мягким и настояли на начале экспедиции (Thuc. VI, 19, 29-30; Plut. Alc., 19). Причиной этого было как невозможность задерживать огромное войско, собранное в городе, так и то, что, вероятно, как пишет Плутарх, «сначала против Алкивиада были только шаткие подозрения, основанные на показаниях рабов и метеков» (Alc., 20, 2).

Но после выхода эскадры в море настроение граждан сразу же изменилось из-за тревоги за близких, различных неблагоприятных знамений и, самое главное, кошунства, в котором, как поговаривали в Афинах, был виновен один из стратегов. При этих обстоятельствах достаточно было вновь инициировать страх перед карой богов и, что было еще действенней, перед тиранией, для того, чтобы разразился громкий общественный скандал (Thuc. VI, 53, 2). Сразу же после первого доноса на Алкивиада была обещана «безопасность» за доносы о любых прегрешениях в отношении религии. Враги же Алкивиада, воспользовавшись его отсутствием в городе, «возобновили свои нападки еще решительнее, приплетая шутовские мистерии к надругательству над статуями Гермеса, словно и то и другое – плод единого заговора, цель коего – мятеж и государственный переворот» (Plut. Alc., 20, 2). Фукидид еще более недвусмысленно объясняет причину этих обвинений: «Эти люди были особенно озлоблены на Алкивиада за то, что тот, стоя у них на дороге, мешает им упрочить свое влияние в народе, и надеялись, изгнав его, занять первое место в государстве. Поэтому они кричали, что и повреждение герм, и кошунственное подражание обрядам мистерий – все это лишь часть заговора для свержения демократии, а виновник всего этого – Алкивиад. В подтверждение этого они ссылались на его образ жизни и поступки, противоречащие духу демократии» (Thuc. VI, 28, 2). Так, в атмосфере истерии и паники, о которой свидетельствуют как Фукидид, так и Андокид, была инициирована последующая серия доносов и началось следствие по делу гермокопидов и профанаторов мистерий (Thuc. VI, 60, 3-5; And. I, 51, 56, 58, 59, 66, 68). Причем, необходимо еще раз это подчеркнуть, следствие по делу гермокопидов и профанаторов мистерий имело характер именно коллективной истерии с религиозным оттенком, что и привело к столь пагубным результатам.

Так, второй донос, уже после отплытия флота, сделал метек Тевкр, тайно бежавший в Мегары и оттуда сообщивший Совету, что в случае предоставления «безопасности» он расскажет все, что знает (And. I, 15). В доносе Тевкра значилось 12 человек, включая и его самого, виновных в осквернении мистерий (I, 15) и 18 человек, участвовавших в осквернении герм (I, 34-35). Таким

образом, метек Тевкр был первым, по свидетельству Андокида, кто представил следствию конкретную информацию о гермокопидах. Вероятно, информация была правдивой, так как почти все имена встречаются или в других доносах или на Аттических стелах. После этого доноса в городе началась уже настоящая паника (Thuc. VI, 60, 2; Nep. Alc., 3, 3) и следователи Писандр и Харикл, считавшиеся тогда «в высшей степени преданными народу» (And. I, 36), заявили, что это заговор против демократии и необходимо продолжать расследование. Были приняты дополнительные меры и, в том числе, назначены большие награды за донос о религиозных преступлениях: по псефизме Клеонима – 1000 драхм, по псефизме Писандра – 10 000 драхм (And. I, 28). После этого афинским властям было представлено еще несколько доносов – Агаристы, раба-лидийца, Диоклида и Андокида.

Донос Агаристы является непростым вопросом. Агариста была женой Алкмеонида, а до этого – женой Дамона¹⁴. В ее доносе значилось, что в доме Хармида справляют мистерии Алкивиад, Аксиох и Адимант, вследствие чего двое последних, еще остававшихся в городе, вынуждены были бежать (I, 16). Некоторые исследователи выражают сомнение, как могла Агариста, respectable женщина, каким-то образом узнать о происходивших представлениях в андроне, причем даже не ее собственного дома¹⁵. Это недоверие исходит из бытующего представления о замкнутости жизни женщины в гинекее, но для его опровержения достаточно привести в качестве примера «Женщин в народном собрании» Аристофана, где главный герой Блепир довольно спокойно реагирует на уход жены из дома ранним утром и лишь ворчливо интересуется после ее возвращения, почему она его не предупредила и почему взяла его одежду и обувь (520-570). Это, конечно же, комедия, но обычно Аристофан высмеивал именно то, чему имелись прецеденты в повседневной жизни и что было понятно зрителям¹⁶. Поэтому, мы полагаем, что Агариста вполне могла получить информацию, причем, различными способами: во-первых, она сама каким-то образом могла присутствовать в доме в это время и видеть указанных ею лиц, а от рабынь узнать о представлении. К тому же, андрон, где обычно пировали мужчины, всегда находился на первом этаже и не имел дверей. Во-вторых, Агариста могла получить информацию от самого Алкивиада, поскольку, судя по ее имени, также происходила из рода Алкмеонидов – она была дочерью Арифрона и, следовательно, племянницей Перик-

¹⁴ Дамона исследователи, правда, с некоторым сомнением, идентифицируют с философом, занимавшимся также музыкой, другом и советчиком Перикла, см.: Davies J. K. APF. P. 282-284; ср.: Kagan K. J. The peace of Nicias ... P. 202. N. 43; MacDowell D. M. Andokides. On the mysteries. Oxford, 1962. P. 75; Raubitschek A. E. Damon // CM. Vol. 16. 1955. P.79.

¹⁵ Murray O. The affair of the mysteries: Democracy and the drinking group // Symptotica / Ed. O. Murray. Oxford, 1991. P. 154.

¹⁶ Подробнее см.: Соболевский С. И. Три «женские» комедии Аристофана // Соболевский С.И. Аристофан и его время. М., 1957. С. 261-277; Taaffe L. K. Aristophanes and women. London, 1993.

ла¹⁷. В-третьих, Агариста и семья названного ею в доносе Аксиоха, возможно, находились в родстве и тесно общались, так как, не исключено, что мать Аксиоха была сестрой Аспасии¹⁸. Отношения могли поддерживаться через сына Аспасии и Перикла, являвшегося, как известно, также Алкмеонидом со стороны матери. И, наконец, источником ее сведений о справлявшихся в доме Хармида мистериях мог быть её бывший муж Дамон, который, возможно, был еще жив в 415 г.¹⁹ Возможно это и было причиной того, что, конкретизируя о какой Агаристе идет речь, Андокид после ее тогдашнего мужа Алкмеонида называет ее первого мужа – философа и музыканта Дамона. Таким образом, вариантов могло быть несколько, но ввиду недостаточности наших сведений, мы не будем выбирать наиболее вероятный. Попутно отметим, что не стоит недооценивать также степень эмансипации женщин, особенно из знатных семей²⁰, поскольку отсутствие политических прав не обязательно превращало их в запуганных и ограниченных существ, что и доказывает донос Агаристы, обвинившей, возможно, по собственной инициативе самого Алкивиада, уже выбранного к тому времени стратегом для Сицилийского похода. Нам представляется такое объяснение предпочтительным, поскольку, если бы ее донос был инициирован врагами Алкивиада, они, скорее всего, предпочли бы доносчика-мужчину, которому было бы больше доверия со стороны судей. Выбрать же такого среди большого числа афинян, с которыми был знаком Алкивиад, по всей видимости, не было трудным делом. В отличие от других доносов, сделанных метеком, двумя рабами и самим Андокидом, принужденным к этому арестом и угрозой казни, в данном случае мы имеем дело с публичным доносом женщины, принадлежащей к семье, стоящей на высшей ступени социальной иерархии, против других представителей «голубой крови», и поэтому этот эпизод можно расценивать как «одно из самых сенсационных событий чрезвычайно сенсационного года»²¹. Вообще, по афинскому законодательству, женщинам запрещалось свидетельствовать на следствии и в суде, за исключением случаев, касающихся предательства полисных интересов, нечестия и кражи государственных денег²². Таким

¹⁷ MacDowell D. M. *Andokides* ... P. 75; Davies J. K. *APF*. P. 382 ff.; Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII-V вв. до н.э. М., 2000. С. 61 слл.

¹⁸ Bicknell P. J. *Axiochos Alkibiadou, Aspasia and Aspasio* // *AC*. T. 51. 1982. P. 240-250.

¹⁹ Он представлен одним из действующих лиц в «Государстве» Платона см.: Dover K. J. *Lysias and the Corpus Lysiacum*. Berkeley, 1968. P. 29-32, 42.

²⁰ О потенциальных возможностях женщин из высшего сословия в более широком контексте см.: Mitchell L. G. *The women of ruling families in Archaic and Classical Greece* // *CQ*. Vol. 62. 2012. № 1. P. 1-21.

²¹ Wallace R. W. *Charmides, Agariste and Damon: Andokides I.16* // *CQ*. Vol. 42. 1992. № 4. P. 333.

²² Lipsius J. H. *Das attische Recht und Rechtsverfahren*. Bd. 1. Lpz., 1905. S. 208-211; Harrison A. R. W. *The law of Athens*. Vol. 1: *The family and property*. Oxford, 1968. P. 17; Just R. *Women in Athenian law and life*. L., 1991.

образом, право она имела выступить со своей информацией перед Советом, а вот что касается причины, то мы, вероятно, так ее никогда и не узнаем. Делать же различные предположения очень рискованно, поскольку психологическое обоснование человеческих поступков не всегда бывает однозначным. Тем не менее, исследователи делают такие попытки.

Вскоре был сделан еще один донос неким рабом-лидийцем, в котором говорилось, что в деме Фемак в доме его хозяина Ферекла также справлялись мистерии. Однако Андокид лишь вскользь упоминает о том, что следствию был представлен целый список и далее с возмущением говорит о том, что среди прочих там был назван и его отец Леогор, который, впрочем, во время представления спал, завернувшись в одеяло (I, 17). После этого доноса Леогора привлекли к суду, но так как доказательств его вины было недостаточно, а сам он имел репутацию кутилы²³, но никак не человека, склонного к преступлению, он, возбудив против предавшего его суду булевта Спевсиппа обвинение по графэ параномон, с легкостью выиграл это дело.

Вскоре поступил еще один донос – Диоклида, оказавшийся губительным для самого Андокида и поэтому описанный им очень подробно и эмоционально. Судя по всему, Андокид использует для реконструкции событий того времени текст официального доноса, поданного Диоклидом, и материалы следствия²⁴. Он изображает Диоклида бессовестным и продажным человеком, которого ни в коей мере не беспокоили ни безопасность города, поставленная под угрозу этим нечестием, ни оскорбление, нанесенное богам, а только собственная выгода. Диоклид сделал на заседании Совета заявление, что знает людей, осквернивших гермы, и рассказал о том, как он столкнулся с ними (I, 38-46). По его словам, по пути в Лаврий он увидел ночью в театре Диониса приблизительно 300 афинян, стоящих отдельными группами по 15-20 человек. Он уверял, что при ярком свете луны, поскольку было полнолуние²⁵, он узнал большинство из них²⁶. Затем, вернувшись в город, когда следователи и награды были уже назначены, Диоклид, однако, не поспешил к

²³ Леогор часто служил предметом насмешек в афинских комедиях: Аристофан говорил о его изысканных утехениях (*Vesp.*, 1269), о том, что он у себя дома специально выращивал фасидских птиц, т.е. фазанов (*Nub.*, 109), а его современник Платон в комедии «Огорченный» высмеивал Леогора как обжорливого, ненасытного человека (*Athen.* IX p 387 a).

²⁴ Meritt B. D. The departure of Alcibiades for Sicily // *AJA*. Vol. 34. 1930. № 2. P. 139.

²⁵ В источниках приводится два варианта: «При полной луне» (*And.* I, 38) и «В последнюю ночь старого месяца» (*Plut. Alc.*, 20, 8). К. Довер пытается примирить эти версии, доказывая, что в Афинах того времени часто путали эти понятия (cf. *Aristoph. Nub.*, 615-626, 746-756; *Thuc.* II, 28), см.: Dover K. J. *Diokleides and the light of the moon* // *CQ*. Vol. 15. 1965. № 3. P. 247-250.

²⁶ Диодор, свидетельствуя, по-видимому, о доносе Диоклида, приводит путанную версию: что кто-то из частных лиц видел как в новолуние, в самую полночь, Алкивиад с какими-то людьми входил в дом метека. Сказав же, что узнал их всех при свете луны, доносчик тем самым изобличил себя во лжи (XIII, 2, 5-7).

властям, что было бы естественным для патриотичного и благочестивого человека. Вместо этого он стал вымогать у родственников Андокида деньги за молчание. И только после того, как он не получил обещанные, якобы, два таланта, он сделал исангелию в Совете, назвав в числе сорока (I, 47; или сорока двух – I, 43) узанных им афинян одиннадцать (I, 47; или тринадцать – I, 68) родственников Андокида, в том числе, и Леогора. Информации Диоклида сразу же поверили, настолько она была с первого взгляда правдоподобной и отражала существовавшую тогда практику собраний гетерий, состоявших как раз из 15-20 членов. Донос вызвал бурную реакцию булевтов: было предложено даже отменить запрет пытать на колесе свободных, узаконенный некогда по предложению Скамандрия, с тем, чтобы узнать еще до наступления ночи у перечисленных в доносе и тут же арестованных имена всех участников совершенного нечестия. В городе было объявлено военное положение, граждане с оружием должны были собраться на агоре, всадники – отправиться в Анакий, а булевты и пританы – ночевать одни на Акрополе, другие в толпе (And. I, 43-45).

Возможны разные объяснения поступка Диоклида. Сам Диоклид, по словам Андокида, впоследствии признал, что его подговорили выступить с ложным доносом Алкивиад из дема Фегунт и Амиант с Эгины (And. I, 65). Они могли пообещать ему, например, часть той суммы, которая была запрошена за молчание, поскольку реальная возможность получить эти деньги была, так как Андокид все же состоял в гетерии, об участии которой в преступлении могло стать им известно. Возможно также, что этот Алкивиад был двоюродным братом стратега Алкивиада, был небогат, завидовал ему и таким образом хотел заработать сам и пошекотать нервы своему знаменитому родственнику, обвиненному в другом преступлении против богов. По-видимому, меркантильную причину доноса подтверждает и тот факт, что все, перечисленные поименно в доносе Диоклида, были известными и богатыми людьми²⁷. Таким образом, заявленная Диоклидом вовлеченность подобных людей в дело с гермами вполне могла подкреплять основание и для существовавших уже опасений относительно олигархического заговора.

В числе прочих после доноса Диоклида были арестованы Андокид и его отец Леогор. В тюрьме Андокида и уговорили сделать заявление по поводу герм – по версии самого Андокида это был его двоюродный брат Хармид (I, 49-50), по словам же Плутарха – некий Тимей (Alc., 21, 4-5). Вполне можно предположить, что первоначально к Андокиду действительно обратился Хармид, а затем, когда стало известно, что если один из заключенных сознается в преступлении, то, возможно, «ценою жизни немногих и к тому же сомнительных личностей будет спасено от гнева толпы множество безупречно порядочных людей» (Plut. Alc., 21, 5), к уговорам присоединился и Тимей, не принадлежавший к семье Андокида. Таким образом произошел шестой донос относительно преступления нечестивцев в 415 г., но он имел непосред-

²⁷ Davies J. K. APF. P. 29-32, 326, 328.

ственное отношение только к делу гермокопидов. По свидетельству Андокида это преступление совершили члены его гетерии во главе с Эвфилетом в качестве залога верности. Сам Андокид уверял, что не участвовал в нем, но сохранял тайну из-за угроз со стороны гетайров, пока под давлением обстоятельств не донес на четверых, еще остававшихся вне наказания гермокопидов, а именно – на Панэтия, Хэредема, Диакрита и Лисистрата (And. I, 52)

В речи «О мистериях» Андокид уделяет очень много внимания личной апологии в связи со своим доносом в 415 г. Он пытается убедить слушателей насколько трудно было ему сделать это (I, 51-60), хотя, названные им люди определенно виновны. И, наконец, поскольку речь была написана позже – в 400 г., он говорит, его донос не оказался катастрофическим для них – все они остались живы, возвратились из изгнания и сохранили право собственности в Афинах (I, 53, 68)²⁸. Кроме того, он превозносит свою «благородную» миссию в 415 г., представляя себя хорошим гражданином, другом и сыном, соблюдающим старинные патриархальные традиции. И, наконец, по словам Андокида, им руководило патриотическое желание избавить город от величайших опасностей и бедствий, когда все граждане подозревают друг друга, тем самым предоставляя и остальным своим согражданам возможность стать жертвами ложных доносов (I, 51, 56, 59, 66, 68). Эти рассуждения Андокида о благотворном воздействии на город его сообщения подтверждает и Фукидид, лично не заинтересованный в каком-то особом освещении событий того времени: «Заслуженно ли понесли наказание потерпевшие, осталось неизвестным, но всему государству, при сложившихся тогда обстоятельствах, это принесло очевидную пользу» (VI, 60, 5).

После доноса Андокида о гермах следователи и булевты проверили сообщенные им факты и нашли, что они соответствуют действительности (Thuc. VI, 61, 1). Диоклид был вызван на заседание комиссии и сразу же сознался во лжи, назвав при этом тех, кто подговорил его выступить с такими показаниями. Таким образом, донос Диоклида откровенно носил характер сведения личных или политических счетов. Здесь же, кстати, необходимо отметить, что побудительным мотивом как для самого Андокида, так и для других доносчиков, выступает не столько оскорбленное религиозное чувство и желание отомстить за обиду, нанесенную богам родного города, сколько вполне тривиальные причины. И хотя афиняне, как и остальные греки, верили, что общество находится в опасности, пока нечестивое деяние одного или нескольких его членов остается ненаказанным (Soph. Oed. Tug., II, 95; Xen. Hiero, 4, 4), они все же отправляют экспедицию в Сицилию, среди участников которой находятся подозреваемые в совершении святотатства. Тем уместнее, казалось бы, проявление осторожности в отношении такой акции, поскольку божество, которому было

²⁸ Впрочем, Псевдо-Лисий оспаривает это утверждение Андокида, обвиняя его в том, что он довел до казни многих своих друзей и родственников своим доносом. Однако этот автор отличается крайне негативным отношением к Андокиду, поэтому подобное заявление неудивительно (VI, 24).

нанесено оскорбление, являлось покровителем путешественников. Объяснение этому, видимо, надо искать в свидетельстве Фукидида об ослаблении веры большинства афинян в справедливое божественное воздаяние, которая особенно сильно пошатнулась в период чумы в Афинах, так что не было уже ни прежнего почитания богов, ни страха перед ними (II, 53, 4).

Ко всему вышесказанному необходимо добавить, что Плутарх (Alc., 22, 4; cf. 19, 1) приводит текст еще одного доноса на тех, кто участвовал в профанации мистерий, о котором не упоминает Андокид: «Фессал, сын Кимона, из дема Лакиады, обвиняет Алкивиада, сына Клиния, из дема Скамбониды, в том, что он нанес оскорбление богиням Деметре и Коре: в своем доме на глазах у товарищей он подражал тайным священнодействиям, облаченный в stole, в какую облачается верховный жрец, когда являет святыни, и себя именовав верховным жрецом, Пулитуона – факелоносцем, Феодора из дема Фегея – глашатаем, остальных же приятелей называл мистами и эпоптами вопреки законам и установлениям Эвмолпидов, Кериков и элевсинских жрецов».

Вполне убедительно, с нашей точки зрения, показано М. Хансеном место этого доноса в общей цепочке событий²⁹. Он полагает, что поскольку афиняне первоначально постановили отложить судебное разбирательство до возвращения Алкивиада из Сицилийского похода после первого доноса Андромаха, приведенного Пифоником, то впоследствии в результате повторных доносов, где имя Алкивиада встречалось, по-видимому, неоднократно, они изменили свое мнение. После же исангелии Фессала они решили возобновить разбирательство в отсутствие Алкивиада, тем временем отправив за ним «Саламинию». Вероятно, именно об этом свидетельствует Исократ в речи «Об упряжке», где говорится о том, что Алкивиад, оправдавшись после доноса с обвинением за его участие в мистериях в доме Пулитуона (ср.: And. I, 11-13), «отплыл в Сицилию, полагая, что он уже освободился от обвинения. Однако, его враги, настроив соответствующим образом Совет и подчинив своему влиянию ораторов, вновь стали раздувать это дело и подсылать доносчиков... Ведь они не успокоились до тех пор, пока не отозвали [Алкивиада – Е.Н.] из армии, а из друзей его одних убили, а других изгнали из государства» (XVI, 7). Среди этих самых доносчиков и были, возможно, Агариста и Фессал³⁰. Таким образом, несмотря на то, что Андокид говорит, что его список доносов полный (I, 25), он все же опускает свидетельство о Фессале. Вряд ли он мог не знать о нем, поскольку составлял свою речь «О мистериях» намного позже событий 415 г. Вероятно, у него были для такого умолчания веские причины. Как нам представляется, в качестве вполне вероятного объяснения можно привести такое: исангелия Фессала произошла позже доноса Андокида и, таким образом, постави-

²⁹ Hansen M. H. *Eisangelia. The sovereignty of the people's court in Athens in the fourth century B.C. and the impeachment of generals and politicians.* Odense, 1975. P. 76-77.

³⁰ О. Мюррей, в отличие от М. Хансена, считает исангелию Фессала вторичным обвинением по отношению к сообщению Андромаха, а не позднейшим доносом, см.: Murray O. *The affair of the mysteries ...* P. 154. N. 15, 17.

ла окончательную точку в следствии, но Андокиду в целях личной защиты необходимо превознести собственную роль в деле раскрытия этого преступления, почему он и не говорит ничего о Фессале.

После бегства Алкивиада из Фурий (Plut. Alc., 22, 5; Nep. Alc., 4, 3) следствие по делу гермокопидов и осквернителей мистерий, по всей видимости, вскоре было завершено. Алкивиад и тех, кто бежал вместе с ним, осудили заочно и конфисковали их имущество (ср.: Isocr. XVI, 8; Nep. Alc., 4, 5). Кроме того, по словам Плутарха, «было принято дополнительное решение, обязывающее всех жрецов и жриц предавать его проклятию; говорят, что Феано, дочь Менона, из дема Агрила, не подчинилась этому решению, заявив, что она посвящена в сан для благословений, а не для проклятий» (Alc., 22, 5). Процедуру проклятия, говоря, правда, ошибочно об Андокиде, описывает Псевдо-Лисий: «Жрицы и жрецы, став лицом к западу, проклинали его и потрясли багряницами по стародавнему обычаю» (VI, 52).

В результате доносов еще до начала судебного процесса бежало довольно много афинян: одни еще в процессе следствия (And. I, 13, 15, 16, 18, 34), другие – из Фурий вместе с Алкивиадом (Thuc. VI, 61, 4-6). Исократ добавляет еще одну подробность, которая свидетельствует о степени ярости афинян на Алкивиада, для сына которого и была написана эта речь. В ней он говорит, что враги его отца даже убедили афинян «начать преследовать его по всей Элладе, записать о нем на каменной стеле и, отправив послов, требовать его выдачи...» (XVI, 9). Вторит ему и Корнелий Непот: «Жрецы Эвмолпиды, вынужденные к тому народом, проклинали его, а проклятие это, чтобы память о нем была прочнее, вырезали на каменном столбе и выставили для всеобщего обозрения» (Nep. Alc., 4, 5)³¹.

В какой-то момент проведения этих «репрессий» в 415 г. была принята псефизма Исотимида в соответствии с которой нечестивцам запрещалось посещать храмы (And. I, 71)³². Это был способ наказания нечестивца, имевший вид частичной атимии, лишавший человека всей полноты гражданских прав. Подобное наказание считалось настолько серьезным, что современные исследователи сравнивают его с гражданской казнью. О широте его применения нам сейчас судить достаточно сложно из-за недостатка данных. Так, Б. Штраусс даже предположил, что псефизма Исотимида была направлена специально против Андокида³³. Основание для такого суждения можно, конечно, видеть в словах Псевдо-Лисия, что после того, как Андокид избежал с помощью полученной за донос «безопасности» наказания в 415 г., афиняне «сделали дополнительное постановление – не допускать его на площадь и в храмы» (VI,

³¹ О проклятии как средстве политической пропаганды см.: Schmidt G. Fluch und Frevel als Elemente politischer Propaganda im Vor- und Umfeld des Peloponnesischen Krieges // Rivista storica dell' antichità. Vol. 20. 1990. P. 7-30.

³² См. ссылки на литературу с различной датировкой этой псефизмы: Missiou A. The subversion oratory of Andokides. Politics, ideology and decision-making in democratic Athens. Cambridge, 1992. P. 26. N. 35.

³³ Strauss B. S. Andocides' On the mysteries ... P. 261.

24). Однако этот автор является не очень надежным источником, поскольку его речь содержит много неточностей и фактических ошибок. Кроме того, против такого предположения можно привести существование в афинском праве так называемого закона $\epsilon\pi' \alpha\upsilon\delta\rho\acute{\iota}$, который запрещал принимать какое-либо постановление, имеющее ввиду только одного конкретного человека, что должно было являться осуществлением принципа равноправия перед судом и законом всех граждан демократического государства³⁴. Поэтому, с нашей точки зрения, закон этот, безусловно, принимался против всех осужденных за кошунство и над гермами и над мистериями. Впрочем, вполне возможно, что именно Андокида часто упрекали в нарушении псефизмы Исотимида, особенно после того, когда он, по словам Псевдо-Лисия, стал вести в Афинах очень уж активную социальную и религиозную жизнь после своего возвращения в город в 403 г.³⁵

Кроме того, Андокид яростно доказывает судьям, что и сама псефизма Исотимида против нечестивцев уже не является действующей в 400 г., поскольку ее отменила псефизма Патроклида 405 г. о примирении и восстановлении прав тех, кто подвергся частичной атимии (And. I, 71-80). Однако, по мнению современных исследователей, Андокид пытается убедить судей совершить юридическую ошибку, так как принятие этого постановления имело чуть ли не исключительную цель – восстановить права, ущемленные в период политических неурядиц во время правления Четырехсот³⁶. Таким образом, псефизма Патроклида носила политический характер и не могла служить основанием для дарования прощения тем, кто совершил какое-либо преступление против богов, как в 415 г., так до и после этого года³⁷.

В отличие от этих постановлений псефизма Сиракосия, принятая в 415/414 г. при архонте Харии (Schol. Aristoph. Av., 997), представляет гораздо большую проблему. Сведений об афинском политике Сиракосии очень мало – в «Птицах» Аристофана он выступает в роли Дрозда (1297), а в схолиях к этому же месту поясняется, что он предложил декрет, ограничивающий свободу комедиографов, за что на него яростно нападал Фриних (fr. 26 Kock). Дискуссию о сущности этого декрета начал в свое время еще И. Дройзен, считавший, что он, хотя и не наложил полный запрет на использование

³⁴ Hansen M. H. The Athenian Ecclesia: A collection of articles, 1976-1983. Copenhagen, 1983. P.164, 180, 194-195 ff.

³⁵ Подробнее об этом см.: Никитюк Е. В. Оратор Андокид и процессы по обвинению в религиозном нечестии в Афинах на рубеже V-IV веков до н.э. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1996. Вып. 3 (№ 16). С. 34-35.

³⁶ MacDevitt A. S. Andocides I, 78 and the decree of Patrocleides // Hermes. Bd. 98. 1970. H. 4. S. 503-505; Boegehold A. L. Andokides and the decree of Patrocleides // Historia. Bd. 39. 1990. H. 2. S. 149-162; ср.: Droysen J. G. De Demophanti Patroclidis Tisameni populiscitis quae inserta sunt Andocidis orationi $\Pi\epsilon\rho\acute{\iota} \mu\upsilon\sigma\tau\eta\rho\acute{\iota}\omega\nu$. Berolini, 1873. P. 11-27.

³⁷ Некоторые исследователи скептически относятся к информации Андокида и считают, что тексты передаваемых им декретов, в том числе декрета Патроклида, не являются аутентичными, см.: Canevaro M., Harris E. M. The documents in Andocides' On the Mysteries // CQ. Vol. 62. 2012. № 1. P. 100-110.

имен конкретных современников в комедии (ὄνομαστὶ κωμῳδεῖν), был направлен именно против совершивших кощунство над гермами и мистериями. Главной же его целью, по мнению Дройзена, было лишить афинян воспоминаний об Алкивиаде даже в такой сатирической форме³⁸.

Эту гипотезу И. Дройзена, несмотря на ее кажущуюся логичность, оспорили некоторые современные исследователи. Они считают, что хотя ни одно имя из числа гермокопидов или осквернителей мистерий не появляется в комедиях с 415 по 411 г., все же сомнительно, что схолии к Аристофану свидетельствуют о декрете, направленном именно против нечестивцев, прежде всего, гермокопидов, как полагал И. Дройзен³⁹. Однако, в современной историографии до сих пор нет единого мнения и, например, Дж. Аткинсон возражает против такой интерпретации псефизмы Сиракосия, приводя следующие доводы в защиту своей точки зрения. Во-первых, «Демы» Эвполида, поставленные в 413, 412 или 411 г.⁴⁰, изображают, возможно, Алкивиада (Fragm. Att. Com. I, 360 ff.; 979 ff. Edmonds) и содержат насмешку над «грабителем святынь» Диогнетом, не исключено, что именно над тем, на кого донес Тевкр относительно кощунства над мистериями (And. I, 15). Во-вторых, поскольку виновные бежали или были казнены, то не удивительно, что их имена не появляются в комедиях этого периода. Это было вызвано, по его словам, тем, что «смерть или изгнание, как избирательное поражение, давало общественным фигурам передышку, или, во всяком случае, временную отсрочку от атак сатиры, поэтому их вина не нуждалась в защите с помощью цензуры»⁴¹. С точки зрения этого автора, цель псефизмы Сиракосия совершенно иная – защитить ложно обвиненных в преступлениях против богов от дальнейших нападков сограждан, хотя бы в комедии. Таким образом, вопрос относительно псефизмы Сиракосия пока так и остается дискуссионным.

2. Результаты следствия по делу гермокопидов и осквернителей мистерий

Таким образом, уже после окончания, вероятно, самого судебного процесса еще в течение года⁴² производилась распродажа конфискованного иму-

³⁸ Droysen J. G. Des Aristophanes Vogel und die Hermokopiden // RMPH. Bd. 3. 1835. S. 161; Bd. 4, 1836. S. 59-60. Anm. 45. Анализ гипотезы И. Дройзена см.: Sommerstein A. H. The decree of Syrakosios // CQ. Vol. 36. 1986. № 1. P. 101-108. Автор настоящей работы в целом поддерживает его выводы.

³⁹ Maidment K. J. The later comic chorus // CQ. Vol. 29. 1935. № 1. P. 10.

⁴⁰ Точную дату постановки этой пьесы определить не удастся, подробнее см.: Körte A. Fragmente Einer Handschrift der Demen des Eupolis // Hermes. Bd. 47. 1912. H. 2. S. 276-313; Jensen Ch. Zu den Demen des Eupolis // Hermes. Bd. 51. 1916. H. 3. S. 321-354; Storey I. C. Dating and re-dating Eupolis // Phoenix. Vol. 44. 1990. № 1. P. 1-30; Telò M., Porciani L. Un'alternativa per la datazione dei «Demi» di Eupoli // Quaderni Urbinati di Cultura Classica. N. S. Vol. 72. 2002. № 3. P. 23-40.

⁴¹ Atkinson J. E. Curbing the comedians: Cleon versus Aristophanes and Syracosius' decree // CQ. Vol. 42. 1992. № 1. P. 61.

⁴² Так, Н. Б. Клячко считает, что продажа производилась с декабря 415 г. по январь-

шества нечестивцев, что было связано как с большим его количеством, так и с общей экономической и политической ситуацией в Афинах.

Преступления, совершенные гермокопидами и осквернителями мистерий, получившие столь громкий резонанс в античном мире, повлияли прямо или косвенно на судьбы очень многих людей, а не только самого известно-го из них – стратега Алкивиада. Общее число только привлеченных к суду и наказанных, сведения о которых сохранились в литературных источниках и на Аттических стелах, доходит до ста человек⁴³. Однако нам представляется вполне обоснованным предположить, что их, в действительности, было значительно больше, ибо авторы (Фукидид, Плутарх, Непот) передают лишь общую канву событий, неизменно называя только имя Алкивиада и некоторых других известных в Афинах людей.

Приведем все же несколько цифр. Из 65 человек, которых мы знаем поименно и о которых мы имеем хотя бы какие-то сведения в литературных источниках в связи с процессом по обвинению в асеебии в 415 г., 15 человек засвидетельствованы параллельно эпиграфическими данными, т.е. Аттическими стелами. Основной наш источник в этом плане, как было уже сказано – Андокид – и такое подтверждение его слов документальными свидетельствами заставляет более доверительно относиться и к остальной его информации. Из этих 65 – 33 человека имели отношение к кошунству над гермами, 27 – к профанации мистерий, а пятеро обвинялись в обоих преступлениях. Но не все вовлеченные в данное судебное разбирательство были признаны виновными, поскольку доносчиков Тевкра и Андокида, а также перечисленных в доносе Диоклида впоследствии освободили. Таким образом, соотношение изменяется – 21 человек был осужден или бежал и, тем самым, признал свою вину в кошунстве над гермами, 26 человек – в кошунстве над мистериями, 4 – в обоих преступлениях (на стелах значатся соответственно 4, 9 и 2 имени). Но тех, кого действительно считали виновным в том или другом нечестии было гораздо больше, так как и Андокид и Фукидид говорят иногда в общей форме – «были казнены», «бежали», не уточняя персонально. Это также подтверждается и Аттическими стелами, где значатся имена еще троих нечестивцев, однако, из-за плохого состояния текста невозможно определить ни состав их преступления, ни имя полностью. Попутно отметим, что в дошедших до нас фрагментах этих эпиграфических документов нет ни одного имени, которое фиксировали бы только они, но которое не встречается в литературных источниках, что, по-видимому, свидетельствует об их относительной полноте.

Конкретно о судьбе каждого из признанных виновным можно судить также только на основании слов Андокида, однако, в ряде случаев, его информация оказывается явно недостаточной. Из всех обвиненных, по его словам, в

февраль 413 г., см.: Клячко Н. Б. Стелы гермокопидов как источник сведений о рабах V в. до н.э. // ВДИ. 1966. № 3. С. 118.

⁴³ Эту цифру принимают и современные исследователи, см., например: Kagan D. The peace of Nicias ... P. 202. N. 46.

асебии, лишь о Полистрате он персонально сообщает, что тот был казнен. В остальных же пассажах речь идет о нечестивцах только в общей форме, так, например, он говорит, что после доноса Тевкра относительно герм «одним из них удалось спастись бегством, другие же были схвачены и казнены» (I, 34). При этом Андокид приводит целый список, ориентируясь, вероятно, на официальный текст доноса, но мы не можем определить какая участь была уготована каждому из перечисленных.

Кроме всего прочего Аттические стелы являются очень ценным документальным источником, характеризующим, хотя бы частично, материальное положение осужденных⁴⁴. По-видимому, была проведена полная конфискация их имущества, а не только его самой ценной части – земельной собственности и недвижимости. Было конфисковано довольно много участков, причем расположенных как на территории различных аттических демов, так за их пределами, например, на Фасосе. Несколько раз говорится об урожае в различных областях Аттики, который, по всей видимости, был продан на корню. Что касается земельной собственности, то часть домов и участков была, вероятно, сразу же продана, а часть – сдана полетами в аренду, так как на стелах значатся довольно большие суммы, поступившие в казну именно в качестве арендной платы.

Вывод же о полной конфискации можно сделать из того факта, что на стелах сохранились упоминания даже о таких мелочах, как, например, о гвоздях и тростниковых циновках, или об испорченных вещах. У кого-то (имя его не сохранилось) была даже конфискована и продана прямо на поле мякина и шелуха, оставшиеся после уборки урожая. Кроме того, там числится большое количество одежды и обуви, мебель, утварь, сосуды с продуктами, орудия крестьянского труда, сельскохозяйственные животные и т.д. Поэтому удивительно, что при столь тщательном учете различных конфискованных предметов и при несомненной состоятельности их хозяев, в списке нет ни одного предмета из драгоценных металлов или ювелирных украшений. Объяснение этому может быть двояким – или их после конфискации сразу отправили в государственную казну, где переплавили в слитки, или конфискация не коснулась предметов, принадлежащих лично женской половине семьи. Нам представляется первый вариант предпочтительнее, если учесть, что Афины из-за войны находились в данный момент в непростом экономическом положении. На сохранившихся частях стел записано также довольно много рабов и рабынь (более 50), причем среди них были и дорогостоящие специалисты, например, Потэний, золотых дел мастер, проданный за 360 драхм (в то время как рядом значившийся «доморощенный» Алекситим, погонщик ослов был куплен всего за 140 драхм; АС II, 75-78). Таким образом, все это еще раз доказывает, что те, кто был осужден за асебию в 415 г., принадлежали к состоятельным афинским семьям.

⁴⁴ Подробный анализ состава конфискованного имущества см.: Pritchett W. K., Amyx D. A. *The Attic stelai*. Pt. II ... Vol. 25. 1956. № 3. P. 178-315; Pt. III ... Vol. 27. 1958. № 3. P. 163-254; № 4. P. 255-310.

Итак, следствие и судебный процесс после совершенного кощунства в 415 г. длились несколько месяцев, а продажа конфискованного имущества, возможно, проходила даже до 414/3 гражданского года. На основании данных Аттических стел можно утверждать, что нечестивцы относились, преимущественно, к высшему социальному и имущественному классу. В результате конфискации было продано большое количество разнообразного имущества, что, однако, не принесло в силу ряда обстоятельств максимально возможного дохода в государственную казну Афин.

3. Сущность и цели кощунства, совершенного гермокопидами

Афиняне, как полагают некоторые исследователи, считались уже в древности изобретателями гермы – особой формы вотивного изображения. Первоначально это были столбики, квадратные в сечении, с навершием в виде головы Гермеса и украшенные фаллосом (Her. II, 51; Paus. IV, 33, 4). По словам Геродота, афиняне, а затем все остальные греки переняли характерный внешний вид гермы от пелазгов (I. с.). Позднее форма навершия изменилась, так как до нашего времени сохранилось достаточно много герм с изображением и других богов (например, Диониса, Океана). Иногда прототип гермы использовался даже в портретной скульптуре (например, знаменитая двойная герма Геродота и Фукидида)⁴⁵.

Фукидид, наш основной источник по вопросу о сущности кощунства гермокопидов, сообщает только, что «в одну ночь были повреждены лица большинства каменных герм (гермы – это четырехгранные столбы, стоявшие по стародавнему обычаю во множестве у входов в частные дома и в святилищах)» (VI, 27, 1)⁴⁶. Как отмечает К. Довер, обычный способ повреждения герм заключался в откалывании украшавшего их признака мужественности (ср.: Plut. Nic., 13)⁴⁷. По-видимому, именно на это содержится намек в «Ли-

⁴⁵ Об истории и различных типах герм существует несколько интересных и, в том числе, хорошо иллюстрированных работ: Цыбульский С. О. О гермах // Гермес. 1908. № 11-12. С. 322-328; № 13. С. 345-349; № 14. С. 376-378; Curtius L. Die antike Herme. Munich, 1902; Lullies R. Die Typen der griechischen Herme. Königsberg, 1931; Goldman H. The origin of the Greek herm // AJA. Vol. 46. 1942. P. 58-68; Devambez P. Piliers hermaïques et stèles // RA. 1968. Fasc. 1. P. 139-154; Wrede H. 1) Die spatantike Hermengalerie von Welschbiling. Untersuchung zur Kunsttradition im 4. Jahrhundert n. Chr. und zur allgemeinen Bedeutung des antiken Hermenmals. Berlin, 1972; 2) Die antike Herme. Mainz am Rhein, 1986.

⁴⁶ Уточнение о внешнем виде герм принадлежало, по мнению К. Довера, оригинальному тексту Фукидида, что должно было свидетельствовать о необходимости пояснять для читателя это название, см.: Dover K. J. The Patmos scholia and the text of Thucydides // CR. Vol. 5. 1955. № 2. P. 134-137.

⁴⁷ Dover K. J. HCT. Vol. 4. P. 288-289. Подтверждением такой интерпретации может служить один из сохранившихся в схолиях к Фукидиду фрагментов «Ономастикона» Павсания Аттикиста – позднего автора времени Адриана, ср.: Valk M. Van der. A few observations on the Atticistic lexica // Mnemosyne. Ser. 4. T. 8. 1955. P. 207-218.

систрате» Аристофана (1093-1094), поставленной на Ленейском празднике в 411 г.:

Подолами прикрыться не мешает вам,

Чтобы, как герму, вас не обесчестили (пер. А. Пиотровского).

Однако, как полагают некоторые исследователи⁴⁸, именно в последней четверти V века изменилась мода в отношении внешнего вида герм, основаниями которых теперь стали гладкие четырехгранные столбики без дополнительных скульптурных украшений. В связи с этим, нанесение какого-либо вреда верхней части вотива этого нового типа и, в частности, изображению лица божества, могло считаться даже более серьезным кощунством, чем оскотление старых архаических статуй⁴⁹. Если принять подобное предположение, то становится понятным, почему Фукидид мог специально подчеркнуть как именно были изуечены статуи.

Какое количество герм находилось в то время в городе не сообщает ни один древний автор, но, по-видимому, их было очень много. По существовавшей тогда традиции гермы украшали большинство афинских улиц, агору, Акрополь, ставились при входе на многие священные участки и храмы, при входе на частные участки и в дома, служили пограничными знаками территории города. Им оказывали различные знаки почтения, возле них совершали возлияния в честь богов⁵⁰. При этом важное значение придавалось визуальному подходу к этим культовым памятникам, поэтому их ставили на самых видных местах и часто украшали надписями⁵¹ в честь тех, кто оказал особо значимые услуги афинскому государству, особенно на военном поприще (ср.: Aesch., III, 183-185; Dem. XX, 112; Plut. Cim., 8, 1).

По-видимому, уродование религиозных статуй ночью не было столь уж редким явлением в Афинах. Так, Фукидид свидетельствует, что и «раньше статуи портились из-за озорства или пьяными» (VI, 28, 2; cf. Plut. Alc., 19, 1; Ps.-Plut. Vitae X or., II, 4). Слово ἄγλας, используемое Фукидидом в этом пассаже о нечестивцах, означает, что изображения были религиозными, к тому же в то время портретная или жанровая скульптура еще не служила украшением городской территории. Знаменательно упоминание в данном контексте и «пьяных», т.е., по-видимому, речь здесь идет также о членах каких-то симпозиальных групп, отличавшихся дерзким и незаконным поведением. Но в 415 г. подобное же кощунство приобрело столь широкую известность потому, что, во-первых, изуеченных статуй было очень много⁵², что наводило на мысль

⁴⁸ Lullies R. Die Typen der griechischen Herme ... S. 46.

⁴⁹ Osborne R. The erection and mutilation of the hermai // Proceedings of the Cambridge philological society. 1985. № 211 (N. S. № 31). P. 54-58.

⁵⁰ Интересный материал о способах почитания герм предоставляет афинская вазовая живопись, см.: Zanker P. Wandel der Hermesgestalt in der attischen Vasenmalerei. Freiburg, 1965.

⁵¹ См., например, описание так называемых Гиппарховых герм: Crome J.F. Ἱππάρχων 'Ερμαῖ // AM. Bd. 60-61. 1935-1936. S. 300-314.

⁵² Относительно количества изуеченных статуй данные источников расходятся:

об организованной акции; во-вторых, все это произошло перед началом Сицилийской экспедиции и потому возникли подозрения в попытке ее срыва и, в третьих, после серии доносов, в которых в числе прочих, назывался Алкивиад, появились также подозрения в организации им заговора против демократии.

Об истинной цели изуродования герм вынести окончательное решение при современном состоянии источников достаточно трудно⁵³. Древние авторы предлагают несколько вариантов. Первый из них представлен у Андокида, который, пытаясь оправдаться в грехах молодости, характеризует это нечестие как проделку членов типичного для того времени аристократического симпозиума, в которой не было ничего политического (I, 61-64)⁵⁴. Но если вчитаться в строки Андокида, то станет ясно, что это кошунство никак не могло быть результатом действий пьяных молодых людей после веселой пирушки, поскольку он же свидетельствует, что это преступление планировалось заранее и было исполнено только со второй попытки (I, 61)⁵⁵. Кроме того, по словам Плутарха, афинский демос почти сразу же отверг объяснение кошунства «как самую обыкновенную пьяную выходку распущенных юнцов, которые, захмелев, легко переходят от шуток к наглым бесчинствам» (Alc., 18, 7). Итак, из древних авторов ни один не настаивает на том, что гермокопиды совершили свое преступление спонтанно, под влиянием веселящей силы вина.

Второй вариант засвидетельствован Фукидидом и Плутархом, которые говорят, что в то время в Афинах было много таких людей, которые воспринимали все гораздо серьезней и видели в обоих преступлениях проявление олигархического заговора против демократии (Thuc. VI, 27, 3; Plut.

Фукидид говорит «большинство» (VI, 27, 1), Диодор – «все» (XIII, 13, 2), Андокид – «все, кроме одной, так называемой Андокидовой, посвящения филы Эгеиды» (I, 62).

⁵³ Встречаются в литературе даже весьма экстравагантные объяснения этого преступления, например, что это было делом рук афинских женщин: Keuls E. *The reign of the phallus: sexual politics in Ancient Athens*. 2nd ed. Berkeley-Los Angeles, 1993. P. 395 ff. Причину подобного акта женского вандализма видят в проявлении «пацифистского социального движения» тех слоев афинского общества (женщины, дети, рабы), которые были лишены права публичного голоса и только таким образом могли выразить свое отношение к готовящейся грандиозной военной экспедиции: Fredal J. *Herm choppers ...* P. 600-601. Правда, античные авторы подобной интерпретации изувечивания герм не приводят, поэтому основной аргумент современных исследователей состоит, в том, что преступление было совершено в дни Адоний, когда женщины получали большую свободу передвижения по городу.

⁵⁴ Dover K. J. *A Historical Commentary on Thucydides* (далее – НСТ). Vol. 4. Oxford, 1970. P. 286; К. Доверу возражает Р. Осборн, основываясь на словах Андокида, что эта акция была заранее запланирована: Osborne R. *The erection and mutilation of the hermai...* P. 47-73. Так считают и некоторые другие исследователи, см., например: Meyer Ed. *Geschichte des Alterthums*. Bd. 4 ... S. 506; Henderson B. W. *The great war between Athens and Sparta*. London, 1927. P. 357; Murray O. *The affair of the mysteries* P. 153.

⁵⁵ По мнению Д. МакДауэлла у нас нет оснований не доверять рассказу Андокида о роли Эвфилета в этой всей истории, см.: MacDowell D. M. *Andokides ...* P.191.

Alc., 18, 7; And. I, 37)⁵⁶. В этом случае выбор именно герм в качестве объекта для преступления современные исследователи пытаются объяснить тем, что они, якобы, являлись олицетворением демократии⁵⁷. Однако, нам представляется убедительным довод Д. МакДауэлла, что только самый недалёко-видный политик мог бы не понять, что антидемократический переворот был бы более успешным, если бы флота не было в Афинах (как произойдет впоследствии в 411 г.)⁵⁸. Таким образом, срыв отплытия эскадры и присутствие в городе большого количества моряков, являвшихся основным оплотом демократии, вне зависимости от политической ориентации самого Алкивиада, которого они в данный момент поддерживали, был бы равносителен провалу заговора, если бы таковой существовал. Если же предполагать, что заговорщики хотели сорвать экспедицию не для совершения государственного переворота⁵⁹, а с целью хотя бы ослабить влияние и захватнические устремления афинской демократии, то было два возможных противника похода в Сицилию. Во-первых, в этом были заинтересованы афинские олигархи, поскольку военный успех этого предприятия повлек бы за собой укрепление демократического строя полиса. Во-вторых, это – коринфяне, которые некогда основали Сиракузы и как метрополия беспокоились о судьбе своей бывшей колонии. Поэтому не удивительно, что в Афинах бытовало мнение, что кошунство над гермами совершили именно они (Schol. Aristoph. Lys., 1094; Plut. Alc., 18, 7; Ps.-Plut. Vitae X or., II, 5; Phot. Ἐρκοκοπίδαι). В таком случае, с точки зрения Д. МакДауэлла, для того, чтобы объяснить участие в этом преступлении группы Эвфилета, мы, конечно, можем произвольно предположить,

⁵⁶ У подобной интерпретации также есть свои сторонники, см., например: Busolt G. Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeroneia. Bd. 3, 2. Gotha, 1904. S. 1290. Anm. 3.

⁵⁷ Osborne R. The erection and mutilation... P. 47 ff.; Fredal J. Herm choppers... P. 590 ff. В отличие от статичного архаического курсы, в гермах усматривают некую «политическую анатомию», в том смысле, что в изображении специфической анатомии тела закодирована информация о классе и статусе и, таким образом, гермы и курсы обозначали дистанцию между элитарным и неэлитарным, см.: Quinn J. C. Herms, kouroi and the political anatomy of Athens // G&R. Ser. 2. Vol. 54. 2007. № 1. P. 82-105.

⁵⁸ MacDowell D.M. Andokides ... P. 193.

⁵⁹ Так, Д. Каган считает, что кошунство над гермами было совершено со вполне определенными политическими целями и именно в связи с Сицилийской экспедицией. Однако, поскольку исполнителями его были 22 члена гетерии, то, с его точки зрения, можно говорить не о широком олигархическом заговоре, а о заговоре Эвфилета и Мелета. Мы не можем согласиться с таким предположением, так как при нынешнем состоянии источников невозможно определить, какие конкретные цели могли преследовать эти двое и насколько такой замысел был бы исполним, см.: Kagan D. The peace of Nicias ... P. 201, cf. 206. Вполне возможно, что Эвфилет и Мелет были настроены негативно по отношению к афинской демократии, но насколько их позиция была активной – сказать трудно.

что лидер гетерии получил взятку⁶⁰ от коринфян, но никаких оснований для этого источники не дают⁶¹.

Третий вариант встречается у того же самого Андокида, который говорит, что Эвфилет предложил совершить кошунство в качестве залога верности (πίστις), который был связан, как патетически восклицает оратор, «с неслыханным в мире вероломством» (I, 67; ср.: Thuc. III, 82, 6). О значении внутренних связей между членами гетерии прекрасно свидетельствует сам Андокид, когда говорит, что «самое страшное несчастье из всех» – выбирать между своими гетайрами, с одной стороны, и своей семьей и своим городом, с другой (I, 51). В речи же «О своем возвращении» он жалуется, что ему «по необходимости пришлось выбирать одно из двух величайших зол» – предать гетайров или погубить невиновного отца (II, 7). Таким образом, оратор приравнивает предательство друзей по степени тяжести к отцеубийству. Безусловно, здесь нельзя отрицать наличие сильного риторического момента, но, тем не менее, если он даже несколько лет спустя после событий 415 г. считает нужным оправдываться перед своими слушателями, это говорит о том, что в общественном сознании нарушение верности среди членов дружеского союза и тогда было делом позорным. Если же принять во внимание, что речь в данном случае идет о гетерии, т.е. неофициальном сообществе, для дальнейшего существования которого также требовался какой-то связующий элемент, то представляется вполне возможным, что им могло стать преступление против религии. Кроме того, совместное участие в нем было общей тайной, раскрытие которой грозило гибелью, как всей организации, так и каждому ее члену в отдельности. Подобному залому верности был свойственен дух соперничества и он чаще всего распространялся за пределы дозволенного и, таким образом, становился действием ὑβρις, т.е. действием, бросающим вызов законам и обычным условиям общества⁶². Конкретно о цели принесения такого залога верности Андокид не говорит⁶³, поэтому здесь можно только строить предположения. Так, Д. МакДауэлл считает, что этот залог

⁶⁰ Источники свидетельствуют, что практика подкупа должностных лиц и политических деятелей была очень широко распространена в конце V и в IV вв., см.: Harvey F. D. *Dona ferentes: some aspects of bribery in Greek politics* // CRUX: Essays presented to G. E. M. de Ste Croix on his 75th birthday / Ed. by P. A. Cartledge and F. D. Harvey. Exeter; L., 1985. P. 76-117; Perlman S. *On bribing Athenian ambassadors* // GRBS. Vol. 17. 1976. P. 223-233.

⁶¹ MacDowell D. M. *Andokides ...* P. 193.

⁶² В Афинах как демократическом полисе существовала целая социальная доктрина относительно ὑβρις, см., например: Fischer N. R. E. 1) *Hybris and dishonour: I* // G&R. Vol. 23. 1976. № 2. P. 177-193; 2) *Hybris and dishonour: II* // G&R. Vol. 26. 1979. № 1. P. 32-47; MacDowell D. M. *Hybris in Athens* // G&R. Vol. 23. 1976. P. 14-31.

⁶³ Возможно, что он в 400 г. лишь вскользь упоминает об этом для того, чтобы дистанцироваться, по возможности, от нечестия 415 г., см.: MacGlew J. F. *Politics on the margins: The Athenian hetaireiai in 415 B.C.* // Historia. Bd. 48. 1999. H. 1. S. 1 f.

верности имел откровенно политическое значение⁶⁴. При такой интерпретации возможны два варианта: во-первых, это могло быть попыткой «устроить» неблагоприятное знамение для остановки отплытия Сицилийской экспедиции; во-вторых – могло быть попыткой обеспечить политическую и групповую лояльность на будущее⁶⁵. Например, подобную акцию совершили, по словам Фукидида, самосцы, убив в 411 г. Гипербола, с тем, чтобы дать афинским олигархам залог политической верности (VIII, 73, 3).

Но, с нашей точки зрения, у подобного залога верности, каковым мы все же склонны считать кошунство над гермами, не обязательно были именно политические цели. Бесспорно, как сам Андокид, так и остальные члены этой гетерии придерживались олигархических настроений⁶⁶ и поэтому подобный поступок, конечно, можно расценить как реакционную выходку против афинского демоса для нагнетания нервной обстановки в городе перед обвинением Алкивиада, инициированным его врагами (Plut. Alc., 18, 8). Но мы ничего не знаем об Эвфилете как политическом деятеле, поэтому он вполне мог быть своего рода местным «корольком», объединившим в своей гетерии представителей так называемой золотой молодежи, не отличающейся добродетельным поведением. Зависть к такому признанному лидеру, как Алкивиад, имевшему большое число сторонников и выбранного стратегом в Сицилию, могла и стать одной из причин предложения Эвфилета своим гетайрам о принесении залога верности, но залога личной верности и личного подчинения. С психологической точки зрения такой тип поведения является типичным для отдельных групп людей и в современном обществе. Поскольку речь идет о гетерии, то показательны в этом плане также рассуждения того же Фукидида относительно изменения ментальности в условиях ожесточенной междоусобной борьбы по всей Элладе, когда «изменялось даже привычное значение слов в оценке человеческих действий» (III, 82, 4). В такой ситуации «политические узы оказывались крепче кровных связей, потому что члены гетерий скорее шли очертя голову на любое опасное дело. Ведь подобные организации отнюдь не были направлены ко благу общества в рамках, установленных законами, но противозаконно служили лишь для распространения собственного влияния в своекорыстных интересах. Взаимная верность таких людей поддерживалась не соблюдением божеских законов, а, скорее, была основана на совместном их попирании» (III, 82, 6). В 415 г. в Афинах ситуация не была столь критической, но подготавливаемый грандиозный поход как раз и предоставлял возможность неких экстраординарных действий. Но это, повторим еще раз, только наше

⁶⁴ Ср.: Missiou A. The subversion oratory ... P. 22-23. Эта исследовательница считает, что клятва верности как таковая имела ярко выраженные антидемократические цели, с чем мы вполне согласны. Однако, с нашей точки зрения, это не означает автоматически, что она была частью заговора для свержения демократии.

⁶⁵ MacDowell D. M. Andokides ... P. 191, cf. 192-193.

⁶⁶ Об этом свидетельствует фрагмент его речи «К товарищам», в котором, по словам Плутарха, он старался «возбудить сторонников олигархии против народа» (Themist., 32, 4).

предположение, поскольку, как верно отмечает Д. МакДауэлл, у нас нет, точно так же, как, вероятно, и у большинства афинян в 415 г., достаточных сведений, чтобы раскрыть истинные цели Эвфилета, Мелета и их гетайров⁶⁷.

4. Сущность и цели кощунства, совершенного осквернителями мистерий

Бесспорно, что информация об обоих преступлениях 415 г. является не только неполной, но и чрезвычайно отрывочной. Мы не знаем, сколько человек в них участвовали. Например, Пифоник обвинил Алкивиада в том, что он неоднократно справлял мистерии, и не только в доме Пулителиона, о чем донес Андромакх (And. I, 11). Андокид, правда, сообщает еще о доносе Агаристы, где также значился Алкивиад, но при этом вообще не упоминает об исангелии Фессала (Plut. Alc., 22). С другой стороны, Эвфилет в отчете полетов на Аттических стелах числился как виновный в «обоих» преступлениях (περὶ ἀμφοτέρων – AC VI, 88; X, 14), хотя Андокид говорит о нем только в связи с делом гермокопидов (I, 35). Конкретно о тех, на кого донес раб-лидиец, мы вообще не знаем почти ничего, так как поименно названы только Леогор, Акумен и Автократор. Перечень подобных примеров можно продолжать и далее. Трудно также решить вопрос о характере и сущности совершенного нечестия по отношению к мистериям. Кроме того, этот вопрос осложняется еще и тем, что наши сведения о реально существовавшем в Элевсине ритуале крайне скудны⁶⁸. Единственно о чем единогласно свидетельствуют все древние авторы – это то, что Алкивиад и его товарищи справляли мистерии на своих пирушках⁶⁹. По-видимому, такое уточнение имело какой-то особый смысл для афинян и поэтому попадало в текст доноса или официальной жалобы.

Вообще, симпозиум в большинстве случаев оставался частным и аристократическим. Сейчас мы не можем, вероятно, адекватно точно представить себе эмоциональный и психологический климат в среде этих симпозиальных групп, но, несмотря на прошедшие 25 веков человек все же не настолько сильно изменился, чтобы не понять, что являет собой такое дружеское сообщество, всегда живущее по своим внутренним законам. Подобные симпозиальные группы собирались достаточно часто в разных домах и, в том числе, во время встреч гетайров, вплоть до того, что порой эти два понятия – симпозиум и гетерия – в общественном сознании были чем-то единым⁷⁰. Симпози-

⁶⁷ MacDowell D. M. Andokides ... P. 193.

⁶⁸ Существуют различные интерпретации и реконструкции этого ритуала см., например, общие работы: Новосадский Н. И. Элевсинские мистерии. СПб., 1887; Bloch L. Der Kult und die Mysterien von Eleusis. Hamburg, 1897; а также обстоятельную работу Дж. Милонаса: Mylonas G. E. Eleusis and the Eleusinian mysteries. Princeton, 1961.

⁶⁹ Пирушки Алкивиада были широко известны в Афинах своей роскошью и необузданностью (ср.: Plato. Symp., 222 d 3-4).

⁷⁰ Kagan D. The peace of Nicias ... P. 204. О персональном составе гетерии Алкивиада см.: Aurenche O. Les groupes d'Alcibiade, de Léogoras et de Teucros: Remarques sur la vie politique athénienne en 415 avant J. C. P., 1974. P. 56-65.

альные традиции предполагали не только окончание пирушки в ряде случаев веселым комосом, но и различные развлечения в процессе ее проведения. По видимому, сюжеты этих шуточных представлений не всегда имели чисто светский характер. Так, любопытную сценку приводит Ксенофонт в «Пире» – сочинении, которое, собственно говоря, и описывает симпозиум. В самом конце этой пирушки собравшимся участникам было показано группой бродячих актеров представление, сюжетом которого являлось свидание Диониса с Ариадной, сыгранное столь реалистично и волнующе, что даже все «неженатые поклялись жениться, а женатые сели на лошадей и поехали к своим женам» (9, 7). Однако, используя этот пассаж в качестве параллельного примера, необходимо учитывать, что это, во-первых, литературная обработка. Во-вторых, это описание пирушки, устроенной богачом Каллием с участием интеллектуалов, в частности, Сократа, Антисфена и самого Ксенофонта. В-третьих, это сочинение входит в состав так называемого Сократического корпуса Ксенофонта, который пытался оправдать и восславить своего учителя и поэтому не стал бы приводить ничего, что с точки зрения общественного мнения могло повредить репутации Сократа. Исходя из этого мы вполне можем предположить, что в иных случаях подобное представление на мифологическую тему могло иметь гораздо более грубый или нечестивый характер.

Все античные источники свидетельствуют, что в 415 г. мистерии именно «представлялись», а не «пародировались»⁷¹, хотя в русском переводе эта смысловая тонкость не всегда учитывается. Среди исследователей есть, впрочем, сторонники того, что это была все же пародия⁷². Такой вывод делается на основании других precedентов – фрагмента комедии Эвполида с сатирой на богиню Котито, а также Диагора Мелосского, который «растанцовывал» мистерии⁷³. Однако мы полагаем, что эти свидетельства ничего не доказывают в отношении 415 г. Афиняне усмотрели в действиях Диагора преступные намерения и он был вынужден, действительно, бежать из города. Помимо Эвполида, то мы часто встречаем сатирические зарисовки богов и богинь, особенно Гермеса, и в комедиях другого автора V в. – Аристофана⁷⁴. Поэтому мы считаем, что асебиа заключалась даже не в том, что мистерии пародировались в шутилом тоне, а в том, что уже сама попытка частных лиц приблизиться к Элевсинскому ритуалу была кощунством и требовала судебного преследования и наказания.

Обратим внимание еще раз на выражения, в которых авторы говорят о мистериях, справлявшихся в 415 г. Алкивиадом и его друзьями.

And.I, 11 – Ἀλκιβιάδην...τὰ μυστήρια ποιοῦντα...;

⁷¹ Подробнее см.: Murray O. The affair of the Mysteries ... P. 155-156.

⁷² Wallace R. W. Charmides ... P.328.

⁷³ Hordern J. Philodemus and the poems of Diagoras // ZPE. Bd. 136. 2001. P. 33-38.

⁷⁴ Весьма вольно Аристофан описывает другой, правда не мистерияльный, праздник в честь Деметры в комедии «Женщины на празднике Фесмофорий», см.: Tzanetou A. Something to do with Demeter: ritual and performance in Aristophanes' Women at the Thesmophoria // AJPh. Vol. 123. 2002. № 3. P. 329-367.

12 – γίγνοιτο μυστήρια, αὐτοὺς ποιοῦντας;

15 – Τεῦκρος...συνεργός ὦν...ἄλλους ποιοῦντας;

16 – μυστήρια ποιεῖν Ἀλκιβιάδην;

17 – μυστήρια γίγνεσθαι – т.е. совершались, происходили.

Isocr. XVI, 6 – οὗτοι ... τὰ μυστήρια ποιήσειαν – т.е. совершались.

Thuc. VI, 28, 1 – τὰ μυστήρια...ποιεῖται...ἐφ' ὕβρει;

53,1 – μεμνημένων περὶ τῶν μυστηρίων ὡς ἀσεβουσιν... – т.е. совершались с наглостью, показывались (открывались) нечестивцами.

Ps.-Lys. VI, 51 – μιμούμενος τὰ ἱερὰ ἐπεδείκνυ τοῖς ἀμύητοις – т.е. изображались для непосвященных.

Plut. Alc., 19, 1 – ... μυστηρίων παρ' οἶνον ἀπομιμήσεις...;

22,4 – ἀπομιμούμενον τὰ μυστήρια καὶ δεικνύοντα τοῖς αὐτοῦ ἐταίροις – т.е. представлялись, изображались и показывались гетайрам.

Nep. Alc., 3, 6 – in domo sua facere mysteria dicebatur – т.е. совершались.

Самое подробное описание представления мистерий приводит Плутарх: «В своем доме на глазах у товарищей он (т.е. Алкивиад – Е.Н.) подражал тайным священнодействиям, облаченный в столу, в какую облачается гиерофант, когда являет святыни, и себя именовал гиерофантом, Пулитуона – дадухом, Феодора из дема Фегея – кериком, остальных же приятелей называл мистами и эпоптами вопреки законам и установлениям Эвмолпидов, Кериков и элевсинских жрецов» (Alc., 22, 4). Псевдо-Лисий в речи «Против Андокида»⁷⁵ говорит, что тот «надев жреческую одежду, изображал священные обряды, показывал их непосвященным и произнес вслух сокровенные слова» (VI, 51, пер. наш)⁷⁶. Таким образом, судя даже по этому краткому описанию, мистерии, кто бы ни был их действующими лицами, исполнялись в соответствии с ритуалом Элевсинского культа⁷⁷.

Так до конца и остается неясным из имеющихся в нашем распоряжении источников, какие именно ритуалы и обряды представляли на своих пирушках Алкивиад с друзьями. По общему убеждению исследователей, Элевсинский праздник состоял из трех частей: из афинской официальной, в которой принимали участие городские магистраты, из Священной процессии, прохо-

⁷⁵ Андокида обвиняют в осквернении мистерий Псевдо-Лисий (VI, 51) и Псевдо-Плутарх (II, 3), остальные же авторы говорят только о его причастности к кошунству над гермами.

⁷⁶ Уже древние критики сомневались в аутентичности этой речи, современные же исследователи почти единогласно считают ее сочинением более позднего автора, см.: Dover K. J. *Lysias and the Corpus Lysiacum* ... P. 78 ff.; ср.: Marr J. L. *Andocides' part...* P. 334. N.1. Мы полагаем, что в данном случае можно воспользоваться свидетельством этого автора, с той лишь поправкой, что речь здесь идет не об Андокиде, а об Алкивиаде.

⁷⁷ Подробнее о жрецах Элевсинского культа и их функциях см.: Clinton K. *The sacred officials of the Eleusinian Mysteries* // TAPhS. N. S. Vol. 64. 1974. № 3. P. 1-143.

дившей 20-го Боздромиона, и элевсинской, собственно мистеральной части⁷⁸. Для элевсинской части праздника было характерно проведение драматических представлений, раскрывающих основное содержание культа (θεάματα) и приобщение посвященных к мистическим знаниям с помощью демонстрации священных предметов (σύμβολα) и произнесения священных слов (συνθήματα), причем основные обряды исполнялись в ночное время⁷⁹. Судя по тому, что Плутарх перечисляет в тексте исангелии Фессала три важнейшие «должности» элевсинского культа можно предположить, что нечестивцы устраивали представление подобно тому, которое происходило в телестерии элевсинского храма во время второй части праздника. Зная, что на этих симпозиумах собирались состоятельные, не обремененные излишней скромностью и благочестием молодые мужчины, вполне можно представить себе эмоциональную атмосферу таких встреч. При этом, Алкивиад, одетый в пурпурную столу, со строфием на голове, как и было положено настоящему гиерофанту, показывал и объяснял своим сотрапезникам какие-то предметы, которые должны были олицетворять собой таинственные святыни элевсинского культа. Что конкретно делал во время этих представлений Пулитуион до конца неясно, так как в источниках очень мало подробностей о функциях дадуха, характерным внешним отличием которого была также пурпурная стола и строфий. Возможно, что он действительно держал в руках факел, что символизировало девятидневные поиски Деметрой Персефоны. Феодор же вместо керики, вероятно, после начала всего действа приглашал гетайров к «благоговейному» молчанию, произносил вслух молитвы и изображал приготовления к жертвоприношению. Таким образом, по нашему мнению, гетайры Алкивиада, скорее всего, частично имитировали действия второй ночи Элевсинского праздника – перекладывали «священные» предметы из ящика в корзину, торжественно провозглашали различные «сокровенные» формулы, попивали вино вместо кикеона и развлекались нескромными шутками и жестами, как делала некогда Иамба, желая развеселить Деметру. Возможно, нечестивцы совершали также обряд последней священной ночи, когда элевсинские жрецы должны были из двух глиняных сосудов в форме кубаря выливать воду в специальные отверстия в земле, произнося таинственные слова, что символизировало оплодотворяющее влияние влаги на землю. Таким образом, с нашей точки зрения, Алкивиад и его товарищи совершали выборочно только некоторые ритуалы элевсинских мистерий, но делали это достаточно близко по форме к традиционным священным обрядам. Однако, вероятно, они повторялись не полностью, поскольку невозможно было в условиях частного дома представить странствия Деметры в поисках Персефоны со всеми звуковыми и цветовыми эффектами, точно так, как это делалось в Элевсинском храме. Впрочем, как нам кажется, эта часть ритуалов была и менее привлекательна для Алкивиада и его сотоварищей.

⁷⁸ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 2. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997. С. 204-208.

⁷⁹ Латышев В. В. Очерк ... Ч. 2. С. 198.

Итак, кощунство по отношению к мистериям состояло, во-первых, в их не-легальности и, во-вторых, в их разглашении, т.е. в привлечении к священно-действию непосвященных и в оглашении при них священных слов, к тому же лицами, не имевшими жреческого сана⁸⁰. Так, по свидетельству Андокида, на представлении этих мистерий присутствовали рабы и метеки⁸¹. Вообще ра-бам, если они были по рождению греками, а не варварами, не был безусловно закрыт доступ к мистериям⁸² и поэтому мы, в данном случае, не можем с уве-ренностью говорить, были ли они все посвящены в них или нет. Так что, воз-можно, асебия состояла только в недозволенном представлении мистерий вне храма и в посягательстве на полномочия высших жрецов Элевсина. Правда, Псевдо-Лисий говорит, что мистерии представлялись перед непосвященными, впрочем, он не очень надежный автор и мог сам сделать такой вывод из того факта, что действия Алкивиада были расценены как асебия. С другой стороны, в источниках можно встретить и сетования на суетность афинян и несдержан-ность на язык даже в повседневной жизни. В качестве примера приведем сло-ва Аристофана, который упрекает в этом своих сограждан:

ХРЕМЕТ: А женщины, сказал, созданы скромные,
Хозяйственные, тайн о Фесмофориях
Они не станут разглашать, а мы про все,
Что на Совете было, разболтаем вмиг (Есcl., 442-444).

Бесспорно, Фесмофории не были тайным культом, хотя какие-то таин-ства присутствовали и там. Но можно привести в качестве другого примера Диагора Мелосского, которого обвиняли не только в осмеянии именно элев-синских мистерий, но и в разглашении их таинств непосвященным. Однако, источники по Диагору, несмотря на их многочисленность, не сообщают о та-ком громком скандале, как это произошло в данном случае. Объяснение это-му надо, с нашей точки зрения, искать в особых исторических и персональ-ных особенностях обвинения Алкивиада.

Исходя из всего сказанного выше, мы, вслед за О. Мюрреем⁸³, не можем согласиться с интерпретацией нечестия К. Довером, который считает, что это было представление мистерий именно в пародийном виде, особенно смеш-ное потому, что происходило в частном доме⁸⁴. Как отмечает Довер, этого суждения уже вполне достаточно для решения всего вопроса в целом и по-тому нет необходимости размышлять о причинах подобного инцидента. Бо-

⁸⁰ В русском языке, по-видимому, трудно подобрать адекватное определение, по-этому мы будем использовать также слово «профанация», подразумевая под ним до-статочно точное внешнее изображение ритуалов, которые при подобных обстоятель-ствах теряли свою сокровенную внутреннюю сущность.

⁸¹ В доме одного из метеков – Пулитуона – и проходило само представление; о его социальном статусе см.: Sommerstein A. H. The decree of Syrakosios ... P. 106.

⁸² Латышев В. В. Очерк ... Ч. 2. С. 202.

⁸³ Murray O. The affair of the mysteries ... P. 155. Его мнение поддерживают и дру-гие исследователи, см., например: MacGlew J. F. Politics on the margins ... P. 6.

⁸⁴ Dover K. J. HCT. Vol. 4. P. 283.

лее того, Д. МакДауэлл, рассматривая кошунство над мистериями просто как шутку или шараду, полагает возможной идентификацию трех присутствовавших с известными комическими поэтами, которые уже по складу своего ума должны были все видеть и представлять в смешном ракурсе⁸⁵. С нашей точки зрения, если даже и удалось бы каким-то образом доказать идентификацию этих лиц, это вовсе не означало бы, что они не могли со всей серьезностью участвовать в этих самостоятельных мистериях не только ради развлечения, но и ради возможности дерзнуть на то, что недоступно другим.

По-видимому, асебия, т.е. кошунственные действия по отношению к религиозным культам и традициям, все же занимала значительное место на симпозиумах, но только некоторых определенных типов. Так, в одном из сохранившихся фрагментов речи Лисия посредственный лирический поэт Кинесий обвиняется в принадлежности к группе афинян, которая умышленно нарушала религиозные установления. «Не он ли, – восклицает оратор, – совершает по отношению к богам такие преступления, о которых всем стыдно даже и говорить, но о которых вы слышите каждый год от сочинителей комедий? Не с ним ли вместе пировали однажды Аполлофан, Мисталид и Лисифей, выбрав себе для этого один из тяжелых дней⁸⁶ и вместо «новолунников» называя себя «злодуховцами», – именем, подходящим к их участи, хотя, впрочем, они руководствовались при этом не той мыслью, что они это приводят в исполнение, но той, что они насмеются над богами и нашими законами» (XL)⁸⁷. С точки зрения Г. Калхауна, название, которое давали себе члены этой симпозиальной группы, представляет собой умышленную ссылку на реально существовавшие религиозные группы, прославлявшие на своих пирах «добраго демона» (ἄγαθος δαίμων)⁸⁸. С.И.Соболевский в примечаниях к переводу этого фрагмента речи Лисия отмечает, что смысл самоназвания сотрапезников (κακοδαίμονισταί) так и остается до конца неясным, поскольку прилагательное какоδαίμων имеет два значения: 1) одержимый злой силой; 2) несчастный⁸⁹. При этом, как считает С. И. Соболевский, члены общества Кинесия имели ввиду именно первое значение этого термина, в то

⁸⁵ MacDowell D. M. *Andokides ...* P. 211, cf. 192.

⁸⁶ По афинским традициям три последних дня месяца, посвященные усопшим и подземным богам, считались непригодными для государственных и многих частных дел, см.: Латышев В. В. *Очерк ...* Ч. 2. С. 109.

⁸⁷ По-видимому, таких обвинений в комедиях было действительно достаточно много, но ввиду их плохой сохранности мы можем в подтверждение слов Лисия привести только «Лягушек» Аристофана и схолии к ним: «Кто в часовню Гекаты пойдет за нуждой, хороводную песню мурлыча» (366; cf. Schol. ad loc.). Кинесий имел в Афинах вообще весьма дурную репутацию (Aristoph. *Eccl.*, 330), см. также: Maas P. *Kinesias* // *RE*. Bd. 11. Stuttgart, 1921. Sp. 479-481.

⁸⁸ Calhoun G. M. *Athenian clubs in politics and litigation*. Austin, 1913. P. 32.

⁸⁹ Мы бы добавили и третье значение: «приносящий несчастье», см.: Дворецкий И. Х. *Древнегреческо-русский словарь*. М., 1958. s.v. какоδαίμων.

время как оратор противопоставляет ему второе⁹⁰. По нашему мнению и третье значение также подходит по смыслу, так как умышленно совершая нечестие они навлекали, по общему убеждению, гнев богов на всю общину и провоцировали тем самым сомнение в их способности наказать нечестивцев.

О другом нечестии, совершаемом также во время симпосиума, сообщает Демосфен в речи «Против Конона». Истец, пытаясь убедить судей в вероломстве Конона, ссылается на то, что свидетели, представленные ответчиком, являются его друзьями и в юности «они носили прозвище «трибаллы»... и имели обыкновение пожирать подношения Гекате, а также, собираясь по любому поводу на совместные обеды, они угощались свиными тестикулами, которыми обычно пользуются для очистительных обрядов в тех случаях, когда магистратам предстоит вступить в должность» (LIV, 39). Этот пассаж можно объяснить двояко: во-первых, нечестием, возможно, было не вообще покушаться на приношения Гекате, а делать это в неустановленные дни. Такое предположение можно сделать на основании строк Аристофана (Plut., 594-598) о том, что подношения совершались в определенный день, а в конце месяца, вероятно, беднякам разрешалось воспользоваться всем этим. Так, Хремил в диалоге с Бедностью восклицает:

Что ж ! У Гекаты самой нам об
этом теперь остается
Разузнать: что же лучше – богатым ли быть или
бедным? Пускай она скажет,
Как богатые люди в указанный день каждый
месяц приносят еду ей
И как бедные сразу всю эту еду похищают, не дав
и поставить...

Во-вторых, не исключено, что здесь в шутовском тоне говорится о ставших в Афинах нередкими случаями подобных кошунственных действий, на которые афинское государство смотрело достаточно снисходительно. Демосфен же, сообщая об этом с возмущением, тем не менее, не упоминает ни о каком судебном преследовании за проступки молодости Конона и его друзей.

Что касается цели, с которой устраивались профанации мистерий в 415 г., то определить ее не менее сложно, чем по отношению к кошунству над гермами. В научной литературе можно встретить различные попытки их интерпретации, однако, исследователи, в отличие от древних авторов, почти единогласны⁹¹ в том, что эти кошунственные действия по отношению к элевсинскому культу не имели откровенно политической цели. Так, например, Д. МакДауэлл считал их видом «шарады с добавлением привкуса противозаконности»,

⁹⁰ Лисий. Речи / Пер., ст. и комм. С. И. Соболевского. М., 1994. С. 361.

⁹¹ Впрочем, некоторые расценивают это кошунство как средство установления и укрепления связей членов одной из афинских гетерий, см., например: MacGlew J. F. Politics on the margins... P. 5-11, 17-20.

устраиваемой исключительно ради развлечения⁹². С другой стороны, Д. Каган полагал, что их можно расценивать как своего рода инициацию в клубе, но, в любом случае, что они не имели политического значения, поскольку проводились в частном доме и не были рассчитаны на разглашение⁹³.

Сама по себе имитация какого-либо религиозного ритуала и, в том числе, мистерий, не могла быть, с нашей точки зрения, просто обыкновенной шуткой. Подобному пониманию сути кошунства противоречат и слова Фукидида о том, что «мистерии представлялись в частных домах оскорбительным образом» (ἐφ' ὕβρις – VI, 28, 1). Но такая имитация не могла иметь и политического смысла, если только не предназначалась для влияния на общественное мнение в определенном направлении. Но в 415 г. мистерии устраивались в относительной тайне и никто не был заинтересован в их афишировании и, тем более, Алкивиад. Широкую известность деятельность профанаторов получает чуть ли не случайно – только после кошунства над гермами, когда была объявлена награда и «безопасность» за доносы о различных преступлениях против богов. Источники же свидетельствуют, что профанация мистерий Алкивиадом и его друзьями не была единичным явлением, так как в них упоминается о пяти различных случаях проведения мистерий в частных домах, не говоря уже обо всех возможностях, когда подобные представления могли избежать огласки. Поэтому мы присоединяемся к мнению Д. МакДауэлла и Д. Кагана о неполитических целях профанаторов, тем более, что трудно представить какие именно цели мог преследовать сам Алкивиад, которого в первую очередь обвиняли в этом преступлении. Попробуем все же разобраться в этом вопросе подробнее.

После избрания Алкивиада стратегом для Сицилийского похода, одним из главных инициаторов которого он сам и являлся, очевидно, что он не стал бы добиваться срыва экспедиции или выступать в защиту Сиракуз. И если, по мнению некоторых исследователей, уже Фукидид считал решение о начале похода серьезной ошибкой афинян (ср.: Thuc. IV, 65, 11; 65, 4)⁹⁴, то, вероятно, именно поэтому он включает Алкивиада, наряду с Фемистоклом и Павсанием, в категорию тех государственных деятелей, к которым он применяет определение λαμπρός, а не ξυιέτος (Ср.: I, 138, 6). Тем самым, возможно, он хотел показать, что Алкивиад понимал рискованность подготавливаемого предприятия, но ставил свои собственные интересы намного выше государственных⁹⁵.

⁹² MacDowell D. M. Andokides ... P. 192.

⁹³ Kagan D. The peace of Nicias ... P. 206.

⁹⁴ Дискуссию см.: Jordan B. The Sicilian expedition was a Potemkin fleet // CQ. 2000. Vol. 50. № 1. P. 63-79; Stahl H.-P. Literarisches Detail und historischer Krisenpunkt im Geschichtswerk des Thukydides: Die Sizilische Expedition // RMPH. N.F. Bd. 145. 2002. H. 1. S. 68-107; Суриков И. Е. Была ли Сицилийская экспедиция авантюрой? // Antiquitas aeterna. 2007. Вып. 2. С. 30-39.

⁹⁵ Bloedow E. F. Alcibiades “brilliant” or “intelligent”? // Historia. Bd. 41. 1992. H. 2. S. 146. О специфике системы ценностей в целом см.: Humphreys S. C. Public and private interests in classical Athens // CJ. Vol. 73. 1977-1978. P. 97-104; Creed J. L. Moral values in the age of Thucydides // CQ. Vol. 23. 1973. № 2. P. 213-231.

Еще и до Сицилийской экспедиции Алкивиад пытался, по-видимому, проводить собственную политику, а не от лица всего полиса (VI, 16, 6; cf. V, 45-46, 52), однако часто терпел неудачи (V, 76-80). После этих попыток молодого Алкивиада войти в высокую афинскую политику в начале Пелопоннесской войны, в последующие годы (420-416)⁹⁶ описание Фукидида создает впечатление, что он был все еще не очень заметной политической фигурой. Его гордыню увеличивали, в том числе, и победы на Олимпийских играх. Так, в 416 г., за год до похода, он, выставив сразу семь колесниц, занял первое, второе и третье места⁹⁷. Олимпийские игры имели огромное международное и политическое значение, давали Алкивиаду самоощущение сверхлидера вне границ полиса и гражданского коллектива, при этом в его родном городе отношение к нему было неоднозначным⁹⁸. Своеобразной психологической компенсацией в данных условиях и могли стать мистерии, справлявшиеся в домах его друзей, в которых он играл руководящую роль, претендуя тем самым на позицию сверхлидера хотя бы в этом тайном и кошунственном предприятии. Но и этого крайне честолюбивому Алкивиаду было недостаточно, ему требовалось какое-либо «большое» дело, чтобы занять более видное положение в афинском государстве и, возможно, вернуть свое состояние⁹⁹, растраченное из-за его любви к роскоши и лошадям. Именно поэтому, хотя решение о Сицилийской экспедиции было несвоевременно, а размах приготовлений на данном этапе военных действий делал этот поход еще более опасным, он, став одним из основных инициаторов начала новой войны, эксплуатировал с помощью своего красноречия иррациональное расположение духа афинян, считавшихся, в принципе, одними из самых умных среди остальных греков. Но и в этих условиях, как отмечают исследователи, главной проблемой афинян в отношении экспедиции было не решение отправить войско в Сицилию, а то, что они «отреклись от Алкивиада, поскольку опасностью для города был не сам стратег, а несоответствующая истинному положению вещей реакция афинян на него»¹⁰⁰. Для нас же, в данном случае,

⁹⁶ См. достаточно подробное описание жизни Алкивиада в этот период: Bloedow E. F. On «nurturing lions in the state»: Alcibiades' entry on the political stage in Athens // *Klio*. Bd. 73. 1991. S. 49-65.

⁹⁷ Gribble D. Alcibiades at the Olympics: Performance, politics and civic ideology // *CQ*. Vol. 62. 2012. № 1. P. 45-71.

⁹⁸ Впрочем, в 415 г. Алкивиада могли назначить стратегом-автократором, т.е. народное собрание было готово выйти за конституционные рамки и возложить ответственность на одного человека, см.: Карпюк С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 65 слл.

⁹⁹ По словам Фукидида, Алкивиад отправился в поход с целью «стяжать себе славу и богатство» (VI, 15, 2); ср.: Hatzfeld J. Alcibiade ... P. 142 ss.

¹⁰⁰ Connor W. R. Thucydides. Princeton; N. Y., 1984. P. 165. О сильнейшем негативном влиянии отзыва Алкивиада из Сицилии на дальнейший ход событий см., например: Kagan D. The peace of Nicias ... P. 363; Ellis W. M. Alcibiades ... P. 64; а также специальную работу: Maele S. Van de. Le recit de l'expédition athenienne de 415

важно отметить, что поводом взрыва эмоций афинян, направленных против Алкивиада и повлекших за собой отзыв его из Сицилии, послужили именно обвинения в асении и последовавшее за ним судебное разбирательство.

Таким образом, у Алкивиада не могло быть внешнеполитической цели для совершения кощунства над мистериями, впрочем, точно также, как и внутривластной. Например, вряд ли он мог рассчитывать с помощью своих гетайров, с которыми справлял мистерии, свергнуть демократический строй в Афинах и ввести олигархическое правление или стать тираном. Подобное предположение не соответствует тому впечатлению, которое формируют у нас об Алкивиаде источники: человек неглупый и расчетливый, достаточно много уже получивший от демократии и рассчитывающий еще на большее, тонко чувствующий специфику момента, о чем явственно свидетельствует его роль в принятии решения об экспедиции. Поскольку тирания порождалась обычно обстановкой, демонстрировавшей банкротство традиционных полисных институтов перед трудностями внутренней и внешней политики¹⁰¹, то, в данном случае, не было подходящих условий для создания режима единоличной власти. И Алкивиад это прекрасно понимал. Кроме того, демократия была еще слишком сильна, находясь на одном из своих последних взлетов, для того, чтобы допустить даже незначительное усиление олигархического элемента в обществе, как это произойдет после ряда военных и экономических поражений в 411 и 404 годах. Однако, в 415 г. многие афиняне опасались, убежденные нападками демагогов, что Алкивиад стремится с помощью спартанцев к личной тирании¹⁰², которая вызывала у афинян какой-то генетический страх. По образному выражению исследователей, подозрения в стремлении к тирании были ахиллесовой пятой карьеры Алкивиада и одной из главных причин ее неизбежного краха¹⁰³. Алкивиад боялись как опасную анти-социальную силу в жизни Афин, но не потому, что его действительно подозревали в попытке государственного переворота. Если афиняне верили, что Алкивиад хочет быть тираном, то это потому, что он действовал так, как будто он уже был тираном. А демократия, точно так же как и тирания, не доверяет страстному желанию индивида превосходить в чем-либо всех остальных и яростно борется с таким человеком¹⁰⁴. Никто не будет спорить, что Алкивиад был личностью неординарной, вы-

en Sicile et l'opinion de Thucydide sur le rappel d'Alcibiade // AC. T. 40. 1971. Fasc. 1. P. 21-37.

¹⁰¹ Фролов Э. Д. Младшая тирания // Античная Греция. Проблемы развития полиса / Под. Ред. Е. С. Голубцовой. Т. 2. Кризис полиса. М., 1983. С. 122-123.

¹⁰² Подробно этот вопрос рассмотрен в статье М. Палмера: Palmer M. Alcibiades and the question of tyranny in Thucydides // Canadian journal of political science. Vol. 15. 1982. P. 103-124.

¹⁰³ Bloedow E. F. «Not the son of Achilles, but Achilles himself»: Alcibiades entry on the political stage at Athens II // Historia. Bd. 39. 1990. H. 1. S. 4.

¹⁰⁴ Seager R. Alcibiades and the charge of aiming at tyranny // Historia. Bd. 16. 1967. H. 1. S. 16.

зывавшей у современников одновременно огромную гамму разнообразных чувств – страх, зависть, гнев, раболепие, преклонение¹⁰⁵. Алкивиад же, как дружно свидетельствуют почти все античные источники, отличался индивидуализмом в высочайшей степени¹⁰⁶. Но дело не ограничивалось только индивидуальной свободой, поскольку высказывалась претензия на главенствующее место в гражданском коллективе. Ответственность за развитие кризиса в идеологической сфере и, в том числе, одного из его проявлений – индивидуализма – многие современники как Алкивиада, так и наши, возлагают именно на софистов. При этом у Алкивиада все принимало крайние формы, особенно его ὕβρις¹⁰⁷. И дело тут было, по-видимому, не столько в его аристократическом происхождении, сколько в манере поведения.

Античная традиция пристрастно рассматривала персону Алкивиада. По-видимому, это относится и к комедии, хотя у Аристофана Алкивиад ни разу не назван по имени¹⁰⁸. Поэтому, возможно только предположить, что именно его высмеивает Аристофан в «Облаках» в облике Фидиппида, шеголяющего длинной шевелюрой, большого любителя конных состязаний и петушинных боев (v. 14-16; ср.: v. 1401), испорченного воспитанием матери-аристократки, которая приучает его к роскоши (v. 46-48; 69-70), опекаемого дядей Мегаклом¹⁰⁹ в его страсти к лошадям, ученика школы Сократа¹¹⁰. Все это чрезвычайно напоминает Алкивиада, а также фраза Фидиппида, которую он произносит в конце комедии о том, что теперь он может пренебрегать законами (v. 1400; cf. Thuc. VI, 15; Xen. Mem., I, 2, 9; Ps.-And. IV, 10, 14, 19)¹¹¹. Более того,

¹⁰⁵ MacGregor M. F. The genius of Alcibiades // Phoenix. Vol. 19. 1965. № 1. P. 27-46.

¹⁰⁶ Forde S. The ambition to rule: Alcibiades and the politics of imperialism in Thucydides. Ithaca; L., 1989. P. 28-32. Cf. 8, 38.

¹⁰⁷ Forde S. The ambition to rule ... P. 199-211.

¹⁰⁸ Вопрос о возможных причинах такого умолчания подробно разобран в литературе, см., например: Droysen J. G. Des Aristophanes Vogel ... Bd. 3. 1835. S. 162 ff.; Sommerstein A. H. The decree of Syrakosios ... P. 101-108.

¹⁰⁹ И здесь совпадение, так как Мегакл – имя деда Алкивиада со стороны матери, см.: Toepffer J. Alcibiades (2) // RE. Bd.1. Hbd. 2. Stuttgart, 1894. Sp. 1516.

¹¹⁰ Алкивиад действительно был, некоторое время среди слушателей Сократа (Xen. Mem., I, 2, 14; Plat. Alc.I, 103 b, 105 a-c, 119 b-120 a, 135 e; Symp., 216 a-b; Resp., VI, 494 b – 495 a; Plut. Alc., 4, 6), но влияние последнего сказалось на нем поверхностно. По образному выражению Ф.Сартори, «его амбиции уничтожали в нем ученика и тем самым отнимали у учителя»: Sartori F. Le eterie nella vita politica ateniese del VI e V secolo A. C. Roma, 1967. P. 82. Более подробно об отношениях Алкивиада и Сократа см.: Hatzfeld J. Alcibiade ... P. 52-56. Из античных авторов Исократ, в отличие от Ксенофонта и Платона, не был склонен подчеркивать роль Сократа в формировании личности Алкивиада, см.: Philippi A. Alcibiades, Sokrates, Isokrates // RM. Bd. 41. 1886. S. 13-17.

¹¹¹ О намеках на Алкивиада в других комедиях см.: Marr J. L. Who said what about Alcibiades? Frogs, 1422-1434 // CQ. Vol. 20. 1970. № 1. P. 53-55; Vickers M. 1) Alcibiades on stage: Philoctetes and Cyclops // Historia. Bd. 36. 1987. S. 171-197; 2) Lambdacism at

некоторые исследователи полагают, что Алкивиад подразумевался также под главным действующим лицом «Птиц» Аристофана¹¹², где даже, якобы, содержатся различные намеки на недавний процесс против нечестивцев¹¹³. Однако, вне зависимости от того, имелся ли в виду в этих пассажах именно Алкивиад, мы и по другим источникам знаем, что это был человек, который вполне мог участвовать в кошунстве и поэтому обвинения его в 415 г. скорее всего не были беспочвенными. Такое отношение к полисной религии не было характерно только для Алкивиада, но он являлся одним из ярчайших примеров общего явления, того кризиса полисной идеологии, который был вызван процессами, протекавшими в афинском обществе в течение V в. до н.э. и приобретшими к его концу вполне осязаемые формы¹¹⁴. Так, индивидуализм явился одновременно и результатом и следствием того духовного кризиса, который начался еще в конце V в., что ярчайшим образом проявилось как раз во время процесса 415 г.

5. Обоснованность обвинений в асебии в 415 г.

Что касается действительной виновности около ста афинян, упоминаемых в источниках, в инкриминируемых им преступлениях, то, как нам представляется, можно с большой долей уверенности говорить о том, что те, кто значился во всех доносах, кроме ложного доноса Диоклида, были причастны к преступлениям против культа в той или иной степени. Насколько же заслуженно пострадали другие обвиненные так и останется неизвестным, коль скоро даже один из современников процесса – Фукидид – не знал этого. Так, Фукидид пишет, что афиняне, опасаясь установления в городе олигархического или тиранического правления, «исполнившись подозрений против всех предполагаемых виновников осмеяния мистерий... уже бросили в тюрьму много знатных людей, и так как конца дела не было видно, то все более распалялись и стали хватать и бросать в тюрьму еще большее количество граждан. Наконец, один узник (т.е. Андокид-Е.Н.)...сделал признание – истинное или ложное – я не могу сказать: об этом строились лишь различные догадки и никто тогда определенно не знал, да и теперь не знает, кто же в самом деле были преступники» (VI, 60, 2). Афиняне, по словам Фукидида, радостно ухватились за это признание, освободили самого доносчика и не указанных Андокидом лиц, «оговоренных же им людей, кого могли найти,

Aristophanes Clouds 1381-1382 // Liverpool Classical Monthly. Vol. 12. 1987. P. 143; 3) Alcibiades on stage: Thesmophoriazusae and Helen // Historia. Bd. 38. 1989. S. 41-65.

¹¹² Aristophanes. The Birds / Ed. by W. W. Merry. 4th ed. Oxford, 1904. P. 14-18; Croiset M. Aristophane et les partis e Athenes. Paris, 1906. P. 193-194; Katz B. R. The Birds of Aristophanes and politics // Athenaeum. Vol. 54. 1976. P. 353-381.

¹¹³ Vickers M. Alcibiades on stage: Aristophanes' Birds // Historia. Bd. 38. 1989. S. 267-299. Однако, как нам представляется, автор этой работы слишком произвольно трактует многие выражения Аристофана.

¹¹⁴ Залубовина Г. Т. Кризис полисной идеологии в Афинах в V в. до н.э. // Проблемы истории античной гражданской общины. М., 1982. С. 7 слл.

после чрезвычайного судебного процесса казнили. Успевших бежать заочно присудили к смертной казни и объявили награду за их головы. Однако и при этом судебном процессе никто не мог сказать: были ли осужденные казнены справедливо. Впрочем, для прочих граждан города такой исход дела все же оказался неоспоримо полезным» (VI, 60, 4).

Что же касается Алкивиада, то шлейф обвинения в асебии тянулся за ним всю оставшуюся жизнь. Так, день его возвращения в Афины в 408 г. совпал с празднованием Плинтерий, когда, по традиции, праксиергиды, женщины одного из афинских жреческих родов, «снимают с Афины весь убор и окутывают статую покрывалом. Вот почему этот день афиняне считают одним из самых злосчастных в году и стараются провести его в полном бездействии» (Plut. Alc., 34). Его враги пытались воспользоваться этим обстоятельством, распространяя в народе слухи, что богиня закрылась из нежелания видеть Алкивиада (ср.: Xen. Hell., I, 4, 12). Однако много народа вышло встретить «нечестивца» Алкивиادا. По всей вероятности, или далеко не все были уверены в его виновности в кошунстве по отношению к богиням или оценка тяжести подобных проступков напрямую зависела от личности того, кого в них обвиняли. Алкивиад отметил свое возвращение в город тем, что обеспечил безопасность пешей процессии в Элевсин для празднования мистерий, что с благодарностью было воспринято афинянами (Plut. Alc., 34; Nep. Alc., 4, 5). Даже проклятие, наложенное на него после скандала 415 г. (Plut. Alc., 22, 4), было отменено по инициативе полиса. Однако жрецы опять же не однозначно отнеслись к этому – в 415 г. Феано отказалась его проклинать (Plut. Alc., 22, 5), а в 408 г. – верховный жрец Феодор отказался прощать, заявив, что «ежели он ни в чем не повинен перед государством, стало быть, и я не призывал на его голову никаких бедствий» (Plut. Alc., 33). Кроме того, необходимо отметить еще один момент. Вне зависимости от реальной виновности отдельных персонажей, в обществе, где не было разделения между религией и государством, святотатство всегда имело хотя бы минимальное политическое значение. Поэтому все, что касалось преступления гермокопидов и профанаторов мистерий имело вольный или невольный политический оттенок: это было время Пелопоннесской войны; событие произошло накануне Сицилийской экспедиции; было оскорблено божество, покровительствующее морякам и путешественникам; кошунство было совершено в момент высочайшего эмоционального напряжения, связанного с походом, которое быстро перешло в истерию; в Афинах продолжала сохраняться социальная и политическая дифференциация и участие в преступлениях аристократических гетерий и симпосиальных групп тотчас придало асебии политический характер; неоднозначна была личность самого Алкивиада, обладавшего непомерной ὕβρις и поэтому одинаково свободно нарушавшего как религиозные, так и политические установления; в аристократических кругах никогда не исчезало лаконофильство, столь опасное в условиях войны, в пристрастии к которому упрекали, в том числе, и Алкивиад. Таким образом, получается,

что в этих преступлениях только сам объект, на который покушались нечестивцы, имел непосредственное отношение к религии, а все остальное было достаточно тесно связано с политикой. Античные авторы неоднократно свидетельствуют, с одной стороны, о значительном влиянии политических мотивов на решение частных дел (Arist. Pol., V, 4, 1306 а 35), с другой – о том, что зачастую политические действия совершались исходя исключительно из личных побуждений, которые демонстративно маскировали под политические (Thuc. III, 81, 4). А в 415 году, как нам представляется, личные и политические причины раздувания скандала вокруг преступления гермокопидов и профанаторов мистерий были скрыты под яростным возмущением афинян совершенными кошунствами.



Ферамен и Критий: игра в коттаб на пороге смерти*

Общеизвестно, какое видное место в жизни высокоорганизованных животных и человека занимает игра. Это весьма своеобразный вид поведения, имитирующего те или иные аспекты реальной жизни. Всем нам знакомы игры животных – котят, взрослых кошек, собак, обезьян, дельфинов и др. Однако, не останавливаясь на примерах игры у животных, перейдем к предмету, который непосредственно нас интересует – к играм людей. Природа и механизм этих игр давно подвергались изучению со стороны психологов и философов¹. Не вдаваясь глубоко в эту тему, отметим наиболее существенное: игра – это вид инобытия (по выражению Й. Хейзинги), сводящийся к воспроизведению в порядке подражания, в условно-реальном виде («понарошку») тех или иных действий людей из реальной жизни. Механизм игрового момента достаточно сложен, но представляется, что необходимыми условиями игры у людей являются некоторый жизненный опыт, воображение и интерес к результату поступка.

Игры составляют неотъемлемый атрибут жизни уже малых детей, но они остаются важным элементом также и жизни взрослого человека. Здесь нет нужды входить в обсуждение достаточно сложного вопроса о том, в какой степени природа игры у людей основывается на инстинктивном животном побуждении или на социальном импульсе. Как бы то ни было, человечество никогда не забывало, что игры взрослых ближайшим образом происходят из игр детей. Ведь очевидно, в какой большой степени играм взрослых присущ, так сказать, детский элемент.

Показательно в этой связи, что у древних греков, этих праотцов современной европейской цивилизации, термины, относящиеся к теме игры, опираются на корневое понятие детства: *paidía* – игра, *paidiún* – насмешка,

* Первоначальная публикация: Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 13. СПб., 2013. С. 47-56.

¹ Лучшей по этой теме в западноевропейской и, шире, мировой литературе остается работа голландского философа Йохана Хейзинги «Homo ludens» [Человек играющий], изданная еще в 1938 г. Русский перевод: Хейзинга И. Homo ludens. Статьи по истории культуры / Пер. с нидерландского Д.В. Сильвестрова. М., 1997 (изд. 2-е, исправленное, 2003). Из прочей литературы назовем: Юнгер Г. Игры. Ключ к их значению / Пер. с нем. А.В. Перцева. СПб., 2012; Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Пер. с нем. под общей редакцией Б.Н. Бессонова. М., 1988; Хренов Н.А. «Человек играющий» в русской культуре. СПб., 2005.

παίζω – играть, – все три понятия происходят от корневого слова παῖς – ребенок. В других языках эта связь не прослеживается, также не всегда ясна этимология терминов, относящихся к теме игры (так обстоит дело и с русским термином «игра»), но, так или иначе, слова, обозначающие понятие игры в индоевропейских языках, относятся к древнейшему лексическому пласту: и русское «игра», и древнегреческое παιδί, и латинское ludus. В этом надо видеть признак глубочайшей древности такого своеобразного явления человеческой жизни, как игра.

Природа игр у людей, как, впрочем, и у животных, сводится к действию двух важнейших импульсов – подражания и соревнования. Только у людей воздействие этих импульсов имеет социальную ориентацию, и кроме того, с возрастом и переменою исторических условий, все более оснащается дополнительными атрибутами.

В чем смысл игры? Иными словами, как можно было бы определить место игры в жизни человеческого общества? Отвечая на этот вопрос, скажем так: игра есть метафора или символ бытия, не само бытие, но его виртуальная ретрансляция, порожденная воображением человека, своего рода зеркальное отражение реальной деятельности людей, вечно сопутствующее этой деятельности и подчас влияющее на нее, оставаясь по существу эмпирическим фантомом.

Разнообразие игр очевидно и не требует обоснования. Поясним только их возможную классификацию. Игры людей по своему жанру могут быть распределены по следующим категориям:

- игры подражательные, у детей, например, у мальчиков – игры в войну, у девочек – в дочки-матери, у взрослых – различные сценические представления, которые более всего имитируют реальные события;

- игры соревновательные, к числу которых надо отнести спортивные состязания древности и нового времени, состязания лучников и рыцарские турниры средневековья;

- игры упражняющие, какими, в частности, являются военные маневры;

- игры развлекательные по преимуществу, в том числе настольные, типа игры в шахматы или в карты, и застольные, типа древнегреческого коттаба. Этот последний нас особенно интересует, и к нему мы сейчас и обратимся.

Игра в коттаб (κότταβος) у древних греков сводилась к искусству выплеснуть остаток вина из чаши с целью попасть в какой-нибудь сторонний предмет или, если этим предметом был другой сосуд с вином, произвести в нем звонкий плеск. Подробное описание этой игры, с многочисленными ссылками на древних авторов, содержится в 15-й книге сочинения древнегреческого писателя-эрудита Афиней (рубеж II-III вв.) «Пирующие софисты» (Athen., XV, 2-8, p.665 e – 669 b). К свидетельствам литературной традиции добавляются многочисленные иллюстрации – рисунки на расписных античных вазах, изображающие играющих в коттаб, а также найденные при раскопках древних некрополей более или менее полные наборы

вещных атрибутов игры в коттаб. С опорой на эти материалы, а более всего на трактат Афиней, составлены весьма содержательные статьи о коттабе Жоржа Лафэя в «Словаре греческих и римских древностей» Ш. Дарамбера и Э. Сальо и К. Шнейдера в «Реальной энциклопедии науки о классической древности» Паули-Виссовы, а также другие специальные работы ученых нового времени².

По свидетельству древних, в частности известного писателя и политика Крития (2-я половина V в. до н.э.), игра в коттаб была сицилийского происхождения (Critias ap. Athen., I, 50, p. 28 b; XV, 2, p. 666 b = Diehl, ALG³, fasc. 1, fr. 1). Вероятно она родилась во время частых застолий с вином, возможно, у леонтинцев, которые славились своим симпозиальным времяпровождением, так что даже возникла поговорка: «Леонтинцы всегда вокруг чаш с вином» (ἀεὶ Λεοντῖνοι περὶ κρατῆρας, Diogenian. Paroem., II, 50)³. Из Сицилии эта игра распространилась по всему греческому миру. Произошло это, судя по упоминанию о коттабе у Алкея, в начале VI в. до н.э. Коттаб стал модной частью винных застолий и оставался таким вплоть до начала III в. до н.э.

Рассказ Афиней, дополняемый многочисленными изображениями на древних вазах, позволяет реконструировать содержание этой игры и, более того, познакомиться с разными ее вариантами. Наиболее распространенным вариантом был следующий: возлежавший на пиршественном ложе участник застолья приподнимался, опираясь на локоть одной руки, а другой поднимал чашу с остатками вина и выплескивал содержимое, стараясь попасть в какую-нибудь цель – в прикрепленный над другой, более широкой чашей небольшой диск, чтобы он упал в эту чашу, или же просто старался попасть в стоящую поодаль чашу с водой или вином, силясь произвести громкий плеск, или стараясь попасть в плавающие в этой чаше скорлупки орехов, чтобы потопить как можно большее их число, и т.п. Игроков могло быть двое или больше, и тогда они вели соревнование друг с другом на предмет того, кто большее число раз попадет в цель и произведет более громкий плеск. Победителю доставался приз в виде нескольких яиц, или каких-нибудь печеностей, или предметов туалета.

² Lafaye G. Kottabos // Daremberg Ch. et Saglio E. (ed.). Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. Vol. III, part 1. Paris, 1900. P. 866-869; Schneider K. Kottabos // RE. Bd. XI. Hbhd. 22. 1922, Sp. 1528-1541 (в обеих статьях имеются обширные ссылки на более раннюю литературу). См. далее: Ziegler K. Kottabos // Kleine Pauly. Bd. III. München, 1975, Sp. 319. Из прочих специальных работ отметим недавно переведенную на русский язык книгу видного французского антиковеда-культуролога Ф. Лиссарага «Вино в потоке образов», оригинальное издание которой вышло в свет еще в 1987 г.: Лиссараг Ф. Вино в потоке образов. Эстетика древнегреческого пира / Пер. с франц. Е. Решетниковой. М., 2008 (о коттабе см. содержательный очерк в главе «Игры с вином», с. 74 слл.).

³ Ср.: Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Изд. 2-е. СПб., 2006. С. 176 сл.

Современные ученые полагают, что игра в коттаб могла возникнуть из религиозного обряда, когда из чаши с вином выплескивали на землю несколько капель для богов, чаще всего, естественно, для Диониса. Возможно, так и было вначале, но в период, о котором идет речь (VI-IV вв. до н.э.), этот религиозный момент в коттабе практически исчез, уступив место моменту развлекательному. К этому добавился еще один момент, также органически входивший в программу застолья, – момент эротический. Игрок в коттаб при выплескивании вина мог произносить имя возлюбленной или возлюбленного, которому он посвящал свой бросок. Иногда это посвящение носило, так сказать, профетический характер, когда игрок, произнося имя своей возлюбленной или возлюбленного, загадывал, добьется ли он взаимности.

В течение долгого времени коттаб пользовался большой популярностью в греческом обществе, что способствовало разработанности самого игрового ритуала, и нашло отражение в богатстве и изощренности терминологии, относящейся к этой игре. Слово *κότταβος* обозначало и самое игру в коттаб, и ее оборудование – как в целом, так и отдельные его элементы (например, штангу, на которой устанавливался небольшой диск или другой предмет, который надлежало сбить и уронить в стоявшую у подножия штанги чашу с вином). Слова *λαταγή* и (вариант) *λάταξ* обозначали остаток вина в кубке пирующего, или выплескивание его, или плеск от попадания в цель. Оба слова – *κότταβος* и *λαταγή* – как указано у Афиней, считались сицилийского происхождения, но их этимология неясна. Еще одно слово, производное от *κότταβος*, *κοτταβεῖον* (или *κοττάβιον*) означало чашу, в которую надо было попасть или приз за победу.

В целом складывается впечатление о коттабе как развлекательной игре, органически входившей в программу симпосия. Разумеется, этот ритуал был присущ обществу свободных и состоятельных граждан. С сокращением социальных условий для симпосиального времяпровождения в эпоху эллинизма исчезла и сама игра в коттаб. По крайней мере, такой могла быть причина исчезновения коттаба по нашим представлениям. С этим можно сравнить исчезновение дорогих, художественно отделанных надгробий в Афинах времени Деметрия Фалерского⁴.

Веселому ингредиенту застолья, каким обычно была игра в коттаб, однажды в греческой истории конца V в. до н.э. суждено было сыграть трагическую роль. Мы имеем в виду заключительный этап знаменитого политического противоборства двух лидеров афинской олигархии Фераме-на и Крития. Активная деятельность этих политиков приходится на время

⁴ Косвенным подтверждением такой ситуации можно считать ограничительные меры против роскоши, проводимые в эпоху поздней классики политиками вроде афинского правителя Деметрия Фалерского. Эти меры могли быть обусловлены не только социальной демагогией, но и трезвым учетом материальных возможностей населения греческих городов. Ср.: Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики: общество, личность, власть. СПб., 2001. С. 551.

жесточайшего социально-политического кризиса, разразившегося в Афинах в конце Пелопоннесской войны, после катастрофического поражения афинян в Сицилии (413 г. до н.э.). Именно тогда пошатнулось положение правившей в Афинах демократии, чем не преминула воспользоваться олигархическая оппозиция. Олигархические группировки провоцировали конфликты в гражданской среде и дважды им удавалось совершить государственный переворот и привести к власти – правда, на короткий срок – собственных ставленников. Первый раз это случилось в 411 г., вскоре после поражения в Сицилии и последовавшего затем распада Афинской архэ, второй раз – в 404 г., после капитуляции Афин при активном содействии победителей-спартанцев. Первый раз у власти утвердился олигархический Совет четырехсот, второй – Комиссия тридцати, по видимости созданная для составления новых законов, а на деле ставшая править совершенно авторитарно, чиня насилие, казни и конфискации имущества у неугодных им лиц, как заправская тирания⁵.

Среди лидеров олигархического движения в Афинах в конце V в. до н.э. выдавались двое – Ферамен и Критий, оба убежденные противники демократии, чьи взгляды, однако, на методы политической борьбы и ее конечную цель были совершенно несхожи. Ферамен был сторонником умеренной олигархии, его идеалом был такой государственный порядок, при котором гражданскими правами могли пользоваться достаточно состоятельные люди, преимущественно землевладельцы, способные экипироваться на свой счет для несения военной службы. Стараясь избегать крайностей, Ферамен в то же время был мастером политической интриги, посредством которой можно было сокрушить неугодный ему государственный строй. В 411 г. до н.э. он был одним из вожakov олигархического движения, приведшего к падению демократии и установлению олигархического правления Четырехсот. Когда же эти правители стали склоняться к тому, чтобы пойти на сговор с подступавшими к Афинам спартанцами, Ферамен примкнул к группе оппозиционеров и стал инициатором передачи власти от Четырехсот более умеренному режиму Пяти тысяч, а затем не стал противиться и полному восстановлению демократии. Однако его лояльное отношение к демократическому строю было недолгим. В 406 г. он стал зачинщиком судебного преследования и казни стратегов-победителей при Аргинузских островах, что привело к деморализации афинского флота и его разгрому спартанцами в следующем году при Эгоспотамах. В 405/4 году, во время осады спартанцами Афин,

⁵ Об олигархическом движении в Афинах в конце V в. до н.э. см. также: Bengtson H. *Griechische Geschichte*. 4. Aufl. München, 1969. S. 244 ff.; Will Ed. *Le Mond Grec et l'Orient*. T. I. Paris, 1972. P. 359 ff.; Andrewes A. *The Spartan resurgence* // *CAH*. 2nd ed. Vol. V. 2008. P. 464-498 (со специальными разделами об олигархии в Афинах); Фролов Э.Д. *Греция в эпоху поздней классики: общество, личность, власть*. СПб., 2001. С. 102-109. До сих пор сохраняет свою ценность специальное исследование Урсулы Хакль: Hackl U. *Die oligarchische Bewegung in Athen am Ausgang des 5. Jahrhunderts v. Chr. (diss.)*. München, 1960.

он, будучи полномочным послом Афинского государства, сознательно затянул переговоры со спартанским правительством и измором довел своих сограждан до постыдной капитуляции. Затем, в качестве авторитетного лидера афинских олигархов, Ферамен вошел в состав пресловутой комиссии Тридцати, которая на протяжении нескольких месяцев осуществляла в Афинах жесткое антидемократическое правление.

Участие в новом олигархическом правительстве имело для Ферамена роковые последствия. Ему претил начатый олигархами террор по отношению к согражданам, поскольку по натуре своей он был противником крайних мер. В комиссии Тридцати и в новом, созданном олигархами государственном совете он стал выступать против безудержной расправы над богатыми метеками и демократически настроенными гражданами. Но здесь он натолкнулся на противодействие другого видного олигарха Крития, который был именно сторонником безудержной расправы над демократами.

Отпрыск знатного афинского рода, получивший модное в ту пору софистическое образование, Критий и сам был видным софистом – мыслителем и писателем⁶. В конфликте между Афинами и Спартой, приведшем к Пелопоннесской войне, его симпатии были на стороне олигархической Спарты, бывшей в глазах греческих аристократов воплощением социального и политического порядка. Однако Критий отнюдь не был заурядным лаконофилом. Определяющей чертой его характера было безграничное честолюбие, стремление к политическому первенству и власти и признание возможным использовать для этого любые средства. Отсюда – использование любых возможностей для личного возвышения, что придавало его политической деятельности своеобразный зигзагообразный характер. В 411 г. он примкнул к олигархам и участвовал в государственном перевороте, приведшем к установлению режима Четырехсот. Чуть позже, после реставрации демократии, он был инициатором внесения законопроекта о возвращении в Афины Алкивиада, который, как известно, поддержал демократов в их борьбе с олигархией. Новое падение Алкивиада повлекло за собой и санкции против его сторонников: Критий оказался в изгнании, в Фессалии, где вместе с неким Прометеем подбивал к восстанию закабаленных рабов-пенестов. Наконец, по возвращении в Афины вместе с другими изгнанниками (после капитуляции Афин в 404 г.) он вошел в состав комиссии Тридцати, где возглавил экстремистское крыло и повел борьбу с противником крайних мер Фераменом.

Мы хорошо осведомлены о подробностях этой политической дуэли, главным образом благодаря афинскому историку Ксенофону, очевидцу и в какой-то степени участнику этих событий. В своей «Греческой истории», опираясь на личные впечатления, возможно даже на дневниковые записи, а также на показания других очевидцев, Ксенофонт дал великолепное по точ-

⁶ О жизни и деятельности Крития подробнее см. в нашей статье: Фролов Э.Д. Критий, сын Каллесхра, афинянин – софист и тиран // Вестник древней истории. 2003. № 4. С. 67-89.

ности и достоверности описание последних лет Пелопоннесской войны и короткого, но исполненного драматизма, правления Тридцати тиранов, включая и интересующий нас эпизод.

Как передает Ксенофонт, во время дебатов в государственном совете Критий обрушился на Ферамена, обвиняя его в оппортунизме. Он указывал Ферамену на его непростительную непоследовательность. По мнению Крития, олигархический режим в Афинах, городе с богатыми демократическими традициями, неизбежно должен был носить радикальный террористический характер: от того, разъяснял он, что правителей в Афинах тридцать, а не один, существующее правление не становится менее тираническим.

Но приведем слова Крития, как они переданы – по-видимому, весьма точно – Ксенофонтом. «Честолюбивые люди, – заявляет Критий, – должны стараться во что бы то ни стало устранить тех, которые в состоянии им воспрепятствовать. Ты очень наивен, если полагаешь, что для сохранения власти за нами надо меньше предосторожностей, чем для охранения всякой иной тирании: то, что нас тридцать, а не один, нисколько не меняет дела» (Xen. Hell., II, 3, 16-17, перевод здесь и далее С.Я. Лурье).

Схватка Крития с Фераменом была по сути дела не столкновением двух фракций внутри олигархического лагеря, а противоборством двух принципиально различных направлений – экстремистского, сродни тирании, выступавшего за рамки полисных традиций, и собственно олигархического, остававшегося в их пределах. Схватка эта скоро обострилась до такой степени, что Критий решил устранить своего оппонента. Опираясь на согласие большинства правящих олигархов и поддержку олигархически настроенной золотой молодежи, с кинжалами под платьем окружившей место заседания совета, где происходили заключительные дебаты, Критий добился сначала исключения Ферамена из списка полноправных граждан, а затем и прямого его осуждения на смертную казнь. Эти драматические события ярко описаны Ксенофонтом, который несомненно был их очевидцем. Полицейская коллегия Одиннадцати схватила Ферамена и заставила его выпить кубок с ядом. Приговоренный к смерти не утратил мужества: парадировав игру в коттаб, выплеснул остатки смертоносного питья, адресуя их Критию.

Но приведем и здесь, не сокращая, пассаж из «Греческой истории» Ксенофонта вместе с заключительным оценочным суждением автора. «Когда же Ферамена, осужденного на смерть, заставили выпить кубок цикуты, – повествует Ксенофонт, – он выплеснул оставшееся на дне и проговорил при этом, как это делается при игре в коттаб: «Дарю это моему ненаглядному Критию». Я хорошо знаю, – продолжает Ксенофонт, – что эти изречения вряд ли достойны упоминания; однако, в человеке достойно уважения то, что, стоя лицом к лицу со смертью, он не теряет ни ясности ума, ни весело-игривого настроения духа» (Xen. Hell., II, 3, 54).

Рассказ Ксенофонта о гибели Ферамена – один из самых трагических в античном историописании. Он прекрасно характеризует накал политических

страстей в древних Афинах и тот героический пафос, которым отличались поведение и речи главных протгагонистов разворачивавшейся тогда исторической драмы. Судьба этих деятелей была трагична: Ферамен, как мы видели, тщетно пытался воспротивиться террору, проводимому его коллегами, и был ими устранен, а Критий ненадолго пережил своего оппонента и погиб в сражении с демократами в Пирее весной 403 г. до н.э.⁷



⁷ В заключение сошлемся на великолепный очерк о противоборстве Ферамена и Крития, принадлежащий перу базельского профессора Юргена фон Унгерн-Штернберга: Ungern-Sternberg J. von. «Die Revolution frisst ihre eignen Kinder»: Kritias vs. Theramenes // Grosse Prozesse im antiken Athen / Hrsg. von L.Burckhardt und J. von Ungern-Sternberg. München, 2000. S. 144-156 (текст) и 275-276 (примечания). Статья Унгерн-Штернберга особенно интересна использованием исторических параллелей. По его мнению, Ферамен пал жертвою собственной непоследовательности, сначала развязав олигархическую революцию, а потом попытавшись ее остановить. Та же судьба постигла героя Французской революции Дантона.

Процесс Сократа: конфликт философа с государством и обществом*

В духовной жизни классической Греции центральное место заслуженно принадлежит афинскому философу Сократу (468-399 гг. до н.э.). С его именем связано утверждение в античной философии нового, нравственного направления, пришедшего на смену ранее главенствовавшей натурфилософии. Именно Сократу принадлежит заслуга перенесения внимания философов с явлений внешнего мира на внутреннюю жизнь человеческого общества, а в ней в первую очередь на самую личность человека, Сократ поставил во главу угла задачу личного, нравственного совершенствования человека, а таким путем совершенствования также и общества и государства. Важной заслугой Сократа была глубокая разработка теории познания и проблем этики. И в том и в другом, то есть, и в гносеологии и этике, он был защитником позитивных ценностей и поборником абсолютной истины, что коренным образом отличало его от современных ему софистов, носителей тенденций релятивизма и нигилизма. При всем том Сократ был фигурой неординарной: мало того, что он ставил личный разум и опыт выше укоренившихся традиций и тем бросал вызов патриархальным устоям общественной жизни, включая даже и принятую веру в богов, он эпатировал публику необычной манерой поведения и проповеди. Наделенный чудаковатой внешностью, носивший круглый год один и тот же поношенный хитон, он бесцеремонно вступал в разговор с любым человеком, призывая его поразмышлять над своею деятельностью и поведением и признать их недостатки. Его манеры и разоблачительные вопросы раздражали многих, а его утверждения примата личного разума над традицией, включая и традицию политическую, вызывали подозрения, тем более, что его проповедь пользовалась успехом у молодежи, склонной к критике существующих порядков. Как это ни парадоксально, но философия Сократа, исполненная нравственного пафоса возбуждала сильнейшее подозрение и настраивала как народную массу, так и правящие верхи против чудаковатого мудреца¹.

* Первоначальная публикация: Фролов Э.Д. Факел Прометея (Очерки античной общественной мысли). Изд. 3-е. СПб., 2004, С. 318-351.

¹ Для ознакомления с темой Сократа полезными могут быть прежде всего разделы в общих трудах по истории античной (греческой) философии и культуры: Боннар А. Греческая цивилизация / Пер. с фр. О.В. Волкова. Т. II. М., 1959. С. 273-308 ; Фролов Э.Д. Факел Прометея (очерки античной общественной мысли). Изд. 3-е. СПб., 2004. С.265 слл. Более обстоятельное изложение – в фундаментальных пособиях по антич-

Долго назревавший конфликт между философом и его общиной вылился, наконец, в 399 г. до н. э. в форменный судебный процесс². Суд над Сократом стал важным событием в жизни древних Афин, да и всей вообще Греции, и, как всякое большое, общественно значимое событие, он имел не только свою историю, но и предысторию. Активная просветительская деятельность Сократа давно уже вызывала подозрение и раздражение у всех, кто был привержен устоям и традициям полисной старины. Более того, в той степени, в какой эта деятельность была исполнена не только разъяснения и критики, но и проповеди новых идеалов, в особенности же акцента на личное духовное совершенствование в противовес традиционному элементарному служению полису, она вызывала даже еще больше опасений, чем аналогичная, казалось бы, просветительская работа натурфилософов и софистов. У тех дело ограничивалось объяснением с позиций, так сказать, чистого разума окутанных покровом мифа явлений внешней природы или общественной жизни. Дальше этого объяснения и соответствующей критики архаических представлений и институтов они, как правило, не шли. У Сократа те же объяснение и

ной философии: Виндельбанд В. История древней философии / Пер. со 2-го нем. изд. М.М. Рубинштейна. М., 1911. С. 128-140; Целлер Эд. Очерк истории греческой философии / Пер. с 10-го нем. изд. Н. Стрелкова. М., 1913. С. 93-104; Гомперц Т. Греческие мыслители / Пер. со 2-го нем. изд. Е. Герцык и Д. Жуковского. Т. II. СПб., 1913. С. 32-88, 188-193; Guthrie W. K. C. A History of Greek Philosophy. Vol. III, Cambridge, 1969. Специальные монографии: Нерсисянц В.С. Сократ. М., 1977; Суриков И.Е. Сократ. М., 2011; Cresson A. Socrate, sa vie, son oeuvre. Paris, 1947; Der historische Sokrates / Hrsg. von A. Patzer. Darmstadt, 1987. Для реконструкции жизни и учения Сократа главными источниками – за отсутствием собственных свидетельств философа, который, как известно, ничего не писал, – служат сочинения его учеников: Ксенофонта, в особенности его обширные «Воспоминания о Сократе» и примыкающая к ним «Апология Сократа» (их перевод см. в кн.: Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения / Пер. С. И. Соболевского. М.; Л., 1935), и Платона, особенно его ранние произведения «Апология Сократа» и «Критон», а также «Федон» и «Пир» (см.: Платон. Сочинения в трех томах. М., 1968-1972). Главным образом на свидетельствах этих учеников Сократа основана и его биография в труде Диогена Лаэртского (III в. н. э.) «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (пер. М.Л. Гаспарова. М., 1979). Для оценки вклада Сократа в философскую мысль древних важны также суждения Аристотеля, в частности в «Метафизике» (пер. А.В. Кубицкого в кн.: Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. I. М., 1976). К этим положительным свидетельствам добавляется комедия Аристофана «Облака» (423 г. до н. э.), являющая собою шарж на Сократа и всю тогдашнюю философию (см.: Аристофан. Комедии / Пер. А.И. Пиотровского. Т. I. М., 1934).

² О процессе Сократа, помимо соответствующих глав в работах более общего характера, см. также специально: Sorel G. Le proces de Socrate. Paris, 1889; Humbert J. Polycrate, l'accusation de Socrate et le Gorgias. Paris, 1930; Gaurdini R. Der Tod des Sokrates, 4. Aufl. D üsseldorf; München, 1952; Fischer J.F. The Case of Socrates. Prag, 1969; Radista L. The Collapse of Democracy at Athens and the Trial of Socrates // Rivista storica dell' antichita. Anno IX. № 1-2. 1979. P. 11-28.

критика были лишь ступенями к дальнейшему восхождению – к новым вершинам и новым идеалам, бросавшим вызов всему традиционному порядку. Если добавить к этому необычный образ жизни Сократа и столь же своеобразную его внешность и манеру общаться с людьми, то станет понятно, как он смог за десятилетия своей проповеднической деятельности стать в глазах соотечественников живым воплощением всех странных, новаторских тенденций в тогдашней идеологической жизни.

В Платоновой «Апологии» Сократ с полным правом начинает свою защиту с указания на давность распространенного о нем превратного представления, «будто бы есть некто Сократ, человек мудрый, который испытует и исследует все, что над землею, и все, что под землею, и выдает ложь за правду» (18 b). И несколько дальше то же ходячее о нем мнение Сократ перефразирует, наподобие составленного по всей форме обвинения: «Сократ преступает закон и попусту усердствует, испытывая то, что под землею, и то, что в небесах, выдавая ложь за правду и других научая тому же» (19 b).

Сократ категорически отвергает это нелепое, прямолинейное отождествление его с натурфилософами, которые именно и исследовали «то, что под землею, и то, что в небесах», равно как и с софистами, этими мастерами «выдавать ложь за правду», или, говоря словами Сократа, пользующегося софистическим жаргоном, «делать речь слабейшую сильнейшей». В этом своем протесте Сократ, конечно, был прав, но прав не в такой степени, чтобы ему безусловно можно было поверить. Ибо, на самом деле, было у него и немало общего с представителями названных новейших течений в греческой философии. По существу его сближал с ними упор на необходимость критической проверки всех традиционных представлений с позиций свободного от предубеждений разума. Но и в формальном отношении, по манере своей вечно вести диалектические, временами, однако, отдававшие чистой софистикой споры по поводу общих определений, этот защитник абсолютных нравственных истин сильно походил, особенно в глазах неискушенной, консервативно настроенной публики, на тех самых мастеров-спорщиков, разрушавших веру в любые истины, на тех софистов, от которых он так себя отличал.

До какой степени и как давно это расхожее представление о Сократе укоренилось в широких кругах афинского общества, свидетельствует, как на это указывает и платоновский Сократ (Ap.Socr., 18 c-d, 19 c), древняя аттическая комедия, и в частности комедия Аристофана «Облака». В этой пьесе, поставленной еще в 423 г. до н. э., дан шарж на всех вообще носителей новейшей критической мудрости, но шарж этот привязан к фигуре Сократа, который своей неустанной, горячей, но чудаковатой проповедью более всего, по-видимому, возбуждал недоумения и подозрения у той консервативно настроенной массы афинского гражданства, выразителем дум и чаяний которой и был Аристофан.

В основном несправедливо, но кое в чем весьма сходно, а главное, очень остроумно в облике Сократа представлен здесь популярный тип философа,

претендующего на новое критическое знание и берущегося наставлять в нем других. Гротескно изображена уже внешность философа. Его манера жизни и поведения так аттестуется хором благоволящих к нему новых божеств-Облаков (давших название и всей пьесе):

Никого так охотно не слушаем мы из искусников, ныне живущих.

Одного разве Продика: мудрость его нас пленяет и гордые мысли.

Ты же тем нам приятен, что бродишь босой, озираясь направо, налево,

Ходишь чванно и важно, в лохмотьях, дрожа, вскинув голову, нас обожая.

(Aristoph. Nub., 360-363, пер. Адр. Пиотровского).

Гротескна и та бутафория, которой окружает поэт жизнь и деятельность этого, в его изображении, одержимого и вместе с тем плутоватого мудреца. У себя дома, в помещении, иронически именуемом «мыслильня» (φροντιστήριον), Сократ качается под потолком в специальной корзинке, чтобы быть ближе к тем самым небесам, которые он наблюдает и изучает. Его окружают иссохшие от многотрудной науки почитатели и ученики, которых он поражает решением проблем вроде того, как измерить прыжок блохи в ее «футах» – стопах, и которым задает задачи наподобие таких: какова глубина Тартара и сколько звезд на небе.

Но вот разворачивается в комедии и действие, смысл и последствия которого отнюдь не столь безвредны, как решение проблемы блошинных прыжков. Пожилой афинянин Стрепсиад, страдающий от долгов своего непутевого, без всякой меры увлекающегося конным спортом сына Фидиппида, решает отдать его на учение к мастеру плутовского, софистического красноречия Сократу:

Стрепсиад:

Прошу тебя! Мой миленький, любименький,

Ступай и поучись!

Фидиппид:

Чему ж учиться мне?

Стрепсиад:

Рассказывают, там, у этих умников,

Две речи есть. Кривая речь и правая.

С кривою этой речью всяк, всегда, везде

Одержит верх, хотя бы был крутом неправ.

Так, если ты кривым речам научишься,

Из всех долгов, которым ты один виной,

Не заплачу я и полушки ломаной.

(110-118).

Фидиппид сначала отказывается, и тогда сам Стрепсиад делает попытку приобщиться к новой мудрости. Старик не выдерживает искуса, но кое-чего он все-таки успевает набраться в мыслильне у Сократа и по возвращении домой преподает сыну урок натурфилософии, а заодно и атеизма. В споре, на клятвенную ссылку сына на Зевса Олимпийского, Стрепсиад отвечает насмешкою и разъяснением, что никакого Зевса вообще нет:

Стрепсиад:

Зевсом клялся ты?

Фидиппид:

Да, клялся.

Стрепсиад:

Видишь, как важно учение:

Нет никакого Зевса, мой сынок. Царит

Какой-то Вихрь. А Зевса он давно прогнал.

Фидиппид:

Ай-ай! Вот вздор!

Стрепсиад:

Поверь мне, это правильно.

Фидиппид:

Да кто сказал?

Стрепсиад:

Сократ, безбожник с Мелоса,

И Хэрефонт, прыжок блохи исчисливший³.

(824-830).

В свою очередь Фидиппид, решившийся, наконец, пройти курс обучения у Сократа, по возвращении домой преподает отцу наглядный урок того, к чему может привести приобщение молодежи к новой науке. В разгар нового спора Фидиппид бьет отца, а на возмущение его и ссылку на обычай, воспрепятствующий детям поднимать руку на родителей, отвечает рассуждением, взятым из арсенала софистики, об условности любого установления:

Стрепсиад:

Но не в обычае нигде, чтоб был сечен родитель.

Фидиппид:

А кто обычай этот ввел – он не был человеком,

Как ты, да я? Не убедил речами наших дедов?

Так почему же мне нельзя ввести обычай новый,

Чтоб дети возвращать могли родителям побои?

А порку, что досталась нам до нового закона,

Смахнем со счетов и простим за давностью срока.

Возьмите с петухов пример и тварей, им подобных,

Ведь бьют родителей у них, а чем они отличны

От нас? Одним, пожалуй, тем, что кляуз они не пишут.

(1420-1430).

³ Аристофан называет Сократа «безбожником с Мелоса», чтобы подчеркнуть его роль разрушителя традиционных религиозных верований. Дело в том, что родом с острова Мелос был поэт и философ Диагор, получивший в Афинах дурную известность за свои нападки на чтимых афинянами богов. Что касается Хэрефонта, то это известный друг и почитатель Сократа, он несколько раз упоминается в начале пьесы в качестве его собеседника.

Сократ выведен, таким образом, у Аристофана как воплощение извращенной мудрости, сеющей в народе, особенно среди молодежи, семена духовного разложения. В центральной сцене, где в агоне сходятся Правда и Кривда, а буквально – Слово сильнейшее и Слово слабейшее, поэт устами Правды выносит суровый приговор новой, софистической лженауке, а вместе с нею и тому, кого он выставляет главным ее представителем, – Сократу:

Правда:

Ты, виною тому,
Что учиться подростки не ходят совсем.
Но узнают афиняне все же, чему
Наставляешь и учишь ты глупый народ.

Кривда:

Как ты грязен и груб!

Правда:

Ты ж – наряжен, ты – люб!
А недавно еще побирался с сумой
И мисийцем Телефом себя называл
И уныло жевал Панделетовой мудрости крохи⁴.

Кривда:

О разумная речь!

Правда:

О безумная речь!

Кривда:

Ты припомнил о ней.

Правда:

О твоей и о том,
Что народ тебя чтит,
Развратителя юношей, язву страны.

(915-928).

Как видим, задолго до 399 г. возникло сильное предубеждение против Сократа, которое послужило, таким образом, определенной предпосылкой для его официального судебного преследования. В этом плане велико было значение именно комедии Аристофана. В условиях античного общества, где театр еще больше, чем в наше время, был не только видом развлечения, но и важным каналом формирования общественного мнения, представленный с несомненным блеском и видимой убедительностью шарж на Сократа сильнейшим образом должен был содействовать утверждению в умах афинян превратного, враждебного мнения о философе и даже подсказывал форму

⁴ Телеф – мифологический персонаж, сын Геракла и Авги, царь Мисии, указавший грекам, как добраться до Трои. Был выведен в обличье нищего в одноименной (не дошедшей до нас) драме Эврипида, насмешками над которой заполнена целая сцена в «Ахариянах» Аристофана (сцена Дикеополя и Эврипида, стихи 393-489). Панделет – по-видимому, какой-то софист.

его официального обвинения. В разных местах пьесы на разные лады инкриминируются Сократу подрыв традиционной веры в богов и развращение молодежи, а эффектная концовка, где взбешенный Стрепсиад поджигает дом зловредного мудреца, могла быть воспринята как прямой призыв к расправе.

Однако в афинском демократическом обществе, отличавшемся в принципе большой терпимостью, кризис заставил себя ждать, и развязка наступила лишь четверть века спустя, в совершенно особой ситуации рубежа V-IV вв. до н. э., после завершения Пелопоннесской войны и социально-политических смут, ею развязанных. Афины вышли из войны сокрушенными и принижеными донельзя. По условиям мира, продиктованного им в 404 г. спартанцами, они должны были признать роспуск своей архэ, согласиться на практически полное разоружение и войти в тесный альянс с державой-победительницей, со Спартой. Более того, ближайшим последствием военного поражения явилось утверждение в Афинах при прямом содействии спартанского полководца Лисандра антидемократического режима Тридцати (404/3 г.). Лишь с большим трудом, благодаря отваге демократов-изгнанников во главе с Фрасибулом, но еще больше в силу политических осложнений в Спарте, правительство которой – цари и эфоры – из недоверия к всемогущему Лисандру предоставило его протекже – афинских олигархов – своей судьбе, антинародный режим в Афинах был свергнут, и была восстановлена демократия.

Разумеется, это была лишь тень прежнего блестящего народоправства. У обескровленного войною и смутами афинского демоса не было в ту пору ни сил, ни желания бороться за возрождение своего государства. Недаром пришлось даже вводить плату за посещение народного собрания, чтобы хоть как-то стимулировать политическую инициативу гражданской массы (см.: Aristot. Ath. pol., 41, 3). Но тем более болезненно воспринималось в тех условиях афинскими патриотами все, что напоминало о пережитом крушении или сулило новые опасности только что восстановленной демократии.

Нельзя ставить под сомнение искренность вождей демократической, или пирейской, партии (Пирей был опорой демократов в их борьбе с засевшими в Афинах олигархами), когда они, после падения тирании Тридцати, вступили в переговоры с умеренно олигархической, или городской, партией и в конце концов заключили соглашение о гражданском примирении и взаимном забвении обид (об этом соглашении см.: Xen. Hell., II, 4, 38-43; Aristot. Ath. pol., 39; Andocid. I, 81-91). На первых порах со стороны новой демократии не было даже недостатка в решительных жестах для подтверждения незыблемости достигнутого соглашения. Аристотель упоминает, в частности, о следующей акции одного из авторитетнейших лидеров этой демократии Архина: «Когда кто-то из возвратившихся [из изгнания] начал искать возмездия за прошлое, он (Архин. – Э. Ф.) велел арестовать его и, приведя в Совет, убедил казнить без суда. Он объяснял, что теперь членам Совета предстоит показать, хотят ли они спасти демократию и соблюдать присягу: если отпустят этого человека, то это будет поощрением и для остальных, если же каз-

нят, это будет примером для всех». И Аристотель с одобрением продолжает: «Так и случилось. После его казни уже никто никогда потом не искал возмездия за прошлое. Наоборот, афиняне, кажется, превосходно и в высшей степени дальновидно с политической точки зрения воспользовались и в частных и в общественных отношениях пережитыми несчастьями» (Ath.pol., 40, 2).

Эта и в самом деле хорошо продуманная и принципиальная линия новой афинской демократии не должна, однако, вослед Аристотелю восприниматься как некий абсолют. В глазах демократической общественности в Афинах она выглядела целесообразной в принципе тенденцией, но не более того. На практике, сколь бы ни прокламировалось и ни утверждалось властями забвение прошлого, «амнистия» (что буквально и значит по-гречески «забвение»), ничто не было забыто, в особенности в отношении тех видных граждан, с кем действительно были связаны или могли ассоциироваться пережитые демократией неприятности. Как раз это время – рубеж V-IV вв. – отмечено в жизни Афин целой серией эксцессов, в которых нельзя не видеть проявления очевидного стремления свести счеты. И если эти эксцессы нельзя объявить последовательно проводимой линией, то все же они достаточно впечатляющи, чтобы судить о настроениях, бытовавших тогда в афинском обществе.

Вот несколько примеров. В 400 г. афиняне в ответ на соответствующее обращение спартанского правительства отправили в Малую Азию для участия в войне спартанцев с персами 300 всадников «из числа тех, – поясняет Ксенофонт, – которые служили в коннице в правление Тридцати, полагая, что для демократии будет выгодно, если они окажутся вдали от родины и погибнут» (Xen.Hell., III, 1, 4).

Эту акцию, – по крайней мере в том виде, как нам преподносит ее древний историк, – нельзя не расценить как проявление осознанной и организованной воли демократического общества к сведению счетов со своим социальным недругом. Еще больше можно привести примеров другого, личного плана, где, однако, личное было всего лишь производным от общественного. Яркий материал доставляют судебные речи современных афинских ораторов. У преданного демократии Лисия две речи посвящены обвинению – личному, но с широким выходом в политическую сферу – видных деятелей олигархии: члена комиссии Тридцати Эратосфена (речь XII, 403 г.) и приспешника олигархов Агората (речь XIII, 398 г.). В свою очередь у сочувствовавшего олигархии Исократа есть речь, посвященная защите человека, близкого к олигархическим кругам (речь XVIII, 403/2 г.). Но что самое интересное: оба оратора оказались вовлечены в судебные дела Алкивиада Младшего, сына знаменитого стратега времени Пелопоннесской войны. Исократ написал для Алкивиада Младшего защитительную речь (XVI, 396/5 г.). Лисий по другому делу составил против него две речи обвинительные (XIV и XV, 395/4 г.). В обоих случаях судьба Алкивиада Младшего решалась на фоне и с учетом прошлого, ибо обвинение каждый раз так или иначе старалось заставить сына отвечать за прегрешения его злополучного отца перед демократией.

Наконец, еще два факта, которые могут быть, по крайней мере, косвенными подтверждениями развиваемой мысли. Речь идет о судьбе двух выдающихся современников, двух историков, Фукидида и Ксенофонта. Фукидид, согласно одной из версий античной традиции, по возвращении из изгнания погиб в Афинах насильственной смертью (Marcellin. Vita Thuc., 32, со ссылкой на александрийского ученого-эрудита Дидима). Эту смерть человека несметно богатого, недружелюбно настроенного к радикальной демократии, изгнанного в свое время из Афин за неудачное исполнение стратегии и затем долгое время находившегося в близких отношениях с врагами афинян пелопоннессцами, можно было бы, пожалуй, отнести к разряду происшествий и достаточно вероятных, и неслучайных в контексте всех описываемых событий.

Что же касается Ксенофонта, то он еще в 401 г. покинул Афины и отправился в Малую Азию на службу к персидскому царевичу Киру Младшему, который в Пелопоннесской войне помогал спартамцам против афинян, а после войны готовился при поддержке Спарты свергнуть своего брата Артаксеркса II. По-видимому, Ксенофонтом двигал трезвый расчет, понимание того, что в Афинах ему, аристократу, служившему при Тридцати в коннице, все дороги были заказаны и даже, более того, могла грозить опасность, тогда как служба у Кира, по расчетам отправлявшихся к нему греческих кондотьеров, могла принести славное имя, большое влияние и много богатств (ср. об этих расчетах: Xen. Anab., II, 6, 17).

Замечательно, что, собираясь отправиться к Киру, Ксенофонт, по его собственному свидетельству, спросил совета у своего старшего друга и учителя Сократа. То, что дальше рассказывает Ксенофонт о наставлениях Сократа и о своих собственных действиях, лучше всего привести без сокращений: «Опасаясь, что дружба с Киром может повредить Ксенофону в глазах государства, так как считалось, что Кир усердно помогал лакедемонянам в войне против Афин, Сократ посоветовал ему направиться в Дельфы и спросить бога относительно этого путешествия. По прибытии в Дельфы Ксенофонт спросил Аполлона, какому богу он должен принести жертву и вознести молитву, чтобы со славой и пользой совершить задуманное путешествие и благополучно возвратиться. Аполлон вещал ему: принести жертву тем богам, каким положено в подобных случаях. По возвращении Ксенофонт рассказал о пророчестве Сократу. Выслушав его, Сократ стал укорять Ксенофонта за то, что тот не спросил бога, следует ли ему ехать, но, решив сам с собой, что ехать надо, спросил только о лучшем способе совершить путешествие. «Однако,— сказал он,— раз уж ты именно так поставил вопрос, надо исполнить приказание бога». Итак, Ксенофонт принес жертву, согласно повелению бога, и отплыл» (Anab., III, 1, 5-8, пер. М. И. Максимовой).

Интереснейший отрывок, откровеннейшее признание! Как на ладони, видны здесь характеры обоих персонажей: честолюбивого, сразу решившегося на авантюру, но осторожничающего Ксенофонта и мудрого, по настоя-

щему осторожного, но снисходительного к проделке своего молодого друга Сократа. Впрочем, его осторожность и его снисхождение в случае с Ксенофонтom могли быть продиктованы, как это чувствуется из приведенного отрывка, именно сознанием того, насколько небезопасной была тогда обстановка в Афинах для молодых людей из аристократических семей. Но такой она стала и для него самого – для мудреца, проповедовавшего новые духовные идеалы и подвергавшего критике не соответствующие этим идеалам общественные порядки, для философа, вокруг которого именно поэтому и теснились всегда юноши из лучших аристократических домов. Только, в отличие от своих молодых друзей, он не мог, да и не желал никуда уезжать. И гроза, долго собиравшаяся над его головою, наконец разразилась.

Инициатором судебного преследования Сократа явился один из самых влиятельных в послевоенных Афинах политических деятелей Анит, сын Антемиона. Он принадлежал к разряду тех руководителей демоса – вышедших из простонародья демагогов, – которые выступили на авансцену политической жизни Афин после смерти Перикла, придя на смену прежнему типу политиков-аристократов. Подобно своим непосредственным предшественникам Клеону, Гиперболу, Клеонфону, он был плоть от плоти порождением и вместе с тем характерным представителем городской демократии: был неродовит, но богат (владел кожевенной мастерской), влиятелен в городских кругах и потому не раз выдвигался на ответственные государственные посты, в частности и на должность стратега. Впрочем, – и опять же, подобно своим предшественникам – демагогам, – особыми военными талантами и успехами он не отличался. Посланный в 409 г. с флотом к берегам Мессении на помощь осажденному спартанцами Пилосу, который с 425 г. находился в руках афинян, он не сумел пробиться и помешать падению крепости. За это в Афинах он был привлечен к ответственности, но добился оправдания, подкупив судей (см.: Aristot. Ath. Pol., 27, 5; Diod., XIII, 64, 6).

Демократ по крови и духу, Анит, видимо, особенно был привержен полисным традициям. Недаром после заключения мира он на первых порах примкнул к группе политиков, увлеченных идеей восстановления «отеческого строя» (πάτριος πολιτεία), которую возглавлял Ферамен (см.: Aristot. Ath. Pol., 34, 3). Идея эта оказалась иллюзорной: Ферамен вошел в олигархическое правительство Тридцати, а Анит разделил судьбу многих афинских демократов, вынужденных уйти в изгнание (Xen. Hell., II, 3, 42 и 44). Активный и решительный человек, он участвовал в отважном предприятии демократов-изгнанников, вторгнувшихся из Беотии в Аттику, захвативших местечко Филу и оттуда поведших наступление на Афины. Командовал этим демократическим воинством выдающийся афинский военачальник, искренне преданный демократии Фрасибул; Анит был одним из его ближайших помощников (Lys., XIII, 78 и 82). По возвращении в Афины Фрасибул и Анит стали признанными лидерами восстановленной демократии (Isocr., XVIII, 23).

Выступление Анита против Сократа и с политической и с психологической точки зрения было вполне закономерным. Безусловно приверженный традициям демократического, полисного строя, Анит мог видеть в Сократе опасного идейного врага, чья проповедническая деятельность содействовала упадку старинной морали, вела к нравственному разложению граждан и появлению из их среды таких страшных честолюбцев, ниспровергателей закона и порядка, какими недавно оказались Алкивиад и Критий. В глазах людей типа Анита Сократ в большой степени был ответствен за пережитые его народом по милости его учеников Алкивиада и Крития несчастья, а чтобы неприятности не повторились, надо было заставить замолчать того, кто своими беседами заражал молодежь критическим отношением к существующему строю. Вдобавок у Анита были, по-видимому, и личные счеты с Сократом. Если верить Платону, этот столп традиционной нравственности и порядка уже сталкивался с философом в спорах и даже с угрозой предупредил его против развенчания выдающихся афинских политиков, вроде Фемистокла и Аристиды, о которых Сократ отзывался в том духе, что они при всех их личных достоинствах были неспособны научить других добродетели (см.: Plat. Менo., 89e-95a). По свидетельству Ксенофонта, Анит был зол на Сократа еще и из-за своего сына, способного юноши, со вниманием прислушивавшегося к рассуждениям философа о духовном совершенствовании и именно потому утратившего интерес к наследственному в его семье занятию кожевенным делом (Xen. Ap. Socr., 29-31).

Понятно, какого страшного врага должен был нажить себе Сократ в лице Анита. Влиятельный государственный деятель, твердый и решительный в своих охранительных стремлениях, вместе с тем опытный интриган, поднаторевший в политических и судебных преследованиях, Анит был грозным противником для чудака-философа, упорно не желавшего прислушиваться к предупреждениям и не заботившегося о предотвращении беды. Ведь даже когда дело, возбужденное против него в суде, уже началось, он так и не позаботился о надлежащей подготовке к процессу, в частности о составлении правильной защитительной речи. А на вопросы друзей, не следует ли ему обдумать, что придется говорить в свою защиту, отвечал простым, но неубедительным для любого, кто был знаком с практикой афинских судов, контрвопросом: «А разве вся моя жизнь не была подготовкой к защите? ... Ведь я во всю жизнь не сделал ничего несправедливого: это я считаю лучшей подготовкой к защите» (Xen. Ap. Socr., 3; ср.: Mem., IV, 8, 4).

Судебное дело против Сократа было организовано Анитом таким образом, что сам он до поры до времени оставался в тени, а непосредственным подателем жалобы выступил второстепенный трагический поэт, тоже, по-видимому, задетый насмешками Сократа, Мелет. Другим помощником Анита был некий демагог Ликон, на которого, очевидно, была возложена задача подготовить соответствующим образом мнение гелиастов – 500 присяжных заседателей, составлявших одну из 10 официальных судебных палат – дика-

стерию в Афинах (см.: Diog.L., II, 5, 38; о подаче жалобы Мелетом ср. также: Xen. Mem., IV, 8, 4). Однако на самом судебном заседании против Сократа выступили все трое: Мелет, должно быть, с первой речью, а Анит и Ликон – с дополнительными речами в его поддержку (ср.: Plat. Ap. Socr., 17 a-b, 18 a-b, 24 b, но особенно 36 a, где прямо говорится о выступлениях в суде Анита и Ликона).

Надо думать, что обвинение воспользовалось услугами профессионалов-риторов, платных мастеров судебного красноречия, но чьими именно, сказать трудно. Античная традиция свидетельствует, в частности, об участии в деле обвинения афинского софиста Поликрата, который будто бы составил речи для Мелета и Анита (ср.: Diog. L., II, 5, 38, и Suidas, s.v. Πολυκράτης). Однако версия эта, скорее всего, надуманная, возникшая от того, что в древности была известна речь этого Поликрата против Сократа (см.: Isocr., XI, 4-6; до нас эта речь не дошла). Ни у Платона, ни у Ксенофонта ни словом не упоминается об участии Поликрата в самом процессе. С другой стороны, как было отмечено ученым софистом Фаворином (II в. н. э.), в речи Поликрата упоминалось о восстановлении афинских стен Кононом, что произошло лишь 6 лет спустя после осуждения Сократа. На этом основании Фаворин, по-видимому, вполне справедливо заключал, что речь Поликрата – неподлинная, составленная не для самого процесса, а несколько лет спустя в качестве риторического упражнения (см.: Diog. L., II, 5, 39).

Формулу обвинения дословно, на основании надежных источников, приводит биограф Сократа Диоген Лаэртский: «Клятвенное заявление перед судом было такое (Фаворин говорит, что оно и по сей час сохраняется в Метрооне⁵): «Заявление подал и клятву принес Мелет, сын Мелета, из [дема] Питфа, против Сократа, сына Софрониска, из [дема] Алопеки: Сократ повинен в том, что не чтит богов, которых чтит город, а вводит новые божества, и повинен в том, что развращает юношество; а наказание за то – смерть»» (II, 5, 40).

Этот текст официальной жалобы вполне согласуется с тем менее формальным изложением, которое мы находим в сочинениях знаменитых сократиков. У Платона содержание обвинения передано как примерно следующее: «Сократ преступает законы тем, что портит молодежь, не признает богов, которых признает город, а признает знамения каких-то новых гениев» (Ap. Socr., 24 b). У Ксенофонта с той же оговоркой, оно выглядит так: «Сократ виновен в том, что не признает богов, признаваемых государством, а вводит другие, новые божества; виновен также в том, что развращает молодежь» (Mem., I, 1, 1; ср.: Ap. Socr., 10). При этом у Ксенофонта порядок пунктов обвинения (а соответственно и диспозиция защиты), по-видимому, правильно согласуется с их порядком в официальной жалобе; обратный порядок у Платона следует отнести на счет каких-то собственных мотивов писателя, нам ближе неизвестных.

⁵ Метрон – храм Матери богов (Реи или Кибелы) в Афинах, в районе городской площади – агоры, служил местом хранения государственного архива.

Таким образом, Сократу было предъявлено два взаимосвязанных обвинения – в религиозном нечестии и развращении молодежи. По античным понятиям, это были обвинения серьезного, принципиального свойства, ставившие под вопрос лояльность Сократа по отношению к коренным устоям существующего общества, а следовательно, и самое возможность его дальнейшего пребывания в качестве члена этого общества. Неверно высказываемое иногда мнение, что эти обвинения были всего лишь поводом, прикрывавшим сведение счетов с Сократом по более важной политической линии, равно как неправильно и представление об известной случайности выбора Сократа в качестве главного ответчика за дурное состояние гражданской нравственности. Например, В. С. Нерсисянц, характеризуя обстановку в Афинах по заключении унижительного мира со Спартой, пишет: «Борющиеся в Афинах политические партии взваливали на своих внутривластных противников ответственность за внешнеполитические неудачи. Каждая новая смена власти в полисе сопровождалась поисками «козлов отпущения» и кампанией расправ над поверженным соперником и лицами, его поддерживавшими»⁶.

Так поступила, продолжает Нерсисянц, и вновь утвердившаяся в Афинах демократия, как только она почувствовала себя достаточно сильной, чтобы не оглядываться на соглашение об амнистии. «Именно в этой ситуации представители окрепшей демократии начали уголовное преследование Сократа. Дело было щекотливое, требовавшее тонкого камуфляжа. Поэтому политические мотивы преследования были умело приглушены и сокрыты под религиозно-воспитательными формулировками пунктов обвинения. Открытый политический процесс был, видимо, несвоевременен; кроме того, Сократ, не бывший активным политиком, и не подошел бы в качестве фигуры для такого процесса. Но в той обстановке для афинских демократов он был удобной мишенью, позволявшей начать громкое дело против широко известного критика демократии и в то же время делать вид, будто речь идет не о политике, а о богах и детях – о религии и воспитании. Афинская демократия вытаскивала на судебную сцену человека, хотя прямо и не занимавшегося политикой, но весьма заметного за философскими кулисами афинской полисной жизни»⁷.

На самом деле, в свете всего того, что ранее было сказано о смысле философской деятельности Сократа, его критики традиционных представлений и порядков и борьбы за новые идеалы, выбор этого мудреца в качестве объекта для фронтального идеологического контрастуирования полисной демократии был не только тактически оправдан («удобная мишень», «козел отпущения»), но и глубоко закономерен. Равным образом надо со всей определенностью подчеркнуть принципиальность предъявленных ему обвинений. В религиозной сфере осуществлявшийся Сократом перенос акцента с внешнего почитания гражданских богов на поиски и обнаружение божественного нача-

⁶ Нерсисянц В.С. Сократ. М., 1977. С. 109.

⁷ Нерсисянц В.С. Сократ. С. 110-111.

ла в душе человека означал подрыв одной из важнейших (если не самой главной) духовных основ античного полиса – культа его общинно-гражданской сущности. Увлекая в русло этих поисков молодежь, Сократ одновременно подрывал традиционные устои нравственного и гражданского воспитания. Но проповедь новых идеалов и соответственная критика и отвержение старых распространялись у Сократа на всю сферу духовной жизни – на религию в такой же степени, как на этику и политику. Соответственно и обвинение ставило ему в счет развращающее воздействие на юношество не только в религиозном, но и в более конкретном, морально-политическом, гражданском плане. Только упреки этого плана, известные нам по переложению у Ксенофонта, должны рассматриваться не как по сути дела заглавные или, что было бы другой крайностью, сугубо второстепенные, а как интегральные элементы общего обвинения.

Так, согласно Ксенофонту, обвинение инкриминировало Сократу подстрекательство к мятежу, толкуя его критические отзывы о традиционных политических институтах (в частности, о выборах посредством жребия), как такие речи, которые «возбуждают в молодежи презрение к установленному государственному строю и склонность к насильственным действиям» (Мем., I, 2, 9). В этой же связи, для подтверждения опасного воздействия Сократа на молодежь, обвинение указывало, что именно из круга его слушателей вышли два наиболее опасных экстремиста Алкивиад и Критий, причинивших, один при демократии, а другой при олигархии, больше всего зла своему отечеству (ibid., I, 2, 12). Далее, в связи с характерным для Сократа подчеркиванием приоритета знания, компетентности, обвинение упрекало его в возбуждении в молодых людях неуважения к родителям и другим старшим родичам и друзьям, поскольку эти последние не обладают надлежащими знаниями (ibid., I, 2, 49, 51-52). Наконец, в упрек Сократу ставились ссылки и цитирования без должных оговорок таких стихов древних поэтов, которые могли быть поняты как призыв к личному преуспеянию любой ценой (например, стих Гесиода: «Дело отнюдь ни одно не позор, а позор лишь безделье») или как побуждение к неуважению людей простых и бедных (сцена у Гомера, *Ilias.*, II, 185-206, где Одиссей гасит панику в ахейском войске) (Мем., I, 2, 56 и 58).

Отвлекаясь от того, насколько эти предъявленные Сократу обвинения действительно во всех частностях соответствовали поступкам, речам и намерениям философа, мы должны признать безусловную принципиальность предпринятой на него в Афинах атаки. Она бесспорно велась по главным линиям, где религия и мораль тесно увязывались с политикой – как основа со своим необходимым завершением. На наш взгляд, об этой исторической закономерности и справедливости выступления афинян против своего философа до сих пор никто не сказал лучше, чем Гегель. Его суждения столь верны, отличаются такой глубиной проникновения и полнотой охвата всех мыслимых аспектов дела Сократа, что мы хотели бы привести их здесь в возможно полном виде.

Гегель начинает с указания на историческую закономерность конфликта философа с его общиной. «Современники Сократа, выступившие его обвинителями перед афинским народом, — пишет он, — рассматривали Сократа как человека, приводившего к сознанию неабсолютности того, что признается существующим в себе и для себя. Сократ же со своим новым принципом и в качестве афинского гражданина, занимавшегося этого рода наставлением, вступил, благодаря своей личности, в отношении ко всему афинскому народу, именно в отношении не только к массе или властвующей массе, а в живое отношение к духу афинского народа. Дух же этого народа, взятый в себе, его государственный строй, вся его жизнь покоилась на нравственности, на религии и не могли существовать без этого само в себе и для себя неизбежного. Следовательно, так как Сократ перенес истину в решение внутреннего сознания, то он вступил в антагонизм к тому, что признавал правым и истинным афинский народ. Выставленные против него обвинения были поэтому справедливы»⁸.

А несколько ниже Гегель подробно обосновывает разрушительный для Афинского государства характер деятельности Сократа и в силу этого неизбежность не только конфликта, но и осуждения, «Таким образом,— заключает Гегель,— нужно сказать, во-первых, что несомненно получится ниспровержение Афинского государства, если погибнет та государственная религия, на которой все построено и без которой это государство не может существовать, между тем как у нас государство является более самостоятельной абсолютной силой. А демон Сократа на самом деле является иным божеством, чем те божества, которые признавались афинским народом, и так как он находился в противоречии с государственной религией, то он делал ее подверженной субъективному произволу. Но так как определенная религия находилась в столь тесной связи с государственной жизнью, что она даже составляла одну из сторон государственного законодательства, то в глазах народа необходимо должно было быть преступлением введение нового бога, делающего принципом самосознание и побуждающего к непослушанию. Мы можем об этом спорить с афинянами, но должны согласиться, что они были последовательны. Во-вторых, нравственная связь между родителями и детьми была у афинян еще неизбежнее и еще в большей мере нравственной основой жизни, чем у нас, у которых господствует субъективная свобода, ибо пийетет к семье представлял собою субстанциальный основной тон Афинского государства. Сократ, следовательно, совершил нападение на афинскую жизнь в двух основных пунктах. Афиняне чувствовали это, а затем и осознали это. Следует ли поэтому удивляться, что Сократа нашли виновным? Мы могли бы сказать, что это непременно должно было произойти»⁹.

Итак, вслед за Гегелем мы признаем закономерность и принципиальность

⁸ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2 //Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. X. М.; Л., 1932. С. 69.

⁹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. С. 81.

выдвинутого в Афинах обвинения против Сократа по тем именно пунктам, которые зафиксированы в традиции, – обвинения, во-первых, в преступлении против официальной религии полиса, а во-вторых, и в значительной степени поэтому, в преступлении против гражданской нравственности. Оба названных пункта – подчеркнем это также – необходимо придавали политический характер возбужденному против Сократа судебному преследованию, которое, таким образом, было чревато для обвиняемого большой опасностью. И здесь мы хотели бы оговорить наше несогласие с другим также встречающимся в литературе мнением о некой ограниченности цели, которую преследовали обвинители Сократа: они-де только стремились заставить его замолчать, а что дело завершилось трагическим исходом, так в этом виноват сам Сократ из-за нежелания своего пойти на предлагавшийся ему компромисс.

Таково, например, мнение А. Боннара. Указав на присущую древним Афинам духовную терпимость, швейцарский ученый продолжает: «В этой атмосфере счастливой свободы политикам случалось из соображений исключительно политических пользоваться обвинением в безбожии, чтобы принудить к молчанию человека, речи которого были, по их мнению, в данной обстановке опасны для общины. Принудить к молчанию, не более. К этим процессам прибегали как к угрозе, причем допускалось, чтобы обвиняемый от нее уклонился посредством сговора с обвинителем, обещания прекратить выступления или, наконец, изгнания»¹⁰.

И далее Боннар развивает свою мысль: «Очень важно отметить, что, хотя имели место процессы против философов, помимо сократовского, смертный приговор был приведен в исполнение только в отношении Сократа. Почему? Отчасти из-за бедствий, о которых мы говорили (имеются в виду последствия Пелопоннесской войны. – Э. Ф.), заставивших афинян на время отказаться от своего либерализма, но отчасти и главным образом потому, что Сократ не захотел уклониться от удара, и потому, что во время судебного разбирательства он сделал многое, чтобы увеличить гнев народа против себя. В конечном счете представляется, что Сократ гораздо настойчивее добивался своей собственной смерти, чем его обвинители»¹¹.

Однако, не повторяя всего того, что было сказано об исторической закономерности и политической глубине конфликта между Сократом и афинским обществом, и что уже должно подводить к мысли о возможности дурного исхода, заметим, что и названные Боннаром факты скорее свидетельствуют против его взгляда. Да, античное общество, и тем более в демократических Афинах, отличалось известной терпимостью, но, как и всякое другое общество, лишь до тех пор, пока опасность не угрожала коренным принципам его существования. В этом плане как раз замечательны те примеры, которые имеет в виду Боннар. Они показывают, как в Афинах в последней трети V в., в условиях наступления просветительских идей, неоднократно пред-

¹⁰ Боннар А. Греческая цивилизация. Т. II. М., 1959. С. 298.

¹¹ Боннар А. Греческая цивилизация. Т. II. С. 298.

принимались попытки обуздать опасное свободомыслие философов. Возбуждавшиеся при этом против ниспровергателей традиционных религиозных представлений судебные процессы отличались вполне бескомпромиссным характером.

Так, одним из первых подвергся официальному обвинению в неверии философ-материалист Анаксагор (еще в 30-х годах V в.). Основанием для обвинения стало учение Анаксагора о небесных телах и явлениях, представление о Солнце как раскаленной глыбе, объяснение природы лунных затмений и пр., в чем справедливо усмотрели подрыв традиционных религиозно-мифологических верований. Анаксагор был заключен в темницу, и ему грозила смертная казнь, и только заступничество его друга, влиятельного Перикла, смягчило его судьбу: он был приговорен к штрафу и изгнанию из Афин; впрочем, по другой версии, по удалении из Афин он все-таки был присужден к смерти заочно (см.: Diod., XII, 39, 2; Plut. Pericl., 32; Diog. L., II, 3, 12-15).

Затем, в 415 г., за свои выпады против Элевсинских мистерий, одного из самых почитаемых в Афинах празднеств в честь богинь Деметры и Керы, подвергся обвинению в безбожии поэт и философ Диагор с острова Мелоса. Он был заочно осужден в Афинах, и за его голову была назначена денежная награда (Diod., XIII, 6, 7; ср.: Aristoph. Aves, 1071-1073). Несколько позже, в 411 г., за пропаганду скептического отношения к богам из Афин был изгнан софист Протагор. Мало того, афинские власти через глашатая вытребовали сочинения знаменитого софиста у всех, кто их имел, и публично сожгли эти книги на городской площади (Sext. Emp., Adv. Math., IX, 55-57; Philostr. Vit. soph., I, 10, 2-3; Diog. L., IX, 8, 51-52, 54, 56).

Процесс Сократа, где исходным моментом также явилось обвинение в религиозном нечестии, логически продолжает эту линию столкновений полисного государства с просветительской философией из-за религии с той, однако, разницей, что в случае с Сократом конфликт оказался гораздо глубже, гораздо принципиальнее: глубже было расхождение в идеях и соответственно принципиальнее и непримиримее оказалась позиция сторон. О сущности предъявленных Сократу обвинений было сказано уже довольно. Теперь возникает другой вопрос: а как он защищался против них? Как держался он на суде и каково вообще было его отношение к этому делу? Насколько можно судить по сохранившимся свидетельствам, он вел себя весьма неординарно: отказался от подготовки правильной защитительной речи, исполненной обычных в таких случаях уловок и молений о снисхождении; в нестандартном выступлении на суде отклонил оба предъявленных ему обвинения как нелепые и необоснованные, и, со своей стороны, настаивал на благодетельности своей просветительской миссии для Афинского государства; держался перед судьями с достоинством, продиктованным сознанием исполненного долга, – долга, как он говорил, перед богом, или, что то же самое, перед собственной совестью.

В афинском суде стороны могли обмениваться двумя парами речей: по сути дела первый раз и, в случае вынесения обвинительного приговора, относи-

тельно меры наказания – второй. На процессе Сократа результаты голосования после первого обмена речами были таковы: суд признал его виновным большинством в 280 голосов против 220. Конечно, философ должен был заплатить за горделивый тон своего выступления. Некоторые, подобно Ксенофону в «Апологии Сократа», вообще склонны были приписать роковой для Сократа исход голосования этой его горделивости (μεγαληγορία). Однако и без того принципиальный исход дела был предрешен. На процессе столкнулись две противоположные мировоззренческие концепции: традиционная, полисная, защитниками которой выступали от имени афинской гражданской общины Мелет, Анит и Ликон, и новая, настаивавшая на примате личного духовного совершенства, носителем которой был Сократ. Стороны не могли ни опровергнуть друг друга толком, ни уступить, не рискуя утратить свое основное духовное качество.

В этом плане показательна самая защита Сократа, поскольку мы можем судить о ней по изложениям Платона и Ксенофонта. Конкретные пункты обвинения отводятся здесь Сократом либо а limine, либо чисто формальным или даже софистическим путем. Так, у Платона на обвинение в развращении юношества Сократ отвечает следующими контррассуждениями: невозможно, чтобы все афиняне, вся община в целом воспитывала молодых людей к лучшему, как то утверждает обвинение, а один Сократ их развращал; невозможно также, чтобы Сократ стал портить своих молодых друзей умышленно, зная, что этим он может повредить самому себе; а если он делал так неумышленно, то надо было объяснить ему это, а не карать (Plat. Ap. Socr., 24 с-26 b). Сходным образом отводится и обвинение в религиозном нечестии, причем по ходу дела перетолковывается и самое обвинение: обвинитель провоцируется на утверждение, что Сократ вообще не признает никаких богов (не только богов полиса), а затем доказывается, что это невозможно, ибо невероятно, чтобы Сократ, признавая деяние демонов (δαίμονια πράγματα), их знамения, не признавал самих демонов, а признавая детей богов, каковыми являются демоны, не признавал богов (ibid., 26 b-28 a).

Формальной выглядит защита Сократа и у Ксенофонта, как в «Воспоминаниях» (I, 1-2, и IV, 8), где изложение, достаточно пространное, ведется от имени автора, так и в «Апологии», где перелагается выступление самого Сократа. По поводу обвинения Сократа в преступлении против религии полиса Ксенофонт ограничивается указанием на лояльное отношение своего учителя к официальному культу и разъяснением относительно демония, который толкуется как вид божественного знамения, не более того. К этому дополняются указания на враждебное отношение Сократа к занятиям натурфилософов, на его глубокую совесть, на веру его в промысел божий (Mem., I, 1, 2-20; 3, 1-4; 4, 1-19; IV, 3; Ap., 11-13). По поводу второго пункта обвинения – о развращении молодежи – Ксенофонт довольствуется напоминанием о высокой нравственности Сократа, исключавшей для него дурное воздействие на молодежь, в частности и подстрекательство ее к насильственному

ниспровержению существующего строя. Соответственно знанием и добродетелью Сократа, его несравненной компетентностью в делах воспитания оправдывается его претензия на роль преимущественного наставника, чьи указания могли быть для молодых людей важнее советов их родителей и других старших родичей. И в том же ключе разъясняется смысл ссылок Сократа на древних поэтов: их авторитетом он хотел подкрепить не побуждение к дурному, а верность мнения о заглавной роли знания и действия, им определяемого (Мет., I, 2, 1 слл.; Ар., 19-21).

Конечно, не следует ставить знак равенства между апологиями Сократа, сочиненными его учениками, и подлинным выступлением философа на суде. Это последнее мы никогда не узнаем, между тем как изложения Платона и Ксенофонта являются их собственными литературными версиями защиты Сократа. Тем не менее, можно думать, что сущность и тон этой защиты они передают верно. Порукой тому, во-первых, их согласие между собой (по крайней мере, в главных моментах), а во-вторых, и еще больше, то простое соображение, что они и в самом деле должны были держаться правды, поскольку грубого искажения истины им не простила бы та афинская публика, хорошо помнившая самый процесс, для которой в первую очередь и предназначались их произведения. И вот показательно, что в этих сочинениях в защите Сократа впечатляет не опровержение аргументов обвинения, – оно сводится к простому отрицанию или нехитрой софистике, – а восхваление его философской миссии, его проповеди о зависимости благополучия общества от состояния личности и о предпочтительности духовного совершенства перед преуспеянием материальным. Но именно эта проповедь и была несовместима с традиционными ценностными установками полисного строя жизни.

Принципиальное осуждение Сократа было, таким образом, предрешиено. Но отрицательным для него оказалось и второе голосование – о мере наказания. За предложение обвинителей определить ему наказанием смерть проголосовало 360 судей, против – только 140. Резкая перемена в настроении суда, выразившаяся в увеличении противных Сократу голосов еще на 80, теперь и в самом деле могла быть обусловлена впечатлением от горделивой речи обвиняемого. Выступая второй раз, он не только не молил о снисхождении, не только не предлагал встречно, в порядке самооценки, как того требовал обычай, какого-либо более умеренного для себя наказания, – во всяком случае, не делал этого всерьез, соглашаясь уплатить сообразно своим возможностям чисто символическую пеню в 100 драхм, – но даже, нарушая всяческое приличие, требовал для себя, за свое служение городу, высшей награды, определявшейся, например, победителям на Олимпийских играх или тираноубийцам, – кормления в пританее¹².

¹² Пританей – общественное здание в Афинах, к северу от Акрополя, служившее местом заседаний для некоторых коллегий. Здесь же получали питание на государственный счет отдельные должностные лица, особо заслуженные граждане и почетные иностранные гости.

Впрочем, все эти подробности – о снисходительном согласии Сократа заплатить небольшой штраф, равно как и о горделивой претензии его на общественное содержание в пританее, – передает главным образом Платон (см.: Plat. Ap. Socr., 36 b-37 a, 38 b-c; ср.: Diog. L., II, 5, 41-42). У Ксенофонта о позиции Сократа сказано проще: «Когда ему предложили назначить себе штраф, он ни сам не назначил его, ни друзьям не позволил, а, напротив, даже говорил, что назначать себе штраф – это значит признать себя виновным» (Xen. Ap. Socr., 23). И такова, очевидно, и была принципиальная позиция Сократа. Отказываясь идти на компромисс с обвинением, отказываясь хотя бы в малейшей степени признать себя виновным уже после того, как суд признал его таковым, Сократ тем самым ставил под сомнение и самый приговор, и право народного суда решать его дело. Бросая, таким образом, вызов суверенному народу, он не мог ожидать чего-либо другого, кроме нового решительного и бесповоротного осуждения.

Значение этой стадии конфликта между Сократом и его общиной, когда общая идеологическая несовместимость выплеснулась в непосредственное личное столкновение, опять-таки великолепно оттенил Гегель. «Что касается процесса Сократа, – писал он, – то мы в нем должны различать две стороны: одной стороной является содержание обвинения и осуждение судом; другой стороной является отношение Сократа к суверенному народу. В ходе процесса есть, следовательно, два аспекта: отношение обвиняемого к содержанию того, в чем он обвинялся, и его отношение к компетенции народа или признание верховенства последнего. Сократ был признан судьями виновным в отношении содержания обвинительной жалобы, но к смерти он был осужден потому, что он отказался признать компетенцию и верховенство народа над обвиняемым»¹³.

Этой своей неколебимой позиции мудреца, уверенного в собственной правоте и не желающего ни на йоту поступиться истиною, Сократ остался верен до конца. Заключение после суда в темницу, он провел там целый месяц в ожидании казни. Отсрочка объяснялась тем, что в тот момент на Делосе справлялись празднества в честь Аполлона, для участия в которых из Афин посылали специальное священное посольство; закон воспрещал приведение в исполнение смертных приговоров до возвращения в Афины корабля с этим посольством. Весь этот месяц Сократ, по свидетельству его учеников, сохранял невозмутимое спокойствие духа. Поскольку к нему допускались посетители, он не прерывал своего общения с друзьями и учениками, беседовал с ними на разные темы, но решительно отклонял все предложения о побеге (см.: Plat. Crito, 44 слл.; Xen. Ap. Socr., 23). Страшнее смерти он по-прежнему считал измену своему долгу и своим идеалам, в частности, и своему представлению о справедливости. А оно, согласно его словам в платоновском «Критоне», запрещало ему отвечать на несправедливость – несправедливостью, на неправый приговор государства – столь же неправым уклонением от подчинения этому приговору.

¹³ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. С. 73.

С другой стороны, жизнь представляла для него цену лишь постольку, поскольку он мог продолжать свое любимое занятие – испытывать людей и, обличая неверность их мнений о себе, побуждать их к духовному совершенству. Ибо, говорил Сократ своим судьям, «величайшее благо для человека – это каждодневно беседовать о добродетели и обо всем прочем, о чем я с вами беседую, испытывая и себя и других, а без такого испытания и жизнь не в жизнь для человека (ὁ δὲ ἀνιέξεται οὗτος βίος οὐ βίωτὸς ἀνθρώπῳ) (Plat. Ap. Socr., 38 а). Однако этому своему любимому занятию он желал предаваться именно у себя на родине, в родных Афинах, среди своего народа. Объективно выступая против норм полиса, он сам не отчуждал еще себя совершенно от своей общины, как это будут делать философы-космополиты в эпоху эллинизма, и не желал менять своё государство на какое-либо другое. Во всяком случае, хорошо представляя себе удел бесправного изгнанника, он не мыслил для себя жизни вне родины, как не представлял ее себе и на родине без свободного занятия философией. И, конечно же, он отнюдь не хотел облегчать своим согражданам бремя тяжелой ответственности, которую они взяли на себя, осудив мудреца на смерть за непреклонное служение истине. А так было бы, если бы он согласился бежать и тем избавил бы афинян от необходимости казнить его.

Когда настал срок, Сократ стойко встретил смерть. Не дрогнув, принял он из рук палача и испил чашу с ядом с тем, чтобы отойти в вечность таким, каким и жил, – неустанным и неукротимым служителем истины (см. рассказ Платона в «Федоне», 57 слл., 115 слл.)¹⁴. Этот исполненный высокого, в истинно античном духе, пафоса финал озарил особенным светом весь жизненный путь Сократа, придал его личности невиданную глубину, цельность и величие. Самое смерть он заставил служить своему делу. «Смерть Сократа, – справедливо отмечает новейший его биограф – придала его словам и делам, всему, что с ним связано, ту монолитную и гармоническую цельность, которая уже не подвержена коррозии времени»¹⁵. Более того, последующим поколениям он оставил благородный пример, следуя которому бесчисленные новые служители истины содействовали торжеству духовного начала в человеке, а вместе с тем и бессмертию великого афинского мудреца, впервые сделавшего это начало исключительным предметом философии. Прав был А. Боннар, когда он писал, что «самым поразительным в жизни Сократа, одновременно необычной и заурядной, была исключительная плодотворность увенчавшей ее смерти. Эта смерть подняла целую плеяду свидетелей – учеников и противников, – которые говорят нам на протяжении веков, пусть даже иногда противореча друг другу, о значении учения Сократа и правды, ради которой он отдал свою жизнь»¹⁶.

¹⁴ Разбор всей античной традиции о смерти Сократа см. в кн.: Guardini R. Der Tod des Sokrates. 4. Aufl. Du

¹⁵ Нерсисян В.С. Сократ. С. 138.

¹⁶ Боннар А. Греческая цивилизация. Т. II. С. 273.

Последнее высказывание особенно интересно, поскольку оно обращает наше внимание на такие аспекты проблемы, правильное понимание которых чрезвычайно важно для оценки и самого процесса Сократа и всей его деятельности с общеисторической точки зрения. И прежде всего важен сам факт того, что смерть Сократа стимулировала дальнейшее размежевание и спор его идейных приверженцев и противников, спор, который с известными модификациями продолжается и по сию пору. При этом большой интерес представляет решение вопроса, вокруг которого этот спор главным образом и ведется: кто, собственно, был виноват в трагической развязке конфликта, назревавшего между афинским философом и его общиной? Или иначе и в более широком аспекте: кто был более прав в самом этом конфликте, завершившимся такой развязкой? Вместе с тем чрезвычайно важным представляется дать себе отчет в тех причинах, которые обуславливают вечный интерес и вечный спор вокруг дела Сократа. Отчего судьба этого философа нет-нет да и становится предметом жарких дискуссий среди ученых-специалистов по истории общественной мысли и почему во все эпохи она так притягивала к себе взоры всех мало-мальски образованных людей?

Что касается первого вопроса о том, кто был более прав в пресловутом деле Сократа: философ или его соотечественники – судьи, то спор вокруг него не утихал на протяжении всего периода античной истории. Мы уже упоминали о речи против Сократа, составленной *post factum* в качестве риторического упражнения современным афинским софистом Поликратом. Надо думать, что ряд противников Сократа не ограничивался одним Поликратом. Диоген Лаэртский упоминает о малоизвестных «поносителях Сократа» Антилохе Лемносском и гадателе (τέρατοσκοπός) Антифонте (Diog. L., II, 5, 46, со ссылкой на недошедшее до нас сочинение Аристотеля «О поэтах»). Однако когорта защитников в любом случае выглядела более внушительной. Не говоря уже о знаменитых учениках Сократа Платоне и Ксенофонте, с сочинениями в его защиту выступали: в IV в. до н. э. – оратор и поэт Феодект из Фаселиды в Ликий (см.: Aristot. Rhet., III, 23, 13), на рубеже IV-III вв. – философ-перипатетик, ритор и политик Деметрий Фалерский (Diog. L., IX, 1, 15; 7, 37; 9, 57), еще позже – стоик Феон из Антиохии (Suid., s.v., «Θέων»). И даже на закате античности, в IV в. н. э., знаменитый софист и ритор Либакий выступал с декламацией на тему апологии Сократа, продолжая, таким образом, вослед Платону и Ксенофону дело реабилитации великого афинского мудреца.

Но особенно интересно живое продолжение древнего спора в новое и новейшее время. При этом, естественно, никогда не было недостатка в защитниках Сократа, подчеркивавших великое положительное значение просветительской деятельности этого философа и изумлявшихся решению афинского суда или прямо порицавших афинян за расправу над их гениальным соотечественником. Большой знаток древнегреческой философии Эд. Целлер видит в деле Сократа главным образом сведение счетов, личных и политиче-

ских. «Это было попыткой демократической реакции восстановить насильственным путем старые времена. Однако попытка эта, – и помимо той формы, в какой она получила осуществление, – была грубым правонарушением, потому что философ не совершил никакого юридически наказуемого проступка; она основывалась к тому же на роковом обмане: старого времени вообще нельзя было восстановить, в особенности таким путем, и в его исчезновении Сократ был повинен тем менее, что именно он указал современникам единственно правильный путь для улучшения тогдашнего положения вещей – путь нравственной реформы. С правовой и моральной точки зрения казнь Сократа есть юридическое убийство, а с точки зрения исторической – грубый анахронизм»¹⁷.

Целлеру вторит другой крупный немецкий историк философии и сам оригинальный мыслитель В. Виндельбанд: «Дело представляется так, что Сократ сделался в силу осложнений политического и личного характера жертвой вражды, которую питала демократическая реакция ко всему образованию просветительской эпохи»¹⁸. Сходным образом судит о процессе Сократа и русский ученый, до революции едва ли не крупнейший у нас специалист по истории античной философии С. Н. Трубецкой. «Осуждение Сократа, – пишет он, – нельзя объяснять случайным стечением обстоятельств или извинять его судебной ошибкой. Великий и неумирающий интерес этой драмы, ее общечеловеческое значение обуславливается тем, что здесь произошла действительная коллизия добра и зла, света и тьмы. Сократ пал жертвою ложного национализма, ложного патриотизма и ложного правоверия»¹⁹.

Число тех, кто, напротив, готов признать виновным Сократа и оправдать афинян, всегда было меньше, но и здесь встречаются фигуры достаточно авторитетные и колоритные. Так, известный советский антиковед С. Я. Лурье, считая, что истинной подоплекой Сократова дела была именно политика, несовместимость аристократического пафоса проповеди Сократа с интересами афинской демократии, не только признает закономерным и справедливым выступление этой последней против новоявленного пророка, но и оправдывает вынесенный ему суровый приговор. Свой вывод он так формулирует: «Афиняне справедливо увидели в Сократе опасного врага демократического государства. Казнь Сократа, этого благороднейшего мыслителя, являясь величайшей несправедливостью с точки зрения личной его вины, тем не менее может быть оправдана с точки зрения государственных интересов демократических Афин»²⁰.

Правда, в этом заключительном пассаже о Сократе говорится как о «благороднейшем мыслителе», и его осуждение на смерть в личном плане признается несправедливым, однако эти оговорки не делают погоды. На про-

¹⁷ Целлер Эд. Очерк истории греческой философии. М., 1913. С. 103.

¹⁸ Виндельбанд В. История древней философии. М., 1911. С. 132.

¹⁹ Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. Ч. I-II. Изд. 2-3. М., 1910-1915. Прил. С. 38.

²⁰ Лурье С.Я. Очерки по истории античной науки. М.; Л., 1947. С. 323.

тяжении всего небольшого раздела, который Лурье в своей книге об античной науке посвящает Сократу, этот философ характеризуется почти исключительно в негативном плане. С ним связывается «открытое внедрение в Афинах реакционного идеалистического мировоззрения»²¹. С одной стороны, подчеркиваются его «недемократические убеждения», с другой – неплототворность его диалектики. «Эта «диалектика» – пишет Лурье,– имела результатом то, что ученые стали точнее формулировать научные определения, однако привести к каким-нибудь новым знаниям она не могла»²². Смысл учения Сократа определяется как глубоко реакционный. «Целью Сократа,– указывает Лурье,– было подвести научное обоснование под религиозные переживания, унаследованные воспитанием и поддерживаемые мистическим складом его натуры»²³. При этом еще раньше отмечалось, что «Сократ относился к той категории людей, которые в народном языке носят название «одержимых»», и что «эта истерическая «одержимость» сочеталась у него с мистицизмом и глубокой религиозностью»²⁴. Совершенно очевидно, что оговорки о «благороднейшем мыслителе» и субъективной несправедливости вынесенного ему приговора никак не звучат после такой серии отрицательных оценок, тогда как ясно выраженное согласие с решением афинского суда производит впечатление окончательного и бесповоротного подтверждения его правоты.

Эта попытка представить учение Сократа как безусловно реакционный момент в истории философской мысли и соответственно оправдать учиненную над ним в Афинах расправу выглядит предвзятой и односторонней. Она будет отвергнута всяким, кто обстоятельно и добросовестно, без заведомых предубеждений, ознакомился с жизнью и деятельностью великого афинского мудреца и кто отдает себе отчет в огромном позитивном значении его этикогносеологического учения. Вместе с тем сочувствие к Сократу не должно вести к другой крайности – к отрицанию какой бы то ни было правоты за позицией афинской демократии, а стало быть,– одно здесь неизбежно связано с другим,– какой бы то ни было ценности за полисным строем жизни, сколь бы этот строй ни был подорван и скомпрометирован к исходу классического периода. По существу все, что выше было сказано о деле Сократа – о столкнувшихся на процессе противоположных системах ценностей, о позиции сторон и их обоюдной реакции,– должно подводить нас к правильному, сбалансированному суждению. Такое суждение и здесь тоже, как и по отдельным аспектам дела, было высказано Гегелем, и мы убеждены, что верность его взгляда несколько не поколеблена истекшими полутора веками конкретно-исторических и философских исследований.

В самом деле, Гегель не только обосновал историческую закономерность, принципиальность и непримиримость конфликта между Сократом и его об-

²¹ Лурье С.Я. Очерки по истории... С. 317.

²² Лурье С.Я. Очерки по истории... С. 318.

²³ Лурье С.Я. Очерки по истории... С. 320.

²⁴ Лурье С.Я. Очерки по истории... С. 318-319.

щиною, но и указал на одинаковую правомерность позиций сторон, что исключает возможность однозначной оценки, возможность суждения о безусловной виновности одной из сторон, и придает разыгравшейся в Афинах драме поистине трагический характер, а главному действующему лицу этой драмы – философу Сократу – сообщает подлинно героический ореол. «Своим выступлением в греческом мире, – говорит Гегель, – Сократ пришел в столкновение с субстанциальным духом и существующим умонастроением афинского народа, и поэтому должна была иметь место получившаяся реакция, ибо принцип греческого мира еще не мог перенести принципа субъективной рефлексии. Афинский народ, следовательно, не только имел право, но был даже обязан реагировать на него согласно законам, ибо он рассматривал этот принцип как преступление»²⁵.

И далее Гегель высказывает замечательную по глубине мысль о извечности драматического конфликта между гениальной личностью, являющейся с обоснованием нового принципа, и обществом, дорожающим уже существующим укладом жизни: «Таково вообще во всемирной истории положение героев, зачинающих новый мир, принцип которого находится в противоречии с прежним принципом и разрушает его: они представляются насильственными нарушителями законов. Индивидуально они поэтому находят свою гибель, но лишь индивидуум, а не принцип уничтожается в наказании»²⁶. Таков именно был случай с Сократом: «Его судьба не является также лишь его личной, индивидуально романтической судьбой, а в ней представляется нам общая нравственная, трагическая судьба, трагедия Афин, трагедия Греции. Два противоположных права выступают друг против друга, и одно разбивается о другое; таким образом, оба терпят урон, оба также правы друг против друга, и дело не обстоит так, что будто бы лишь одно есть право, а другое есть не-право»²⁷.

Высказанное Гегелем суждение дает ключ к пониманию дела Сократа как нестандартного, необычного правового конфликта: в нем не заключалось криминала в обычном юридическом смысле слова (и этим также, может быть, объясняется неуступчивость Сократа, не сознававшего за собой никакого конкретного преступления против закона), но зато в нем нашло выражение столкновение двух противоположных правовых принципов: права личности на свободное, ничем не стесненное постижение истины и права коллектива защищать созданный им порядок от опасных выходов индивидуальной рефлексии. Так именно вослед Гегелю вполне справедливо и толкуется дело Сократа целым рядом новейших исследователей²⁸. И если в современной научной литературе вместо менее определенного «общества» или «об-

²⁵ Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. X. С. 85.

²⁶ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. С. 85.

²⁷ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. С. 87.

²⁸ См., например: Гомперц Т. Греческие мыслители. Т. II. СПб., 1913. С. 82 слл.; Залесский Н.Н. Очерки истории античной философии. Вып. 1. Л., 1975. С. 61; Нерсисянц В.С. Сократ. С. 138-139.

щины» употребляется точное понятие полиса, то этим идея Гегеля отнюдь не снимается, а только подсказывается мысль о неизбежности вдвойне жесткой реакции организованного в тесную сословную корпорацию коллектива на чрезмерную, с его точки зрения, духовную инициативу личности.

Но и более того: в деле Сократа столкновение названных противоположных принципов воплотилось с такой удивительной яркостью и отчетливостью – соответственно прежде всего значению самих развитых взглядов, но также и в силу характерной для античности наивной чистоты их выражения, – что случай этот навсегда стал нормативным, типическим, чем и обусловливается извечный к нему интерес. Этот интерес поддерживается непрерывным повторением самой коллизии, ибо в любом обществе утверждение новых идей сопряжено с борьбой, причем в обществе, разделенном на антагонистические социальные группировки, борьба эта, как правило, облекается в столкновение полярных политических сил и разрешается конфликтами самого драматического свойства. Конечно, в случае с Сократом это не следует понимать буквально: афинской демократии противостояла на процессе 399 г. до н. э. не какая-либо группировка, а личность философа, однако за этой личностью безошибочно угадывалась опасная для полисного демократического строя тенденция, которая при случае могла воплотиться в реальную силу – в аристократическую или даже монархическую оппозицию. Так или иначе, процесс Сократа является первым отчетливо зафиксированным в европейской традиции примером принципиальной идеологической коллизии критически мыслящей личности с традиционным общественным порядком. Более того, глубина заявленных идей и высокий пафос отстаивавших их сторон придают этому делу ту особенную окраску, благодаря которой ему, как делу в своем роде типическому, суждено навеки остаться в памяти людей.



Театральная цензура в Афинах в V в. до н.э.

В современном значении «цензура», согласно «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова, «Большому энциклопедическому словарю» и другим справочным изданиям – это система государственного надзора за печатью и средствами массовой информации. В данной статье, разбирая вопрос о том, существовал ли контроль со стороны государства за содержанием драматических представлений в театре классических Афин, мы несколько расширим тему и обратимся также к свидетельствам античной традиции о различных ограничениях в театральной сфере по тем или иным основаниям, которые не всегда напрямую были связаны с государственным контролем.

В современные языки слово «цензура» (ср. англ. *Censorship*, нем. *Zensur* и др.) пришло из латинского языка и римских реалий общественной жизни. Латинское слово *censura* (от лат. *censere* – оценивать) обозначало одну из высших римских магистратур. В обязанности исполнявшего ее должностного лица, цензора, входило, прежде всего, проведение ценза (лат. *census* – оценка имущества, перепись), что предполагало составление списка римских граждан, являвшегося основой для их распределения по различным классам с соответствующими правами и обязанностями. Среди важных функций цензоров следует отметить также осуществлявшийся ими общий надзор за нравами общины.

Тема цензуры оказывается тесно связанной со свободой слова в обществе и его толерантностью – важнейшими ценностями современного демократического общества. Свобода слова, а, следовательно, и ее ограничение в различных формах (в том числе и цензура) – тема особенно популярная в новейшей научной литературе и публицистике, и, конечно, этот интерес весьма заметен в подходах и интерпретации материала античной истории¹.

Несмотря на античные корни современного понятия «цензура», возникновение этого института в полном смысле слова часто связывается с мрачным средневековьем, а вовсе не с демократическими Афинами. Однако, как справедливо замечается в одной популярной статье, посвященной истории театральной цензуры, «Радишев был не совсем прав, утверждая (подобно многим), что цензура была изобретена инквизицией. В официальной форме

* Публикация подготовлена при поддержке РГНФ, проект «Маска в античном театре: происхождение, семантика, основные контексты функционирования». (13-31-01013-а1).

¹ Укажем в качестве примера на появление в авторитетном издании *Oxford Classical Dictionary*, начиная с 3-его издания, статьи «Intolerance, intellectual and religious» (см. OCD³ и OCD⁴).

она родилась в античные времена, причем в самом «продвинутом» полисе – Афинах»². Суждение автора упомянутой статьи отражает во многом и традиционный взгляд антиковедения: театральная цензура в классических Афинах была, однако в последние десятилетия появились и активно продвигаются и иные точки зрения, в немалой степени, как кажется, под влиянием «вызовов» нашего времени. Итак, обратимся к примеру Афин V в. до н.э. – эпохи «золотого века» античной демократии, к традициями которой во многом возводят и демократию современную.

Прежде, чем приступить к разбору ограничений в театральной сфере, которые существовали в Афинах в эпоху классики, отметим, что для этого времени характерен, по выражению Э. Д. Фролова, «общий благоприятный общественный климат для занятий свободными искусствами, для развития свободных профессий»³. Исследователь особо отмечает «такие животворные в этом плане факторы, как относительная светскость культуры (отсутствие жесткой религиозной, жреческой опеки), открытость и демократичность социально-политической жизни (отсутствие авторитарного государственного контроля), пронизанность всей жизнедеятельности, всех занятий конкурситивным, соревновательным началом...»⁴. Задаваясь вопросом, каково же было отношение античного государства к занятиям свободными искусствами, Э.Д. Фролов справедливо замечает, что наряду с явлениями государственного поощрения и вознаграждения, заслуживают внимания попытки контроля со стороны государства над занятиями гуманитарной интеллигенции в Афинах, и приводит в качестве примера театральную цензуру во времена Древней аттической комедии.

Как кажется, проявление тенденции как-то ограничить свободу поэтов-драматургов можно отнести еще к первым десятилетиям V в. до н.э. Геродот, повествуя о трагической судьбе Милета после разгрома Ионийского восстания и о настроении скорби и подавленности в Афинах в связи с этими событиями, рассказывает о сильном впечатлении, которое произвела на афинян случившаяся вскоре после этих событий постановка трагедии Фриниха «Взятие Милета». «Отец истории» завершает свой рассказ следующим образом: «Фриних же был присужден к уплате штрафа в 1000 драхм за то, что напомнил о несчастьях близких людей. Кроме того, афиняне постановили, чтобы никто не смел возобновлять постановку этой драмы» (VI, 21, пер. Г. А. Стратановского). Примечательно, что причиной наказания стало обращение автора к «чувствительной политической теме»⁵, имевшей столь сильный общественный резонанс. В этом случае, видимо, решающую роль сыграла не

² Кушников М. Краткая история театральной цензуры от античности до начала XX в. // Театр. 2011. № 4. С. 139.

³ Фролов Э. Д. Античная интеллигенция // Фролов Э. Д. Парадоксы истории – парадоксы античности. СПб., 2004. С. 299.

⁴ Фролов Э. Д. Античная интеллигенция... С. 299-300.

⁵ Seyrig H. Intolerance, intellectual and religious // OCD⁴. P. 671.

столько сама тема, сколько ее художественное воплощение в сложной для греков политической ситуации противостояния с персами. Хотя нам известны лишь единичные обращения драматургов-трагиков к сюжетам, связанным с историческими событиями, единственная сохранившаяся подобная трагедия – «Персы» Эсхила – демонстрирует пример трактовки исторической темы с совершенно иной, и весьма успешной, судьбой.

Впрочем, в греческой трагедии с самого начала существовали и определенные ограничения совсем иного свойства, не связанные с политикой. Так, нам известен обычай не показывать в драматическом представлении убийства и прочих кровавых сцен – демонстрировались, как правило, уже их последствия. Для этого либо использовали возможности театральной машинерии – выкатывали экиклему (специальную платформу), на которой изображалась соответствующая сцена (например, Орест на телем убитой матери с обнаженным мечом), либо решали проблему еще более безобидно, через словесное пространство античной трагедии – появлялся некий вестник, который и сообщал зрителю о случившихся ужасных событиях.

Кроме этого, в отношении трагедии в качестве своеобразных ограничений, точнее, самоограничений, могли работать и личные убеждения драматургов, связанные с пониманием роли поэта и назначения трагедии, с определением особенностей данного литературного жанра. Ценнейшие свидетельства об этом мы находим в Аристофановых «Лягушках»: вторая часть этой комедии (стт. 830-1534) представляет собой состязание, которое происходит в подземном царстве между Эсхилом и Еврипидом за право считаться лучшим⁶. Эсхил у Аристофана упрекает Еврипида за то, что его трагедии не соответствуют возвышенному тону и назначению жанра: его герои говорят слишком просто, одеты недостаточно торжественно, у него слишком много «низкого»:

(Эсхил) Злополучный, сама неизбежность

Нам велит для возвышенных мыслей и дел
находить величавые речи.

Подобает героям и дивным богам говорить
Языком превосходным.

Одеянием пышным и блеском плащей
они также отличны от смертных.

Но законы искусства, что я утвердил, изувечил ты.

(Еврипид) Чем изувечил?

(Эсхил) Ты царей и владык в лоскуты нарядил
и в лохмотья, чтоб жалкими людям
Показались они.

(Ran., 1059-1065, пер. А. Пиотровского).

⁶ Подробнее об этом сюжете (с указанием важнейшей литературы) см.: Кулишова О. В. Античный театр: организация и оформление драматических представлений в Афинах V в. до н.э. СПб., 2014. С. 203 слл.

Этот литературный спор касается различных сторон жанра трагедии – особенностей языка и формы, костюмов и персонажей и многого другого. Аристофанов Эсхил, в частности, говорит и о недопустимости выводить в трагедии распущенных женщин с их страстями. Он видит главную опасность в том, что героини, подобные Сфенебее или Федре, показывают дурной пример, а не способствуют воспитанию граждан, к чему должна стремиться поэзия:

(Эсхил) ...Но свидетель мне Зевс, не выдумывал я
Сфенебей или Федр – потаскушек.
И не скажет никто, чтоб когда-нибудь
я образ женщины создал влюбленной...

(Еврипид) Ну а чем повредили отчизне, скажи,
неразумный, мои Сфенебей?

(Эсхил) Тем, что женщин примерных, отличных
супруг соблазняли страстям нечестивым
Предаваться и зелья цикутные пить
из-за всяческих Беллерофонтов

(Ran., 1043-1944; 1050-1952, пер. А. Пиотровского).

За «женские персонажи» Еврипида упрекали и другие современники. Платон, рассуждая о том, что поэзия не может продемонстрировать публике подobaющих свободному гражданину образцов для подражания, замечает: «Мы не допустим, чтобы те, о ком ... мы заботимся и кто должен стать добродетельным, подражали бы женщине, хотя сами они мужчины, - все равно, молодая ли женщина или уже пожилая, бранится ли она с мужем или спорит с богами, заносчиво воображая себя счастливой, либо, напротив, бедствует и изливает свое горе в жалобных песнях» (Res p., III, p. 395 d-e, пер. А. Н. Егунова). В этом предостережении Платона явно виден намек на современную ему трагедию, в особенности на Еврипида. (Впрочем, Платон предостерегает и от подражания недостойным (т.е. дурным, подлым, а также безумным) мужчинам, к числу которых относит, конечно, и рабов (Res p., III, p. 395 e – 396 a)). Хотя основания для претензий к поэту-трагику у Аристофана и Платона различны, споры и рассуждения и в том, и в другом случае ставятся в контекст государственной жизни – воспитания достойных граждан. Таким образом, и сами авторы-драматурги, и представители образованной общественности пытались определять границы и рамки жанра трагедии, его содержание и формы, задаваясь вопросом, что пристало трагическому поэту и что ему не дозволено.

В связи с последним сюжетом позволим себе короткое отступление, чтобы показать, что опасения авторов V в. до н.э. по поводу опасного потенциала образов героинь Еврипида были небезосновательны. То, что порицали современники Еврипида, ставили ему в заслугу в последующие времена – именно женские персонажи его трагедий были особенно популярны в последующей европейской традиции. Героини греческих трагедий классиков V в. до н.э. – Медея, Иокаста, Гекуба, Электра, Клитемнестра – приобре-

ли поистине магнетическую силу, а «женский вопрос» в античной трагедии получил неожиданное социально-политическое звучание в последние полвека, сыграв важную роль в новом возрождении интереса к античному театру. Наиболее очевидной причиной этого явления Э. Холл справедливо называет движение феминизма с его особенным подъемом в 1970-е годы и постоянным влиянием в последующие десятилетия⁷. Новое «феминистское» прочтение греческой трагедии исследовательница ставит в контекст более раннего движения «хиппи» и, в особенности, так называемой сексуальной революции. Греческая трагедия, которая обращается к теме чувственной любви, изображая ее как одну из наиболее опасных сил, действующих в семье и обществе, дала режиссерам конца XX в. возможность оспорить гендерные роли и сексуальные стереотипы, канонизированные в истории западного театра и общественной жизни.

Возвращаясь к театру V в. до н.э., укажем, что для классических Афин мы можем говорить и о попытке теоретически обосновать необходимость театральной цензуры. Как известно, в европейской традиции театральная цензура среди прочих видов цензуры ведомственной была особенно строгой, причем порой она оставалась таковой даже тогда, когда другие формы искусства, литературы и др. получали относительную свободу выражения. Наиболее ранним защитником театральной цензуры можно считать уже упомянутого Платона, который резко нападал на театр и в «Государстве» и в «Законах». Древнегреческий философ, как известно, относился к художникам всякого рода, в общем, пренебрежительно на том основании, что они лишь пытаются воспроизвести физическую реальность, которая сама является лишь имитацией идеальных абстракций.

Искусство, таким образом, оказывается лишь жалкой копией копии, и, следовательно, становится бесполезным, и, более того, даже вредным. Поэзия, эпическая или трагическая, не дает возможности познать истину, она ничему не может научить; поэты могут вдохновлять, но не могут научить достойному. Согласно Платону, мы учимся благодаря имитации, но, как мы уже указывали, трагедия не демонстрирует публике подобающих свободному гражданину образцов для подражания (Plat. Res p., III, 395 d-e). Платон, таким образом, не принимал все формы мимесиса, или искусства имитации, а так как театр являлся квинтэссенцией имитации, то он подвергался особой критике со стороны философа не только как бесполезная, но даже как вредная форма подражания. В X книге «Государства» Платон вновь обращается к подражательному характеру поэзии, в частности, разбирает произведения тех, кто «причастен к трагической поэзии – будь то ямбические или эпические стихи» и замечает, что подобное подражание стоит на третьем месте после подлинного (p. 602 b-c).

Тем не менее, Платон рассматривает трагедию как весьма эффективную форму политической коммуникации; признает за ней достоинства в качестве одного

⁷ Hall E. Greek Tragedy. Suffering under the Sun. Oxford, 2010. P. 229-331.

из способов воплощения и презентации полиса. Именно возможность мощного политического эффекта трагедии⁸ заставляла Платона настаивать на том, что государственная цензура необходима: трагедии должны быть тщательно изучены, прежде чем будут разрешены к постановке (Leg., VII, 817 b–c).

Обратимся к еще одному важному аспекту данной темы – соблюдению в драме уже существовавших в Афинах запрещений-законов, которые напрямую не были обращены к театральной сфере, например, запрета злословия в отношении покойников, восходивший, видимо, еще к Солону⁹. Законодатель запретил дурно говорить об умерших, а также браниться (даже по отношению к живым) «в храмах, судебных и правительственных зданиях, равно как и во время зрелищ» (Demosth., XX, 104 cum school.; Plut. Sol., 21), то есть в общественных местах и во время общественных мероприятий. Следует согласиться с теми исследователями, которые подчеркивают религиозную основу подобных запрещений, т.к. перед нами, по сути, перечисление потенциально оскверняющих действий¹⁰.

В научной литературе не раз отмечалось, что мы находим неоднократные нарушения этих правил в комедии¹¹. С другой стороны, хорошо известно, что комедия вообще не отличалась особым пиететом в изображении богов, жрецов, религиозных обрядов и т.п. Заметим, что особенно доставалось в комедии покровителю театра Дионису – например, в «Лягушках» Аристофана или в «Дионисоалексandre» Кратина (от этой комедии до нас дошел краткий пересказ). Как кажется, здесь речь должна идти не столько о скептицизме, оппозиционности, неподсудности или распушенности комедии, сколько о ее особом статусе – сакральном пространстве комедии с его ритуальным смехом, правом высмеивать даже богов¹². «Непочтительность» комедии в отношении богов вполне сопоставима с их изображением в эпосе (ср. рассказ Демодока об Аресе и Афродите в «Одиссее», см.: VIII, 266–367) и, в целом, характерна для фольклора политеистических культур¹³.

⁸ Тема политического содержания и звучания трагедии весьма популярна в последние десятилетия, на что обращается особое внимание в новейших исследованиях по греческой трагедии, см., например: Rabinowitz N. S. Greek Tragedy. Oxford, 2008. P. 33 ff.; Hall E. Greek Tragedy. P. 103 ff.; Chou M. Greek Tragedy and Contemporary Democracy. New York; London, 2012. 200 p. et al.

⁹ Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 139.

¹⁰ Суриков И. Е. Проблемы... С. 139.

¹¹ Подборку подобных примеров и их систематизацию см., например: Halliwell S. Comic Satire and Freedom of Speech in Classical Athens // JHS. Vol. 111. 1991. P. 48–70.

¹² О том подробнее (в контексте историографического очерка, посвященного религиозным воззрениям Аристофана) см.: Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии. М., 2002. С. 218–225. См. также: Halliwell S. Greek Laughter. A Study of Cultural Psychology from Homer to Early Christianity. Cambridge, 2008. P. 206–214 (раздел ‘Is old comedy a form of ritual laughter?’).

¹³ Dover K. J. Comedy (Greek), Old // OCD⁴. P. 354–355.

Нам известно о целом ряде судебных процессов по обвинению в нечестии в Афинах в V в. до н.э.¹⁴, однако весьма показателен тот факт, что даже во времена настоящей религиозной истерии в Афинах ни Аристофан, ни кто-либо другой из комедиографов никогда не привлекался к суду за нечестие¹⁵.

В древности, как и в современности, важнейшие ограничения «свободы слова» происходили, как правило, по политическим основаниям. Хорошо известно, что среди характерных признаков Древней аттической комедии, отличающей ее по содержанию от Средней и Новой, были ее фантастический характер, политическая направленность, а также выведение на сцену в карикатурном виде конкретных лиц, чаще всего, весьма известных¹⁶. Эти последние либо выводились под своими собственными именами (например, Сократ в «Облаках» или Еврипид в «Женщинах на празднике Фесмофорий» Аристофана), либо в слегка замаскированном, но вполне узнаваемом персонаже (например, в Пафлагонце из Аристофановых «Всадников» нельзя было не узнать Клеона). Кроме того, в комедиях Аристофана широко распространены случаи язвительных и часто очень грубых шуток и намеков со стороны хора или других действующих лиц комедии в отношении тех или иных лиц, которые не были выведены на сцену в качестве отдельного персонажа комедии.

Впрочем, Аристофан, по сохранившимся произведениям которого мы, в основном, и судим о Древней комедии, тут не был первым¹⁷. Дошедшие до нас фрагменты комедий старшего современника Аристофана Кратина полны едких насмешек и яростных нападок на такого авторитетнейшего политика, как знаменитый вождь афинской демократии Перикл (многие из них приводит Плутарх в биографии Перикла, см.: Рег., 3). В «Хиропах» Перикл назван комедиографом величайшим тираном, который был порожден Распрей и Кроном. Во «Фракиянках» он подвергся насмешкам за свою внешность – необычную форму головы, которую обычно прикрывал шлемом: один из персонажей именует его «луковидноголовым» Зевсом с Одеоном на голове. В «Дионисоалексandre» Перикл обвинялся в том, что вовлек афинян в войну, от которой он, подобно Дионису, спрятавшемся при приближении врагов под бараньей шкурой, пытался трусливо укрыться за оборонительными стенами. Подобная же практика – выводить знаменитых современников в качестве персонажей – характерна и для других комических поэтов того же времени – Ферекрата, Евполида и др.

¹⁴ Никитюк Е. В. Классификация преступлений против религии в греческом праве классического периода (часть I, II) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2004. Вып. 1-2. С. 48-54. Вып. 3-4. С. 84-93.

¹⁵ Суриков И. Е. Эволюция... С. 225.

¹⁶ См., например: История греческой литературы: / Под ред. С. И. Соболевского и др. Т. 1: Эпос, лирика драма классического периода. М.; Л., 1946. С. 425 слл.; Соболевский С. И. Аристофан и его время. М., 2001. С. 60; Kraus W. Komödie (Griechisch.) // KP. Bd. III. Sp. 282-287; Dover K. J. Comedy (Greek), Old. P. 354-355.

¹⁷ Подробнее об этом см: История греческой литературы. Т. 1. С. 433-439.

Согласно подсчетам современных исследователей, в комедиях Аристофана, сохранившихся полностью и дошедших во фрагментах, выведено около трех сотен персонажей, прежде всего тех, которые были на виду в общественной жизни Афин – политических деятелей, поэтов, философов, а также обычных афинян, частная жизнь которых выходила за общепринятые рамки; фрагменты же произведений других комических поэтов V в. до н.э. значительно увеличивают это число¹⁸. Важно отметить, что этот прием, использовавшийся целым рядом комических поэтов, был свойственен Древней комедии на протяжении всего периода ее существования в V в. до н.э.

Распространенность этого явления вовсе не исключала весьма резких реакций «жертв» комедии – κωμωδοῦμενοι, особенно известных политиков. Античная традиция сохранила в той связи также целый ряд указаний относительно попыток наложить официальные запреты на содержание комедии. Прежде всего, это ценнейшие свидетельства, которые происходят из намеков в самой древней комедии. Другой комплекс важных свидетельств – схолиасты, информация которых, правда, не всегда оказывается определенной и надежной.

Именно у схолиаста сохранилось свидетельство о том, что в архонтство Эвфимена (437/6 г. до н.э.) закон, запрещавший «высмеивать в комедии» (περὶ τοῦ μὴ κωμῶδεῖν), принятый при архонте Морихиде (440/39 г. до н.э.), был отменен (Schol. Aristoph. Ach., 67; ср.: Suda, s.v. Εὐθυμένης). Большинство исследователей принимают историчность этого закона, особенно указывая на важность упоминания афинских архонтов, однако относительно его содержания ведутся значительные споры¹⁹. Часть ученых видит в этом законе запрещение выводить в комедии граждан под их собственными именами, другие полагают, что запреты могли быть связаны с событиями вокруг экспедиции против Самоса (440/39 г. до н.э.) и поддержаны (если не инициированы) Периклом, большинство же сходится на том, что характер ограничений из этого сообщения схолиаста не вполне ясен.

Заметим, что подобное давление на авторов комедий могло осуществляться не только со стороны государства. Своеобразным психологическим фактором ограничения мог выступать страх перед пародируемыми политиками и нежелание вступать во вражду с влиятельными в государстве людьми. У Аристофана во «Всадниках» мы встречаем указание на то, что мастера-изготовители масок побоялись придать портретное сходство маске Пафлагонца, представляющего карикатурный образ демагога Клеона:

Да ты не бойся, не походит маскою
Актер на пафлагонца: испугался он!

¹⁸ См., например, составленный А. Соммерштейном список упомянутых в комедиях времени Пелопоннесской войны имен, которые с большей или меньшей вероятностью можно соотнести с конкретными лицами: Sommerstein A. H. How to avoid being a komodoumenos // CQ, N.S. Vol. 46, 2. 1996. P. 327-356.

¹⁹ См.: Körte A. Komödie (griechische) // RE. Bd. XI. Hbbd. 21. 1923. Sp. 1233-1236.

Но все равно, узнают все и так его:
Ведь зрители у нас народ понятливый.

(230–233, пер. А. Пиотровского).

Многие исследователи интерпретируют реплику о маске Пафлагонца как ещё одну насмешку в адрес политика: даже комическая маска не достаточно уродлива по сравнению с реальным лицом ненавистного Аристофану демагога. А изготовитель масок в этом случае должен был испугаться своего творения, если бы создал столь ужасный сценический образ²⁰.

Однако в этой боязни с большим на то основанием можно усмотреть отсылку к событиям, случившимся ранее: в 426 г. Аристофану грозило судебное преследование (правда, не увенчавшееся успехом) со стороны Клеона за клевету на полис в поставленной двумя годами ранее (к сожалению, не дошедшей до нас) комедии «Вавилоняне». Намеки на эти события мы находим у самого Аристофана в другой комедии – «Ахарняне» (стт. 377-382, 502-503, 630-631).

Как кажется, весьма вероятный контекст для этого эпизода содержится и в сообщении т.н. Старого олигарха в «Афинской политике» о том, как афиняне не позволяли высмеивать в комедии себя как народ, но позволяли делать это в отношении отдельных личностей. Ср. у Псевдо-Ксенофонта: κωμῳδεῖν ... καὶ κακῶς λέγειν τὸν... δῆμον (Ps.-Xen. Ath. pol. 2, 18). Это очень напоминает строки из «Ахарнян» Аристофана: τὴν πόλιν κακῶς λέγω – «о полисе дурно я говорю» (ст. 503) и κωμῳδεῖ τὴν πόλιν ἡμῶν καὶ τὸν δῆμον καθυβρίζει – «он высмеивает в комедии полис наш и народ оскорбляет» (ст. 631). Хотя и в том, и в другом случае, возможно, мы встречаемся с отголоском обвинения Клеона. Как кажется, мы не знаем никакого другого примера в отношении комедиографов, который в юридическом или политическом смысле преследовался бы по таким же основаниям.

Ряд исследователей, опираясь на указания в «Осах» Аристофана, полагают, что можно говорить о том, что два года спустя, т.е. в 424 г., после постановки «Птиц» возникла новая угроза преследования комедиографа со стороны Клеона (стт. 1284-1291). Кроме того, в Аристофановых «Лягушках» (ст. 368) речь идет о проклятиях в адрес тех, кто наказывает поэтов за политическую сатиру и насмешки над политиками (по-видимому, речь идет о попытке урезать плату поэтам).

Случай с комедией Аристофана «Вавилоняне», вызвавшей, возможно, судебные преследования комедиографа со стороны Клеона, а также пример трагедии Фриниха «Падение Милета», о котором мы говорили выше (обе драмы не дошли до нас), т.е. сообщения авторов V в. до н.э., как правило, признаются в современной историографии несомненными свидетельствами официальных попыток по тем или иным основаниям ограничить содержание драмы. При этом для некоторых исследователей только они и достойны

²⁰ Dover K. J. Portrait masks in Aristophanes // *Komoidotragemata: Studia Aristophanea viri Aristophanei W. J. W. Koster in honorem*. Amsterdam, 1967. P. 16-28.

доверия. Так, по мнению Р. Рема, это все, что мы знаем о театральной цензуре в V в. до н.э.²¹

Однако наиболее острую дискуссию вызывает самый примечательный из запретов, о которых нам повествуют античные авторы, – т.н. закон Сиракусия (который обычно датируют 415 г. до н.э.) не выводить на сцену лиц под их подлинными именами – $\mu\eta\ \kappa\omega\mu\omicron\delta\epsilon\iota\nu\ \delta\nu\omicron\mu\alpha\sigma\tau\acute{\iota}$ (Schol. ad Aristoph. Av., 1297 = Phrynichos, fr. 27 K-A).

Признание историчности этого закона и лежало в основе сформировавшегося еще в XIX в. традиционного мнения о существовании настоящей цензуры в классических Афинах²², которое с той или иной степенью уверенности поддерживает и целый ряд современных исследователей. Однако в конце XX – начале XXI в., когда особенно активно изучался театр в его различных аспектах, получила распространение и другая точка зрения, особенно развивавшаяся в работах С. Халливела, Дж. Аткинсона, Дж. Треветта, поддержавших сомнение в историчности сообщений о законодательстве против комедии²³.

Согласно этому мнению, «закон Сиракусия» – это изобретение схолиаста. В центре обсуждения оказался фрагмент комедии Фриниха «Монотроп» вместе с комментариями схолиаста на Аристофана, который сохранил его. Согласно традиционному чтению, в некий момент до постановки пьесы (весной 414 г. до н.э.), афинский политик Сиракусий (Syrakosios) предложил «закон, который ограничивал право комедиографов высмеивать афинян под их именами». Схолиаст приводит фрагмент из комедиографа Фриниха, где выражается явная неприязнь к Сиракусию. Далее следует фраза, которая стала камнем преткновения: $\acute{\alpha}\phi\epsilon\iota\lambda\epsilon\tau\omicron\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \kappa\omega\mu\omicron\delta\epsilon\iota\nu\ \omicron\upsilon\varsigma\ \epsilon\pi\epsilon\theta\acute{\upsilon}\mu\omicron\upsilon\nu$ («он помещал мне подвергать насмешкам в комедии тех, кого я хотел»). А далее идет комментарий схолиаста о том, что именно за это Сиракусий подвергся особо острым нападкам со стороны комедиографов.

²¹ Rehm R. Greek Tragic Theatre. London; New York, 2005. P. 153, Note 21.

²² Так, например, к этой теме обращался немецкий историк XIX в. Вильгельм Ваксмут, ученик Августа Бёка, в своей работе о греческих древностях, см.: Wachsmuth W. Von der Beschränkung der komischen Freiheit durch Volksbeschlüsse und Umstände (Beilage 4) // Wachsmuth W. Hellenische Alterthumskunde aus dem Gesichtspunkte des Staates. Bd. II. Halle, 1828. S. 441-444.

²³ Halliwell S. Comic Satire... P. 48-70; Atkinson J. E. Curbing the comedians: Cleon versus Aristophanes and Syrakosios' Decree // CQ. Vol. 42, 1. 1992. P. 56-64; Trevett J. Was There a Decree of Syrakosios? // CQ. Vol. 50, 2. 2000. P. 598-600. См. об этом также: Никитюк Е. В. Комедии Аристофана в англоязычной литературе XX – начала XXI века // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: Сб. статей. Вып. 12: Из истории античности и нового времени. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова / Под ред. проф. А. Х. Даудова. СПб., 2013. С. 544-545; Sommerstein A. H. 1) The Decree of Syrakosios // CQ. Vol. 36, 1. 1986. P. 101-108; 2) How to avoid being a komodoumenos. P. 327-356; Olson S. D. Kleon's eyebrows (Cratin. Fr. 228 K-A) and late 5-th century portrait masks // CQ. Vol. 39. 1999. P. 320-321 et al.

Исследователи по-разному понимают пунктуацию и восстанавливают формы в упомянутой фразе, на этом основании часть текста относят либо к цитате из Фриниха, либо к словам схолиаста. В последнем случае за Фринихом оставляют лишь указание, то Сиракусий ему не нравится. Тогда получается, что схолиаст просто предполагает существование такого декрета, основываясь на нелюбви комедиографа к некоему Сиракусию. То есть декрета могло и не быть, он – выдумка схолиаста. Еще дальше – декрета и быть не могло, т.к. в комедии Аристофана «Птицы» высмеиваться множество афинян под их собственными именами, а она была поставлена на том же самом празднике, что и «Монотроп». Тем не менее, А. Соммерштейн резонно настаивает, что этот пассаж нельзя просто игнорировать и что Фриних (очевидно, посредством хора) явственно ссылается на ограничения подобного рода.

Сам А. Соммерштейн поддерживает тезис И. Дройзена о том, что Сиракусий провел закон, запрещающий насмешки в комедии над определенной категорией граждан – над теми, кто был замешан в профанации мистерий и повреждении герм в 415 г. до н.э. Вариации этого объяснения предлагает Дж. Аткинсон, по мнению которого данный закон имел в виду защитить тех, кто был реабилитирован в связи с двумя этими скандалами, и запретить новые голословные обвинения на эту тему.

Дж. Треветт предлагает интерпретировать слова Фриниха о Сиракусии вообще в совершенно ином смысле. Его аргументы основаны на двух соображениях. 1) слово *Σираκούσιος* вовсе не личное имя, но прилагательное, указывающее на Сиракузы; 2) весной 414 г. афинян интересовали не религиозные скандалы прошлого года, а судьбы афинской экспедиции, участники которой сражались в Сицилии. Фриних здесь говорит не о Сиракусии, а о Сиракузце, который обобщенно обозначает всех сиракузян. Тогда Фриних мог обвинять Сиракузца в том, что он стал причиной отсутствия в Афинах многих известных граждан, и из-за этого комедиограф лишился материала для представления комедий – не мог вывести на сцену того, кого бы хотел.

При этом получается, что вся традиция о законодательстве против комедии – изобретение александрийских грамматиков, которые, выстраивая историю комедии, обратили внимание на изменение ее характера, утрату политической заостренности, и из этого решили, что, видимо, были какие-то законы, запрещавшие порицать надсмехаться над политиками и должностными лицами.

Безусловно, состояние источника оставляет желать лучшего – по словам одного из участников дискуссии, «любое из этих утверждений при имеющемся состоянии источников едва ли можно опровергнуть». Однако вряд ли на этом основании следует полностью отвергать свидетельства схолиастов и представлять их изобретателями несуществующего законодательства. Многочисленные намеки в дошедших до нас комедиях Аристофана, свидетельства других авторов V в. до н.э., в совокупности с данными схолиастов показывают общее стойкое убеждение античной традиции в существовании огра-

ничений со стороны государства в отношении Древней комедии (пусть их содержание в некоторых частях и не конца понятно). Этот взгляд в качестве своеобразного резюме передает и Гораций в «Науке поэзии». Он, обращаясь к истории греческой драмы, замечает:

Вслед за Эсхилом явилась комедия старая наша;
Ей был немалый в народе успех, но вскоре свобода
Перешла в своевольство, достойное быть укрощенным:
Принят закон – и в ней хор замолчал, и вредить перестала!
(... *lex est accepta chorusque turpiter obticuit sublato iure nocendi*)

(281-284, пер. М. Дмитриева)

Как мы постарались показать, пример афинской драмы в V в. до н.э., который по праву считают «золотым веком» древнегреческого театра (напомним, что он корреспондирует с расцветом демократии в Афинах), демонстрирует не только обсуждение вопроса о театральной цензуре на теоретическом уровне (обоснование необходимости ограничений у Платона), но и показывает определенные практические шаги различного уровня в этом направлении, прежде всего, в отношении Древней комедии. Однако, как представляется, сам характер комедии не столько определялся законодательными мерами и политическим давлением, сколько тесно был связан и реагировал на изменяющийся вкус массовой аудитории общего праздника, составной частью которого являлась комедия. Изменившиеся условия жизни и определили переход от Древней комедии к Средней, что характеризовалось утратой политического характера и изменением тематики и содержания. В заключение заметим, что, по-видимому, именно демократические Афины – родина театра – не только дали нам и первые образчики официальных запретов для литераторов, но и методы обхода цензурных ограничений, ведь происхождение приема, получившего название «Эзопов язык», также восходит к этим временам.



II. Эпоха эллинизма

О.Ю. Климов

Политические интриги в истории Пергамского царства

Эпоха эллинизма предоставляет исследователю обильный материал к сюжету о политических интригах, заговорах, судебных и внесудебных расправах над оппонентами и противниками. Высший уровень власти и политической борьбы в эллинистических государствах составлял царский двор и центральные институты управления. При любом эллинистическом дворе протекала активная политическая жизнь, велась острая борьба между отдельными лицами и группировками, основными задачами которой служило стремление добиться милости царя, права стать наиболее близким его приближенным, удалить и уничтожить соперников, оказывать реальное влияние на власть. Формы и методы подобной борьбы хорошо известны – это выслуживание перед царем и его родственниками и фаворитами, заговоры против соперников, а в отдельных случаях даже против царей, клевета, организация провокаций, убийство противников и их родных. Достижение высокого положения при дворе требовало немалой изворотливости, склонности и способности к интригам, неразборчивости в средствах, нравственной глупоты. Не случайно в политической жизни эллинистического мира выдвинулось множество интриганов, авантюристов, искателей власти, высокого статуса и богатств, всегда готовых на измену, братоубийство, государственный переворот. Многие из них хорошо известны – прежде всего, это все диадохи, разделившие между собой империю Александра и погубившие всех его законных наследников и родных.

Правление многих из эллинистических царей ознаменовалось борьбой за власть, постоянными интригами и расправами над родными и соперниками. В числе таковых, например, македонский царь Персей, пергамский монарх Аттал III, знаменитый правитель Понта Митридат VI Эвпатор и многие другие. При царских дворах выдвигались во множестве родственники царей, боровшиеся за власть, такие как Птолемей Керавн, Антиох Гиеракс, Ахей. В политической жизни царского двора весьма значимым явлением стал фаворитизм, который всегда развивается в условиях негласной и непубличной политической борьбы и становится важным источником политических интриг.

Источники оставили нам немало имен фаворитов – влиятельных придворных, которые в силу разных причин приобретали огромное влияние в государстве, определяли его политику. Это могущественный Гермий при молодом Антиохе III, Агафокл и Сосибий при Птолемеях V, евнух Евлей и сириец Леней при Птолемеях VI, евнух Потин при Птолемеях XIII и многие другие. Все они вошли в историю эллинистического мира как активные участники придворной борьбы, инициаторы смут и распрей.

Примечательной чертой политической жизни эллинистических царств явилось то, что в отличие от классического периода истории Греции немалую роль стали играть женщины, разумеется, женщины царской крови или жены царей. Среди них, например, знаменитая Арсиноя II, сменившая трех мужей – Лисимаха, Птолемея Керавна и Птолемея II Филадельфа или Амастрида, жена гераклевского тирана Дионисия, а затем вторая жена Лисимаха, Лаодика I, жена Антиоха II, или Клеопатра VII. Названные царицы оставили о себе недобрую память, как воплощение жестокости и неумеренной жажды власти, реально влиявшие на внутреннюю и внешнюю политику государства. Разумеется, некоторые царицы оставили положительный след в истории эпохи. Такими были, например, жены пергамских царей Аттала I Аполлониды и Эвмена II и Аттала II Стратоника, впрочем, заметим, что эти названные царицы не играли какой-либо самостоятельной политической роли. В связи с этим следует подчеркнуть, что в греческой истории впервые женщины вошли в политику и стали играть заметную, нередко вполне самостоятельную роль именно в эпоху эллинизма.

Обширная и сложная тема о политических интригах в эллинистическом мире еще требует своего исследования, так как многочисленные труды, посвященные царскому двору и политической истории, её далеко не исчерпывают. Мы рассмотрим данную тему исключительно на материалах Пергамского царства, так как обращение к истории других государств потребует иного, значительно более широкого формата работы. Не менее важно подчеркнуть, что все политические интриги, о которых будет упоминаться, носят исключительно внутривнутриполитический характер. Рассмотрение многочисленных интриг, связанных с внешней политикой, требует специального внимания, поэтому они останутся за пределами нашего обзора. В нашу задачу также не входит изложение политической истории Пергамского царства, поэтому об отдельных событиях будет сказано лишь в той мере, в какой это необходимо для понимания основного сюжета и для сохранения общей логики повествования¹.

¹ Об истории царства см.: Климов О.Ю. Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства. СПб., 2010. С. 45-151; Hansen E. The Attalids of Pergamon. Ithaca, London, 1971. P. 14-163; McShane R. The Foreign Policy of the Attalids of Pergamum. Urbana, 1964; Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. München, 1977; Allen R. The Attalid Kingdom. A Constitutional History. Oxford, 1983. P. 9-74, etc.

1. Основание Пергамского царства

Своему возникновению Пергамское царство в немалой степени обязано именно политическим интригам. В ходе борьбы между диадохами – полководцами Александра Македонского – летом 301 г. до н.э. при городе Ипсе во Фригии произошло сражение, в котором армия могущественного Антигона Монофтальма была разгромлена войсками Лисимаха, Птолемея и Селевка, а сам он погиб в битве. Владения Антигона были поделены между победителями. Основная часть Малой Азии досталась царю Лисимаху, южные области полуострова вошли в состав владений Селевка.

В ходе этих событий выдвинулся Филетер – основатель династии Атталидов. Его отцом был македонянин Аттал, а матерью пафлагонийка Боа. Происходил Филетер из Тиоса, небольшого городка на Черноморском берегу Пафлагонии. Свою военную и гражданскую карьеру Филетер начал еще в государстве Антигона Монофтальма под командованием Докима – коменданта небольшого города Синнада (Paus., 1, 8, 1). Незадолго до битвы при Ипсе Доким перешел на сторону Лисимаха и сдал ему город. Таким образом и Филетер вместе со своим командиром попал на службу к Лисимаху. Пользуясь доверием нового сюзерена, Филетер получил от Лисимаха назначение в крепость Пергам хранителем огромных сокровищ, которые по сообщению Страбона составляли 9 тысяч талантов (XIII, 4, 1).

Однако держава Лисимаха вскоре также распалась в результате внутренних интриг и внешнего удара. Лисимах женился в третий раз на Арсиное, происходившей из рода Птолемеев. Новая жена стала активно интриговать против Агафокла – старшего сына и наследника Лисимаха, который к этому времени имел политический и военный опыт и по праву воспринимался подданными как законный наследник престола. Интрига завершилась гибелью Агафокла и значительным осложнением отношений между Лисимахом и его приближенными (Paus., 1, 10, 3-4). По словам Юстина, «за этим последовали убийства первых лиц в государстве – казни людей, поплатившихся за то, что они жалели убитого юношу... Поэтому и те, которые избегли казни, и те, которые командовали войсками, один за другим начали переходить на сторону Селевка и стали побуждать его начать войну с Лисимахом, к чему Селевк и так был склонен, так как завидовал славе Лисимаха» (XVII, 1, 6, 7-8. Пер. А.А. Деконского и М.И. Рижского).

Как пишет Павсаний, Филетер, «глубоко пораженный кончиной Агафокла и, относясь подозрительно к действиям Арсиной, захватил Пергам, город на реке Каике, и, отправив вестника, он и себя и все свои богатства отдал во власть Селевка» (Paus., 1, 10, 4. Пер. С.П. Кондратьева). Страбон подтверждает этот рассказ сообщением о том, что Филетер изменил Лисимаху из ненависти к Арсиное, клеветавшей на него (XIII, 4, 1). Измена Филетера Лисимаху датируется учеными 283 или 282 г. до н.э.² Вскоре последовала гибель самого Ли-

² Хронологию правления Атталидов см. Allen R. The Attalid Kingdom. P.9-11, а также Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1976. С. 196, 259-270. По мнению

симаха и созданного им государства: Селевк I Никатор, пользуясь слабостью власти Лисимаха, вторгся во владения своего противника и в 281 г. до н.э. разгромил его армию в битве у местечка Корупедион. Лисимах погиб, его держава распалась, Малая Азия большей частью вошла в состав владений Селевка.

Филетеру, чтобы сохранить в этих условиях самостоятельность, пришлось вести очень осторожную и гибкую политику, постоянно лавируя между могущественными соседними государствами. Основатель Пергамского государства демонстрировал свою лояльность в отношении Селевка I и его сына Антиоха I, формально признавал их власть над собой и предпринял с этой целью ряд важных шагов. Так, он выкупил тело Селевка I, коварно убитого Птолемеем Керанном в 281 г. до н.э., кремировал его и отправил урну с прахом новому царю – Антиоху I (Paus., 1, 16, 2; App. Syr., 62-63; Iustin., XVII, 2, 4). Еще одним свидетельством формального признания Филетером своей зависимости от Селевкидов стала чеканка в Пергаме монет с изображением Селевка. Наконец, он женил своего племянника Аттала на Антиохиде, дочери Ахея, полководца и родственника сирийских царей (Strab., XIII, 4, 2). Этот брачный союз был выгоден обеим сторонам: Атталиды породнились с могущественными Селевкидами, последние же могли рассчитывать на усиление своего влияния в Пергаме. Возможно, этот брак в определенной степени усыпил бдительность Антиоха I, полагавшего, что Пергам таким образом прочно привязан к его владениям. Однако, Филетер сохранил не только власть над городом, но и доверенные ему Лисимахом сокровища, проявлял самостоятельность в политике и практически постепенно превратился в независимого правителя³. Свою власть Филетер передал Эвмену I, который приходился ему племянником и которого он усыновил⁴.

2. Мятеж наёмных воинов при Эвмене I

При преемнике Филетера Эвмене I (263 – 241 гг. до н.э.) государство постепенно крепло и расширялось, при этом ему не удалось избежать некоторых драматических событий. Прежде всего, к начальному периоду правления Эвмена I относится его победа над Антиохом I в битве при Сардах (Strab., XIII, 4, 2, C624; I.Pergamon, 15), которая произошла между 263 (год прихода к власти Эвмена I) и 261 гг. до н.э. (год смерти Антиоха I). В результате правитель Пергама окончательно избавился от номинальной зависимости от Селевкидов.

Э. Хансен отпадение Филетера от Лисимаха состоялось в 282 г. до н.э. – Hansen E. The Attalids of Pergamon. P. 16.

³ О характере власти Филетера см. Климов О.Ю. Пергамское царство. С. 49-51; McShane R. The Foreign Policy of the Attalids. P. 30, 38; Hansen E. The Attalids of Pergamon. P. 17-19, 28; Allen R. The Attalid Kingdom. P. 13-15. Ср.: Chrubasik B. The Attalids and the Seleukid Kings, 281–175 bc // Attalid Asia Minor: Money, International Relations, and the State. Ed. by P. Thonemann. Oxford, 2013. P. 83-84, 87-92.

⁴ Hansen E. P. 26. Not.2; Allen P. 181. Генеалогия ранних Атталидов до сих пор остается предметом дискуссии. См.: Allen R. The Attalid Kingdom. P. 181-189.

К числу важнейших внутривостановических событий времени правления Эвмена I относится заключение договора с наёмными воинами (OGIS, 266). В документе не объясняются причины появления этого соглашения; ясно, что договор завершил собой какое-то значительное событие в жизни Пергамского государства. Исследователи сходятся во мнении, что таким событием мог быть мятеж наемников, который продолжался, вероятно, четыре месяца⁵. Мятеж произошёл, как показал Р. Аллен, в самом начале правления Эвмена I, а именно в тот же промежуток времени, что и победа над Антиохом: между 263 г. до н.э., когда пришёл к власти Эвмен I, и 261 г. до н.э., когда завершил свое правление Антиох I. Основанием для такой датировки служит факт использования в договоре с наемниками датировки по эре Селевкидов (стк. 10-11), которую Атталиды перестали употреблять после победы над Антиохом I⁶.

Обращает на себя внимание организованный характер действий воинов: наёмники выступили целыми гарнизонами и подразделениями под руководством своих командиров, одновременно в двух крепостях государства – в Филетерии у горы Ида и в Атталии. Командиры воинов названы поименно или по их должностям – это Парамон и Полилай, вероятно, стратеги, возглавлявшие гарнизоны соответственно в Филетерии и Атталии у горы Ида, а также гегемоны, т.е. командиры подразделений, и подчиненные им воины. Кроме них в договор включены всадники под командованием гиппарха Аггинаса и траллы, т.е. воины местного негреческого происхождения, во главе с Олоихом (стк. 20-23).

Особого внимания заслуживает упоминание в тексте договора некоего Эвмена, сына Аттала, который назван отдельно от командиров или воинов и в отношении которого в документе содержится специальный пункт (стк. 46-47). Исследователи, отмечая особое место этого человека в договоре и принимая во внимание его имя, высказывали предположение, что Эвмен, сын Аттала был родственником правителя, но установить надёжно, кем именно он приходился Эвмену I, невозможно. М. Френкель считал Эвмена сыном Аттала – брата Филетера, то есть двоюродным братом Эвмена I. По мнению В. Диттенбергера он мог быть родным братом Аттала I⁷. Ф.Ф. Соколов полагал, что это был или старший брат Аттала I или отец самого Эвмена I, т.е. брат Филетера. К последнему предположению независимо от российского ученого значительно позже пришли Э. Хансен и Р. Аллен, которые также полагали, что это был брат основателя династии Филетера и отец самого Эвмена I. Возможно, этот тот самый Эвмен, который, согласно сообщению Мемнона,

⁵ Соколов Ф.Ф. Договор Евмена с наемными воинами // Труды Ф.Ф. Соколова. СПб., 1910. С. 409; Griffith G.T. The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge, 1935. P. 172, 282; Hansen E. The Attalids of Pergamon. P. 22.

⁶ Allen R. The Attalid kingdom. P. 24. Not. 52, 186; Allen R. Attalos I and Aigina // ABSA. 1971. Vol.66. P. 3. Not. 12. Г. Гриффит датирует договор временем около 260 г. до н.э. – Griffith G.T. The Mercenaries. P. 172.

⁷ Fraenkel M. I.Pergamon. Bd. I. S. 13; Dittenberger W. OGIS. Vol. I. S. 439. Not. 36.

являлся правителем Амастрии и был вынужден оставить город Ариобарзану, сыну Митридата (XVI)⁸. В таком случае можно предположить, что переселившись в Пергам, к брату, он рассчитывал после смерти Филетера обрести высокое положение и власть над городом.

Так или иначе, очевидно, что этот последний Эвмен являлся персоной особого статуса и играл в событии некую важную роль. К сожалению, конкретно мотивы поступка Эвмена, сына Аттала, роль в мятеже и его отношения с командирами и воинами точно не известны и в договоре не оговорены. Мятежные воины освобождают Эвмена, сына Аттала, от какой – то данной воинам клятвы, равно как и действовавших в согласии с ним людей. Обращает на себя внимание то, что в клятве воинов правителю об этом Эвмене и его людях говорится отдельным положением, при этом все они явно не относятся к наёмникам и не входят в состав военных подразделений (стк. 46-47). В этой связи Б.Низе, М.Френкель, Дж.Кардинали предполагали, что этот Эвмен, сын Аттала, был взят воинами в заложники и по принуждению дал какую-то клятву⁹. Э.Хансен, опираясь на мнение У. Тарна, выдвинула осторожное предположение о том, что данный Эвмен, сына Аттала, участвовал в мятеже против правителя и что это выступление могло быть инспирировано Антиохом II, стремившимся таким образом ослабить Пергам и предотвратить территориальное расширение государства¹⁰.

Однако можно выдвинуть другое предположение: участие Эвмена, сына Аттала в противостоянии с правителем Пергама было вызвано недовольством тем, каким образом Филетер осуществил передачу власти, а именно приходом на престол Эвмена I. Основаниями для подобного предположения могут служить следующие соображения. Прежде всего, важным фактом является то, что мятеж происходил в самом начале правления Эвмена I. Право на власть второго правителя Пергама не было безусловным – он не являлся сыном Филетера, приходился тому всего лишь одним из племянников, каковых у Филетера, вероятно, было еще несколько. Наконец, мысль о родстве данного Эвмена с правителем позволяет предположить, что мятежник Эвмен или сам лично претендовал на власть, или поддерживал иного претендента, выражая недовольство той части пергамской верхушки, которую не устраивало воцарение Эвмена I. Для своих целей он воспользовался недовольством восставших наёмных воинов, которым и дал клятву верности и, может быть, какие-то обещания в случае успеха. В этой связи предположение о том, что данный Эвмен, сын Аттала, приходился правителю Эвмену I отцом, выгля-

⁸ Соколов Ф.Ф. Договор Евмена. С. 409; Hansen E. The Attalids of Pergamon. 21, 15; Allen T. The Attalid Kingdom. P. 186-188 (приведены разные позиции исследователей и даны ссылки на литературу).

⁹ Niese B. Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeroneia. Gotha, 1899. Bd. 2. S. 156. Not. 2; Cardinali G. Il Regno di Pergamo. P. 15; Dittenberger W. OGIS. 266. Not. 6.

¹⁰ Hansen E. The Attalids of Pergamon. P. 23. Not. 53.

дит также вполне вероятным: после оставления Амастрии он прибыл в Пергам, рассчитывая после смерти Филетера на положение властителя. Недовольство решением брата могло побудить его к участию в выступлении наёмников или к попытке использовать мятеж для давления на молодого правителя.

Причина мятежа воинов в договоре также не названа. Можно предполагать, что она, прежде всего, заключалась в неудовлетворенности наёмников своим положением и условиями службы, поскольку в документе тщательно фиксируются многие детали, связанные с оплатой и другими условиями их контракта. Если верна датировка надписи, предложенная Р.Алленом, то можно высказать еще одно предположение о том, что мятеж мог быть вызван намерением Эвмена I воевать с Антиохом I, ведь битва при Сардах, о которой сообщает Страбон, произошла в самом начале правления пергамского правителя, как и мятеж наёмников. В таком случае правителю Пергама, собираясь на войну с Антиохом I, пришлось обещать войнам более привлекательные условия службы, подобно тому, как царевич Кир младший был вынужден обещать греческим наёмникам дополнительные выплаты, чтобы продолжить поход против царя Артаксеркса (Xenoph. Anab., I, III, особ. 1-2, 21). Разумеется, многое из сказанного выше является предположением; точный ответ на все поставленные вопросы дадут только новые источники.

Несмотря на весь драматизм описанного события, правитель Пергама сохранил за собой власть, но был вынужден пойти на уступки войнам и удовлетворить их основные требования. В результате командиры, воины и Эвмен I заключили договор, в котором сформулировали условия службы наёмников, и принесли клятвы в верности друг другу¹¹. О судьбе Эвмена, сына Аттала, вероятно, причастного к мятежу, более ничего не известно.

Последующее правление Эвмена I протекало без внешних и внутренних конфликтов: ему удалось укрепить свою власть, в том числе над властями Пергама, о чем свидетельствует письмо правителя городу и ответное постановление гражданской общины (I.Pergamon, 18; OGIS, 267; RC, 23)¹².

В 241 г. до н.э. Эвмена I сменил на пергамском престоле Аттал I. Новый правитель также не был сыном своего предшественника. Страбон и Павсаний называют Аттала I сыном Аттала, который приходился Филетеру братом, следовательно, по представлению названных античных авторов, Аттал I являлся двоюродным братом Эвмена I (Strab., XIII, 4, 2; Paus., I, 8, 2). Однако имеются основания сомневаться в правильности предложенной Страбоном и Павсанием генеалогии. По мнению Р.Аллена, эпиграфические материалы дают основания полагать, что отец Аттала I Аттал был сыном бра-

¹¹ В нашу задачу не входит рассмотрение условий договора. О них См.: Соколов Ф.Ф. Договор Евмена.; Климов О.Ю. Пергамское царство. С. 209-211; Griffith G. T. The Mercenaries. P. 282-288.

¹² См. Климов О.Ю. Пергамское царство. С. 57, 251; Hansen E. The Attalids of Pergamon. P. 23-24, 188-190; Allen R. The Attalid Kingdom. P. 165-168.

та Филетера Аттала, то есть приходился ему внуком, а не сыном. Следовательно, Эвмену I Аттал I приходился сыном его двоюродного брата. В античной традиции, которая сохранилась в относительно позднем изложении Страбона и Павсания, Аттал, отец Аттала I, был забыт¹³. Важно также заметить, что дополнительным основанием претензий Аттала I на власть мог служить тот факт, что его мать Антиохида происходила из царского рода Селевкидов (Strab., XIII, 4, 2).

3. Внутриполитическое положение государства в правление Аттала I, Эвмена II и Аттала II

Почти вся последующая история Пергамского царства до воцарения последнего царя Аттала III демонстрирует удивительное для эллинистического мира отсутствие внутренних интриг и провал внешних попыток организовать раскол и противостояние в правящей семье или при царском дворе. При Аттале I (241-197 гг. до н.э.) произошли значительные положительные изменения в развитии Пергамского царства. Прежде всего, оно увеличилось территориально. Аттал I после ряда военных побед принял царский титул, который обеспечивал ему равный с другими правителями эллинистического мира статус. Царь более активно стал развивать международные контакты в Восточном Средиземноморье, устанавливая отношения партнерства и союза с различными государствами. При Аттале I главным союзником Пергама стал Рим, на политику которого Атталиды ориентировались в течение многих последующих десятилетий.

При царском дворе и в семье Атталидов царили редкое спокойствие и единодушие. Во всяком случае, в распоряжении исследователей нет никаких явных свидетельств о наличии внутренних раздоров и противоречий при дворе и в царской семье. Аттал I был счастливо женат на Аполлониде, уроженке города Кизик, дружественного пергамским царям, которая за свою долгую жизнь сохранила безупречную репутацию и оставила о себе превосходную память (Polyb., XXII, 20, 2). Аполлониде подарила своему мужу четырех сыновей – Эвмена, Аттала, Филетера и Афенея, которые после воцарения старшего из них – Эвмена II (197-159 гг. до н.э.) – не предпринимали попыток организации заговоров, интриг, переворотов и иных действий, нередких в истории других эллинистических династий¹⁴. Напротив, важной особенностью политической жизни Пергамского царства при Эвмене II явилась редкая сплоченность семьи, активное участие всех братьев царя в управлении страной и большое доверие, которое демонстрировал царь к ним: братьям поручалось исполнение важных военных и административных функций. Особенно значительной была роль Аттала, который позже сменил Эвмена II на троне.

Источники приводят немало примеров исполнения братьями монарха важных поручений. Прежде всего, они активно участвовали в управлении

¹³ Hansen E. The Attalids of Pergamum. P. 26. Not. 2; 27; Allen R. The Attalid Kingdom. P. 27, 188;

¹⁴ Об Аполлониде и братьях Эвмена II См.: Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte... S. 30-33.

страной. Во время отъезда царя с военной или дипломатической миссией его замещал один из братьев. Известно, что в 189 г. до н.э. во время первой поездки Эвмена II в Рим и в 172 г. до н.э. – во время его второй поездки – за него управлял царством Аттал. В 171 г. до н.э., когда царь отправился вместе с братьями Атталом и Афением в Грецию воевать на стороне Рима против Македонии, управление царством осуществлял Филетер (Liv., XLII, 55, 7).

Эвмен II доверял братьям командование армиями или достаточно крупными военными подразделениями. В 189 г. до н.э. во время похода римского консула Гн. Манлия Вульсона против галатов во главе основного отряда пергамских войск стоял Аттал, а дополнительные силы возглавил Афеней (Liv., XXXVIII, 12, 13, 20, 21, 25). Во время войны с царем Персеем пергамский гарнизон в Халкиде, насчитывавший две тысячи пехотинцев, возглавил Афеней, а командование некоторыми другими частями осуществлял Аттал (Liv., XLII, 55, 7; XLIV, 4, 13).

Братья Эвмена II часто привлекались к исполнению весьма ответственных дипломатических поручений. Накануне войны с Антиохом III Великим в Рим с целью информировать сенат о нарастающей угрозе конфликта отправился Аттал (Liv., XXXV, 23). Эта практика была продолжена и позже. Осенью 184 г. до н.э. в Рим с жалобой на Филиппа V отправился другой брат Эвмена II – Афеней (Polyb., XXIII, 1, 4; Liv., XXXIX, 46, 9). В 167 г. до н.э. в Рим с поздравлениями по поводу победы над царем Македонии Персеем снова прибыл Аттал, который был хорошо знаком со многими знатными и влиятельными римлянами (Liv., XLV, 19). Брат царя воспользовался этим визитом также для того, чтобы передать жалобы на мятежных галатов.

Братья царя, главным образом Аттал, в некоторых случаях осуществляли прием послов. Известно, что Аттал принимал послов города Амлада в Писидии; царевич от своего имени вынес решение и сообщил его жителям города (RC, 54, стк. 2-4). В другом случае переписку с Аттисом, жрецом храма Кибелы в Пессинунте, вел не только царствовавший тогда Эвмен II (RC, 55, 56), но и его брат Аттал, который также принимал и послов от галатов (RC, 57-59).

В этой связи следует подчеркнуть, что братья Эвмена II, особенно Аттал, не просто участвовали в управлении государством, но получили право принимать ответственные решения. В 185 г. до н.э. брат царя Аттал предоставил храмовым земледельцам, поселенцам на земле храма Аполлона Тарсена, освобождение от налога на мелкий рогатый скот (RC, 47, стк. 5-6). Выше упоминалось о том, что в ответ на ходатайство послов Амлады о снятии с города обременительных повинностей, наложенных в наказание, Аттал также принял самостоятельное решение. В письме городу царевич писал: «Видя, что вы раскаиваетесь в совершенных ранее нарушениях, а наши предписания с готовностью выполняете, я ... распорядился вычесть из форо-са и уплаты три тысячи драхм и освободить вас от уплаты других девяти тысяч драхм... Я освободил также ваших заложников...» (RC, 54, стк. 9-16). Некоторые источники называют Аттала участником ряда важных акций, пред-

принятых его братом Эвменом II. По рассказу Стефана Византийского, братья основали город Дионисополь (s.v. Διονύσου πόλις).

Таким образом, в нашем распоряжении вполне достаточно убедительных свидетельств верности царевичей Атталы, Афеней и Филетера своему старшему брату и царю Эвмену II и несомненного большого доверия, которое он им оказывал. При этом известно о нескольких ситуациях, которые грозили бы опасной смутой и политической интригой, если бы отношения в царской семье носили иной характер.

Первая такая тревожная ситуация, которая несла в себе риск раздора, сложилась после покушения на Эвмена II в 172 г. до н.э. Как известно, при Эвмене II сохранялись враждебные отношения с Македонией, которую пергамские цари традиционно рассматривали как значительную угрозу своему государству. По этой причине пергамская армия во главе с Эвменом II принимала участие на стороне Рима во Второй Македонской войне. Обострению отношений с Македонией способствовало также присоединение к территории царства Атталидов Херсонеса Фракийского в результате победы над Антиохом III. Македонские цари Филипп V, а после его смерти Персей проводили антипергамскую политику, поддерживали врагов Атталидов. Поэтому Эвмен II стремился вызвать в Риме опасения в отношении действий Персея и информировал сенат о военных приготовлениях македонского царя. С этой целью в 172 г. до н.э. Эвмен II совершил поездку в Рим, где получил радушный прием и был заслушан со вниманием (Liv., XLII, 11 – 14).

На обратном пути, когда Эвмен II посетил Дельфы, на пергамского царя было организовано покушение, которое едва не привело к его гибели. Тит Ливий сообщает, что нападение было организовано по приказу Персея. Заговорщики напали в тот момент, когда Эвмен II в сопровождении свиты по узкой дороге поднимался к святилищу. В результате внезапной атаки пергамский царь был тяжело ранен, сами же заговорщики сумели спастись от погони. Тяжело раненого Эвмена II перевезли на лечение на остров Эгину, который входил в состав пергамских владений. Однако до Рима и до Пергама дошел ложный слух о гибели Эвмена II. В этот критический момент брат царя Аттал взял в свои руки власть и женился на царице Стратонике. При пергамском дворе сложилась, таким образом, весьма необычная ситуация: два брата одновременно носили царский титул и были женаты на одной царице, при этом каждый считал себя единственным царем и мужем. О внутренней стабильности государства и добрых отношениях между братьями говорит тот факт, что Аттал проявил политическую мудрость, добровольно вернув власть Эвмену II и снова подчинившись ему (Liv., XLII, 15-16; 18). Эвмен II, в свою очередь, вернувшись домой, не предъявлял Атталу никаких претензий, воспринял ситуацию с пониманием и даже с юмором (Plut., Moral., 184a, в). Более того, данный эпизод не испортил отношения между братьями: Аттал сохранил высокое положение в государстве и по-прежнему выполнял важные поручения Эвмена II. Так, известно, что через несколько лет после данного случая он принимал по-

сольство города Амлада и сделал важные распоряжения в ответ на просьбу слов. Другое значимое наблюдение, связанное с покушением в Дельфах, состоит в том, что несмотря на трусость и малодушие лиц из окружения Эвмена II, каких-либо свидетельств причастности к покушению близких к царю людей нет. Этим снова подтверждается тезис о стабильности власти и прочности внутривластного положения в царстве Атталидов в этот период.

Заметим, что столь быстрое воцарение Аттала в той ситуации стало необходимым: детей у Эвмена II еще не было, из царских братьев Аттал являлся старшим и наиболее опытным в государственных и военных делах, между тем внешнеполитическая ситуация складывалась критическая, требовалось сохранить внутреннюю стабильность в государстве и готовиться к войне с Македонией. Женитьба Аттала на Стратонике придавала его притязаниям на власть дополнительное основание.

Еще одна ситуация, которая несла в себе риск придворных раздоров и интриг, связана с визитом этого же царского брата Аттала в Рим в начале 167 г. до н.э. По словам Полибия, некоторые сенаторы подговаривали царевича просить о разделе государства между ним и его братом Эвменом II. Очевидно, об этих планах своих недоброжелателей Эвмен II узнал от тех знатных римлян, с которыми состоял в дружеских отношениях или от доверенных лиц, сопровождавших Аттала, иначе невозможно объяснить, каким образом эти намерения сенаторов стали ему известны. С целью нейтрализовать влияние римских недругов, Эвмен II направил к Атталу своего приближенного – врача Стратия. «По прибытии в Рим Стратий сошелся близко с Атталом и часто вступал с ним в продолжительные беседы: человек он был умный и красноречивый. Не без труда удалось ему отвратить Аттала от безрассудного замысла указанием на то, что и в настоящее время Аттал делит царскую власть с братом, что от брата он разнится тем только, что не носит венца и не имеет звания царя, во всем же прочем равносителен с царем...» (Polyb., XXX, 2, 3-4. Пер. Ф.Г. Мищенко). Из рассказа Полибия следует, что Аттал все-таки испытывал определенные колебания по поводу данного предложения, но удержался от искушения. (Polyb., XXX, 1-2; Liv., XLV. 19-20). Так или иначе, но затеять политическую интригу римские сенаторы – противники возвышения Пергамского царства – не смогли. Данный факт также подтверждает наше наблюдение о прочном внутривластном положении в государстве Атталидов в этот период, об отсутствии явных противоречий в правящей семье и при царском дворе.

В 159 г. до н.э. в последние месяцы года, после смерти Эвмена II, Аттал стал царем. По мнению Ж.До, которое принято другими учеными (Э. Хансен, Й. Хоппом, Р. Алленом), Аттал II получил царский титул еще в 160 г. до н.э., по меньшей мере за несколько месяцев до смерти своего брата¹⁵. Таким

¹⁵ Daux G. Craton, Eumene II et Attale II // BCH. 1935. T. 59. P. 222-223. Not. 3; Hansen E. Op. cit. P. 127; Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte... S. 5; Allen R. The Attalid Kingdom. P. 81, 10, Not. 7; Xp. Хабиخت датирует смерть Эвмена II 158 г. до н.э.: Habicht C. The Seleucids and their rivals // САН. Vol. VIII. 1989. P. 371.

образом, Эвмен II подобно другим эллинистическим правителям, ввел институт соправительства, чтобы легитимизировать власть Аттала и сохранить стабильность положения в государстве, так как сын Эвмена II Аттал (будущий Аттал III) был еще ребенком и не мог править. Соправительство Аттала II стало естественным завершением его большой государственной деятельности в годы правления Эвмена II. Оно в очередной раз свидетельствует о доверительных отношениях между братьями и об отсутствии политических интриг при царском дворе в этот период истории династии. Став царем, Аттал II вторично женился на царице Стратонике. Эту акцию также следует рассматривать как средство укрепления его положения на престоле. В дальнейшем Аттал II продолжил политику своего брата. В период его правления происходили войны с внешними врагами, с таким мятежным регионом как Писидия (город Селге), но о каких-либо политических интригах, о борьбе за власть, противостоянии членов царской семьи или правящих элит ничего не известно. Однако можно полагать, что противоречия в среде правящей элиты в период правления Аттала II все-таки назревали, но проявились они явно при его преемнике – последнем царе Пергамского государства Аттале III.

Отсутствие внутривластных интриг вовсе не означает, что от них была свободна и внешняя политика государства. В её реализации можно отметить ряд непростых комбинаций, которые должны были способствовать укреплению внешнеполитического положения царства, уничтожению его врагов и приходу на престол в соседних державах дружественно настроенных правителей. К числу внешнеполитических интриг можно отнести, например, тайные переговоры Эвмена II с Персеем в годы Третьей Македонской войны, или переписку Эвмена II и Аттала II с верховным жрецом в Песинунте Аттисом, или помощь Аттала II Никомеду в свержении его отца, царя Вифинии Прусия II, или поддержка претендента на престол Селевкидов Александра Баласа. Вероятно, в это же число можно включить попытку поддержать воцарение Андриска (Лже-Филиппа), которую предприняла Каллиппа, любовница младшего брата Эвмена II Афenea¹⁶.

4. Дело грамматика Дафита

К числу важных, но недостаточно ясных событий внутривластной пергамской истории относится дело Дафита, о котором известно из сообщений нескольких античных авторов. Основную информацию передали Страбон (XIV, 1, 39, C647) и его современник Валерий Максим (I, 8, ext. 8). Счи-

¹⁶ О внешнеполитических интригах Атталидов См.: Климов О.Ю. Пергамское царство. С. 74-75, 84-86, 102, 104-107, 113, 115, др. ; McShane R. The Foreign Policy of the Attalids. P. 122-123, 136-138, 181-182, 190, etc. Ситуацию с Каллиппой блестяще исследовал Ю.Н. Кузьмин, который на основе ряда фрагментарных сообщений источников о ней реконструировал некоторые важные аспекты внешнеполитической интриги, связанной с выдвижением Андриска (Лже-Филиппа). – Кузьмин Ю.Н. Аристократия Беров в эпоху эллинизма. М., 2013. С. 84-90; Kuzmin Yu. Kallippa and Beroia // RhM. 2013. Bd. 156. S. 277 – 286.

тается, что их сведения восходят к Посидонию, на которого кратко ссылается М. Туллий Цицерон (Cic., *De Fat.*, 5). В более позднее время рассказ о Дафите сохранили Гесихий Милетский (s.v. Δαφίδας) и Суда (s.v. Δαφίδας).

Излагаемые разными нашими источниками сведения о Дафите имеют как общие черты, так и некоторые различия¹⁷. Прежде всего, источники называют героя нашего очерка по-разному: у Страбона и Цицерона он Дафит, у Гесихия и Суды – Дафид, у Валерия Максима – Дафнит¹⁸. Страбон и Суда называют родным городом Дафиды Телмисс¹⁹. Г. Гартнер вслед за У. Виламовицем-Мёллендорфом на основании надписи из Орхомена высказывает предположение, что Дафит мог происходить из Александрии в Троаде (IG, VII, 3167; OGIS, 316)²⁰. Однако для подобного суждения основания слишком шаткие: в тексте надписи всего лишь идет речь о некоем человеке по имени Агедик, сыне Дафита из Александрии, который называн проксеном и эвергетом полиса (стк. 4-5). Считать, что в надписи и в трудах античных авторов речь идет об одном и том же Дафите, строго говоря, оснований нет.

Страбон и Суда именуют Дафита по роду его деятельности грамматиком, но Валерий Максим, не указывая точно вид его деятельности, отмечает, что он учился у софистов и в своих взглядах следовал за учителями. В качестве примечательной черты личности Дафита Валерий Максим, Гесихий и Суда называют его чрезмерный скептицизм и склонность к богохульству. По словам Суды Дафит написал сочинение о Гомере, в котором упрекал поэта в недостоверном изложении событий, в частности, ученый полагал, что афиняне не участвовали в Троянской войне. В качестве доказательства богохульства Дафита античные авторы приводят рассказ о посещении им Дельф, где грамматик пожелал насмеяться над оракулом и обратился к нему с вопросом о том, как ему найти своего пропавшего коня, которого на самом деле у него не было. Страбон не упоминает о посещении Дельф Дафитом и ничего не сообщает о его богохульстве, но говорит о том, что оракул предрекал ему остерегаться Торакса (XIV, 1, 39, C647).

Все авторы повествуют о трагической гибели Дафита, о казни его царем Атталом (Страбон не называет имя царя), но обстоятельства смерти представляют по-разному. По сообщению Страбона Дафит был распят на горе

¹⁷ Сопоставление данных всех источников о Дафите и обзор мнений ученых См.: Braund D.C. Three hellenistic personages: Arynander, Prusias II, Daphidas // *ClQ*. 1982. Vol. 32. № 2. P. 353-357; Crusius O. Daphitas // *RE*. 8 Hlbd. 1901. Sp. 2134-2135; Fontenrose J. The Crusified Daphidas // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1960. Vol. 91. P.83-99; Gartner H. Daphitas // *Der Kleine Pauly*. Bd.1. Munchen, 1979. Sp. 1382.

¹⁸ Полагая, что в трудах всех названных античных авторов речь идет об одном и том же человеке, мы в дальнейшем будем именовать его Дафитом, а по роду деятельности определять грамматиком, ученым и поэтом.

¹⁹ О городе, его истории, вариантах написания имени См.: Ruge W. Telmessos (2) // *RE*. 2 Reihe. 9 Hlbd. 1934. Sp. 410-415.

²⁰ Gartner H. Daphitas // *Der Kleine Pauly*. Bd. 1. Munchen, 1979. Sp. 1382.

Торакс около города Магнесия-на-Меандре (XIV, 1, 39, С647). Валерий Максим утверждает, что философ был сброшен по приказу царя Атталы с утеса, называвшегося Лошадиным. По словам Суды Дафит был схвачен по приказу Атталы и убит в местечке, называвшемся Лошадь. У всех авторов смерть была предсказана Дафиту оракулом, однако детали, связанные с предсказанием, поданы авторами по-разному. Страбон говорит об этом кратко: оракул (не указано какой) предсказал Дафиту остерегаться Торакса. У Валерия Максима, Суды и Гесихия Дафит обратился в Дельфы и решил при этом цинично насмехаться над божеством, спросив, как найти коня, которого у него на самом деле вообще не было. Ответ оракула был туманным: Дафит найдет коня, но тот станет причиной его смерти.

О причине смерти три автора также говорят по-разному. Страбон утверждает, что Дафит был казнен за оскорбительные для Атталидов строки:

Пурпур рубцов от бича, вы-казны Лисимаха опилки,
Гордых фригийцев и лидов вам подчинен весь народ.

(Пер. Г.А. Страбановского).

Валерий Максим подает причину смерти несколько иначе: она последовала от того, что Дафит стал часто донимать царя Атталы большим числом оскорбительных шуток, в результате чего царь приказал казнить поэта. Важно подчеркнуть, что у Страбона и Валерия Максима казнь философа была вызвана его недопустимо дерзкими шутками над царем.

В сообщениях всех античных авторов, кроме Страбона, грамматика погубил царь Аттал, но ни один из них не уточняет, о каком из трех царей, носивших это имя, идет речь. Страбон вообще не называет имени царя, но по содержанию стихотворных строк ясно, что поэт оскорбил кого-то из Атталидов. Мнения исследователей по поводу того, какой же из трех царей, носивших имя Аттал, казнил грамматика, разделились. Ряд ученых – У. Виламовиц-Мёллендорф, Г. Гартнер – полагали, что эта казнь произошла при Аттале I. Иное мнение высказал Дж. Фонтенроуз, который весьма категорично утверждал, что царем, казнившим поэта, был Аттал III. Это же суждение – о казни Дафита Атталом III высказывали Э. Хансен и Й. Хопп. Более сдержанную позицию занял Д. Браунд: из-за отсутствия надежных доказательств он отверг возможность однозначно связывать казнь Дафита с именем Атталы III, полагая, что подобная история вполне могла произойти и при Аттале I, и Аттале II²¹.

Мнение Дж. Фонтенроуза и некоторые из приведенных им аргументов несомненно заслуживают внимания, однако свои рассуждения о Дафите Дж. Фонтенроуз дополнил весьма неожиданной интерпретацией личности и каз-

²¹ Gartner H. Ibid. Заметим, что некоторые ученые – сторонники датировки смерти Дафита временем Атталы I, например, Г. Гартнер – высказывали свое суждение в форме предположения. См. также: Fontenrose J. *Crusified Daphidas*. P. 88, 99, др.; Hansen E. *The Attalids*. P. 144; Hopp. J. *Untersuchungen zur Geschichte...* S. 119-120; Braund D. *Three Hellenistic personages...* P. 357.

ни грамматика – по предположению ученого, Дафит был причастен к созданию идеологии восстания Аристоники²². Отметим, что если предположение о казни поэта Атталом III принято рядом ученых, то последующие умозаключения исследователя рассматриваются как слишком смелые и необоснованные и потому поддержки не получили²³.

Важно отметить, что в случае с Дафитом мы имеем дело именно с деятельностью одиночки, причем, человека, составившего себе репутацию маргинала. Д. Браунд справедливо подметил, что Дафит в рассказах всех авторов предстает одиночкой, но не частью какой-либо группы или организованного политического движения. Свои нападки на царя Дафит, по словам Валерия Максима, осуществлял издалека (*absentem*), находясь, вероятно, за пределами царства (I, 8, ext. 8)²⁴.

По поводу датировки смерти поэта и имени царя, который казнил его, можно высказать следующие соображения. Прежде всего, по ряду причин можно снять обвинение с Аттала I. Главная из них в том, что его власть распространялась на западную часть Малой Азии в течение очень короткого времени. Поэтому заявление поэта о том, что Атталиды властвуют над лидийцами и Фригией (*Strab.*, XIV, 1, 39, C647), определенно не может относиться ко времени Аттала I. Следует также принять во внимание, что родной город Дафита Телмесс еще не входил в состав владений Аттала I, таким образом, поэт не был подданным пергамского царя.

При Эвмене II ситуация значительно изменилась: под властью Атталидов оказалась вся западная часть Малой Азии за исключением Кари и Ликии, но родной город Дафита Телмесс, расположенный в Ликии на территории, пограничной с Карией, римляне передали Эвмену II (*Polyb.*, XXII, 48, 8, 10; *Liv.*, XXXVII, 56, 4; XXXVIII, 39, 13, 16). В дальнейшем Эвмен II активно вмешивался в дела не принадлежавшей ему Ликии и возмущал против Родоса ликийцев, как об этом жаловались сенату родосские послы. Примечательно, что, по словам Тита Ливия, родосские послы упрекали Эвмена II перед сенатом также в том, что он ввел в Азии более тягостное правление, чем до него Антиох III (*Liv.*, XLII, 14, 8). Установление власти Атталидов над Писидией и некоторыми соседними регионами по итогам Апамейского мира вызвало недовольство части местного населения, в результате чего Эвмену II, Атталу II и Атталу III пришлось вести войны с городами Писидии, прежде всего с г. Селге, и с жителями других горных местностей (*Pomp. Trog. Prol.*, XXXIV; вероятно – *Strab.*, XII, 7, 3 C571)²⁵. Возможно, эти войны затронули родной город Дафита Телмесс, который, занимая пограничное положение между Ликией и Карией, был

²² Fontenrose J. *Crusified Daphidas*. P. 92-93, 98, ff.

²³ Критический разбор аргументов Дж. Фонтенроуза См.: Carrata Thomes Fr. *La Rivolta di Aristonico...* P. 29-30; Braund D. *Three Hellenistic personages...* P. 355-357.

²⁴ Braund D. *The Hellenistic personages...* P. 357.

²⁵ О войнах Аттала II в Писидии см. Hopp J. *Untersuchungen zur Geschichte...* S. 70-74.

близок к Писидии географически. Прежде мы высказывали предположение о том, что войны с городами Писидии и главным образом с городом Селге при Аттале III не прекратились и что победа Аттала III над неизвестным противником, засвидетельствованная надписью из Пергама или Элеи (OGIS, 332), была одержана над теми же непокорными писидийцами, которых Атталу II не удалось полностью замирить²⁶. В этой связи можно предположить, что власть Атталидов над Телмесом и войны в Писидии могли послужить причиной враждебного отношения Дафита к пергамским царям и вызвали желание унижить их оскорбительными намеками на низкое происхождение и недостойный способ приобретения власти и богатства. К какому точно времени это выступление Дафита относилось, решить совершенно невозможно: оно вполне вписывается в логику событий периодов правления как Аттала II, так и Аттала III. Однако время последнего из Атталидов представляется все-таки более предпочтительным по ряду общих соображений: это период ослабления власти, недовольства части придворных своим царем, а также время репрессий и расправ, когда царь потопил в крови недовольство приближенных.

Так или иначе, эпизод с Дафитом весьма показателен. Он свидетельствует, прежде всего, о наличии в царстве Атталидов людей, недовольных политикой царей, о существовании оппозиционно настроенных личностей. В этой связи не случаен и выбор способа казни Дафита – распятие на кресте, которым наказывали, в том числе, непокорных рабов²⁷. Кроме этого, расправа с поэтом говорит о том, что попытки публичного оскорбления пергамских царей, выступления против них наказывались жестоко. В таком случае ни закон, ни традиция не защищали виновного от царского произвола. Ясно, что расправы над непокорными творились произвольно, без какого-либо судебного решения, а основой их служила лишь воля монарха²⁸.

5. Кризис Пергамского царства. Правление Аттала III

Внутриполитическая ситуация в Пергамском царстве изменилась в период правления последнего царя династии – Аттала III (138 – 133 гг. до н.э.). Его правление ознаменовано значительным обострением внутриполитической обстановки, которое привело в конечном счете к грандиозному восстанию во главе с его сводным братом – Аристиком.

С личностью Аттала III связан ряд невыясненных до сих пор вопросов. В их числе вопрос о времени рождения последнего пергамского царя и о его отце. Наиболее обоснованными представляются позиции Э. Хансен, Й. Хоппа и Р. Аллена, которые близки между собой. Э. Хансен допускала возможность

²⁶ Климов О.Ю. Неизвестная война Аттала III (OGIS, 332) // KOINON ΔΡΟΝ: Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова от друзей и коллег / Сост. и научн. ред. А. А. Синицына и М. М. Холода. СПб., 2013. С. 152-157.

²⁷ Fontenrose J. Crusified Daphidas. P. 97-98.

²⁸ Ситуация с Дафитом очень напоминает историю с поэтом Сотадом, написавшим оскорбительную для Птолемея II и его сестры и супруги Арсинои II эпиграмму. В наказание бежавший из Египта поэт был схвачен и утоплен в море (Athen., XIV, 620).

рождения Аттала III в 167 или 162 гг. до н.э. Й. Хопп относил эту дату на 161 г. до н.э. В таком случае, прожил последний пергамский царь около тридцати лет. Р. Аллен считал, что Аттал III родился около 168 г. до н.э., следовательно, он умер в возрасте 35-36 лет²⁹. По вопросу о том, кто был отцом Аттала III, официальная версия, которая получила отражение как в памятниках эпиграфики, так и в античной исторической традиции, дает однозначный ответ – им был Эвмен II, а матерью царица Стратоника (OGIS, 246, 248, 332, 329; RC, 66. Стк. 7,14; Polyb., XXXIII, 18, 1-2; Strab., XIII, 4, 2. Iustin., XXXVI, 4, 1). Вместе с тем, некоторыми учеными высказывались предположения о том, что отцом Аттала III мог быть Аттал II, официально считавшийся его дядей³⁰ или же, что его отцом был Эвмен II, а матерью какая-либо из наложниц³¹. Однако эти не совпадающие с античной традицией предположения ученых не подкрепляются сведениями источников и потому не убедительны.

Не менее сложную загадку представляет собой личность Аттала III. В античной традиции укрепился образ злодея, неспособного управлять царством и пренебрегавшего государственными делами (Iustin., XXXVI, 4, 1-5; Diod., XXXIV, 3. Ср. Strab., XIV, I, 39; Plut. Demetr., 20; Valer. Max., 1, 8, 8). Однако в науке с начала XX века получила распространение мысль о несоответствии этого образа последнего пергамского царя действительности. Многие ученые обратили внимание на то, что эпиграфические источники, напротив, свидетельствуют о деятельном участии Аттала в управлении государством³². Аттал III способствовал распространению в Пергаме и Кизике культа бога Зевса Сабазия, который был введен его матерью, царицей Стратоникой (RC, 66, 67). Специальным посланием святилищу Персидской богини (Анаит) в Гиеракоме царь признал неприкосновенность божества и подтвердил распоряжения всех своих предшественников в отношении святилища (RC, 68). Другим письмом

²⁹ О времени рождения Аттала III и о его отце см. подробнее, с указанием литературы: Hansen E. *The Attalids*. P. 471-474; Hopp J. *Untersuchungen zur Geschichte... S.* 16-26; Allen R. *The Attalid Kingdom*. P. 189-194.

³⁰ Koepp F. *De Attali III patre* // RhM. 1893. Bd. XLVIII. S. 154-157; Wilcken U. 1. *Attalos II* // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 2170; 2. *Attalos III* // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 2175; Pedrolì U. *Il regno di Pergamo*. Torino. 1896. P. 59; Dittenberger W. OGIS. Vol. 1. P. 656-658. См. Hansen E. *The Attalids of Pergamon*. P. 471-473; Hopp J. *Untersuchungen zur Geschichte... S.* 18 sqq..

³¹ Niese B. GGMS. Bd. 3. S. 204. Not. 4; Koperberg S. *De origine Attali III* // Mnemosyne. 1926. Bd. LIV. P. 195-205.

³² Колобова К.М. Аттал III и его завещание // Древний мир. Сб. статей. М. 1962. С. 548-549; Юлкина О.Н. Пергамский декрет 133 г. до н.э. // ВДИ. 1947. № 4. С. 165; Cardinali G. *La morte di Attalo III e la rivolta di Aristonico* // Saggi di Storia Antica e di Archaeologia offerti a G. Beloch. Roma. P. 269-320; Foucart P. *La formation de la province Romaine d'Asie* // Memoires de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1904. T. 37. P. 297-339; Hansen E. Op. cit. P. 142-143; Hopp J. *Unterzuchungen zur Geschichte*. S. 116; Engster D. *Attalos III. Philometor – ein "Sonderling" auf dem Thron ?* // Klio. Beiträge zur Alten Geschichte. 2004. Vol. 86, Fasc. 1. S. 66-82.

царь предоставил льготы земледельцам на земле храма Аполлона в Гиеракоме (RC, 69). Пространная надпись из Пергама или Элеи свидетельствует о победе Аттала III в какой-то неизвестной по другим источникам войне и о предоставлении царю за победу очень значительных культовых почестей (I.Pergamon, 246; OGIS, 332). Возможно, с именем Аттала III связано поселение артистов Диониса в Мионнесе, между Теосом и Лебедом (Strab., XIV, 1, 29)³³. Царь не оставлял своим вниманием и внешнюю политику, стремился сохранить союзнические отношения с Римом. С этой целью в связи с победами римской армии в Испании он направил к Публию Корнелию Сципиону Эмилиану в Нуманцию посольство с дарами (Cic. Pro Deiot., 19).

Все сказанное выше убеждает в том, что личность последнего пергамского царя предстает в нарративной традиции в искаженном виде. Вероятно, негативная оценка Аттала III формировалась под влиянием враждебного отношения Рима и официальной римской идеологии вообще ко всем эллинистическим династиям и в частности к усилившемуся Пергамскому царству, которое после смерти Аттала III было поглощено Римом. В известном смысле очернение эллинистических царей служило для Рима идеологическим оправданием и обоснованием завоевания Востока.

Обращаясь к характеристике положения царства при Аттале III, прежде всего, следует обратить внимание на сложную социальную ситуацию в стране, на развитие противоречий, которые выразились в драматических событиях периода правления Аттала III и в восстании Аристоника. Прежде всего, Диодор Сицилийский и Юстин определенно свидетельствуют об остром конфликте в среде правящей элиты. Диодор Сицилийский пишет о том, что Аттал III, став царем, пригласил во дворец приближенных Аттала II, где по его приказу все они были убиты наемниками, после чего были истреблены их дети и жены (Diod., XXXIV, 3). Юстин сообщает: «В Азии царь Аттал, получив от отца своего Эвмена и дяди по отцу Аттала богатейшее царство, запятнал свое правление убийствами друзей и казнями родичей, ложно обвиняя их то в том, будто они злодейски убили его мать – старуху, то – невесту Беренику. Проявив такую безумную и преступную жестокость, он оделся в рубище, отпустил бороду, отпустил волосы наподобие находящихся под судом, не появлялся в обществе, не показывался народу, не устраивал у себя дома веселых пиров, проявлял все признаки безумия, вообще вел себя так, что казалось, будто его карают маны убитых им людей. Затем, перестав заниматься делами правления, он стал вскапывать грядки, высеивать на них семена разных растений, ядовитые вперемешку с неядовитыми, и все это напоенное ядовитым соком посылал своим друзьям как особый дар. Оставив это дело, он занялся ремеслом медников, забавлялся лепкой из воска форм, литьем и чеканкой меди. Потом он решил построить своими руками надгробный памятник матери. Занятый этим делом, он получил солнечный удар и на седьмой день умер. В завещании он назначил сво-

³³ См.: Welles Ch. B. RC. P. 231; Hansen E. Op. cit. P. 172; Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte... S. 115; Walbank F.W. The Hellenistic World. Brighton. 1981. P. 70.

им наследником римский народ» (XXXVI, 4, 1-5. Пер. А.А. Деконского и М.И. Рижского. Ср. Plut. Demetr., 20).

Признавая, что облик Аттала III был действительно искажен рядом авторов, о чем сказано выше, совершенно невозможно игнорировать приведенные сообщения античной традиции о расправах Аттала III над приближенными своего предшественника и рассматривать их исключительно как проявление враждебного отношения более поздней римской историографии к последнему пергамскому царю. Можно полагать, что воцарение Аттала III происходило в принципиально иной обстановке, чем правление его предшественников – отца и дяди. Процитированные выше свидетельства Диодора (XXXIV, 3) и Юстина (XXXVI, 4, 1-2) об убийствах, которые чинил царь среди аристократии, говорят об ухудшении внутривосточного положения в государстве, о придворной борьбе и дворцовых смутах. К сожалению, причины и внутренние механизмы этой борьбы остаются неизвестными.

Источники также позволяют полагать, что среди местного сельского населения, рабов и городской бедноты росло недовольство системой эксплуатации и угнетения, установившейся в государстве. Возможно, уже в конце правления Аттала III начались волнения свободной бедноты и рабов. Таким образом, общим итогом правления Аттала III стало ухудшение внутривосточного положения в государстве, активизация борьбы в среде придворной элиты царства, нарастание недовольства угнетенного рабского и свободного сельского населения своим положением. Возможно, это совпало и с ухудшением внешнеполитического положения государства.

В этой кризисной для государства ситуации неожиданно умер Аттал III и появилось его завещание. Смерть молодого пергамского монарха, случившаяся, вероятно, весной 133 г. до н.э., выглядит странной³⁴. Античные авторы объясняли ее болезнью или солнечным ударом (Strab., XIII, 4, 2; Iustin., XXXVI, 4, 5). Попытки современных ученых объяснить причины смерти молодого царя не представляются удачными³⁵.

Вопрос о завещании Аттала III остается во многом неясным³⁶. Сам факт существования завещания не вызывает сомнений: о нем упоминается в пергамском декрете 133 г. до н.э. (OGIS, 338) и в трудах ряда античных авторов (Plut. Tib. Cracch., 14, 1; Flor., 1, 35, 2). Однако содержание завещания представляет собой загадку, так как сообщения античных авторов об этом противоречивы. Вероятно, вскоре после присоединения римлянами Пергамско-

³⁴ Юлкина О.Н. Пергамский декрет... С. 166; Hansen E. The Attalids of Pergamont. P. 141; Habicht C. The Seleucids and their rivals in Asia Minor // САН. Vol.8. Cambridge. 1989. P.378. А. Шервин-Уайт считает, что Аттал III умер осенью 134 г. до н.э. – Sherwin – White A.N. Roman Foreign Policy in the East. L., 1984. P. 83. Not.17.

³⁵ Колобова К.М. Аттал III... С.554; Беликов А.П. Рим и эллинизм. Проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 133-143.

³⁶ А. Шервин-Уайт полагает, что в настоящее время дискуссия о содержании завещания не может завершиться определенным выводом: Sherwin-White A.N. Roman Foreign Policy... P. 82. Not. 11.

го царства среди противников Рима получила распространение версия о том, что римляне завладели Пергамским царством, «преступно заменив завешание». Это обвинение Саллюстий Крисп вложил в уста Митридата VI Евпатора (Sall. Hist., 4, 69, 9). Некоторые древние авторы имели о содержании документа смутное представление, поэтому или вообще не сообщали ничего о нем или излагали его в общей форме (Strab. XIII, 4, 2). Наконец, источники, в которых о воле монарха говорится подробнее, делают различие между собственностью царя – его сокровищами, казной, поместьями, землями – и городами царства (Plut. Tib. Gracch., 14, 1; Flor., 1, 35, 2).

Очень важный политический вывод вытекает из сообщений Юстина и ряда других авторов о психическом заболевании Атталы III, на основе которых А.П. Беликов высказал мысль о том, что в таком случае по римским законам Аттал III был недееспособен, составленное им завешание не имело юридической силы, и, следовательно, присоединение Римом территории Пергамского царства явилось незаконным³⁷.

Так или иначе, в настоящее время наиболее убедительным представляется мнение о том, что последний пергамский монарх завещал Риму лишь свои царские владения, а городам предоставил свободу³⁸. Этот вывод, в большей степени, чем другие, опирается на сведения античных авторов и на данные эпиграфики. В качестве доказательства особенно важен декрет Пергама 133 г. до н.э., принятый после смерти Атталы III в связи с завещанием царя и, видимо, в связи с начавшимися в стране волнениями³⁹. В документе говорится, что умерший монарх «оставил отечество наше свободным» (OGIS, 338. Стк. 5). Понятие свободы, которую даровал царь своей столице, в документе не раскрыто, но можно предполагать, что она означала освобождение от контроля царского должностного лица – градоначальника, от указаний и распоряжений центральной власти, от налогов. Возможно, другим городам царства были даны те же льготы: косвенным образом это подтверждается тем фактом, что в ходе вспыхнувшего позже восстания Аристоника города в основной своей массе не поддерживали претендента на власть, опасаясь, видимо, что римляне лишат их уже полученных по завещанию льгот.

6. Восстание Аристоники

Политический кризис, в который погрузилось Пергамское царство в период правления Атталы III, привел страну к восстанию Аристоники – сводного брата последнего царя, предпринявшего отчаянную попытку восстановить

37 Беликов А.П. Рим и эллинизм. С. 148-150. Ср.: Покровский И.А. История Римского права. СПб., 1998. С. 482-483; Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право. М., 1999. С. 90-91.

38 Колобова К.М. Аттал III... С. 553-554; Hansen E. Op. cit. P. 140-141; Sherwin-White A.N. Roman Foreign Policy. P. 82.

39 Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte... S. 133; Vogt J. Pergamon und Aristonikos // Atti del terzo congresso internazionale d'epigraphia greca e latina. Roma, 1959. S. 45.

государственную самостоятельность Пергамского царства и не допустить переход его под власть Рима. С именем Аристоника, как и с именем его сводного брата Аттала III, связан ряд нерешенных вопросов. Источники по-разному говорят о происхождении Аристоники. Эпитоматор Т. Ливия и Л. Анней Флор называют его сыном царя Эвмена II (Liv. Periochae, LIX; Flor., II, 20, 4). Царское происхождение приписывал ему также Диодор (XXXIV, 2, 26). Страбон высказывает сомнение, что он «был, кажется, царского рода» (XIV, 1, 38). По словам Юстина Аристоник был сыном Эвмена II от наложницы – дочери кифариста из Эфеса (XXXVI, 4). Сыном наложницы царя Эвмена II считает претендента на трон Пергама и Евтропий (IV, 20). Близкой этой версией является мнение Орозия о том, что Аристоник приходился братом Атталу III (V, 10, 1). Плутарх с пренебрежением называет Аристонику отпрыском какого-то кифариста, имея в виду женскую линию его родства (Flam., XXI). При всех различиях данные о руководителе восстания сходятся в главном – он имел царское происхождение, приходился, как и Аттал III, сыном царю Эвмену II, но не от законной царицы Стратоники, а от наложницы⁴⁰.

Вероятно, Аристоник воспитывался и получал образование при царском дворе, был известен приближенным царя и военным командирам. Это предположение можно высказать на основании того, что в самом начале восстания в распоряжении Аристоники оказался флот. Вероятно, это была часть царского флота, которая подчинилась его командам. Кроме того, считается, что в армии претендента на престол было немало бывших наёмников пергамских царей. Может быть, какая-то часть придворной элиты Пергамского царства, недовольная убийствами, рассчитывала при воцарении Аристоники на безопасность и на сохранение своего высокого положения.

В связи с завещанием Аттала III возникает вопрос о том, почему он не передал царство своему сводному брату. Возможно, причиной тому личная неприязнь, незаконное происхождение Аристоники, а также начавшееся в стране социальное брожение. Обращает на себя внимание также и то, что Аттал III, расправившийся с приближенными своего предшественника – дяди, не погубил сводного брата.

Восстание началось с мятежа, который поднял Аристоник после смерти Аттала III в небольшом городе Левки. Согласно рассказу Страбона (XIV, 1, 38) в распоряжении Аристоники оказались корабли, которые он использовал для борьбы за власть. Из источника невозможно понять, были ли они предоставлены городом Левки или составляли часть бывшего царского флота. Более вероятно второе предположение, так как небольшой городок Левки едва ли мог предложить претенденту на престол значительный флот. Начало восстания протекало неудачно. Из городов побережья, поддерживавших Аристонику в его борьбе, источники упоминают лишь Фокею (Justin., XXXVII, 1, 1). Флор говорит о том, что Аристонику лишь силой удалось захватить Минд в Кари, Колофон в Ионии

40 Wilcken U. Aristonikos // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 962-964; Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte... S. 122. Not. 8; Deubner Fr. Bellum Asiaticum. P. 53.

и остров Самос (II, 20, 4). Правда, из его сообщения не ясно, в какой период восстания эти портовые города были захвачены восставшими. Напротив, по словам Страбона, против Аристоники выступили со своими кораблями граждане Эфеса и около города Кима одержали над ним победу (XIV, 1, 38).

Вероятно, на начальном этапе борьбы Аристоник рассчитывал опереться на греческие города побережья Эгейского моря, но его планы провалились⁴¹. Причина провала, вероятно, в том, что города получили свободу согласно заветанию Аттала III и опасались в результате антиримского выступления лишиться ее. Кроме того, благополучное городское население, составлявшее в данных городах влиятельную часть общества и располагавшее властью, боялось войны, социальных смут и раздоров, которые неизбежно привели бы города к упадку, а жителей к разорению.

После поражения на море Аристоник был вынужден двинуться во внутренние области страны, где собрал значительную армию из неимущих людей и рабов, которых он призвал к свободе. Страбон сообщает, что «своих сторонников Аристоник назвал гелиополитами», то есть гражданами государства (или города) Солнца. Диодор Сицилийский дополнил эту информацию Страбона: «Рабы безумствовали вместе с ним (Аристоником – О.К.) вследствие притеснений господ и повергли многие города в великие несчастья» (Diod., XXXIV, 2, 26). С новым войском Аристоник совершил поход, подчиняя своей власти города и крепости внутренних частей страны. По словам Страбона и других авторов были захвачены Фиатира, Аполлониды, Стратоникея, видимо, оставался под контролем город Левки. Возможно, власть претендента на престол распространялась на приморские города Минд в Карию, Колофон в Ионии и остров Самос, которые он захватил силой (Flor., II, 20, 4). В то же время известно, что многие города не признали прав претендента, не поддержали его в борьбе с римлянами и даже направили свои силы на войну с ним (I. Metropol., A; Strab., XIV. 1, 38; Flor., I, 35; II, 20; Justin., XXXVI, 4).

На этом этапе восстание распространилось на большую часть территории Пергамского царства. По словам эпитоматора Тита Ливия, Аристоник «захватил Азию» (Periochae., LIX). Плутарх писал, что он «звергнул всю Азию в огонь войны и восстания» (Plut. Flam., XXI), а Юстин, – что Аристоник «завоевал Азию, как отцовское царство» (XXXVI, 4). Источники свидетельствуют об участии в восстании самых разных слоев населения, среди которых рабы, упоминаемые лишь Диодором и Страбоном, составляли только часть восставших. В восстании приняли участие профессиональные воины – наёмники и военные поселенцы пергамских царей. Декрет Пергама 133 г. до н.э. (OGIS, 338) предоставил гражданские права ряду социальных категорий с целью не допустить распространения восстания. Среди этих категорий в том числе те, которые не относились к бесправным и обездоленным слоям населения страны, например, воины-македоняне, мисийцы, масдиэны, стражники. Дополни-

⁴¹ Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte... S. 142-143, 143-145. О позиции приморских городов См.: Климов О.Ю. Пергамское царство. С. 126-127.

тельным аргументом в пользу идеи об участии в восстании наемников пергамских царей является то, что на заключительном этапе восстания Аристоник пользовался поддержкой в области городов Стратоникея, Фиатира, Аполлонида, Синнада, где располагался ряд основанных Атталидами военных поселений. Возможно, что в начале восстания Аристоники поддержал царский флот или какая-то его часть, базировавшиеся в Левках (Strab., XIV, 1, 38). По мнению ряда ученых важную роль в восстании, особенно на заключительном его этапе – после поражения и пленения Аристоники, сыграли крестьяне и жители городов внутренних областей Малой Азии. В армии претендента на престол упоминаются фракийцы (Val. Max., III, 2, 12; также – Front. Strateg., IV, 5, 16; Oros., V, 1-5). Неизвестно, были ли это набранные на службу профессиональные наемные воины фракийского происхождения или привлеченные к восстанию какими-либо обещаниями целые племена. Так или иначе, в армии Аристоники собралась значительная, но при этом весьма разнородная сила, опираясь на которую он сумел захватить значительную часть территории бывшего Пергамского царства. Вероятно, в период своего наивысшего успеха и вступления в армию бедноты и рабов, в восстании все более значительную роль стали играть и мотивы борьбы за социальное освобождение.

Уже на начальном этапе войны Аристоник объявил себя царем. Об этом вполне определенно говорят некоторые античные авторы. Страбон, например, сообщает, что Аристоник задумал присвоить себе царскую власть (XIV, 1, 38), по словам Диодора он «добивался царской власти» (XXXIV – XXXV, 2, 25-26). Эти сведения подтверждаются данными нумизматики. Известны монеты – кистофоры с легендами BA ΣΥ AP и BA EY. Первая монета чеканилась во фригийском городе Синнада от имени «царя Аристоники». Вторая группа кистофоров выпускалась от имени «царя Эвмена» в трех городах Малой Азии. Монета из Фиатиры датирована вторым годом правления, из Аполлонида – третьим и четвертым годами и из Стратоникеи – четвертым годом. Е.С.Г. Робинсон доказал, что названные монеты выпускались именно в годы правления Аристоники, который принял тронное имя Эвмен III⁴². Возможно, тронное имя Эвмена III было принято претендентом на власть не сразу после начала восстания.

На войну с Аристиком собрались грозные противники. Сначала против него выступили города, которые послали «большие силы». Известно, что активную помощь в подавлении восстания оказали Эфес, Пергам, Галикарнасс, Кизик, Баргилия, Смирна, Мефимна, Метрополь. Затем на помощь им прибыли с войсками цари государств Малой Азии – Никомед II Вифинский, Митридат V, царь Понта, Ариарат V, царь Каппадокии, и правитель Пафлагонии Пилемен. Отряды городов и царей Малой Азии не имели успеха в борьбе с Аристиком, поэтому в 131 г. до н.э. на подавление восстания была направлена римская армия во главе с консулом П. Лицинием Крассом Муци-

42 Robinson E.S. Cistophori in the name of king Eumenes // NC. 1954. Vol.14. P.1-8; Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte... S.122-123; Deubner Fr. Bellum Asiaticum. S. 56-57.

аном. Большую помощь римлянам по-прежнему оказывали цари малоазийских государств и отряды городов. Аристоник вступил в сражение с противником, которое, по сообщению Фронтин, произошло между городами Мира и Элея (IV, 5, 16). В битве римляне и их союзники были разбиты, сам Красс попал в плен и погиб (Frontin., IV, 5, 16; Eutrop., 4, 20; Justin., XXXVI, 4, 7-8; Flor., 11, 20, 4-5; Liv. Periochae, LIX; Val. Max., 3, 2, 12). Вероятно, в этом сражении погибли ополченцы города Метрополя по главе с Аполлони-ем, сражавшиеся на стороне римлян (I.Metropol., A). Через год, в 130 г. до н.э., в Малую Азию прибыла армия нового консула Марка Перперны. Перперна привлек к войне с Аристони-ком ополчения не только городов Малой Азии, но и Балканской Греции, о чем свидетельствует посвящение Гераклу от имени трех воинов из Эпира⁴³. Новый римский командующий одержал победу над войском Аристони-ка, который вынужден был бежать и укрыться за стенами Стратоникеи в Мисии (Eutrop., IV, 20; Oros., V, 10, 1-5). Римская армия осадила город и голодом вынудила повстанцев сдаться. Пленного Аристони-ка отправили в Рим, где он был казнен (Eutrop., IV, 20; Oros., 10, 1-5). Однако страна по-прежнему сопротивлялась римлянам, так что только в 129 г. до н.э. консулу Манию Аквиллию удалось подавить последние очаги сопротивления (Flor., II, 20, 7).

Вопрос о характере и целях восстания, о позиции самого Аристони-ка, о том, кто такие гелиополиты сложен и неясен и до сих пор остается предметом дискуссии⁴⁴. Одной из распространенных в зарубежной и отечественной историографии трактовок восстания Аристони-ка является определение его как широкого классового движения, восстания свободной бедноты, рабов и других слоев бесправного населения Малой Азии, в ходе которого восставшими была предпринята попытка реформирования общества на началах справедливости и свободы. Аристонику при этом нередко приписывается намерение создать «государство Солнца», основанное на принципах свободы и равенства людей, где не было бы угнетения, насилия и рабства. Подобную точку зрения выражали А.В. Мишулин, А.Б. Ранович, С.И. Ковалев, Н.А. Машкин, Е.С. Голубцова, В.И. Кузищин, М.И. Ростовцев, В. Вавржинец, У. Тарн, Р. Гюнтер и некоторые другие ученые⁴⁵.

⁴³ Merkelbach R. Epirotische Hilfstruppen im Krieg der Römer gegen Aristonikos // ZPE. 1991. Bd. 87. S. 131- 132.

⁴⁴ Историографию вопроса См.: Vavrinek V. Aristonicus of Pergamum: Pretender on the Throne or Leader of a Slave Revolt // Eirene. 1975. Vol. 13. P. 109-129.

⁴⁵ Ранович А.Б. Эллинизм... С.342; Ковалев С.И. История Рима. Л., 1986. С. 331-332; Мишулин А.В. Спартак. М., 1947. С. 42-43; Юлкина О.Н. Пергамский декрет... С. 160, 168; Машкин Н.А. История древнего Рима. М., 1956. С. 221-222; Голубцова Е.С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии. I-III вв. М., 1977. С. 209; История древнего Рима / Под ред. В.И.Кузищина. М., 2001. С. 115; Блаватская Т.В., Голубцова Е.С., Павловская А.И. Рабство... С. 193-194; История древнего мира / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. Кн. 2. Расцвет древних обществ. М., 1989. С. 331-332; Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.

Эта достаточно распространенная точка зрения построена на слабых фактических основаниях. Главное – это приведенные выше указания Страбона и Диодора Сицилийского на участие в выступлении рабов и бедноты (Diod., XXXIV, 2, 26; Strab., XIV, 1, 38). Сторонники данной интерпретации восстания Аристоника особое значение придают именно упоминанию о «гелиополитах» у Страбона. Важное место в числе аргументов тех, кто считает восстание борьбой за социальное освобождение, занимает указание Плутарха на то, что при Аристоники некоторое время находился философ – стоик Блоссий (Tib. Cracchi., XX)⁴⁶. В числе доводов также выдвигают положения декрета гражданской общины Пергама 133 г. до н.э. (OGIS, 338) о предоставлении ряда льгот части населения Пергама «ради общей безопасности» (Стк. 8-9): парекам и наемным воинам разных категорий – македонянам, мисийцам, масдиезам, стражникам и другим – давались гражданские права, вольноотпущенники и часть царских рабов получили статус пареков. Люди, покинувшие город или его округу, напротив, лишались гражданских прав и имущества⁴⁷. Наиболее убедительное объяснение причины принятия такого решения гражданской общиной Пергама заключается в том, что в стране в это время уже началось социальное брожение или восстание, поэтому, вероятно, граждане столицы намеревались предоставлением льгот смягчить остроту ситуации в городе и объединить усилия всех категорий населения против общей опасности.

Наконец – в числе аргументов сторонников трактовки восстания как движения за социальное освобождение бедноты и рабов также соображения общего порядка: кризисное состояние Пергамского царства накануне смерти Атталы III, развитие внутренней политической и социальной борьбы, которая создавала благоприятную обстановку для социальных выступлений⁴⁸.

С. 129, 130; Rostovtzeff M. *SEHNW*. Vol. 2. P. 808 (М.И.Ростовцев характеризует начало восстания как борьбу за престол); Tarn W. *Alexander the Great*. Vol.2. Cambridge, 1948. P. 411 ff.; Vavrinek V. I. *La revolte d'Aristonikos*. Praha, 1957. P. 30, 46, 51; 2. On the structure of the Slave Revolts // *Socialen Problemen in Hellenismus und im Romischen Reich*. Ed. P. Oliva und J. Burian. Praha, 1973. P. 203-212; Gunther R. *Der Aufstand des Spartacus*. Berlin. 1987. S. 77-78.

⁴⁶ О Блоссии См.: Беликов А.П. Рим и эллинизм. С. 274-286; Dudley D.R. *Blossius of Cumae* // *JRS*. 1941. Vol. 31. P. 94-99; Africa Th. *Aristonikos, Blossius and the City of the Sun* // *International review of Social History*. 1961. Vol. 6. P. 110-124; Carrata Thomes Fr. *La rivolta di Aristonico a la origini della provincia romana d'Asia*. Torino. 1968. P. 58-59; Ferguson J. *Utopias of the Classical World*. L. 1975. P. 138-144.

⁴⁷ О пергамском декрете см. Юлкина О.Н. Пергамский декрет.; Carrata Thomes Fr. *La rivolta di Aristonico*. P.35-38; Deubner Fr. S. 81-95; Hopp J. *Untersuchungen zur Geschichte...* S.131 сл. с указанием основной предшествующей литературы – S.132. Anm.53.

⁴⁸ О положении в Пергаме накануне восстания Аристоника См.: Magie D. *Roman Rule in Asia Minor*. Princeton. 1950. Vol. 1. P. 30-33; Vol. 2. P. 1033-1037; Rostovtzeff M. *SEHNW*. Vol. 2. P. 806-811; Hansen E. *The Attalids of Pergamon*. P. 152-153; Carrata

Другая группа специалистов оценивала восстание как выступление за царскую власть, за сохранение государственной самостоятельности Пергама, в которое были вовлечены и использованы в качестве средства борьбы пришедшие в движение социальные низы (Ж.-Х. Дюмон, Т. Африка, Й. Фогт, Эд. Виль, Фр. Каррата Томес, Й. Хопп, У. Уэстерман, Хр. Хабиخت, Кр. Милета, Фр. Добнер)⁴⁹. Сторонники данной точки зрения считают Аристоника соискателем царской власти в Пергамене, который после неудач первого периода борьбы был вынужден призвать под свои знамена бедноту и рабов с целью использовать их как орудие в борьбе за престол. Этот призыв был осуществлен в условиях политической неустойчивости власти и социального брожения, охватившего угнетенные слои населения. Кроме того, это массовое движение имело и антиримский характер.

Подчеркнем, что многие греческие и римские авторы определенно называют Аристоника соискателем царской власти. Саллюстий Крисп вкладывает в уста Митридата VI Евпатора слова о том, что Аристоник, будучи сыном Эвмена II, «домогайся отцовского царства» (*patrium regnum petiverat* – Hist. IV, 69, 8). Диодор Сицилийский писал: «...Аристоник добивался не приличествующей ему власти» (XXXIV-XXXV, 2, 25-26), а Страбон: «...задумал присвоить себе власть» (XIV, 1, 38). Юстин сообщает, что он «завоевал Азию, как отцовское царство» (*velut paternum regnum Asiam invadit* – XXXVI, 4, 6). Аппиан говорит о том, что «Аристоник вел в Малой Азии борьбу с римлянами из-за власти» (I, 17).

Важно отметить, что сообщения античных авторов о восстании Аристоника носят нейтральный характер, связаны с именем претендента на престол, в них отсутствуют какие-либо указания на социальный характер движения (Liv., Epit., 59; Plut., Flam., 21; Eutrop., IV, 20; Frontin. IV, 5,16; Val. Max., III, 2,12; ср. Cic. Phil., XI, 8, 18; Flor., II, 20). Для большинства античных авторов восстание Аристоника вовсе не связано с борьбой за освобождение рабов и бедноты, они даже не упоминали о ней, оценивая событие как борьбу за престол. Выше упоминалось, что участие рабов и свободной бедноты в восстании Аристоника засвидетельствовано Диодором и Страбоном (Diod., XXXIV, 2, 26; Strab., XIV, 1, 38), однако источники ничего не сообщают о наличии у Аристоника какой-либо социальной программы, Страбон же подчеркивает, что участие бедноты и рабов в восстании началось лишь

Thomes Fr. La rivolta di Aristonico... P. 7-23, 27-30; Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte... S. 107-120.

⁴⁹ Климов О.Ю. Пепрамское царство. С. 133-137; Africa Th. Aristonicus... P. 112, 117; Deubner Fr. Bellum Asiaticum. S. 158-186; Dumont J.-Ch. A propos d'Aristonico // Eirene. 1966. № 5. P. 195, 196; Miletta Chr. Eumenes III. und die Sklaven. Neue Überlegungen zum Charakter des Aristonikosaufstandes // Klio. 1998. Bd. 80. S. 47-65; Vogt J. Pergamon und Aristonikos // Atti... P.54; Westermann W.L. Slave maintenance and slave revolts // CPh. 1945. Vol. XL. № 1. P. 9-10; Will Ed. Histoire politique du Monde Hellenistique. T. 2 Nancy, 1967, P. 352-353; Carrata Thames Fr. La rivolta di Aristonico... P.54-55; Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte... P.146.

с момента поражения претендента на первом этапе борьбы. Приведенные выше материалы нумизматики свидетельствуют о принятии Аристиком царского титула и тем самым подтверждают отмеченное античными авторами стремление его к царской власти⁵⁰.

Источники сообщают об очень пестром и разнородном социальном и этническом составе участников восстания; рабы и свободная беднота не являлись единственной социальной силой, на которую опирался претендент на престол, а выступили скорее в роли пополнения в самый тяжелый момент войны⁵¹. Ясно, что восстание, в котором принимали участие разнородные социальные силы, не могло протекать под лозунгами социального освобождения, свободы и равенства. Вместе с тем, идея восстановления местной династии, сохранения государственной самостоятельности и противостояния Риму представляется достаточно притягательной для всех слоев населения царства, поддержавших претендента на престол. Вместе с тем, отрицать наличие социальных и освободительных мотивов в восстании не следует: в период своего наивысшего успеха оно вышло за рамки, установленные его инициатором и руководителем, и превратилось в широкое антиримское движение, включавшее и борьбу за социальное освобождение.

Исключительно важная роль в определении характера и целей восстания принадлежит словам Страбона о том, что претендент на престол назвал своих сторонников из числа рабов и бедноты «гелиополитами» (XIV, 1, 38). Подавляющее большинство исследователей интерпретируют данное сообщение как указание на наличие у руководителя и участников восстания идеологической системы, определявшей политику и цели деятельности восставших. Вопрос о том, какой могла быть эта идеология, требует специального внимания, не относится к теме очерка и потому не рассматривается нами. Укажем лишь, что в ней находили следы примитивно-коммунистической идеологии, влияние идей стоицизма, писателя-утописта Ямбула, восточных и греческих традиционных культов, прежде всего, солнечных и др.⁵²

⁵⁰ Robinson E.S.G. *Cistophori...* P. 1-8; Hopp J. *Untersuchungen zur Geschichte...* S. 122-123.

⁵¹ Подробнее о составе участников восстания См.: Климов О.Ю. *Пергамское царство*. С. 135-137.

⁵² О различных точках зрения на проблему идеологии восстания см., например: Блаватская Т.В., Голубцова Е.С., Павловская А.И. *Рабство...* С. 195-199; Голубцова Е.С. *Идеология и культура сельского населения Малой Азии. I-III вв. М., 1977.* С. 38-40, 209; Климов О.Ю. *Пергамское царство*. С. 138-141; Пёльман Р. *История античного коммунизма и социализма*. СПб., 1910. С. 442; Ранович А.Б. *Эллинизм...* С. 342; Africa Th. *Aristonicus...* P.110-124; Bücher K. *Die Aufstände der unfreien Arbeiter*, 143-129 v. Chr. Frankfurt am Main. 1874. S.106-108; Carrata Thomes Fr. *La rivolta di Aristonico...* P. 55-59; Deubner Fr. *Bellum Asiaticum*. S. 177-186; Ferguson J. *Utopias of the Classical World*. L., 1975. P. 126, 142, 144; Hansen E. *The Attalids of Pergamon*. P. 153; Rostovtzeff M. *SEHAW*. Vol. 2. P. 808; Tarn W. *Alexander the Great*. P. 411 ff.; Vavrinek V. *La rivolta di Aristonico*. P. 35-43, 74.

Вместе с тем, вопрос о гелиополитах может быть решен иначе: по нашему мнению следует отдать предпочтение предположению, высказанному в свое время Т. Моммзенем и в дальнейшем получившему поддержку в трудах Дж. Кардинали, Й. Фогта, Д. Дадли. Согласно мнению названных ученых Аристоник предполагал реально отблагодарить поддержавших его в борьбе рабов и бедноту строительством нового города Гелиополиса и предоставить им гражданские и имущественные права в нем⁵³. Подобный путь – привлечение социальных низов обещаниями предоставить свободу, землю и гражданство в новом или перестроенном и переименованном старом городе, хотя и рассматривался как радикальный, вместе с тем, не был новым в античной истории⁵⁴. В этой связи следует подчеркнуть, что по словам Страбона Аристоник назвал «гелиополитами» только тех рабов и неимущих свободных, которые влились в его армию. Также важно, что никаких явных свидетельств о наличии у Аристоники социальной программы преобразований и о намерении освободить вообще всех рабов и бедноту нет.

На вопрос о том, почему новому предполагаемому городу было дано имя Гелиополь, а его будущие граждане названы гелиополитами, ответ следует искать в самом характере восточных и греческих солнечных культов, популярных в Малой Азии, Египте, Передней Азии, Иране и Греции. В странах Востока и античного мира обожествленное небесное светило считалось олицетворением высшей справедливости, правопорядка, закона, установившихся в обществе правил поведения и нравственных принципов и в этом качестве – покровителем судопроизводства и законодательной деятельности верховной власти. Солнце также рассматривалось как высшая божественная сила, покровительствовавшая власти и личности монарха, поэтому солнечные культы выражали идею сильной и справедливой царской власти, обеспечивающей порядок и защиту разным слоям населения, в том числе социальным низам⁵⁵. В этой связи многие солнечные боги на Востоке выступали покровителями справедливости, защитниками человека от неправых гонений, притеснений, насилий и произвола. По этим причинам едва ли возможно усматривать в идее «Гелиополиса» идеологию социального протеста и классовой борьбы, это идеология социальной надежды и упования на сильную и справедливую царскую власть, которая впол-

⁵³ Моммзен Т. История Рима. Т.2. С. 55, прим. 2; Vogt J. *Struktur der Antiken Sklavenkriege* // *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaft und Literatur in Mainz. Geistes- und Socialwissenschaft Klasse*. 1957. No 1. S. 36; Dudley D.R. Blossius... P.98.

⁵⁴ Именно обещаниями свободы, гражданских прав, земли нередко обеспечивалось участие социальных низов в войнах, гражданских смутах, в отражении вражеского вторжения. См.: Ольвия – Macrobian. Sat. 1, 11, 33; Эфес – Syll., 742; обещания Митридата VI – App. Mithr., 48.

⁵⁵ Подробнее об этом: Климов О.Ю. Пергамское царство. С.143-148. См. также: Deubner Fr. *Bellum Asiaticum*. S. 180-185; Rostovtzeff M. *SEHAW*. Vol.2. P.808; Africa Th. Aristicus... P.120-124.

не соответствовала лозунгу сохранения государственной самостоятельности Пергама под властью нового царя.

После подавления восстания на основной части владений Атталидов была образована римская провинция Азия, к которой присоединили часть Карию. Херсонес и принадлежавшая Атталидам часть Фракии отошли к провинции Македония, Эгина и Андрос – к провинции Ахайя. Римляне также вознаградили царей тех государств, которые приняли участие в подавлении восстания: Ликаонию получили сыновья Ариарата V, погибшего в борьбе с Аристоником, часть Фригии выделили Вифинии, Великую Фригию – Понту.

* * *

Подводя итог нашему обзору, отметим, что в целом внутривосточная история Пергамского царства на протяжении значительных этапов его истории протекала стабильно, без придворных заговоров, переворотов, кровавых усобиц. В этом смысле она нетипична для эллинистического мира, прежде всего, если сравнивать её с историей царств Птолемеев и Селевкидов, жизнь которых была наполнена братоубийством, предательством, придворными переворотами, изменами и расправами над соперниками. Вместе с тем, идеализировать политическую жизнь царства Атталидов не следует: в ней в отдельные периоды истории также имели место события, которые можно отнести к категории политических интриг и потрясений. Прежде всего, подобные события были связаны с начальным этапом становления государства, с его обособлением из владений Лисимаха и Селевка I и формированием собственных институтов власти. В той неустойчивой ситуации возник мятеж наёмников, в котором, возможно, участвовал кто-то из влиятельных родственников правителя. Впрочем, информация об этом настолько незначительна, что делать уверенные выводы невозможно. Позже, в периоды правления Аттала I, Эвмена II и Аттала II наблюдается прочное положение центральной власти, отсутствие внутренних интриг, невозможность внешних сил разжечь внутренние противоречия. В царской семье царили теплые отношения, которые не нарушило даже такое действительно необычное событие как женитьба Аттала на жене брата при получении преждевременного известия о его смерти. Однако устойчивому развитию Пергамского государства пришел конец в правление последнего царя Аттала III, хотя противоречия подспудно назревали при его предшественниках – при дяде Аттале II и, вероятно, даже раньше – при отце Эвмене II. Царствование Аттала III ознаменовалось обострением социальной ситуации в стране, ростом напряженности при царском дворе, что совпало с ухудшением внешнеполитического положения государства. Аттал III пытался укрепить власть жестокими методами, поэтому его царствование вошло в античную традицию как время интриг и беспощадных расправ над противниками. Появление завещания Аттала III, которое перечер-

кивало надежды сводного брата царя на власть, вызвало к жизни восстание Аристоники. Претендент на престол использовал недовольство социальных низов в стране, чтобы направить его на борьбу за собственную царскую власть и за сохранение Пергамского царства. Конец государства явился закономерным: восстание было подавлено, а территория бывшего Пергамского царства вошла в состав Римского государства.



Придворная борьба в Македонии в царствование Филиппа V

Исследователи всегда отмечали относительную стабильность государства Антигонидов, в особенности в сравнении с Птолемеями и Селевкидами. Восточные эллинистические царства отличались внутренней нестабильностью и частыми конфликтами членов правящей династии. Напротив, как отмечал еще Ч. Эдсон, для Антигонидов известен лишь один подобный случай внутрдинастической распри: соперничество между сыновьями Филиппа V Персеем и Деметрием¹. Тем не менее, именно в правление Филиппа V в Македонии всплыли как внутривластные, так и внутрдинастические противоречия². Речь идет о двух известных событиях в начале и в конце царствования Филиппа V. Первое произошло в годы Союзнической войны и получило в историографии название «заговора Апеллеса». Второе же касалось вопроса престолонаследия и соперничества Персея и Деметрия.

Выбор для анализа именно этих событий обусловлен следующими мотивами:

1. Эти события отстоят друг от друга примерно на сорок лет и обрамляют собой царствование Филиппа V. Тем самым можно проследить, как в

¹ Edson C. F. Jr. Perseus and Demetrius // *Harvard Studies in Classical Philology*. Vol. 46. 1935. P. 191. Мятеж сводного брата Антигона Гоната – Александра, сын Кратера (Trog. Prol., XXVI) – не следует рассматривать в этом же русле, так как речь идет о событиях вне Македонии. Ср.: Кузьмин Ю. Н. К истории III в. до н.э.: мятеж Александра, сына Кратера // *Studia Historica*. Вып. 3. М., 2003. С. 63-73.

² Возможно, внутренние конфликты появлялись раньше, но из-за отсутствия сведений о них практически ничего не известно. Например, волнения при Антигоне Досоне (Iust., XXVIII, 3, 11). Некоторые антиковеды, напротив, считают, что придворная борьба, имевшая место при Филиппе V, носила не исключительный, а системный для всей династии Антигонидов характер. См.: Ma J. Court, king and power in Antigonid Macedonia // *Brill's Companion to Ancient Macedonia: Studies in the Archeology and History of Macedonia, 650 BC – 300 AD*. London-Boston, 2011. P. 536-537. Дж. Ма придерживается теории о перманентном противоборстве придворных элит, лавируя между интересами которых македонский царь мог проводить собственную политику. Хотя данный постулат не вызывает серьезных споров, все же придворные конфликты при Филиппе V следует относить к экстраординарным, кризисным явлениям. Противоречия всплывали при определенных внешнеполитических обстоятельствах, толкавших на разворачивание придворной борьбы. См. также: Herman G. The Court Society of the Hellenistic Age // *Hellenistic Constructs: Essays in Culture, History, and Historiography of Hellenistic Culture and Society*. Berkeley; Los-Angeles; London, 1997. P. 212.

условиях внутривластительской борьбы вел себя царь в разном возрасте³. Отличались ли его методы решения конфликтов или же можно судить о некотором схожем характере в поведении царя?

2. Данные события не раз становились центром внимания антиковедов, тем не менее, в отечественной историографии нет специальной работы, посвященной внутривластительским конфликтам при Филиппе V⁴. В зарубежной же литературе «заговор Апеллеса», как правило, рассматривается в контексте Союзнической войны, влиянии Арата⁵. А соперничество сыновей македонского царя, в основном, прослеживается в контексте римско-македонских отношений и концепции римского империализма⁶.

Таким образом, целью данной работы является изучение этих двух событий сквозь призму личности Филиппа V, принимавшего различные меры по решению конфликтов. В связи с этим, прежде всего, проследим последовательность событий вокруг «заговора Апеллеса» и вокруг династической борьбы второй половины 180-х годов до н. э., затем выявим методы решения этих конфликтов Филиппом V и, наконец, сравнив их, попытаемся проследить некоторую эволюцию личности Филиппа V.

³ В 218 г. до н. э. Филиппу V было 20 лет, в 181 г. до н. э. – 57.

⁴ Отдельные сюжеты очень кратко рассматривались А. С. Шофманом: Шофман А. С. История античной Македонии. Ч. 2. Казань, 1963. С. 191-192, 244-247. О заговоре Апеллеса см. также: Сивкина Н. Ю. Греко-македонские отношения в конце III в. до н.э.: последняя попытка интеграции. Дисс. д.и.н. Н. Новгород, 2009. С. 317-324. Ю. Н. Сивкина сравнивает Филиппа V и Александра Македонского, но на наш взгляд не корректна сама попытка сравнения этих двух царей. Не исключая возможности, что Филипп мог рассматривать Александра в качестве кумира, сопоставление Филиппа V во время Союзнической войны и Александра в Восточном походе является малопродуктивным.

⁵ Ярким примером служит монография Ф. Уолбенка, посвященная Филиппу V, в которой описываются оба случая, но нет их сравнительного анализа. См.: Walbank F.W. Philip V of Macedon. Cambridge, 1965. P. 44-61, 238-260. См. также: Errington R. M. Philip V, Aratus and the "Conspiracy of Apelles" // *Historia*. Bd.16. Hft 1. 1967. P. 19-36; Hammond N. G. L. The Macedonian State. Origins, Institutions and History. Oxford, 1989. P. 331-335; Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeroneia. Tl. 2. Gotha, 1899. S. 408f., 466-468; Walbank F. W. Macedonia and the Greek leagues // *CAH*². P. 474-480. Исключение составляет работа Дж. Ма: Ma J. Court, king and power... P. 541-543.

⁶ Derow P. S. Rome, the fall of Macedon and the sack of Corinth // *CAH*². P. 294-295; Edson C. F. Jr. Perseus and Demetrius... P. 191-202; Gruen E. The Last Years of Philip V // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. Vol.15. Pt.2. 1974. P. 221-246; Hatzopoulos M. B. Macedonian Institutions under the king: A Historic and Epigraphic Studies. Vol. I. Athens, 1996. P. 310-312; Meloni P. Perseo, e la fine della monarchia Macedone. Roma, 1953.; См. также: Hatzopoulos M.B. Macedonian Palaces: Where King and City Meet // *The Royal Palace Institution in the First Millennium B.C.: Regional Development and Cultural Interchange between East and West* / Ed. by I. Nielsen. Athens, 2001. P. 189-199.

Итак, рассмотрим события вокруг «заговора Апеллеса». Апеллес был главой регентского совета, оставленного Антигоном Досоном, при несовершеннолетнем Филиппе V (Pol., IV, 87, 8)⁷. Примечательно, что Апеллес в отличие от других советников не имел четкого звания при дворе⁸. Этот совет при молодом Филиппе V пользовался большим уважением среди македонян и оказывал, по всей видимости, сильное влияние на царя. Тем не менее, среди тех, к чьим советам прислушивался юный Филипп V, были и не македоняне⁹. Прежде всего, это лидер Ахейского союза Арат, на чью поддержку на Пелопоннесе опирался царь, и иллириец Деметрий Фаросский, помощник в военно-морских операциях¹⁰.

В связи с этим М. Эррингтон отмечал, что у Филиппа V, как и у Александра Великого, была потребность в свободе принятия решений, что проявлялось в борьбе со своими советниками, в желании от них «избавиться». Именно этим мотивом объясняет М. Эррингтон действия Филиппа V против Апеллеса.

Тем не менее, источники дают нам другую картину. Полибий и Плутарх, использовали в своих трудах воспоминания Арата Сикионского. Другими словами, не приходится сомневаться в определенной тенденциозности письменных источников¹¹. Действительно, согласно Полибию (IV, 76, 1), главным лицом, против которого злоумышлял Апеллес, был Арат, поскольку завидовал его влиянию на царя¹². Полибий описывает различные действия Апеллеса, чтобы всячески принизить Арата: занятие Апеллесом квартир в Олимпии, когда они уже были заняты ахейцами (IV, 76, 4); вмешательство Апеллеса в ход выборов стратега Ахейского союза на 218 г. до н. э. (Pol., IV, 82, 1-9; V, 1, 8); попытка показать Арата изменником интересов Эллинского союза (Pol., IV, 84, 1-9)¹³.

⁷ Le Bohec S. Antigone Doseon, roi de Macedoine. Nancy, 1993. P. 470.

⁸ Леонтий – руководитель пелтастов, Мегалей – глава царской канцелярии, Таврион – стратег Пелопоннеса, Александр – глава дворцовой стражи (Pol., IV, 87, 8) См.: Juhel P. {Ο ἐπί + substantif au genitif}, titre des fonctionnaires de l'administration hellénistique en general et des hauts fonctionnaires royaux de la Macedoine antigonide en particulier // Tyche. Bd. 24. 2009. S. 59-76.

⁹ Глава дворцовой стражи, Александр, возможно, был фессалийцем: O'Neil J. L. The Ethnic Origins of the Friends of the Antigonid Kings of Macedon // CQ. Vol. 53.2. 2003. P. 514-515. Le Bohec S. Les philoi des rois Antigonides // Revue des Etudes Grecques. T. 98. Paris, 1985. P. 103-104.

¹⁰ Errington R. M. Philip V, Aratus and the "Conspiracy of Apelles"... P. 27.

¹¹ Errington R. M. Philip V, Aratus and the "Conspiracy of Apelles"... P. 20-21; Hammond N. G. L., Walbank F. W. A History of Macedonia. Vol. 3. Oxford, 1988. P. 381; Hatzopoulos M. B. Macedonian Institutions... P. 299.

¹² Walbank F.W. Philip V of Macedon... P. 44-45.

¹³ Ф. Уолбенк видит конфликт как личностный (между Аратом и Апеллесом), приведший в дальнейшем к измене царю. Правда, также Ф. Уолбенк говорит о защите Апеллесом интересов македонских землевладельцев. См.: Walbank F.W. Philip V of

Однако среди антиковедов закрепились другое видение причин придворных интриг в годы Союзнической войны. Объясняются они существованием противоборствующих групп при дворе Филиппа V. В первую входили Апеллес, Леонтий и Мегалей, которые выступали за традиционную греческую внешнюю политику, имевшей целью установление македонской гегемонии в Элладе¹⁴. Средством для достижения этой цели была сильная сухопутная армия. Во главе второй группы стояли Таврион, Деметрий Фаросский и, по всей вероятности, Александр. Они выступали за «морскую политику»: создание флота и активные морские операции на западном побережье Балкан, что позволило бы активно противодействовать врагам, одна часть которых была на Пелопоннесе (Элида, Спарта), вторая – в Средней Греции (Этолия)¹⁵.

Как уже отмечалось, М. Эррингтон полагает, что конфликт заключался не в борьбе внутри македонского двора, а в самом желании царя избавиться от опеки со стороны советников, доставшихся от Антигона Досона¹⁶. Он полагает, что заговора как такового не было, поскольку Апеллес и другие заговорщики ничего бы не приобрели из этой затеи, а влияние их напрямую зависело от царской власти¹⁷. Именно поэтому М. Эррингтон обозначает события как инспирированный Филиппом «заговор», которого в действительности не было, и царь умело воспользовался интригами при дворе, чтобы избавиться от «надоевших» ему советников¹⁸.

Так или иначе, очевидна некая напряженность при македонском дворе наличие нескольких противоборствующих групп, а также внешних участников, добивавшихся своих целей (Арат, Деметрий Фаросский). Можно говорить о различных причинах ее появления¹⁹, но Филипп должен был определенным образом реагировать на возникшую проблему.

Эти действия царя рассматриваются по-разному. Историческая традиция упорно доказывает поочередное влияние на молодого царя то со стороны

Macedon... P. 45; O'Neil J. L. The Ethnic Origins... P. 515. Однако, более вероятным представляется мнение Дж. Ма о конфликте как выборе будущей государственной политики: Ma J. Court, king and power... P. 522.

¹⁴ Иногда отмечается ключевая роль при дворе именно Леонтия, а не Апеллеса: Errington R. M. Philip V, Aratus and the "Conspiracy of Apelles"... P. 30; Hammond N. G. L., Walbank F. W. A History of Macedonia... P. 383.

¹⁵ Errington R. M. Philip V, Aratus and the "Conspiracy of Apelles"... P. 26-27; Walbank F.W. Philip V of Macedon... P. 51.

¹⁶ Errington R. M. Philip V, Aratus and the "Conspiracy of Apelles"... P. 22. Н. Хэмонд в противовес видит причину конфликта в борьбе советников за влияние перед царем: Hammond N. G. L., Walbank F. W. A History of Macedonia... P. 383.

¹⁷ Errington R. M. Philip V, Aratus and the "Conspiracy of Apelles"... P. 29-30, 34. Ma J. Court, king and power... P. 536.

¹⁸ Errington R. M. 1) A History of Macedonia. Berkeley; Los-Angeles; London, 1993 P. 186-188; 2) Philip V, Aratus and the "Conspiracy of Apelles"... P. 22.

¹⁹ Ma J. Court, king and power... P. 535-542.

Апеллеса, то со стороны Арата²⁰. Некоторые антиковеды прибавляют к этому списку Деметрия Фаросского²¹, а иногда и весь регентский совет, доставшийся Филиппу V от Антигона Досона²². Существуют и мнения, что уже в молодые годы Филипп V предпочитал действовать самостоятельно, а сведения источников о влиянии на царя следует интерпретировать, как умелую политику лавирования между приближенными²³.

Последняя точка зрения представляется категоричной, как и мнение о полной подчиненности молодого царя регентскому совету. Действительно, на Филиппа V имел большое влияние ахейский лидер Арат, о чем можно судить по событиям в Мессении (Pol., IV, 76, 9), по ситуации после выборов Эперата (Pol., V, 1, 9), наконец, по частым визитам Филиппа в дом Арата в Сикионе. Не будем забывать и о Деметрии Фаросском, к мнению которого царь прислушивался. И, если о причастности Деметрия к завоевательным планам на севере Балкан однозначно судить сложно, то в успешном походе на Ферм явно прослеживается рука иллирийского правителя (Pol., V, 12, 5-8). Действительно, внешне этот поход, хоть и под благовидным предлогом мести за разграбление святилищ в Дие и Додоне (Pol., IV, 62, 1-2; 67, 3; V, 9, 2; 11, 2; IX, 35, 6), напоминает типичный иллирийский набег на прибрежные территории ради захвата богатой добычи. Собственно, целью похода на этолийскую столицу и было улучшение финансового положения царя.

С другой стороны, Филиппу V определенно не нравилось влияние «регентского» совета. М. Эррингтон отмечает, что значимость его была настолько велика, что Филипп просто не мог с ним не считаться, но в тоже время и не мог сохранять таковым положение дел²⁴. В годы Союзнической войны Филипп V постепенно набирал авторитет, как среди македонян, так и греков, и по мере его роста он начинал все больше отдаляться от своих советников. В случае ошибок Филипп V не стеснялся перекладывать их на плечи друзей (Pol., V, 1, 9). В тоже время успехи, как например, в Ферме, полностью приписывались как заслуги царя.

Однако трудно согласиться с М. Эррингтоном, что у Филиппа V был определенный план по уничтожению «регентского» совета, поскольку он сам опирался на его членов: Тавриона и Александра²⁵. Скорее всего, Филипп V

²⁰ Walbank F.W. Philip V of Macedon... P. 44-61.

²¹ Ferrabino A. Il problema dell' unita nazionale nella Grecia antica. I. Arato di Sicione e l'idea federale. Firenze, 1921. P. 195f.; Walbank F.W. Philip V of Macedon... P. 50-51.

²² По мнению Дж. Файна, Союзническая война – инициатива регентского совета: Fine J. V. A. The Background of the Social War of 220-217 B. C. // AJPh. Vol. 61. № 2. 1940. P. 129f.; Errington R. M. Philip V, Aratus and the "Conspiracy of Apelles"... P. 22. Ср.: Walbank F.W. Philip V of Macedon... P. 31, 44-45.

²³ Сивкина Н. Ю. Греко-македонские отношения... 317 сл.; Herman G. The Court Society... P. 212.

²⁴ Errington R. M. Philip V, Aratus and the "Conspiracy of Apelles"... P. 29-30.

²⁵ Errington R. M. Philip V, Aratus and the "Conspiracy of Apelles"... P. 30-31. Например, причастность Тавриона к убийству Арата (Pol., VIII. 12. 2; Plut. Aratus 51. 1-2).

действовал по обстоятельствам, более того, действовал осторожно²⁶, до тех пор, пока в руках не оказывались неопровержимые доказательства. Так, Филипп V, подозревая Апеллеса и других и зная, что они позволяют себе вольности, не противодействовал им и выжидал: так было с Апеллесом, когда тот «хозяйничал» на Халкиде (Pol., V, 26, 3-5)²⁷, так было с Леонтием, Мегалеем и Птолемеем, которые подстрекали на бунт македонских воинов в Коринфе (Pol., V, 25, 7).

Лишь неосторожные поступки советников позволяли Филиппу открыто действовать. Например, пойманные на месте нападения на Арата Мегалей и Кринон были задержаны (Pol., V, 15, 9). Заступничество Леонтия, вначале с помощью грубой силы (Pol., V. 16. 2-3), а потом поручительства (Pol., V. 16. 8), выдавало в нем если не причастность, то, по крайней мере, сочувствие к задержанным (Pol. V.14.11-15)²⁸. Побег Мегалея позволил царю арестовать Леонтия (Pol., V, 27, 4)²⁹, а найденные письма Мегалея в Этолию, даже если они и были подложными, дали возможность арестовать Апеллеса (Pol., V, 28, 6-9). Наконец, расправа над Птолемеем, главой агемы, перед македонским собранием в Деметриадах показывает, что Филипп V не действовал как тиран, но использовал официальные методы осуждения (Pol., V, 29, 6)³⁰.

В некотором роде будут иметь схожий характер действия Филиппа V и в последние свои годы, когда ему придется решать ситуацию вокруг ссоры своих сыновей.

Эти события, произошедшие во второй половине 180-х годов до н. э., часто рассматривают с точки зрения римско-македонских отношений, хотя и касаются сугубо внутримакедонского положения дел. Действительно, ссора братьев имела под собой не просто борьбу за власть, но определяла будущее Македонии. В случае победы Деметрия это означало сотрудничество Македонии и Рима, в случае Персея – войну.

Более того, непосредственным началом внутридинастического конфликта явилось посольство во главе с Деметрием в Рим. Целью этого посольства было урегулирование вопроса о спорных территориях в Фессалии и Фракии, которые Филипп V захватил по договоренности с римскими консулами во время Сирийской войны против Антиоха III. Претензии македонскому царю

²⁶ Hammond N. G. L., Walbank F. W. A History of Macedonia... P. 383 n.4; Herman G. The Court Society... P. 222.

²⁷ М. Эррингтон не доверяет сообщению Полибия о злоупотреблениях Апеллеса, так как нигде не говорится о таких обвинениях в его сторону. См.: Errington R. M. Philip V, Aratus and the "Conspiracy of Apelles"... P. 29; Сравни: Hammond N. G. L. The Macedonian State... P. 335.

²⁸ Errington R. M. Philip V, Aratus and the "Conspiracy of Apelles"... P. 32; Walbank F.W. Philip V of Macedon... P. 56.

²⁹ Hatzopoulos M. B. Macedonian Institutions... P. 300.

³⁰ О казни Апеллеса без суда – Walbank F.W. Philip V of Macedon... P. 2. n. 4, P. 56; Hammond N. G. L. The Macedonian State... P. 355. О противоположной точке зрения см.: Hatzopoulos M. B. Macedonian Institutions... P. 299-302.

высказывали Фессалийский союз и царь Пергама Эвмен II. Филипп V намеренно отправил к сенату своего сына Деметрия, ведь тот пользовался благосклонностью первых мужей Рима, приобретенной еще в годы заложничества после Второй Македонской войны. Другими словами Филипп V хотел с помощью сына решить в лучшую для себя сторону вопрос о спорных территориях (Pol., XXII, 18, 9-11; Liv., XXXIX, 35, 2-3)³¹.

План Филиппа V сработал, хотя римляне все же потребовали очищения македонянами спорных территорий, однако никаких жестких санкций к царю не предприняли. Сенаторы указали, что все это стало возможным лишь благодаря Деметрию, хотя тот ничего сам не смог сказать перед сенатом и лишь прочел письмо, полученное от отца. Более того, Т. Квинкий Фламинин, победитель Филиппа V при Киноскефалах, в частном порядке вел беседы с македонским царевичем, в которых поощрял желание Деметрия занять престол, указывая на благосклонность Рима. Фламинин даже отправил письмо Филиппу V, в котором просил оставить Деметрия с верными друзьями в Риме еще на определенное время (Pol., XXIII, 1-4; Liv., XXXIX, 47, 1-11)³².

В итоге, вернувшись на родину, Деметрий был встречен народом как герой, спасший государство от войны с Римом. Но Филипп V был раздражен словами сенаторов и возросшей гордыней Деметрия, а Персей стал видеть в брате соперника на престол (Pol.XXIII.3.4-10; Liv.XXXIX.48.1; 53.5-9). После этого Персей стал переманивать придворных на свою сторону, кого угрозами, кого подкупам³³. Эти события 184 г. до н.э. принято считать началом внутридинастического конфликта.

Положение обострилось в скором времени, когда за исполнением принятых в Риме решений в Македонию прибыло посольство во главе с легатом Кв. Марцием Филиппом (Pol., XXIII, 8; Liv., XXXIX, 48, 5). Деметрий, по словам Ливия, слишком много времени проводил с римлянами, чем еще больше усугублял свои отношения с отцом и братом (Liv., XXXIX, 53, 7-11). Для Персея это стало поводом, чтобы пожаловаться отцу на брата, который сблизился с теми, кто некогда был врагом македонян. Однако Филипп V оставил эти обвинения без ответа (Liv., XL, 5, 1-14). Исследователи часто объясняют это тем, что, как и во время посольства в Рим, так и в Македонии, Филипп V поручил сыну всячески склонять римлян к смягчению их решений³⁴.

³¹ Derow P. S. Rome, the fall of Macedon... P. 294.

³² Edson C. F. Jr. Perseus and Demetrius... P. 193-194.

³³ Ч. Эдсон отмечает также, что козни против брата строил и Деметрий (Pol., XXIII. 10. 12-15): Edson C. F. Jr. Perseus and Demetrius... P. 194. При этом на стороне Деметрия были не только римляне, но и македоняне (Liv., XL, 10, 10). Если говорить о конкретных мерах Деметрия, то, возможно, он был инициатором слухов о незаконнорожденности Персея. Тем не менее, очевидно, что Персей был старшим законным сыном Филиппа V: Hatzopoulos M.B. Macedonian Institutions... P. 310; Meloni P. Perseo... P. 9-15.

³⁴ Edson C. F. Jr. Perseus and Demetrius... P. 195; Gruen E. The Last Years of Philip V... P. 231.

Своего апогея конфликт достиг во время смотра войск на празднестве в честь героя Ксанфа (Liv., XL, 6-15). В это время были устроены потешные бои, которые перелились практически в настоящее сражение. Войско было поделено на две части, одна во главе с Персеем, вторая – Деметрием, который и вышел победителем. Вечером в каждом лагере был устроен пир. По словам Ливия (XL, 7, 7) в каждом лагере находились шпионы с обеих сторон, чтобы знать, как обстоят дела у соперника, и что говорится македонянами на пиру под влиянием вина.

Как и в «заговоре Апеллеса» ярче всего конфликт проявился вследствие злоупотребления вина. Четверо македонян из лагеря Деметрия, перебрав вина и узнав шпиона Персея, избили его. В то же время подыпивший Деметрий, не зная об этом, счел время благоприятным для того, чтобы помириться с братом. Деметрий отправился со своими друзьями к брату, а те четверо, боясь, что их узнают и им не избежать наказания от Персея, решили для своей безопасности взять с собой оружие (Liv., XL, 7, 4-7).

Об этом узнал еще один шпион Персея, который незамедлительно сообщил царевичу, что к нему идут с оружием. В итоге, когда прибыл Деметрий, Персей его не впустил, а на утро явился к отцу и обвинил брата в попытке его убить (Liv., XL, 7, 8 – 8, 1).

Филипп V действовал так же, как и во время Союзнической войны, когда Апеллес обвинял Арата в предательстве. Филипп V вызвал Деметрия и потребовал от обоих братьям объясниться (Liv., XL, 8-16). Выслушав речи сыновей, царь лишь посетовал на ссоры между ними, но никаких мер не предпринял (как и в случае с Аратом, обещав провести расследование).

Персей же продолжал активно действовать по переманиванию на свою сторону придворных царя³⁵. Подговорив Дидаса, стратега Пеонии, войти в доверие к Деметрию, Персею стало известно о планах брата бежать в Рим (Liv., XL, 21, 9-11; 23, 1-3). После этого Филипп V предпринял конкретные меры: он арестовал Геродора, ближайшего друга Деметрия (Liv., XL, 23, 4), и отправил послов в Рим выяснить об отношениях между Фламинием и Деметрием. Более того, царь установил слежку за своим сыном (Liv., XL, 20, 3-4; 23, 5).

Вернувшиеся послы предоставили царю письмо Фламинина, доказывавшее претензии Деметрия на престол (Liv., XL, 23, 7-8). В итоге Филипп V решил попытать Геродора, однако тот ничего не сказал (Liv., XL, 23, 8). Филипп V продолжал сомневаться и лишь после очередной беседы с Персеем принял решение тайно умертвить Деметрия. Во время праздника Дидас дал Деметрию чашу отравленного вина. Чувствуя недомогание, Деметрий удалился в

³⁵ В итоге единственным, кто не был подкуплен (то ли в силу своего характера, то ли из симпатий к Деметрию), был Антигон, сын Эхекрата (Liv., XL, 54, 6). Более того, впоследствии одним из первых шагов Персея как царя была амнистия политических преступников (Pol., XXV, 3, 1-4), что свидетельствует об уверенности македонского царя в своей власти. См.: Edson C. F. Jr. *Perseus and Demetrius...* P. 201.

свои покои, где стал сетовать на жестокость отца. После этого к нему пришли двое и задушили (Liv., XL, 24, 1-8).

Завершается эта история появлением еще одного претендента на престол: Антигона, сына Эхекрата, брата Антигона Досона³⁶. Этот Антигон, будучи сторонником Деметрия, стал расследовать дело и, найдя некоего Ксиха, писца посольства в Рим, привел его к царю, говоря, что со слов писца царь узнает всю правду (Liv., XL, 54, 1 – 55, 4). Однако Ксих молчал и лишь после угроз пыток сознался в подложности письма Фламинина и указал на сопричастность глав посольства Филокла и Апеллеса. Филокл был схвачен и подвержен пыткам. По разным версиям Филокл либо сознался, либо отрицал свою вину. Апеллес же бежал в Италию (Liv., XL, 55, 4-7; 56, 1-2).

Итак, в очередной раз мы можем проследить осторожность в действиях Филиппа V. Подозревая об имеющихся противоречиях при дворе, царь все же не действовал опрометчиво, а выжидал нужного момента, когда у него были неопровержимые доказательства. Даже когда Персей после пира обвинил брата в попытке убийства, Филипп V не поддался заверениям сына, как было и во время обвинения Апеллеса о связях Арата и Амфидама. Лишь узнав о намерении Деметрия бежать в Рим, Филипп V начал действовать: установил слежку за сыном и арестовал Геродора.

Примечательно появление в обоих случаях писем, как главных доказательств вины³⁷. В Союзнической войне это были (подложные или действительные) письма Мегалея в Этолию, с помощью которых царь избавился от Апеллеса. А для устранения Деметрия были найдены письма Фламинина, достоверность которых тоже до конца не ясна. Но, если в первом случае Филипп V сам мог быть причастен к подделке писем, то теперь он, возможно, был обманут Персеем.

Отмечая схожесть в осторожном принятии решений Филиппом V, можно увидеть и некоторые особенности. Прежде всего, это более жесткие меры царя в последние годы жизни. Во время Союзнической войны Филипп V подозревает Апеллеса и Леонтия, но ничего не делает, арестовывает, но отпускает Мегалея, ссылая, но возвращает Апеллеса, наконец, прибегает не к тайным методам, но официальным (суд и казнь Птолемея)³⁸. Во второй половине 180-х годов до н. э. Филипп V действует жестче: арестовывает, а затем пытается (Геродора, Ксиха, Филокла), устраивает тайные слежки за Деметрием, наконец, метод разрешения теперь уже не официальный – это тайное убийство (отравление и удушение Деметрия).

³⁶ К данному сюжету, по мнению Ч. Эдсона, следует относиться с большой долей скептицизма, поскольку повествование Т. Ливия об Антигоне и Ксихе основано исключительно на слухах. См.: Edson C. F. Jr. *Perseus and Demetrius...* P. 199-200; Gruen E. *The Last Years of Philip V...* P. 222. Противоположной точки зрения придерживается М. Хатзопулос: Hatzopoulos M.B. *Macedonian Institutions...* P. 310.

³⁷ Ч. Эдсон считал, что письмо Фламинина не доказывало вины Деметрия, а лишь указывало на события трехлетней давности, и поэтому Филипп предпочел тайно убить Деметрия: Edson C. F. Jr. *Perseus and Demetrius...* P. 198.

³⁸ Herman G. *The Court Society...* P. 218-222.

Конечно, наши источники глубоко субъективны по отношению к Филиппу V, и события 180-х годов до н. э. Полибий описывает как психологически тяжелые годы для царя, который постепенно деградирует под воздействием фурий³⁹.

Более того, для описания событий Союзнической войны Полибий использовал «Воспоминания» Арата, которые хоть и носили субъективный характер, но имели и тенденцию положительно описывать македонских царей, как в силу дружбы Арата с Антигоном Досоном, так и с Филиппом V до момента их разрыва. Источниками же для описания 180-х годов до н.э. в основном были сведения очевидцев – и, по мнению Э. Грюена, в первую очередь македонян, депортированных в Рим после Третьей Македонской войны⁴⁰. Таким образом, сведения эти были вдвойне субъективны (во-первых, основывались на слухах, во-вторых, на мнении македонян, недовольных своей судьбой из-за Персея).

Тем не менее, не остается сомнений, что за долгое время царствования методы управления Филиппа V не оставались одинаковыми. Манера действовать осторожно сохранялась в царе на протяжении всей жизни, но вот способы решения проблем постепенно начинают принимать более жесткий характер, что, возможно, представлялось царю более эффективным. Филипп V в годы Союзнической войны был ограничен авторитетными советниками, оставшимися от его предшественника. Однако и после войны при Филиппе V довольно большое значение сохранялось у двух оставшихся членов бывшего регентского совета: Тавриона и Александра. Постепенно Филипп окружает себя новыми друзьями, которые уже напрямую были обязаны всем царю. С ними царь мог чувствовать себя более свободно и распоряжаться в случае их непокорности (например, казни 184 г. до н. э. – Pol., XXIII, 10, 8-10)⁴¹. Таковой же была участь не только Филокла и Апеллеса, доверенных царя, но и его собственного сына.



³⁹ Ср.: Liv., XL, 54, 6 – 57, 1. См. также: Edson C. F. Jr. Perseus and Demetrius... P. 199-202; Hammond N. G. L., Walbank F. W. A History of Macedonia... P. 490-91; Walbank F. W., Φίλιππος Τραγωιδουμενος // JHS. Vol. 58. Pt.1. 1938. P. 68.

⁴⁰ Gruen E. The Last Years of Philip V... P. 224-225.

⁴¹ По мнению, Ф. Уолбенка эти события были связаны с заговором и попыткой смещения Филиппа V с целью возведения на престол Деметрия: Walbank F.W. Philip V of Macedon... P. 245.

III. Древний Рим

А.Б. Егоров

Интрига в политической жизни Рима эпохи Республики (открытая и тайная политика в римской истории)

Заговоры, интриги, политические убийства, военные перевороты и иные проявления «закулисной истории» во все времена были интегральным элементом истории человечества. Роль этих событий усиливается благодаря исторической и художественной литературе, где описание заговоров и «подковерной борьбы» может быть сравнимо разве, что с описанием войн и сражений. Дополнительной сложностью становится отделение этого материала от общего исторического изложения, а потому любой историк, занимающийся интересующими нас проблемами, должен постоянно балансировать между двумя крайностями. Сциллой является перспектива чрезмерно эксклюзивной подачи материала и сведения важных исторических процессов к «теории заговоров», тогда как Харибдой может стать перспектива «утонуть» в описании и анализе общеисторических событий, что особенно опасно в условиях жесткого ограничения объема в рамках коллективной монографии. Остается, подобно гомеровскому Одиссею, пытаться пройти между этими крайностями. Удастся ли это, судить уже не нам.

1. Общие замечания

Термин «интрига» производится от французского *intrigue*, в свою очередь, связанного с латинским глаголом *intricare* («ставить в трудное положение»). Чаше всего интригой считают всевозможные происки, козни и скрытые действия, направленные на достижение каких-либо предосудительных целей, и пожалуй, наиболее ясным является то, что интрига – это скрытые действия, составляющие неотъемлемую часть тайной политики.

Интрига сопровождает человечество на протяжении всей его истории. Существуют примеры из египетской, вавилонской и ассирийской истории¹, рав-

¹ Элементы интриги фигурируют в литературных сочинениях и документах, например, в «Повести о Синухете» или документах «гаремного заговора» времени Рамзеса III. С достаточной точностью восстанавливаются события борьбы за власть времен фараонов Среднего царства (правление Аменемхета I, Сенусерта I и Аменемхета III) и Нового царства (напр. время Эхнатона или Рамзеса III). См. Виноградов И. В. 1) Среднее царство в Египте и нашествии гиксосов // История древнего мира. М., 1982.

но как и немалое число описаний Ветхого Завета². Такого рода сведения часто встречаются в эпоху Средневековья, восточного и европейского, а вероятным расцветом интриги можно считать XVII-XVIII века, эпоху «галантного века» Западной Европы. Поскольку интрига суть инструмент тайной политики, она, прежде всего, связана с обществами абсолютно-монархического или узкоолигархического типа, когда политические решения принимались в очень небольшом кругу лиц, гласность была минимальной, а открытая критика власти оказывалась крайне ограниченной и опасной. В подобного рода обществах реальная политическая борьба заменяется «подковерной» борьбой за должности, власть и богатство, а в этих условиях происходит усиление «неформальных» рычагов власти и людей (женщины, родственники, фавориты, слуги, придворные и др.), не имевших высокого официального статуса, но близких к персоне властителя. Двор персидского царя, придворные штаты французских или английских королей XVII-XVIII вв., окружения диктаторов XX века стали идеальной средой для развития интриги как средства политической борьбы.

Сложнее определить, что именно можно квалифицировать как интригу, и чем эта последняя отличается от других видов политической деятельности. Хотя интрига относится к категории тайной политики, она может иметь и достаточно открытый характер. Она явно предполагает распространение ложной информации (слухи, диффамация, сбор и распространение компрометирующего материала) и создание ситуации, ставящей объект интриги в заведомо проигрышное положение. Интриги тесно связаны с ложными доносами и сфабрикованными политическими и уголовными процессами, а также – с тайными убийствами, заговорами и даже переворотами, которые могут сопровождаться интригами или являться их следствиями. Так или иначе, их легче демонстрировать на конкретных примерах, чем подвергать дефиниции или классификации.

Т. I. С. 123-124; 2) Новое царство в Египте // Там же. Т. I. С. 248-253; 256-257; 274-275; Источниковедение древнего Востока. М., 1984. С. 41. Много примеров интриг, заговоров и переворотов можно обнаружить в истории сильно военизированного Ассирийского царства (напр. свержение Тукульти-Нинурты I (1244-1208); борьба за власть при Адад-Нерари III (811-781) и его сыновьях; борьба за власть в конце правления Ашшурбанапала (669-631) и его преемников). См. Якобсон В. А. Новоассирийская держава // История древнего мира. Т. 2. М., 1982. С. 30; 32; 40-41. Имеются данные и из истории Нововавилонского царства. См. Дандамаев М. А., Виноградов И. В. Нововавилонская держава и древней Египет // Там же, Т. 2. С. 131-132.

² В библейской истории есть немало примеров различных интриг. См. напр. сложные перипетии взаимоотношений между Саулом, Давидом и Ионатаном (1Цар., 19-24; 27-28), приход Давида к власти (2Цар., 1-4), история Давида и Урии (2Цар., 11), борьба Давида и Авессалома (2Цар., 13-18), приход к власти Соломона (3Цар., 1-2); заговоры, интриги и перевороты из истории Израиля и Иудеи (3Цар., 15, 27-29; 16, 9-12; 21, 7-16; 4Цар., 9; 10, 18-30; 14, 17-20; 15, 10-15; Хроники II, 23; 24, 22-26; 33, 21-25). Для более позднего времени – Эсф., 3-9; Дан., 6.

Мы уже отмечали универсальность интриги. Будучи характерной для «закрытых» систем, она частично сохраняется и в открытых обществах с публичной политикой, республиканским строем и широкой гласностью. Замечательные примеры интриги дает нам, наверное, самое демократическое общество античности, Афины V-IV вв. до н. э. Это – искусно проведенная Эфиа́лтом кампания против Ареопага³, борьба Перикла против Фукидида, сына Мелесия и, наконец, кампания против окружения Перикла, едва не приведшая к его падению⁴. Добавим к этому ловкую интригу Алкивиада и Никия, завершившуюся ostracismом Гипербола, «дело гермокопидов», свалившее Алкивиада в 415 г., и, наконец, саму историю «приключений» этого политического деятеля⁵, и мы получим полнокровную «параллельную историю» афинской демократии.

Спецификой интриги является и повышенный интерес со стороны ученых и писателей. Динамичность сюжета, эффектность действия, яркость и красочность образов, внезапные перемены ситуации, напряженная фабула, постоянно присутствующий элемент тайны – это и многое другое характеризует интригу в литературном произведении, которая и является секретом невероятной популярности романов Вальтера Скотта, Александра Дюма или Рафаэля Сабатини.

Античный историк был в большей степени писателем, чем современный, а писатель (в том числе и историк), не уделявший внимание таинственным убийствам, глубоко законспирированным заговорам и скандальным судебным процессам, был обречен на неприятие со стороны читателей. Поскольку нас интересует римская историческая литература, то отметим, что в центре некоторых произведений (например, «Заговора Катилины» Саллюстия или «Анналов» Тацита) находится именно политическая интрига, тогда как в других сочинениях (например, трудах Тита Ливия, Диона Кассия, Аммиана Марцеллина) она играет значительную роль. Можно сказать, что роль интриги в исторической литературе (особенно художественной) явно преувеличена, хотя и преуменьшать ее тоже достаточно опасно.

Перед тем, как переходить к историческому обзору, остановимся на терминологической стороне вопроса.

Собственно глагол *intricare* очень редок, однако римские авторы предпочитают другие термины, а в политическом словаре есть немало слов, обозначающих тайную политику, интригу и причастных к ней людей. Так, с понятием интриги связано одно из ключевых понятий римской политической

³ Arist. Ath. Pol., 25, 2 ff. Один из первых примеров дискредитации или ликвидации политического института посредством «точечных ударов» по его ведущим или рядовым членам.

⁴ Plut. Per., 30-32. О кампании против членов кружка Перикла с целью смещения его самого см. Фролов Э. Д. Кружок Перикла //Парадоксы истории – парадоксы античности. СПб., 2004. С. 309-313.

⁵ Об Алкивиаде см. Фролов Э. Д. Греческие тираны. Л., 1972. С. 12-36.

терминологии, термин *factio*⁶. Этимологически *factio* происходит от глагола *facere* (делать), а *facere pro* и *facere contra* может обозначать занятую кем-либо политическую позицию, а еще чаще – политическую группировку или партию⁷. Хотя слово может фигурировать и в нейтральном контексте (напр., Sall. Hist., III, 48, 8; Cic. Ad Q. fr., III, 1, 5; 15; Suet. Iul., 11), чаще всего оно используется именно в пейоративном смысле (Sall. Iug., 29, 2; Hist., III, 48, I-II; Cat., 32, 2; 34, 2; 51, 40; Epist. Ad Caes., II, 2; 8; 11; Caes., B. C., I, 22; Cic. De re p. III, 13, 23). Последнее суждение Цицерона носит характер теоретического определения: «Когда же определенные люди владеют государством посредством богатства, происхождения или чего-либо другого, то это есть клика (*factio*), но именуются они оптиматами».

Таким образом, *factio* – это достаточно сильная, сплоченная и агрессивная группировка, обычно включающая в себя верхушку нобилитета (Sall. Iug., 41; Epist. Ad Caes., 11.2-11; Caes., B. C., I, 22). Связь *factio* именно с нобилитетом подчеркивается в знаменитой характеристике партий в «Югуртинской войне» Саллюстия (Sall. Iug., 41)⁸.

«Впрочем, дурная склонность к раздорам (*mos partium et factionum*) между народом и знатью, а впоследствии ко всяческим порокам (*malarum atrium*) возникла в Риме несколькими годами ранее, во времена мира и изобилия всего того, чему люди придают наибольшую ценность ... Ибо зная начала произвольно пользоваться своим высоким положением, народ — своей свободой, каждый стал тянуть к себе, грабить, хватать. Так обе стороны растащили все; государство, находившееся между ними, оказалось растерзано. (6) Впрочем, зная была более могущественна своей сплоченностью, народ же, разъединенный и рассеянный ввиду его многочисленности, был слабее» (Пер. В.О. Горенштейна).

Мы в целом принимаем перевод В. О. Горенштейна, который, однако, нуждается в некоторых поправках. Так, перевод *partium et factionum* как «раздорам» явно недостаточен, т. к. не отражает суть ни одного, ни другого термина⁹. Столь же общим является перевод *malarum atrium*, где автор имеет в виду не

⁶ О термине *factio* см. Егоров А. Б. Политические партии в Риме в период гражданских войн II-I вв. до н. э. Л., 1977. С. 25-43 (канд. Дисс.); Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin des relations et des parties politiques sous la republique. Paris, 1963. P. 100-109.

⁷ Hellegouarc'h J. Le vocabulaire..., P. 100-109; Strassburger H. Optimates // RE. Bd. 36. Stuttgart, 1939. Sp. 777; Taylor L. R. Party politics in the age of Caesar. Berkeley, 1949. P. 9-10. Егоров А. Б. Политические партии... С. 27-28.

⁸ Пер. В.О.Горенштейна в издании: Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М., 1981. С. 64.

⁹ Термин *pars* (часть) часто используется в политическом словаре как синоним *factio*. См. Strassburger H. Optimates...Sp. 785; Hellegouarc'h J. Le vocabulaire..., p. 110-115; Егоров А. Б. Политические партии..., С. 43-54. Точно перевести почти невозможно, но более правильным было бы «дух партий и политических группировок», «дух клик и партий».

пороки вообще, а недостойные и нечестные методы политической деятельности. Интересно и второе значение *factio*, где к переводу «сплоченность» можно добавить такие значения как «агрессивность» и «склонность к интриге».

Еще более интересно прилагательное *factiosus*, т. е. человек, активно участвующий в жизни *factio* и способный ее организовать. *Factiosus* обозначает не только богатого, могущественного и активного деятеля, но и человека ловкого, нечестного и знающего все тайные пружины политики. В ряде случаев возможен и перевод «интриган». Это слово фигурирует в двух очень интересных характеристиках, консула 117 и цензора 109 г. Марка Эмилия Скавра и Гнея Кальпурния Пизона. «Но более всех Эмилий Скавр, человек знатный, деятельный, интриган (*factiosus*), жаждущий власти, почестей и богатства, но хитростью скрывающий собственные пороки») (*Sall., Iug., 15, 4*). «Был в это время Гн. Пизон, человек крайней дерзости, бедный, интриган (*factiosus*), которого для приведения государства в смятение побуждали нехватка денег и дурные нравы» (*Sall. Cat. 18, 4*).

Если Пизон, при всех своих задатках и связях с Катилиной, все-таки оказывается скорее жертвой чужой интриги, то образ Скавра представляет для нас значительно больший интерес. В 115 г. он становится принцепсом сената и одним из его фактических руководителей, а брак с Цецилией Метеллой, дочерью консула 119 г. Л. Цецилия Метелла Далматика, сделал его одним из лидеров этого клана, превратившегося в самый влиятельный центр римской политики¹⁰. Противник всех популяров и реформаторов от Гая Меммия до Ливия Друза, впрочем, умевший ладить и со всемогущим Марием, Скавр олицетворял тип могущественного, всезнающего «непотопляемого» интригана, возглавлявшего сенат со 115 г. и до своей смерти около 90 г. Саллюстий, действие сочинения которого происходит в период Югуртинской войны (117-111 гг. до н. э.), считает Скавра одним из главных коррупционеров в деле Югурты (*Sall. Iug., 25; 29-30*), сумевшим уйти от наказания и даже войти в комиссию Мамилиа Лиметана (*Ibid., 40*) и стать судьей над своими бывшими подельниками. Так или иначе, этот человек вполне мог встать рядом с крупнейшими мастерами интриги в древней и даже мировой истории.

Мы еще вернемся к образам политиков, а пока что нам предстоит уделить внимание терминологии, где можно найти как общие, так и, наоборот, конкретные понятия. *Coitio* означало общую форму союза и фигурировало как в военном словаре, так и в криминальном и брачном праве. *Coire cum aliquo* означало соглашение между политиками, чаще всего – предвыборное, когда кандидаты в магистраты (обычно консулы) шли «тандемом» с целью прохождения обоих участников¹¹. Напротив, *coniuratio* и *conspiratio* обозначали организованный законспирированный заговор. Первый термин предполагал наличие общей присяги, тогда как второй подчеркивает идею согласия и сплоченности его участников. В эпоху республики эти слова обычно приме-

¹⁰ Ooteghem J. Les Caecilii Metelli de la Republique. Bruxelles, 1967. P. 109-124.

¹¹ Hellegouarc'h J. Le vocabulaire... P. 92.

нялись в отношении двух событий, заговора Катилины и заговора против Цезаря, а в эпоху Империи – в отношении заговоров против императоров (Тиберия, Калигулы, Клавдия, Нерона и др.). Возможными были и выходы за пределы римской внутренней политики, как, например, обмен присягами между италийскими общинами накануне Союзнической войны.

Другие термины, *sodalitates* и *sodalitium*, связаны с системой коллегий, когда под видом профессиональных и религиозных коллегий возникали политизированные, а иногда и военизированные организации, как, например, те, которые использовал П. Клодий. *Sodalitates* были столь серьезной проблемой, что стали объектом законодательного запрета (напр. в 64 г. и при Юлии Цезаре – *Cic. Sest.*, 15, 35; in *Piso*, 4, 9; *Dio*, 38, 13; *Suet. Iul.*, 42, 3)¹². Ряд других обозначений касаются хотя и второстепенных, но важных членов тайных или криминальных сообществ. Это *minister* и *adiutor*, обозначавшие примерно одно и то же – «помощник», «прислужник». Если второй термин обычно фигурировал в официальном контексте, то первый часто встречается в сочетаниях типа *minister sceleris* или *minister consiliorum*. В том же значении встречается слово *satelles*, иногда обозначающее прислужников и помощников тиранов и сохранившее (впрочем, как и первые два) негативный оттенок («сателлит»)¹³.

Показательны и глаголы. Глагол *invidere* имеет не только основное значение «завидовать», но и более активный смысл «ненавидеть», что еще более сильно выражено в прилагательном *invisus* («ненавистный»). Оттенок интриги и тайного противодействия имеет глагол *obtrectare* («противодействовать»), а И. Х. Дворецкий и Д. Н. Корольков дают значение производных от него *obtrectatio* и *obtrectator* как «ревнивое недоброжелательство» и «недоброжелатель»¹⁴. Из военного словаря пришел термин *insidiae*, имеющий значение «засада», но обозначающий и любые другие военные действия, связанные с обманом противника. Этот негативный смысл еще более усиливается в политическом словаре, получая такой набор значений, как коварство, интриги, ловушки, козни и пр. Имеется и существительное, обозначающее строящего козни интригана или человека, готовящего покушение¹⁵. Из военного же словаря пришел глагол *circumvenire* («обходить, окружать»), который появляется в политическом словаре в значении «обман», «угнетение» и «притеснение». Добавим еще слово *dolus* («хитрость», прил. «хитрый»), также обозначающее «обман» в любой его форме. Предлог *sub* – (*subdolus*) должен подчеркнуть особенно коварный и изощренный способ обмана.

Список, вероятно, далеко не полон, однако все приведенное выше, свидетельствует об обилии политической терминологии и бытовой лексики, связанной с интригой, тайной политикой, заговорами и иными подрывными

¹² Hellegouarc'h J. Le vocabulaire... P. 110.

¹³ Hellegouarc'h J. Le vocabulaire... P. 89.

¹⁴ И. Х. Дворецкий, Д. Н. Корольков. Латинско-русский словарь. М., 1949. С. 602.

¹⁵ И. Х. Дворецкий, Д. Н. Корольков. Латинско-русский словарь. С. 602.

действиями. Это обстоятельство можно подкрепить персональной информацией, а потому мы опять вернемся к нашему списку «знаменитых интриганов».

Эмилий Скавр открывает собой серию политических «тяжеловесов», десятилетиями находящихся в центре римской политики и управлявших тонкими нитями политики, находящимися в руках могущественного кукловода. Л. Марций Филипп¹⁶, родился в 136 г. до н. э. В молодости он был популяром, но затем перешел на сторону нобилитета и в 100 г. участвовал в подавлении движения Сатурнина (Cic. Rab. 21). Лоббируя интересы всаднических судей и публиканов, он вступил в конфликт с лидером оптиматов Кв. Сервилием Цепионом, но в 91 г. Филипп и Цепион совместно выступили против Ливия Друза. Именно Филипп добился отмены его законов (Cic. De leg., II, 31), и, возможно, был заказчиком его убийства (Cic. Nat. Deor., III, 81). Он пережил и Союзническую войну, и сулланский переворот 88 г., и события 87 г., после которых начал сотрудничать с марианцами и стал цензором 86 г. После высадки Суллы в Италии, Филипп перешел на его сторону и стал одним из лидеров сулланского сената, защищая «дело Суллы» и после его смерти (Sall. Hist., I, 77). В конце жизни, интригуя против всесильных Метеллов, Филипп лоббировал новую «восходящую звезду», Гнея Помпея (Plut. Pomp., 17)¹⁷.

В отличие от Марция Филиппа, Кв. Лутаций Катул, консул 78 г. и фактический лидер постсулланского сената, был всю жизнь верен «делу Суллы» и оптиматов и находился на посту принцепса сената¹⁸ вплоть до своей смерти в 61 г. Катул сопротивлялся всем попыткам реформ системы и неизменно выступал против реформаторов от Эмилия Лепида до Юлия Цезаря. Катул имел репутацию «несгибаемого оптимата», однако он должен был прекрасно знать все тайные пружины политики и владеть мастерством политической интриги, о чем свидетельствует та сложная игра, которую он вел по отношению к Катилине.

Образы «великих интриганов» дает и историческая литература, и здесь особое место занимает образ Катилины у Саллюстия. С самого начала автор наделяет своего «антигероя» незаурядными качествами. Аристократ (*nobile generi natus*), он обладает огромной силы «души и тела», терпеливо переносит любые лишения, включая голод, жажду и недостаток сна, обладает

¹⁶ Münzer F. Marcius (75) //RE. Bd. 14. Hbd. 27. Stuttgart, 1928. Sp. 1561-1571.

¹⁷ Подробнее см. Twyman B. The Metelli, Pompeius and Prosopography //ANRW. Tl. 1. Bd. 1. Berlin-New York, 1972. P. 840-853.

¹⁸ Münzer F. Lutatius (8) //RE. Bd. 13. Hbd. 25. Stuttgart, 1927. Sp. 2082-98. Есть мнения, что Катул, будучи плебеем, не мог стать *princeps senatus* (Wiseman T. The senate and the populares 69-60 B. C. //CAH. 2-ed. Cambridge, 1998. V.IX. P. 327-328, а потому этот пост занял консул 77 г. Мам. Эмилий Лепид Ливиян, однако, вероятно, более справедливо мнение Ф. Мюнцера (Sp. 2087), что в 70 г. принцепсом сената стал Катул (ср. Cic. Pis., 6; Vell., II. 43, 4; Val. Max., VII, 7). В том, что Катул является реальным лидером сената, не сомневался никто.

хорошими навыками красноречия (*vastus eloquentiae*). Особенно характерны его «душевные» качества. «Дух он имел дерзкий, исключительно хитрый (*subdolos*) и переменчивый (*varius*), мастер притворяться и скрывать что угодно (*quodius rei lubet simulator ac dissimulator*)¹⁹, жаждущий чужого, своего расточитель... Его неумный дух всегда стремился к невероятному, неумеренному и слишком большому».

Саллюстий уверен, что Катилина стремился к захвату единоличной власти (*dum sibi regnum pararet* – Sall. Cat., 9). Он создает разветвленный заговор, опираясь, прежде всего, на преступную и жаждущую удовольствий «золотую молодежь». Вокруг главаря собираются различного рода распутники, люди, осужденные или боящиеся осуждения за убийства и святотатства (*omnes undique parricidae, sacrilegi, convicti iudiciis aut pro factis iudicium timentes*. Ibid., 14, 3).

Создав ядро заговорщиков (Ibid., 15, 2-3; 17, 1-4), он рассылает по Италии своих эмиссаров с целью подготовки боевых отрядов (Ibid., 27, 1-2), тогда как в Этуррии отряды боевиков собираются в целую армию во главе с Г. Манлием, которую позже возглавит сам Катилина. Глава заговора искал союзников, авантюристов типа Пизона или Ситтия Нуцерина (Ibid.), а также – таких всемогущих *princeps civitatis*, как Красс или сам Лутаций Катул (Ibid., 17, 6; 34-35). Рассчитывал Катилина и на поддержку городского и сельского люмпена. Существовал даже «отряд» вовлеченных в заговор знатных дам, которые должны были стать инструментом воздействия на своих высокопоставленных мужей (Ibid., 24, 25). Так активная участница заговора светская львица Семпрония была женой консула 77 г. М. Юния Брута. В изображении Саллюстия, полностью подтвержденным Цицероном²⁰, план переворота выглядит весьма зловеще. Армия Манлия должна была двинуться на Рим, где предполагалось восстание, организованное группой Лентула и Цетега, сопровождаемое убийствами видных сенаторов и, возможно, поджогом. Одновременно должны были начаться мятежи в других городах Италии, целью которых было отвлечение правительственных сил (Ibid., 43).

Другой образ *homo factiosus* изображен Светонием в биографии Цезаря. Из этой биографии трудно понять, что речь идет о великом полководце. Цезарь предстает перед нами ловким интриганом и авантюристом, упорно идущим к неограниченной власти. Его биография предстает как полоса непрерывных интриг: получение прощения Суллы благодаря взятке и протекции родственников (Suet. Iul., 1), интриги с Лепидом (Ibid., 3; 5), опасные поездки в мятежные латинские колонии (Ibid., 8), участие в попытке аннексии Египта (Ibid., 10), сомнительное дело Рабирия (Ibid., 12), совместные интриги с катилинариями и Метеллом Непотом (Ibid., 13-17) и, наконец, триумвират и

¹⁹ Замечательно различие двух слов, которое, видимо, нельзя точно передать при переводе. *Simulator* – тот, кто представляет то, чего у него на самом деле нет, скажем, притворное чувство или не имевшие место факты, напротив, *dissimulator* – это тот, кто скрывает то, что у него есть.

²⁰ Ср.: Cic. Cat., I, 6, 13-7, 16; II, 3; III, 4, 8-9; pro Sulla, 5, 14-6, 17.

получение консульства 59 г. (Ibid., 19-21).

Посвятив Галльским войнам всего одну главу (Ibid., 24,3 – 25), Светоний подробно описывает его интриги этого периода. Цезарь ставит консулами «нужных людей» и пытается стать коллегой Помпея (Ibid., 23-24), подкупает своих солдат и влиятельных политиков в Риме (Ibid., 27), строит всевозможные матримониальные союзы и склоняет на свою сторону «золотую молодежь» и вассальных правителей (Ibid., 27-28). Всевозможными хитростями он пытается сорвать направленные против него постановления и постоянно шантажирует Рим войной (Ibid., 29-30). Начав гражданскую войну из-за стремления к неограниченной власти и нехватки денег (Ibid.), Цезарь, наконец, становится владыкой Рима, приобретает неограниченные почести, за что его и настигает справедливое возмездие (Ibid., 76-79).

Нашей целью не является подробный анализ и оценка деятельности Катилины или Цезаря и даже анализ этих образов у Саллюстия и Светония. Для нас эти образы являются некоей данностью, которая позволяет сделать вывод о разработанности тем «тайной войны», интриги и государственного переворота в исторической литературе I века до н. э. – II века н. э. Римские писатели списывали их «с натуры». Кое-что искажено, и мы внесем свою лепту в хор критиков. За Катилиной стояли не только криминальные круги, но и определенная «ультраправая» идеология, сводящаяся к полной реставрации сулланского режима. Более того, «прожженный интриган», «король преступного мира» и глава «сил зла» оказывается слабым именно в мире интриги, где его с легкостью переигрывает Цицерон. Что касается Светония, то его образ Цезаря был бы возможен для политика или полководца эпохи Империи, но совершенно нереален для республиканского политика, строящего новое общество. Обзор не только неполон, но и просто эксклюзивен, и не только эти, но и другие римские политики (можно сказать, большинство) прекрасно владели приемами «тайной войны» и политической интриги.

2. Патриции против плебеев (V-II вв. до н. э.).

Общая периодизация истории республики основана на комбинации событий внутренней и внешней политики и обычно выглядит так:

1. Царский период (753-509 гг. до н. э.) (даты традиционны)
2. Ранняя республика (509-264 гг. до н. э.)
3. Эпоха «великих завоеваний» (264-133 гг. до н. э.).
4. Эпоха гражданских войн (133-31 гг. до н. э.)

Если рассматривать периодизацию, исходя из событий только внутренней истории, то она неизбежно примет несколько иной вид. Особое значение приобретают две даты – дата принятия законов Лициния-Секстия (376 или 366 гг. до н. э.) и дата закона Гортензия (287 г.), последнего события борьбы плебеев и патрициев. С учетом этих замечаний, мы и намерены предложить несколько иную периодизацию, подчеркнув, что она имеет значение только для внутренней истории Рима:

1. Царский период (753-509 гг. до н. э.).
2. Господство патрицианской знати и патрицианская республика (509-366 гг. до н. э.)
3. Становление республики нобилей (366-287 гг. до н. э.).
4. Расцвет республиканского строя (287-133 гг. до н. э.).
5. Эпоха гражданских войн (133-31 гг. до н. э.).

Интересующий нас материал, прежде всего, связан с последним периодом. Изучение интриги требует очень достоверной и детальной информации, что можно сказать для времени, когда мы можем пользоваться письмами, речами и трактатами Цицерона, сочинениями Цезаря и Саллюстия, очень полными обзорами Аппиана и Диона Кассия и биографиями Плутарха. Напротив, ранний период республиканской истории представлен, прежде всего, трудом Тита Ливия, а время до середины IV века вообще стало полем дискуссий, когда очень влиятельная часть ученых вообще отвергает возможность использования информации авторов. Даже те, кто, в целом склонен признавать историческую основу событий этого времени, обычно делает это с оговорками. Признавая историчность свержения царей, сецессии плебеев или децемвирата, они склонны сомневаться, когда речь идет об историях Вергинии и Лукреции, тогда как именно они особенно интересны для нашего исследования. Заметим, что историческая мифология не обходит стороной даже хорошо известные события поздних периодов²¹, а это еще раз требует особой осторожности относительно ранних.

Если не считать истории Ромула (Liv., I, 6-7; 18), историю римской интриги можно начинать с первого Тарквиния, который пришел к власти, отстранив сыновей Анка Марция и использовав фактор выборности рекса (Liv., I, 35). Если Тарквиний Приск все-таки пришел к власти легитимным путем благодаря доверию прежнего царя, собственным заслугам и выбору сената и народа, то после убийства Тарквиния сыновьями (или внуками) Анка, его воспитанник Сервий Туллий стал царем при поддержке ловкой интриги, придуманной вдовой Приска Танаквилью (Liv., I, 40-41). Историю Тарквиниев завершил приход к власти последнего представителя династии, Тарквиния Суперба. Сын или внук Тарквиния, Суперб стал зятем Сервия Туллия вместе со своим братом Аррунтом, когда оба брата получили в жены двух царских дочерей. Устранив своих супругов, Луций Тарквиний и Туллия-младшая соединились, а затем убили и самого царя (Liv., I 46).

Казни и интриги сопровождают все правление Тарквиния Суперба (традиционная дата – 534-510 гг. до н. э.). Он устраняет Турна Гердония, бывше-

²¹ См., напр. интересные замечания А. В. Короленкова и Е. В. Смыкова по поводу различных событий 116-79 гг. (Короленков А. В., Смыков Е. В. Сулла. М., 2007. С. 49-54; 56; 58-59; 63; 68-69; 79; 99-100; 102; 109-110; 115; 184-187; 191; 241-242; 265-266; 282; 298-299 и др.). Вероятно, некоторые эпизоды могут вызвать сомнения, но сам факт обширной мифологии, существовавшей вокруг этих событий и их участников бесспорен.

го лидером оппозиции царю в Латинском союзе и совместно с сыном, Секстом, обманом подчиняет себе Габии (Liv., I, 53-55). Кровавый режим заканчивается насилием Секста Тарквиния над аристократкой Лукрецией, восстанием, поднятым ее родственниками и их друзьями, изгнанием царя и его семьи и судьбоносным решением о замене царской власти властью двух консулов (Ibid., II, I, 9). Согласно традиции, лидеры заговора были очень близки к царю: муж Лукреции, Тарквиний Коллатин, был близким родственником царя (Ibid., I 57, 5; II, 2, 2-3), ее отец, Спурий Лукреций, был префектом города, замещавшим царя во время отсутствия, а лидер восстания, Луций Брут, был сыном сестры Тарквиния и командующим конницей (Ibid., I, 56, 7). Царь не раз пытался вернуть себе власть. Один раз путем заговора, центром которого стали знатнейшие семьи Рима (Ibid., II, 4-5), а затем – еще дважды – при помощи войск Вей и Тарквиний (Ibid., II, 6-7) и царя Клузия Порсены (Liv., II, 9-15). Последней, уже эфемерной попыткой было участие Тарквиния и его «когорты» в битве при Регилльском озере (Ibid., II, 19-20).

Конечно, в информации о Тарквиниях, наверняка, присутствует немалая доля исторического и литературного вымысла, а современная нашим авторам реальность, несомненно, отражалась на подаче исторической информации. Вместе с тем, вполне возможно, что обилие интриг в этот, несомненно, переломный период, было вызвано и историческими обстоятельствами. VI век был временем расцвета могущества этрусков, власть которых простиралась от Альп до Кампании. Рим вошел в «этрусскую зону» материальной культуры, что привело к экономическому подъему и политическим и культурным переменам. Разрозненные поселки сливаются в единый городской массив²², а при Сервии Туллии появилась первая стена, окружившая практически весь город²³. В самом Риме возникли храмы Юпитера Капитолийского и Дианы Авентинской. Первый из них позиционировал статус Рима в этруском мире, тогда как второй выражал претензию на лидерство в Латинском союзе, что ему, видимо, удалось (Ibid., I, 38-45; 55-56). Карликовое государство раннего царского времени, имевшее площадь около 150 км², выросло до 850 км².²⁴

Блестящие успехи римлян происходили на фоне развития двух опасных тенденций, утраты национальной независимости и утраты политических свобод. Как бы ни пришли к власти этруские цари, новая власть была чужда как коренной аристократии, так и большинству населения. Строго говоря, Рим был независим, но он становился частью этруского мира, а когда власть Тарквиниев рухнула, они обратились за помощью именно к этрускам.

Э. Гьерстад считает, что власть царей-этрусков представляет собой ана-

²² Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organisation in frühromischer Zeit // ANRW. Tl. I Bd. I. Berlin-New-York, 1972. S. 137-142.

²³ Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organisation S. 141-142; 165-166.

²⁴ Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organisation S. 171; 181.

лог раннегреческой тирании архаического периода²⁵. Все три царя проводили политику ослабления родовых институтов и родовой аристократии. Сенат становился «царским советом»²⁶, а реформы Тарквиния Приска и Сервия Туллия сделали всадников «царской гвардией»²⁷. Наконец, знаменитая реформа Сервия Туллия допустила плебеев в легион, существенно увеличила армию и создала новый тип комиций, *comitia centuriata*, оттеснившие прежние собрания по куриям²⁸.

Сказанное выше может отчасти объяснить полосу интриг, связанных с Тарквиниями. Впрочем, учитывая легендарность событий и отношение к ним научного сообщества, мы воздержимся от дальнейшего использования этого материала.

Два последующих периода имели особое значение для истории Рима. Свобода и независимость стоили дорого. Выход из «этрусской зоны» вызвал резкий экономический и культурный упадок, сопровождавшийся внешнеполитическим и социальным кризисом. Общий спад и тяжелые войны обострили аграрный голод и долговые проблемы. Война с Порсеной едва не стоила Риму полной потери суверенитета, однако после поражения этрусков под Арицией от греков (506 г.) римляне остались союзниками царя. Распался Латинский союз, латины во главе с Тускулом восстали против Рима. Впрочем, в большой битве при Регилльском озере (499 или 496 гг. до н. э.) латины были разгромлены, а в 493 г. между ними и Римом был заключен равноправный договор. Начиная с 90-х гг. V века римляне ведут почти непрерывные войны с эквами и вольсками, а в 482-475 гг. прошла Первая Вейентская война.

На место этруской «тирании» пришел период «аристократического правления». Патрициат, полностью контролировавший сенат и магистратуры, напоминал гомеровскую знать с ее отрядами клиентов, богатством и родовым могуществом, делавшими знатный род (Фабии, Валерии, Клавдии и др.) «государством в государстве». Теперь им противостояли массы плебса, лишенные земли, обремененные нуждой и долгами и выносящие основную тяжесть тяжелых войн и гражданских смут.

После так называемой первой сецессии плебеев (495 г.), на протяжении 90-60-х гг. V века Рим находился на грани гражданской войны. Основной конфликт был связан с аграрным вопросом, особенно обострившимся в 80-70-е гг. V века (Liv., II, 42; 44-45; 52; 54; 61; 64-65) и долговыми конфликтами, в 60-е гг. добавились требования политической реформы.

Перелом происходит после принятия Законов XII Таблиц (451-450 гг.) и законов Валерия-Горация (449 г.), после чего последовали закон Канулея о

²⁵ Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organisation S. 166-169

²⁶ Белкин М. В. Римский сенат в эпоху сословной борьбы VI-IV вв. до н. э. Проблемы эволюции (автореф. диссертации). СПб., 1997. С. 12-13.

²⁷ Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organisation... S. 158.

²⁸ Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organisation. S. 173. ff.; Ковалев С. И. История Рима. 2 изд. Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1986. С. 66-69.

браках (445 г.) и создание института военных трибунов с консульской властью (*tribune militum consulare potestate*) (444 г.).

Это был первый этап поворота в ранней республике. В сословной борьбе наступает спад, а количество и масштаб конфликтов существенно сокращаются. Патрицианские роды (Валерии, Фабии, Квинции, Корнелии и др.) сохраняли свои позиции в сенате, а вплоть до 400 г. военный трибунат оставался монополией патрициев. Тем не менее перемены происходят, и родовая знать перестает быть аристократией гомеровского типа, превращаясь в служилую знать, сконцентрированную вокруг государственной функции. После 408 г. количество лет, когда римляне выбирали трибунов, существенно превосходило число «консульских лет», а с 400 г. среди трибунов появились плебеи.

Наступил поворот и во внешней политике. В 431 г. диктатор Постумий Туберт разбил эквов и вольсков в битве на реке Альгид (*Liv.*, IV, 22-29), после этого в войне наступает затишье, сменившееся наступлением римлян, а Вторая Вейентская война (438-434 и/или 428-425 гг.) происходит при явном преимуществе Рима. Решающим успехом стала Третья Вейентская война (406-396 гг. до н. э.): ее итогом было уничтожение главного противника в Этрурии, установление контроля над южной Этрурией и захват 75 000 га земли, что надолго решило аграрный вопрос. Галльское нашествие 390 г. на время отбросило римлян назад. 80-е гг. IV века стали временем тяжелых войн с этрусками, эквами вольсками и латинами, тогда же последовал острый долговой кризис, связанный с законами Лициния-Секстия.

После 366 г. преобразования прошли значительно быстрее и уже не встречали серьезных препятствий. К 337 г. практически все магистратуры стали доступны плебейам, а консульство и цензура занимались на паритетных началах. Сенат состоял из экс-магистратов, внутренняя иерархия была основана на иерархии магистратур, занимаемых народным собранием, а патрицианская и плебейская знать сливается в единое целое. В 339 г. законы Публия Филона создали трибутные комиции, а в 326 (или 313 г.) закон Петелия-Папирия ликвидировал долговое рабство и стал идеологической основой гражданской свободы. В 300 г. принимается закон Валерия о провокации, а в 287 г. был принят последний акт борьбы сословий, закон Гортензия.

Консолидированное государство усиливает свою экспансию. В ходе Латинской войны 340-338 гг. римляне полностью подчинили Латинский союз. Начались победоносные Самнитские войны (343-341, 327-305 и 297-290 гг. до н. э.). Экспансия сопровождалась колонизацией. В V веке римляне вывели 7 колоний, еще 4 появились в 80-70-е гг. IV века, а в период 379-241 гг. общее число колоний достигло 23.

Эпоха борьбы сословий дает нам не так много примеров событий «тайной войны». Отчасти это было вызвано тем, что главным орудием плебеев были гласность, открытость и принятие законов. Процессы против патрицианских лидеров обычно носили открытый характер (*Liv.*, II, 52; 54; 55; III,

12-14; 31; IV, 21; 42). Именно в это время закладываются основы римского народовластия. Законы Валерия-Горация (449 г.), Публия-Филона (339 г.) (Liv., VIII, 12) и Гортензия (287 г.) создали базу римского республиканизма и утвердили принцип, что большинство, каковым был плебс, и есть тот самый суверенный *populus Romanus*.

«Тайная политика» была оружием патрициев, и потому трибуны старались «выбить» его из рук противника. Иногда достаточным было предать гласности неблагоприятные действия патрициев и сделать их интриги предметом публичного обсуждения. Если этого было мало, в ход шли всевозможные публичные проявления недовольства, превращавшиеся в настоящие манифестации (Ibid., II, 43; II, 66-69; IV, 44; VI, 31-35; VII, 2; 19; VIII, 12). Более сильными формами протеста были отказ от военной службы (Ibid., II, 44; III 12-14; IV, 53; V, 29-30), волнения в армии (Ibid., II, 43; III, 31; VII, 39-41) и, наконец, массовые акции, подобные сецессиям. Важным фактором была гласность суда и публичные разбирательства преступлений патрицианских лидеров.

Наконец, как и во времена греческой архаики, римское общество V-IV вв., раздираемое острейшими противоречиями, все же сумело проявить немалую долю здравого смысла и остановиться у последней черты²⁹. Несмотря на то, что аграрный и долговой кризисы достигли своего наивысшего развития, в обществе с самого начала возникает сознание необходимости общественного согласия. Это ощущение присутствует уже в рассказе о «первой сецессии» 495-494 гг. до н. э. (Liv., II, 21-30), когда стороны осознали необходимость договора сословий, хранителями которого и стали трибуны. Даже если принимать нетрадиционные версии происхождения трибуната³⁰, нельзя не признать, что постепенно трибуны приобрели то качество лидеров революции, которое мы находим у Ливия, а законы Публилия Волерона (471 г.) (Ibid., II, 56-57) и Валерия-Горация (449 г.) превратили их в неотъемлемую часть системы и выборных магистратов с определенной процедурой избрания и гарантиями неприкосновенности. В 457 г. трибунов стало 10, и это число сохранилось до конца республики.

Идея единства общины постепенно укреплялась. Помимо общих военных предприятий и идеологических факторов, принцип «одного народа» стал создаваться и на законодательном уровне. В 449 г. законы Валерия-Горация, по крайней мере, частично, установили право плебейских сходов на принятие законов, что было позже развито и закреплено законами Филона (339 г.) и Гортензия (287 г.)³¹. Другим фактором создания единства был закон Кану-

²⁹ О греческом обществе см. Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 128; 131-135.

³⁰ См., напр. Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organisation... S. 183-187.

³¹ Подробнее см. Егоров А. Б. Демократические элементы римского государственного строя и движение популяров // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь, 2010. Вып. I. С. 123. Если сообщение Ливия 200

лея о браке (445 г.) (Ibid., IV, 1-6), а введение института военных трибунов с консульской властью начало процесс, завершившийся полным доступом плебеев к магистратурам. Следующим этапом объединения стали преобразования 339-287 гг., речь о которых уже шла ранее. Примечательно, что идея единства постоянно звучала в большинстве дебатов вокруг тех или иных законов (Ibid., IV, 1-6; VI, 38-41; X, 6-8) и, чем дальше, тем больше, оказывалась все более и более серьезной преградой на пути эскалации того или иного конфликта.

Патриции были обороняющейся стороной, однако и им приходилось осваивать методы публичной политики. Временами они открыто противостояли инициативам трибунов и публично противопоставляли им авторитет сената (Ibid., II, 27; 34-35; 44; III, 1; 21; 24; 30; 65; IV, 3). Использовались религиозные аргументы. Параллельно в сенате шла постоянная клановая борьба, а, кроме того, жестким противникам компромисса противостояли сторонники соглашения или умеренных уступок, которых становилось все больше и больше (Liv., II, 27; 30; 41; III, 38-41).

Вместе с тем, на фоне «обычной» политической борьбы происходят «нетипичные» события, а время от времени и глобальные кризисы, угрожавшие выйти за пределы обычного конфликта. Именно эти случаи и попадают в сферу наших интересов. Собственно, первой такой ситуацией была первая сецессия. Вскоре возникла новая. В 492 г. в Риме начался голод, и власти закупили большое количество хлеба в Этрурии, у вольсков и особенно у греков в Кампании и Сицилии. Радикально настроенная часть патрициев во главе с Гнеем Марцием Кориоланом предложила давать хлеб плебеям только при условии их отказа от трибуната. Сенат остался верен соглашению, а трибуны привлекли Марция к суду (Ibid., II, 34-35). В 491-489 гг. Марций возглавил вольсков в их походе на Рим, и только мольбы матери и жены остановили его от штурма города (Ibid., II, 38-40). За историей Кориолана может стоять реальная история наступления вольсков, после которого они заняли юг Латинской равнины и надолго стали одним из главных врагов Рима.

Вскоре произошло еще одно событие. Консул 486 г. Спурий Кассий Веспеллин, ранее занимавший эту должность в 493 и, возможно, в 502 г., и возобновивший договор с латинами, теперь заключил союз с герниками, отнял у них 2/3 земли и предложил отдать половину земли плебеям. После яростного сопротивления консула Вергиния, он предложил раздать плебсу деньги, полученные от продажи сицилийского хлеба. Любопытно, что часть народа (а не только сенат) поддержала Вергиния, а после окончания должности, Кассий был осужден и казнен. Ливий приводит версию семейного суда, однако его основной версией является то, что к суду Кассия привлекли квесторы, а «народ приговорил его к смерти». Дом также был разрушен по решению народа,

о законах Валерия-Горация (449 г.) можно считать анахронизмом, то гораздо труднее объяснить немалое число конкретных сообщений о законах, принятых трибунными комициями в период 449-339 гг. (Liv., III, 12, 6; IV, I, 6; 43; V, 55; VI, 21,5.

а на его месте ничего не строили (религиозная санкция) (Ibid., II, 41, 11-12). В 473 г. был найден мертвым трибун Гн. Генуций, активно обвинявший патрицианских лидеров (Ibid., II, 54), а в 470 г. один из лидеров «непримиримых» патрициев Аппий Клавдий, был привлечен к суду народными трибунами. Опасаясь его влияния, трибуны тянули процесс, однако во время этих проволочек обвиняемый умер в тюрьме (Ibid. II, 61).

Наверное, самым значительным кризисом была история децемвиров. В «Истории» Ливия она занимает место третьего важного «узла повествования» после историй свержения царей и установления трибуната (см. Liv., I, 56-II, 1; II, 21-32 и III, 34-35). После долгой подготовки, в 451 г. в Риме была избрана комиссия децемвиров, получившая на время составления законов, всю полноту магистратской власти. После успешной работы первых децемвиров, которые составили законы, опубликованные на 10 бронзовых таблицах (Ibid., III, 33-34) работу было решено продолжить³².

Основная интрига начинается со следующего, 450 года. Хотя определенная ротация произошла, основной состав во главе с Аппием Клавдием составил еще 2 Таблицы законов (Ibid., III, 37). Вторые децемвиры взяли курс на захват личной власти и подавление свобод плебеев. Впрочем, постепенно создавалась и оппозиция в сенате, которую возглавили Л. Валерий и М. Гораций (Ibid., III, 37). Напряженную обстановку усугубили военные поражения. Обострение началось после убийства плебейского лидера Л. Сикция (Ibid., III, 43), а последней каплей стала попытка Аппия Клавдия обесчестить Вергинию, предварительно превратив ее в рабыню одного из клиентов. Отметим, что Вергиния была не «простой плебейской девушкой», а дочерью видного плебейского деятеля и бывшего трибуна Л. Вергиния и невестой молодого, но перспективного политика, Ицилия (Ibid., III, 44, 7), и не исключено, что патрицианский лидер хотел показать плебейской элите «ее место» (точнее, отсутствие оногo) в патрицианском государстве. Вопреки очевидности, Аппий объявил Вергинию беглой рабыней, и только тогда, потеряв всякую надежду спасти дочь от этой участи, отец убил ее на глазах у всего народа и проклял Аппия Клавдия (Ibid., III, 48). Чуждоищность происходящего поставила Рим на грань восстания, а армия двинулась на столицу (Ibid., III, 49-50). Перспектива кровавого исхода все же была отодвинута – по инициативе трибуна М. Дуиллия, народ ушел на Священную гору, что стало именоваться второй сецессией плебеев (Liv., III, 52, 1-4). Сецессия и даже военная опасность заставили сенат принять решение о снятии власти децемвиров и избрании консулов и трибунов (Ibid., III, 54). За этим последовали законы Валерия-Горация, осуждение децемвиров, самоубийства Аппия Клавдия и Оппия (Liv., III, 55-56) и блестящие победы консулов над эквами, вольсками и сабинянами (III, 60-63), завершившиеся триумфом, данным Валерию и Горацию по воле народа вопреки мнению сената (Ibid., III, 63, 5-11).

³² Подробно см. Дементьева В. В. Децемвират в римской государственно-правовой системе середины V века до н. э. М., 2003. С. 87-128.

Возникает соблазн объявить всю историю децемвиров вымыслом, впрочем, тщательнейшее и детальное исследование В. В. Дементьевой вполне определенно показывает явную возможность реальной основы³³. Создание свода законов было объективной потребностью развития *civitas* и отвечало общим интересам патрициев и плебеев. И все же, по справедливому замечанию А. Ватсона, плебеи получили не совсем то, что хотели. Вместо требуемых ими политических реформ, ограничивающих власть консулов (*Ibid.*, III. 9, 1-5), они получили своего рода гражданский кодекс³⁴. Греческая практика (например, законы Солона) эпохи архаики показывает, что предоставление законодателям особой, часто неограниченной власти было обычным явлением, грань между эсимнетами и тиранами была растяжима, а установление законодательства часто сопровождалось попытками установления тирании³⁵. Угроза установления подобного строя – единоличного или корпоративного правления – была достаточно велика, что подтверждается жесткими и подчас неадекватными действиями властей по ее пресечению.

В 461 г. состоялся процесс знатного аристократа Кезона Фабия, во время которого ходили постоянные слухи о заговоре патрицианской молодежи против плебеев (*Liv.*, III. 15, 1-3), а в 440 г. происходит событие, возможно, показавшее степень истерики, с которой патрицианское руководство воспринимало информацию о возможности переворота. В Риме начался очередной голод, а меры, предпринятые властями, оказались неэффективны. Напротив, богатый всадник Спурий Мелий закупил большое количество продовольствия и приобрел множество сторонников. Вскоре ответственный за закупку продовольствия Л. Минуций заявил, что в доме Мелия происходят сходки и создаются склады оружия (*Ibid.*, IV, 13, 1-9). Хотя Ливий сообщает как данность, что Мелий готовил переворот, никаких конкретных сведений, кроме заявления его неудачливого конкурента Минуция, он не приводит. Тем не менее, сенат назначил диктатора, героя войн с эквами Л. Квинция Цинцинната. По его приказу начальник конницы Кв. Сервилий Агала арестовал Мелия, который не оказал сопротивления и молил о пощаде, однако Сервилий убил его под предлогом оказания сопротивления (*Liv.*, IV, 13-14). Сервилий Агала вошел в историю как спаситель государства, а плебс успокоили раздачей найденного у Мелия хлеба. История остается неясной, непонятна и жестокая расправа над человеком, вина которого заключалась максимум в спекуляции хлебом.

Наверное, последним серьезным кризисом, способным дестабилизировать обстановку, были события рубежа V-IV вв. до н. э. Первые события произошли сразу после Третьей Вейентской войны (406-396 гг.). Даже несмотря

³³ Дементьева В. В. Децемвират ... С. 81-85; 119-121; 127-128.

³⁴ Watson A. *The State, War and Religion: Pagan Rome*. Athens, Georgia, 1992. P. 1-3; 72.

³⁵ По поводу зыбкой грани между эсимнетами, тиранами и чрезвычайными магистратами у греков см. Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса..., С. 122-128; 163-167.

на большую победу, римляне могли ощутить благоприятные перемены только со временем, тогда как потери, разруха и усталость были налицо. Уже в 396 г. начались конфликты из-за военной добычи, а в 395 г. трибун Гн. Сициний выступил с планом обширной колонизации вейентской земли (Ibid., V, 22-25), и, если командующий, знаменитый Марк Фурий Камилл хотел поддержать государственную казну, то плебеи требовали раздела земли и добычи (Ibid., V, 29-30). Итогом стал парадокс: победитель Вей был удален в изгнание и приговорен к денежному штрафу (Ibid., V, 32, 9).

Галльское нашествие значительно усугубило положение. После 390 г. восстали все противники Рима (этруски, вольски и эквы), Латинский союз был на грани распада, ущерб, нанесенный городу, был огромен, а колонизацию в Вейи пришлось отложить. 80-е гг. прошли в тяжелых войнах с соседями, в ходе которых римляне, которых возглавил вернувшийся из ссылки Камилл, сумели восстановить положение, существовавшее до разгрома.

В 385 г. начался тяжелый долговой кризис, сопровождаемый движением должников во главе с патрицием М. Манлием Капитолийским, героем обороны Капитолия. Программа Манлия неизвестна, Ливий упоминает только аграрные законы и меры против больших ссудных процентов (Ibid., VI, 11). Сенат назначил диктатором А. Корнелия Косса, который бросил Манлия в тюрьму, но был вынужден освободить его под давлением народа (Ibid., VI, 14-17). Хотя автор очень скупо сообщает о конкретных действиях Манлия, он все время говорит о мятеже, опасности сецессии и перспективе кровопролития и обвиняет Манлия в стремлении к царской власти (Liv., VI, 18, 1; 19, 1-3). Наконец, сработал механизм «согласия сословий». Обвинителями Манлия выступили народные трибуны, М. Менений и Кв. Публилий (Ibid., VI, 19, 5-7). Поддержка трибунов обеспечила позицию народа, а знать (и даже собственный род Манлиев) отступились от обвиняемого. Процесс был публичным, народ собрался по центуриям, что подчеркивало особую важность суда. Обвинительный приговор был вынесен, Манлия осудили на казнь, не заменив ее изгнанием (Ibid., VI, 20, 10-13). Были приняты и дополнительные санкции: разрушение дома, запрет патрициям селиться на Капитолии и запрет на имя, вынесенный в отношении рода (Ibid., VI, 20, 13-16).

Все три очень похожих дела остаются загадкой. В делах Спурия Кассия, Спурия Меллия и Марка Манлия мы видим одно и то же обвинение в *regnum parare* и не можем дать ответ о степени его обоснованности. Непонятно, что именно составило их «особую вину», не позволяющую вынести иной приговор, кроме смертной казни. Кем же были эти люди, невинными жертвами системы и интриг власть имущих, политиками, замышлявшими перемены, но ставшими жертвами превышения меры наказания и общественной истерии, или опасными заговорщиками? Вопрос остается открытым.

Хотя расправа над Манлием была представлена как совместная акция сената и народа, значительная часть и того и другого были недовольны. Кроме того, гибель Манлия не решила ни аграрный, ни долговой вопросы, а в

383 г., после эпидемии чумы и неурожая, волнения возобновились (Ibid., VI, 21) и постоянно нарастали, превратившись в мощное движение за реформы. В 376 г. трибуны Г. Лициний Столон и Л. Секстий выдвинули три законопроекта, аграрный, долговой и политический. Если два первых, при всей своей важности, были все же временными регулированиями, то третий (закон о консульской власти) существенно модифицировал политическую систему (Ibid. VI, 35). Борьба вокруг законов дестабилизировала общественную жизнь. До 371 года патриции не могли выбрать высших магистратов, а плебс выбирал Лициния и Секстия. Только в 369 г. удалось выбрать военных трибунов с консульской властью. Наконец, патриции отступили. Одно консульское место осталось за плебеями. Хотя борьба патрициев и плебеев продолжалась, а острые ситуации возникали и после 376 г., серьезных угроз республике и ее политической системе более не возникало.

Мы намерены уделить следующему периоду, времени расцвета республики (264-133 гг. до н. э.) лишь небольшое внимание. На то есть несколько причин и, вероятно, первой является перенесение центра тяжести политики Рима на внешнюю экспансию. История римского государства этого времени – это, прежде всего, история больших победоносных войн. Победы следовали одна за другой. Вторая Самнитская война (327-305 гг. до н. э.) сломала сопротивление Самнитского союза, победа в Третьей Самнитской войне (297-290 гг. до н. э.) сделала Рим гегемоном Италии. Покорение Апеннинского полуострова завершилось в результате мощного наступления на севере, в Этрурии, Умбрии и Цизальпийской Галлии и войны с Пирром (282-275 гг.). Войны в Италии перешли в глобальные столкновения с Карфагеном. Первая Пуническая война (264-241 г.) дала Риму господство на море и новые владения, а Вторая Пуническая война (218-201 гг. до н. э.), не раз ставившая Рим на грань военного поражения, завершилась великой победой.

Эта глобальная война сделала Рим сильнейшей державой Западного, а затем и Восточного Средиземноморья. Начались знаменитые «великие завоевания», македонские и испанские войны, а затем и аннексия большей части Средиземноморского мира. К 30-м гг. II века Рим стал огромной державой, подчинившей Испанию, северную Африку, Сицилию, Сардинию и Корсику, Грецию, Македонию и часть Малой Азии.

Одним из залогов успеха римлян было поразительное внутренне единство римского общества. Войны стали фактором национального сплочения, а победы приносили все большие и большие политические дивиденды и материальную добычу. Сплачивали не только победы, но и поражения. Мы не видим каких-либо волнений в худшие периоды Первой Пунической войны, когда сотни римских кораблей погибали от бури (255-253 гг. до н. э.), а Гамилькар Барка вел войну на измор в Сицилии. Во Второй Пунической Войне народные волнения сыграли немалую роль в поражениях на первом этапе (особенно при Тразименском озере и при Каннах в 217 и 216 гг. до н. э.), однако после Канн все разногласия прекратились до конца войны. Рим стал огром-

ным военным лагерем, ориентированным на войну до победного конца, и это единство сохранилось до 40-30-х гг. II века, получая подпитку в виде грандиозных побед, блистательных триумфов и огромной добычи.

Военная сплоченность дополнялась особенностями политико-правовой системы римского государства. В сущности, ее основы сложились в период борьбы сословий, и ни одной принципиальной конституционной реформы в период 287-133 гг. до н. э. не было³⁶. Мы видим количественное накопление тех факторов, которые сформировались к началу III века до н. э.

Государственный строй Рима часто считали одной из главных причин римского успеха. Полибий и Цицерон считали, что государство эпохи республики представляло собой «смешанный строй», основанный на синтезе монархии, аристократии и демократии и соединивший в себе лучшие черты каждого из этих трех (Polyb., VI. II, 11-13). Этот синтез был переводом на язык греческой теории римской триады (магистраты, сенат и комиции)³⁷. Эта теория встретила резкую критику со стороны представителей классической традиции (Т. Моммзен, К. фон Фриц)³⁸, но получила более благожелательную оценку со стороны современного антиковедения³⁹. Что касается политических теорий Нового и Новейшего времени, то Рим становится эталоном «равновесия властей», «системы баланса» и «системы сдержек и противовесов»⁴⁰.

Суть римского строя и «равновесие властей» стали предметом очень различных оценок в историографии. Большинство все-таки склонны считать римскую республику сенатской. Получив право предварительного рассмотрения дел⁴¹, предназначенных для народного собрания, и реальный контроль над магистратами, сенат объединил в себе функции парламента и правительства и был единственным органом, способным вести повседневную политику. На практике сенат рассматривал все дела, передавая лишь наиболее важные из них на рассмотрение народа. Он же и «советовал», а точнее —

36 Единственным исключением, видимо, была реформа, предположительно проведенная около 241 г., приведшая в соответствие два типа комиций, центуриатные и трибутные. По этой схеме количество центурий выражалось формулой 2 центурии x 5 классов x 35 триб (=350 центурий) + 23 центурии всадников, ремесленников, музыкантов и пролетариев. Впрочем, приводящий эту схему С. И. Ковалев называет ее «весьма вероятной гипотезой» (Ковалев С. И. История Рима... С. 206-207).

³⁷ Подробнее см. Егоров А. Б. Демократические элементы... С. 102-109.

³⁸ Моммзен Т. История Рима. М.-Л., 1996. Т. 2. С. 419-422; фон Фриц К. Теория смешанной конституции в античности: критический анализ политических взглядов Полибия. СПб., 2007. С. 43; 53-55; 81-83; 91-93; 109-110; 172-173; 232; 352-356.

³⁹ См. напр. Lintott A. Political History, 146-95 // САН. 2-ed. Oxford, 1998. V. IX. P. 43-53.

⁴⁰ Фон Фриц К. Теория смешанной конституции... С. 199-232; 256-264; 331-344.

⁴¹ Подробнее см. Егоров А. Б. Демократические элементы... С. 127-128. Примечательно, что сенат гораздо больше держался за право предварительного обсуждения дел, нежели за неясное *auctoritas partum*, от которого спокойно отказался в 339 г.

давал поручения магистратам, полностью контролируя их исполнение. Раствующее полновластие сената, только усиливавшееся по мере создания огромной державы, прекрасно отражает Цицерон: «...это соразмерное и преисполненное согласия государственное устройство может держаться на основе такого распределения прав, когда власть принадлежит народу, а ответственность несет сенат» (Cic. De leg., III, 12, 28). Ко времени Суллы сенатские лидеры, подобно сородичу Перикла Алкивиаду, начинают задумываться, а стоит ли нести какую-либо ответственность перед кем бы то ни было.

Сила сената была не только в реальной власти, но и в его *auctoritas*, древнем экстралегальном праве, освященном традициями, моралью, религией и вековыми обычаями. Кроме того, особенно после закона Виллия (180 г.), любой политик имел двойное качество, будучи как магистратом, так и членом сената, причем, вторая функция постепенно становится более важной, чем первая. Конечно, провал на выборах всегда был тяжелым стрессом, однако конфликт с сенатом был еще более опасным, тем более, что именно сенат организовывал и регламентировал любые выборы. Со времен борьбы сословий сенат приобрел качество центра консолидации правящих групп и объединял в себе потомков римской родовой знати и италийских солдат с потомками плебейских лидеров и амбициозных *homines novi*. В какой-то степени сенат был «сборищем царей», решавшим все вопросы, стоящие перед республикой.

Еще Т. Моммзен выдвинул положение, согласно которому сенат является «всего лишь» «консультативным советом» при магистратах⁴². Маловероятно, что во II веке до н. э. кто-либо из последних разделял эту мысль хотя бы в теории или сомневался в том, что решение сената имеет характер приказа⁴³. Вместе с тем, они помнили, что их власть происходит от царского империя, будучи его законным наследником, и (что еще важнее) знали, что их выбирает не сенат, а народ. Эта обнаруженная Т. Моммзеном автономия магистратской власти была почти полностью подавлена сенатом во II веке до н. э., но была достаточно сильна в V-IV вв. и полностью вышла наружу в I веке, пытаясь подчинить сенат своей воле⁴⁴.

Наконец, комиции. Итогом сословной борьбы было превращение народного собрания в высший электоральный и (формально) судебный орган власти, также бывший главным субъектом международного права. Несмотря на формальный суверенитет, ни один серьезный ученый не считает Рим демократией, однако современная историография все больше и больше утверждает, что права и даже власть народа не были полнейшей фикцией. Несомненной традицией, идущей от времен борьбы плебеев с патрициями, было то,

⁴² Mommsen Th. *Römische Staatsrecht*. Leipzig, 1887. Bd. 2. S. 170-179.

⁴³ Полемика с Т. Моммзеном и его тезисом о магистратах и сенате см. напр. Kunkel W. *Magistratische Gewalt und Senats Herrschaft* // ANRW. Tl. 1. Bd. 2. Berlin – New York, 1972. S. 7-10; 15-17; 21-22.

⁴⁴ Kunkel W. *Magistratische Gewalt*... S. 19-22. См. также Егоров А. Б. *Демократические элементы*... С. 127 слл.

что власть не имеет права ущемлять права народа, а если это происходит, последний имеет право на изменение законодательства и даже на так называемое «право на революцию»⁴⁵, к которому, однако, следует прибегать только в крайнем случае. Убедением народа было то, что все власти (в т. ч. сенат и магистраты) обязаны заботиться о его благе и подчиняться его решениям. Подобно аристофановскому Демосу, римский народ не правил, но требовал, чтобы его считали хозяином⁴⁶. Во II веке сенат и народ были едины, и мы не видим не только восстания, но и какого-либо серьезного протеста, однако к I веку положение изменилось.

Конечно, даже в этот период существовала политическая борьба. В среде нобилитета сохранялись конфликты интересов, когда различные кланы пытались укрепить свои позиции или отстоять свою точку зрения. Эта борьба «личных партий», на которую обратил внимание Ф. Мюнцер⁴⁷, была почти постоянной, и даже во времена Второй Пунической войны мы видим это соперничество, как, например, противостояние Фабиев и Эмилиев-Корнелиев, или конфликт двух стратегий в конце войны, когда испытанная в ходе военных действий стратегия Фабия столкнулась с новым планом наступления, предложенным Публием Сципионом⁴⁸. Во II веке мы видим драматические события борьбы Сципиона и его «партии» со своими противниками или бурную политическую биографию Марка Порция Катона. Серьезные разногласия заметны и в сенате 50-30-х гг.⁴⁹

⁴⁵ Существующее в ряде политических систем легальное или полулегальное право смещения правителя (правителей) в случае вопиющего нарушения им фундаментальных норм общественной жизни. Не будучи легитимным действием, такого рода смещение (напр. убийство тирана), тем не менее, принимается и даже приветствуется обществом. См. Бондаренко Д. М., Немировский А. А. Заключение // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничение единоличной власти. М., 2008. С. 248-253.

⁴⁶ В одной из статей упомянутого сборника (Суриков И. Е. Державный демос – правитель и подданный (власть и социокультурная норма в демократических Афинах V века до н. э.) // Правитель и его подданные..., с. 67-80 (особенно – 77-80)) делается попытка (вслед за Аристофаном) представить суверенный народ в виде «монарха», ставшего игрушкой в руках своих «слуг». Общая идея статьи не бесспорна; впрочем, если уж пользоваться этой аналогией, то нам представляется, что этот портрет гораздо больше подходит для римского *populus*. Ср. напр. фразу Катилины о двух телах (Plut. Cic. 14).

⁴⁷ Münzer F. *Römische Adelsparteien und Adelsfamilien*. Stuttgart, 1920. Также – Scullard H. *Roman politics, 230-150 B. C.* Oxford, 1950; Broughton R. S. *The Magistrates of the Roman republic*. New York, 1951-1952. 2 vol.

⁴⁸ Broughton R. S. *Senate and Senators of the Roman Republic. The prosopographical approach* // ANRW. Tl. 1. Bd. 1. Berlin – New York, 1972. P. 253-254; Также см. Кораблев И. Ш. Ганнибал. Л., 1976. С. 69; 100; 119-121; 273-276; Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1965.

⁴⁹ См. Astin A. E. *Scipio Aemilianus*. Oxford., 1967; Gruen E. S. *Roman Politics and the Criminal Courts, 149-78 B. C.* Cambridge, 1968. Также см. Заборовский Я. Ю. Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов, 1985. С. 92-113.

И все же конфликты не выходили за рамки системы и не принимали опасных для нее форм. В период от закона Гортензия до Гракхов единственным исключением можно считать политическую борьбу в период 241-218 гг. до н. э. и столкновения между лидерами демократов и сенатским руководством, прекратившиеся после Канн.

3. Гражданские войны (133-78 гг. до н. э.)

Положение меняется в эпоху гражданских войн. Именно здесь мы имеем наиболее полную и достоверную информацию, и именно здесь мы должны минимизировать общие обзоры и характеристики, тем более, что они достаточно полно представлены и в мировой, и в отечественной историографии.

Римская держава 40-30 гг. II века до н. э. была совсем иным политическим объединением, чем Италийская федерация III века. Завоеванные области в 4-5 раз превосходили метрополию по территории и населению, а на 1 млн. римских граждан и 1,5 млн. союзников приходилось 15-20 млн. провинциалов, около четверти которых пребывали в рабском и полурабском состоянии. Перед Римом стояли новые задачи: необходимость обороны и удержания покоренных территорий, отражение внешней опасности, удержание в подчинении населения провинций и, наконец, обеспечение контроля над собственными властями, деловым миром и гражданами, создавшими особую «экономику ограбления»⁵⁰. Как писал Кл. Николе, ограбление мира римлянами, начавшееся в 146 г. до н. э. и продолжавшееся до окончания гражданских войн, является основным процессом экономической жизни того времени. Другой формой ограбления провинций была торговля, основу которой составляли торговля людьми, хлебные спекуляции и виноторговля. Обычная экономика при хорошей организации давала максимум 7-9 процентов в год, «экономика ограбления», грабеж, ростовщичество и коррупция давали много больше. Проблемы управления требовали администрации провинций, центрального аппарата и армии, что вело к коренной перестройке организационных форм и структур. В перспективе была и выработка новой политики интеграции средиземноморского мира в единое экономическое, политическое и культурное пространство, ставшая возможной только после победы Цезаря.

Цена римских побед была велика. Огромные военные потери, социально-экономические диспропорции, обезземеленение мелких собственников и рост вилл и латифундий привели к острейшему социальному кризису⁵¹. Крестьянство, понесшее огромные потери в ходе Второй Пунической и по-

⁵⁰ Подробный и основательный современный обзор экономической ситуации эпохи гражданских войн см. Nicolet Cl. *Economy and Society*, 133-43 В. С. // САН. 2-ed. Cambridge, 1998. V. IX. P. 600-643 (об «экономике ограбления» особенно см. 635-640).

⁵¹ О кризисе конца II-I вв. до н. э. существует огромная литература. Краткий обзор некоторых тенденций в его изучении см. Егоров А. Б. Проблемы истории гражданских войн в современной историографии // Рим на грани эпох. Гражданские войны в Риме и создание системы принципата, 133 г. до н. э.-68 г. н. э. СПб., 2014. С. 21-24.

следующих войн, превращалось в обездоленную массу сельского населения и городской люмпен. Первое стало поставщиком людей для восстаний, подобных Союзнической войне, второй превратился в серьезную экономическую проблему и источник социальной напряженности. «Средний класс» исчезал, а Рим, по словам Т. Моммзена, становился «республикой нищих и миллионеров»⁵². Появилась новая элита, разбогатевшая на ограблении провинций, незаконном захвате земель и злоупотреблений политической властью.

Говоря о событиях 133-91 гг., мы намерены остановиться только на ключевых моментах периода. «Внутреннее согласие» исчезло, и мы видим возврат к методам борьбы сословий, равно как и появление новых форм политической борьбы. Нас будет интересовать время гракханских реформ (133-121 гг.), ставшее первой попыткой выхода из кризиса, положившей начало борьбе оптиматов и популяров⁵³, и завершившееся кровавой расправой. Другой интересующий нас период – это время Югуртинской и Кимврской войн (113-100 годы до н. э.), ставший своего рода реваншем популяров и создавший новую оппозицию, сконцентрировавшуюся вокруг Гая Мария, консула 107, 104, 103, 102 и 101 г., превращенного войной в фактического диктатора. Особенно интересен 100 год, когда оптиматы разгромили движение Сатурнина и Главции и фактически остановили развитие «принципата» Мария. Наконец, третьим узловым пунктом можно считать скандальный процесс П. Рутилия и реформы Ливия Друза (91 г.), ставшие толчком к грандиозному восстанию союзников.

Цицерон справедливо писал, что трибуна́т Тиберия Гракха расколол сенат и народ (Сис. De re p. I, 19, 31). Вместе с тем, на стороне реформаторов было явное меньшинство сенаторов во главе с консулом 133 г. П. Муцием Сцеволой, М. Лицинием Крассом и принцепсом сената Апп. Клавдием Пульхром⁵⁴. Несколько труднее определить круг противников. Наши источники обычно упоминают две категории, консерваторов типа консула 143 г. Кв. Цецилия Метелла Македонского⁵⁵, и круг умеренных реформаторов, группировавшихся вокруг Сципиона Эмилиана. Впрочем, по крайней мере, последние прорабатывали идею реформы, отказавшись от нее только под давлением обстоятельств, как это сделал в 145 г. Гай Лелий (Plut. T. Gr., 3). Остальных Аппиан и Плутарх именуют богатыми (App. B. C., I, 7-8; Plut. Ibid., 8), и именно их заложниками оказались и консерваторы и «умеренные». Конечно, реформа затрагивала всех состоятельных людей⁵⁶, однако ее основным объ-

⁵² Моммзен Т. История Рима... Т. 3. С. 352.

⁵³ О борьбе оптиматов и популяров см. Егоров А. Б. Проблемы истории..., С. 27-30.

⁵⁴ Подробный обзор проблематики гракханских реформ см. Егоров А. Б. Гракханские реформы: историографическая традиция и проблемы оценки // Рим на грани эпох..., С. 56-75.

⁵⁵ Ootegham J. Les Caecilii... P. 51-78.

⁵⁶ Анализ отношения к реформе различных частей римского общества см. Заборовский Я. Ю. Очерки... С. 114-127.

ектом были не владельцы старых родовых поместий или успешно ведущие хозяйство хозяева вилл. На самом деле Тиберий Гракх бросил вызов той самой «экономике ограбления», которая теперь обратилась против собственного народа. Рыночная цена земли была довольно высокой, и скупка ее на этой основе едва ли была столь выгодна. Источники справедливо рисуют иную картину – приобретение капиталов путем ограбления провинций, скупка за бесценок или просто сгон бесправных обездоленных людей, злоупотребление политической властью и экономическим могуществом – именно это мы видим у Аппиана и Плутарха (App. В. С., I, 7-8; Plut. Ibid., 3), и все это означало, что реформатору предстояла жесткая борьба без каких-либо правил.

Перенос закона в комиции и прямое обращение трибуна к народу было не принято во II веке, однако являлось нормой в эпоху борьбы сословий, а вето Октавия, вполне безукоризненное с юридической точки зрения, превращалось в реальную профанацию трибунской власти. Смещение противника, после которого был принят и сам закон, тоже напоминало о временах патрицианско-плебейского противостояния. Вполне в духе II века было то, что сенат перекрывал финансовые потоки, идущие к аграрной комиссии, что парализовало ее работу, однако и здесь Гракх ответил достаточно неожиданно, попытавшись использовать для целей закона казну пергамского царя Атала.

Вместо диалога, противники Гракха начали мощную кампанию по его диффамации. Тиберия обвиняли в демагогии, личном властолюбии и чрезмерных амбициях, ради которых он нарушил священное право трибуна, а затем стал открыто проявлять монархические устремления. После дела Атала, обвинения в *regnum peragere* становятся постоянными, а сигналом к нападению в день голосования было заявление Назики, что Гракх требует себе диадему. Несмотря на абсурдность обвинения, аргумент подействовал (Flor., II, 3, 6; Liv. Epit., 58-59; De v. ill., 64).

Последнее собрание Тиберия Гракха связано с его попыткой баллотироваться на второй срок. Как и все остальные действия Тиберия, оно вполне вписывалось в практику V-IV вв., дух которых становился все более актуальным, однако противоречило обычаям «периода согласия», который очевидно уходил в прошлое. Напротив, «ответ» противников, нападение и расправа над гракханцами, выходил за пределы любого мыслимого права. Никто не был наказан, если не считать некоторых...гракханцев, отправленных в изгнание Попилием Ленатом, консулом 123 г.

В 129 г. последовало одно из самых таинственных событий этого времени. Воспользовавшись жалобами союзников, вызванными недоработкой закона, и окончательно встав на сторону противников, Сципион сумел ликвидировать аграрную комиссию и передать ее полномочия консулу Семпронию Тудитану, который уехал на войну в Иллирию. В итоге аграрные пределы прекратились, а вскоре после этого Сципион был найден мертвым у себя дома. Официальной версией было самоубийство, вызванное опасе-

ниями за будущее Рима, пытались найти «испанский» и вообще иноземный след, были обвинения и против гракханцев, прежде всего, против сестры Гракхов, бывшей супругой Сципиона. Вскоре следствие прекратилось, молчание устроило всех.

Движение Гая Гракха было более мощным и разносторонним, чем движении Тиберия. 123 год, видимо, прошел под знаменем наступления реформатора: аграрный и хлебный законы объединили вокруг него плебс, а «всаднические» законы обеспечили поддержку этого сословия. Избрание на 122 г. прошло без проблем, а новый лидер, казалось, превращался во всесильного вождя демократии, подобного Периклу или Демосфену.

Наступление на реформы началось в 122 г. Отчасти оно было связано с менее популярными законами Гракха (закон о союзниках и закон о выводе колоний), а отчасти – с тем, что некоторые законы (хлебный, закон об Азии) стали показывать и свои теневые стороны. Впрочем, серьезные споры с Гракхом по экономическим вопросам ведут, прежде всего, современные ученые⁵⁷. Современники предпочитали традиционные клише демагога, потенциального монарха и разрушителя государства.

Контрпропаганда шла по двум линиям. Первым объектом стала Юнония, основанная рядом с местом разрушенного Карфагена. Разыгрывая «пунийскую карту», противники обвиняли Гая в национальной измене и нарушении воли богов. Использовались самые примитивные приемы, включая рассказы о волках, подрывших межевые столбы новой колонии. Другой линией была контрдемагогия, проводимая коллегой Гракха Ливием Друзом, который предложил более обширную программу колонизации в Италии (а не в Африке!) и отмену телесных наказаний в армии (Plut. G. Gr., 8). Часть населения поддержала «более последовательного» популяря, Друза, который явно не торопился выполнять свою программу. Наносились и «точечные» удары, от движения отошел друг Гракха, консул Г. Фанний, а в конце года противникам удалось не допустить Гая к выборам в трибуны и провести в консулы его врагов, Кв. Фабия Максима и Л. Опия. Именно Опимий провел последнюю провокацию.

Уже в январе 121 г. трибун Минуций Руф предложил ликвидировать Юнонию. Поскольку колонизация в Африку была приостановлена только в 111 году, судьба колонии была только предлогом. Как и следовало ожидать, во время дебатов произошли столкновения: во время одного из них погиб ликтор Антилл, что и стало основанием для принятия *senatusconsultum ultimum* и жестокой расправы. На сей раз кровавая бойня стоила жизни 3000 человек, а среди погибших были Гракх и Фульвий Флакк (Plut. G. Gr., 17; App. B. C. I, 26).

Новое движение популяров было связано с Югуртинской войной. Хотя в нашу задачу не входит ни рассмотрение внешнеполитических интриг, ни анализ данной кампании или политической деятельности Югурты, заметим, что этот противник был глубоко интегрирован в политическую жизнь Рима,

⁵⁷ Егоров А. Б. Гракханские реформы... С. 66-67.

что позволяет сравнивать его разве что с Митридатом Евпатором или Клеопатрой. Югурта Саллюстия – такой же выдающийся «антигерой», как и Катилина, но, пожалуй, он явно превосходит «короля преступного мира» своей ловкостью интригана. Он умеет привлечь к себе разных людей и устанавливает связи в Риме, пользуясь покровительством самого Сципиона Эмилиана (Suet. Iug., 6). Только став правителем, молодой человек показывает свое истинное лицо жестокого злодея, интригана и властолюбца. Югурта различными путями устраняет всех своих противников (Ibid., 8; 35, 4-10; 21), вероломно нарушает договоры и перемирия (Ibid., 16; 26) и постоянно подкупает римскую верхушку и ее представителей, добываясь от нее нужных ему уступок (Ibid., 15-16; 29; 33; 35, 4-10).

Исследователи спорят, насколько справедливы постоянные обвинения в коррупции римских политиков, однако фактом является то, что нумидийский царь сумел переиграть римский сенат, объединить Нумидию, отразить нашествие Кальпурния Бестии и нанести римлянам поражение при Сутуле (Ibid., 32-34); Даже воюя с Метеллом и Марием, Югурта успешно использует нумидийскую тактику внезапных нападений, засад и ложных мирных переговоров (Ibid., 47; 49-51; 55; 58-59; 61; 67) и только в конце сам стал жертвой тайного сговора (Ibid., 105-113). При описании действий царя мы видим ту же самую терминологию, что и в «Заговоре Катилины».

Югуртинская война была «войной популяров» в полном смысле этого слова. Эту войну они вели на два фронта: против внешнего врага и против собственного некомпетентного и коррумпированного правительства. Популяры добились предания огласке махинаций и неудач властей (Ibid., 30-31), объявления войны и наказания виновников поражения (Ibid., 40), и, наконец, назначения компетентных полководцев для ведения военных действий, Метелла и Мария (Ibid., 43; 84).

Кимврская война также была выиграна оппозицией во главе с «народным полководцем» Марием и выдвинула сильную группу популяров во главе с Сатурнином и Главцией. Во многом они сохраняли традиции Гракхов. Было и новое – подчиненность могущественному полководцу и немалая доля несамостоятельности. Вместе с тем, не все было так просто. Выдающийся военачальник, Марий не чувствовал себя на форуме достаточно уверенно, а большая «партия марианцев» не имела четкой программы. Именно этот вакуум заполнили популяры, ставшие своего рода «острием копья» и политическими представителями Мария на форуме.

Именно Сатурнин выполнил ряд важных акций политического характера. В 104 г. судебный закон Главции восстановил гракханский закон, упраздненный лидером оптиматов Сервилием Цепионом, и вернул суды всадникам. В 103 г. на основании закона Апулея об оскорблении величия, были осуждены виновники поражения в Кимврской войне (Цепио, Маллий, Папирий Карбон и др.), а в 102 г., самом трудном году для переизбрания Мария в консулы, популяры решительно поддерживали своего патрона.

Критическим стал 100 год. Общество рукоплескало победителю германцев, но все больше и больше проникалось поддерживаемой оптиматами мыслью, что необходимости в его регулярном переизбрании уже не существует. Напротив, сам Марий, как сообщает Плутарх, добивался шестого консульства как первого и даже прибег к подкупу (Plut. Mar., 28-9; App. B. C., I, 28; Flor., III, 16). В этой ситуации Сатурнин оказался незаменим. После победы на выборах, достигнутой не вполне достойными путями, когда Марий стал консулом, Сатурнин – трибуном (в 3-й или 4-й раз), а Главция – претором, именно Сатурнин провел через собрание аграрный закон. Городской плебс, поддержавший оптиматов, оказал серьезное сопротивление, а Сатурнин, при помощи ветеранов Мария, шел напролом. Он проигнорировал вето трибунов, разогнал противников камнями и провел законопроект (Plut. Mar., 38; App. B. C., I, 30). «Принятие» закона настолько восстановило против Сатурнина общественное мнение, что Марий и его союзник сочли на лучшее скрывать свою связь, которая проявилась только после прохождения закона, когда Марий заставил сенаторов принести присягу. Сенат и лидер оптиматов Метелл Нумидийский стали жертвой ловкой интриги Мария.

Впрочем, союз Мария и популяров изживал себя. На выборах 99 г. они шли без Мария, предлагая кандидатом в консулы Главцию. Противники консолидировались, к оптиматам присоединилась группа Крассов-Сцевола, а выдвижение двух сильных кандидатов «центристского» плана, оратора Марка Антония и бывшего лидера популяров Гая Меммия, фактически не оставляло популярам каких-либо шансов. Именно в это время происходит убийство Меммия. Практически все были уверены в виновности Сатурнина, и сенат принял «крайнее решение». Хотя Цицерон изображает действия различных частей римской элиты как спонтанный порыв (Cic. Rab., 21). Последний, как оказалось, был неплохо организован. Теперь интрига Мария сработала против него, марианцы в сенате во главе со вторым консулом Валерием Флакком, поддерживали правительство, а Марий должен был возглавить нападение на недавних союзников и допустить их уничтожение. Как писал Т. Моммзен, никогда ранее правящая партия не одерживала столь полной победы⁵⁸.

Разгром популяров был фактическим распадом бывшей «партии Мария». Знаменитый полководец добавил к своим победам и «победу» над Сатурнином, но его политический вес значительно уменьшился. Марианцы теряли влияние, превращаясь в достаточно аморфную массу, и когда в 87 г. Марий захватил Рим, он устроил кровавую баню своим противникам, многие из которых, как он полагал, «предали» его в более ранний период⁵⁹.

90-е гг. кажутся достаточно спокойным периодом консервативной реставрации, однако, на самом деле, это было время сложных политических интриг и комбинаций, в которых участвовали три силы, оптиматы, марианцы и

⁵⁸ Моммзен Т. История Рима... Т. 2. С. 197.

⁵⁹ Бэдиан Э. Цепион и Норбан (заметки о десятилетии 100-90 гг. до н. э.) // *Studia historica*, X. М., 2010. С. 195-202.

круг Крассов-Сцеволов⁶⁰, а на горизонте маячили три острые глобальные проблемы: восточная политика, судебный вопрос и предоставление союзникам прав римского гражданства. Взрыв происходит в 92 г., когда скандальный процесс Рутилия вызвал ответные действия в виде реформ Друза, а борьба вокруг реформ, во время которой личное соперничество сплелось с политическими маневрами, привела к грандиозному восстанию союзников.

Краткое изложение событий 133-91 гг., о котором мы могли бы сказать немало интересного, вызвано не только жестким ограничением объема и тем обстоятельством, что эти события нашли детальную и квалифицированную разработку в совсем недавних переводных и оригинальных отечественных работах⁶¹, но и одной, но весьма важной сущностной характеристикой. Итак, интрига в полной мере вернулась в политику Рима, причем, этот возврат сопровождался эскалацией конфликта и ростом числа жертв и уровня безответственности всех участников политической борьбы. И все же, в конце периода «плащ и кинжал», теперь уже не покидавшие римскую политику, были оттеснены мечом, а на смену кровавым *seditiones* пришла гражданская война. Собственно говоря, первое «плавно» перешло во второе.

Союзническая война (90-88 гг.) была одним из самых тяжелых испытаний в римской истории. Военное напряжение было невероятным⁶², фронт проходил в 100-150 км от Рима, а тяжелые сражения шли на фоне непрерывной партизанской войны. В кровавой борьбе столкнулись две Италии, богатые земельные области, бывшие основой Италийского союза IV века и бедные, горные, неплодородные скотоводческие районы (Самний, Лукания, области Аbruццо)⁶³. «Богатая» Италия воевала с «бедной», а итогом войны стали страшные людские потери (Vell., II. 15, 3 – около 300 000 человек) и экономический ущерб, который удалось возместить только ко времени Августа.

⁶⁰ Подробнее см. Егоров А. Б. Муции Сцеволы, Лицинии Крассы и Юлии Цезари (римская интеллигенция и кризис конца II-начала I вв. до н. э.) // Мнемон. Вып. 2. СПб., 2003. С. 195-205

⁶¹ Помимо огромного числа зарубежных исследований, отметим, что отечественный читатель может ознакомиться с двумя большими статьями Э. Бэдиана в русском переводе: 1) Цепион и Норбан (заметки о десятилетии 100-90 гг. до н. э.) // *Studia historica*, X. М., 2010. С. 162-208; 2) *Quaestiones Variae* // *Studia historica*, XII. М., 2012. С. 193-255. Из отечественных исследований очень основательный обзор 118-90 гг. до н. э. см. в книге: Короленков А. В., Смыков Е. В. Сулла. М., 2007. С. 47-154.

⁶² Brunt P. *Italian manpower* 225 B. C. – A. D. 14. Oxford., 1971. P. 357-358. Автор оценивает численность римской армии примерно в 140-150 000 человек (30 легионов), а союзников – в 100-130 000 человек. Максимальная численность римских войск до этих событий – 25 легионов (II Пуническая война) (Ibid., P. 342-343). Поскольку, по мнению П. Бранта, в 90 и 89 гг. потери обеих армий достигали минимум 50 000 человек ежегодно, военное напряжение, действительно, было огромным.

⁶³ Gabba E. *Rome and Italy: The Social War* // САН. 2-ed. Oxford, 1994. P. 121-122; Nicolet Cl. *Economy and Society...* P. 600; Егоров А. Б. Союзническая война и проблема гражданства Италии // Рим на грани эпох... С. 91-93.

С 88 г. Союзническая война перешла в гражданскую. Ответом на новое выступление Мария, поддержанное трибуном Сульпицием Руфом, стал военный переворот Суллы, первый в истории Римского государства. В 87 г. последовал новый, гораздо более кровавый переворот, после которого власть перешла к марианцам, а Марий, опять-таки впервые в римской истории, устроил резню политических противников, жертвами которой были десятки сенаторов и сотни всадников. После смерти Мария в январе 86 г. фактическим диктатором стал Цинна, бывший консулом 86, 85 и 84 гг. и погибший в результате военного мятежа. В 83 г. Сулла высадился в Италии, а гражданская война 83-82 гг. стала «второй серией» Союзнической. Согласно Евтропию (Eutr., V, 9) Рим потерял еще 150 000 человек. Многие области Италии были опустошены, а завершением кровавой вакханалии стали сулланские проскрипции, грандиозное перераспределение собственности, разорительное расселение по Италии около 120 000 ветеранов и «ульраконсервативные» реформы, отменившие все завоевания 133-78 гг. Этот период можно считать революцией, но эта революция была «подавленной» и закончилась победой Суллы.

Победа привела Рим на грань новой катастрофы. Экономика оказалась на грани коллапса, казна была пуста, социальная напряженность в Италии и провинциях была исключительно велика, на востоке поднимал голову Митридат, назревала война на Дунае, а киликийские пираты контролировали моря и были связующим звеном между различными врагами Рима.

Возможно, главным достижением Суллы был новый властный центр, сенат, пополненный на 300 человек (App. В. С., I, 100) и полностью контролируемый сулланской партией. Ядром последней был клан Цецилиев Метеллов, с которыми были связаны как аристократические кланы, так и оптиматы. Кроме того, в армии диктатора было много способных военных из незнатных семей, которые теперь получили места в сенате благодаря военной службе, а дополнительной силой стали представители маргинальных и криминализированных кругов, центром которых позднее становится Катилина. Среди этой элиты было немало способных политиков и полководцев (Метелл Пий, Сервилий, братья Лукуллы, Помпей, Красс и др.), которые смогли остановить нарастающий кризис. Сулланская и постсулланская знать уверенно руководила Римом: в 70 г. ее господство было безраздельным, она оставалась «партией власти» и в 60-50-е гг. и была свергнута только в ходе гражданской войны 49-45 гг.

Общество получило еще один урок. После 80-х гг. вновь растет понимание, что продолжение сулланской политики может привести общество к самоуничтожению, а самые различные силы стали стремиться к новому общественному согласию. Война на время ушла со сцены, но общество постоянно находится перед роковым вопросом – удастся ли удержаться у той черты, переход которой означает неминуемую катастрофу. Может быть, именно поэтому тайная политика и интрига постоянно, более, чем когда-либо, присут-

ствуют в истории этого времени, и мы опять-таки можем остановиться лишь на некоторых событиях.

70-е гг. I века были очень тяжелым временем. После смерти Суллы в 78 г., в Италии началось восстание Лепида, а в 80-72 гг. в Испании шла, наверное, главная война этого времени, Серторианская. В 79 г. началась большая война на Дунае, в 74 г. – Третья Митридатова война, а в 74 или 73 гг. – грандиозное восстание Спартака. И все-таки Рим выстоял: в 72 г. был убит Серторий, в 71 г. Марк Лукулл завершил войну на Балканах, а Красс подавил восстание Спартака. Успехи римлян были вызваны не только качеством их армии и дарованиями полководцев, но и началом новой политики: в Испании Помпей и Метелл оставляли в силе многие распоряжения Сертория, а в Азии действия Лукулла значительно облегчили бремя, наложенное на провинцию Суллой. Исследователи полагают, что новый ценз 70 г. был во многом связан с восстанием Спартака⁶⁴.

Победители обратились к внутренним проблемам, решение которых явно «отставало» от внешних. На протяжении долгого времени трибуны-популяры вели упорную борьбу за реставрацию трибуната и отмену других законов Суллы, однако только в 70 г., получив поддержку ставших консулами Помпея и Красса, они смогли осуществить свои планы. По закону Помпея власть трибунов была восстановлена в полном объеме (Plut. Pomp., 21; Vell., II, 32; Liv. Epit., 97), а закон Аврелия Котты прекратил монополию сенаторов на суды и ввел трехсловную систему римских присяжных (Asc. P. 25; 47-49; Vell., II, 32; Liv. Epit., 107). Не менее важным было восстановление цензуры. Цензоры 70 г. Л. Геллий и Гн. Корнелий Лентул провели первый ценз с реальным учетом населения всей Италии⁶⁵ и провели чистку сената, исключив 64 человека, в основном принадлежавших к маргинальной части сулланской элиты. Наконец, в 70 г. состоялся процесс Г. Верреса, видимо, крупнейшего коррупционера сулланской партии. Происходили и другие криминальные процессы.

«Мирная революция» 70 г., поддержанная почти всеми политическими силами Рима, была первой победой над сулланской системой и своего рода общим консенсусом. Пожертвовав законами Суллы и наиболее одиозными сторонниками диктатора, сулланский сенат сохранил основные властные рычаги, реальное доминирование и материальные ресурсы. Первое время компромисс вызвал всеобщую эйфорию, впрочем, и далее он имел мно-

⁶⁴ Заборовский Я. Ю. Очерки... С. 149; 157; 159-164. Подробнее см. Егоров А. Б. Римские популяры: терминология, структура движения и идеология // Рим на грани эпох... С. 159; 166-167; 171-172; Meier Chr. Populares // RE. Supplbd. 10. Stuttgart, 1965. S. 582-583.

⁶⁵ О цензах 86 и 70 гг. до н. э. см. Заборовский Я. Ю. Очерки..., С. 53-64. Последний известный нам ценз, состоявшийся до Союзнической войны, дает нам 394 336 человек (121 г.), ценз 86 г. – 463 000 граждан, ценз 70 г. – 910 000 граждан. Подробнее см. Егоров А. Б. Марк Лициний Красс, бизнесмен и политик // Рим на грани эпох... С. 129-134.

го сторонников. Вместе с тем, начинается и поляризация: многие популяры хотели продолжить реформы, наоборот, многие представители «партии власти» считали уступки чрезмерными, а пострадавшие от реформ 70 г. сулланские маргиналы готовили сильный удар по системе.

4. Технология переворота

60-е гг. были более спокойным временем. Военная напряженность резко снизилась. В 67 г. Помпей провел мощную антипиратскую кампанию, а Митридатова война, фактически выигранная Лукуллом, была завершена Помпеем, поход которого полностью перекроил всю карту восточных владений Рима (66–62 гг. до н. э.). Перемены произошли и в Риме. «Партия власти» еще оставалась таковой, но ее власть была не безграничной. 70 год открыл путь в политику для популяров, марианцев и других сил оппозиции, а к концу 60-х гг. они уже получили возможность бросить вызов постсулланскому сенату.

63 год, год консульства Цицерона стал началом конфронтации, а правительство подверглось атакам сразу с двух сторон. Заканчивая тему Катилины, отметим, что на его примере мы видим своего рода «образцовый» вариант переворота, в центре которого находилось законспирированное ядро аристократов, которое рвалось к власти, используя как старые связи в сулланской элите, так и новые отношения с оппозицией. Социальная демагогия сочеталась с консервативной утопией сулланской реставрации, а публичная агитация и участие в выборах с созданием армии в Этрурии и других отрядов боевиков, планами тайных убийств и репрессий и, возможно, поджога Рима.

Напротив, наступление популяров было довольно открытым. Впрочем, своя интрига была и здесь. К концу 60-х гг. происходит их консолидация вокруг набирающего силу Юлия Цезаря, который сближается с Крассом. Самый богатый человек Рима, соперник Помпея, также продолжавший свои контакты с оптиматами, начинает финансирование оппозиции⁶⁶. Несмотря на обвинения со стороны правящей партии, это были две независимые друг от друга силы, и единственным известным случаем их контакта является весьма странная история так называемого первого заговора Катилины в 66 г.⁶⁷ Популяры и катилинарии имели слишком разные цели, однако враг у них был один.

В январе 63 г. популяры выдвинули крупномасштабный аграрный закон, ставший, вероятно, самым крупным проектом такого рода со времен Гракхов. Примечательно, что хотя непосредственным инициатором реформы был

⁶⁶ Подробнее см. Егоров А. Б. Марк Лициний Красс, бизнесмен и политик // Рим на грани эпох... С. 129–134.

⁶⁷ Сходные истории, практически одинаково рассказанные Саллюстием (Sall. Cat., 18–19) и Светонием (Suet. Iul., 14). Главным отличием является то, что если Саллюстий именует лидерами предполагаемого переворота Катилину и Пизона, а Светоний – Цезаря и Красса.

трибун-популяр Сервилий Рулл, реальными разработчиками были Цезарь и Красс, а, в случае принятия закона, они должны были фактически возглавить наделенную огромными полномочиями комиссию децемвиров. Впрочем, консул Цицерон оказался достойным союзником оптиматов. После нескольких речей знаменитого оратора, законопроект был провален.

Вторая половина года прошла под знаком борьбы с Катилиной, когда Цицерон проявил не только искусство оратора, но и незаурядные способности к интриге, многократно «переиграв» «короля преступного мира». Блестящая I речь против Катилины заставила сенат принять «крайнее решение» и спровоцировала противника на открытые действия, а вербовка Квинта Курия дала прекрасный канал информации. Кульминацией «тайной войны» стала новая интрига, приведшая к аресту, а затем и казни группы Лентула и Цетегга. Только на заседании 5 декабря 63 г. после защитной речи Цезаря и сложного соотношения сил в сенате «игра» консула оказалась под угрозой. Перелом произошел в результате яркой речи молодого политика, М. Порция Катона, что стало началом восхождения новой звезды политического Олимпа. Катон был не только своего рода эталоном оптиматской морали, но и ярким публичным политиком, не боявшимся ни толпы, ни открытой борьбы. Постепенно Катон становится центром новой группировки оптиматов, в которую вошли М. Кальпурний Бибул, Гн. Домиций Агенобарб, Метелл Целер, Л. Корнелий Лентул Спинтер и др.

Разгром катилинариев стал поводом для атаки на другие группы оппозиции. Обвинения в соучастии в заговоре были предъявлены Цезарю, и, хотя судебное следствие оправдало его полностью, положение лидера популяров явно оказалось под угрозой. Не удалась и совместная акция Цезаря и Метелла Непота, посланного Помпеем с целью подготовки почвы для возможного вмешательства возвращающегося полководца в дело Катилины (Plut. Caes., 8; Sall. Cat., 49; Suet. Iul., 14). Оптиматы начали выигрывать борьбу за форум.

Оптиматы «поставили на место» и вернувшегося с Востока Помпея. Провинциальные установления знаменитого полководца обсуждались в сенате, где против него объединились старые противники (Лукулл, Метелл Критский и Красс) и новые оптиматские политики во главе с Катоном (Dio, 37, 49; App. B. C., II, 9; Plut. Pomp., 6; Luc., 42; Cato, 31; Vell., II, 10; Suet. Iul., 19). Провалилось и предложение аграрного закона. Когда трибун Л. Флавий предложил закон о наделении землей ветеранов Помпея, Метелл Целер и Катон сорвали голосование. Конфликт с Помпеем был ошибкой, которой немедленно воспользовался Цезарь.

Еще в 63 г. Цезарь одержал блестящую победу на выборах великого понтифика. Его противниками были два самых высокопоставленных сенатора, Кв. Лутаций Катул и П. Сервилий Ватия Исаврик. Соперники проиграли в своих собственных трибах, а Цезарь набрал там больше голосов, чем они во всех остальных (Iul., 18; Plut. Caes., 7). Рим почти единогласно голосовал за лидера популяров и племянника Мария. С таким же блеском он победил на

преторских выборах на 62 г., а в 61 г. добился военных успехов, став пропретором Испании) Plut., Caes., 12; App. B. C., II, 8; Iber., 102).

Прибыв в Рим, он начал подготовку к кампании за выборы в консулы, и именно в процессе этой предвыборной борьбы создается знаменитый I триумвират Цезаря, Красса и Помпея. Теме этого соглашения, которое можно причислить и к важнейшим интригам I века, посвящена огромная литература, в которой подробно рассмотрены все его аспекты⁶⁸, и именно поэтому (равно как и по причинам ограничения объема) мы воздержимся от какой-либо подробной характеристики этого союза. Отметим только, что как справедливо полагает С. Л. Утченко, триумвират был объединением всех ранее разрозненных антисенатских сил⁶⁹. Конечно, триумвират не был «союзом трех властителей», но фактом было то, что в Риме появилась мощная «вторая партия», обеспечивающая равновесие сил на весь период 50-х гг. I века.

«Вторая партия» добилась избрания Цезаря в консулы и перешла в решительное наступление. Центральным пунктом программы был аграрный закон, фактически объединивший законы Рулла и Флавия. Оптиматы сопротивлялись единым фронтом: во главе встали Катон и второй консул 59 г. Кальпурний Бибул, поддержанные Метеллом Целером, Лукуллом, Курионом и М. Петреем (Dio., 38, 7; Liv. Epit., 103; App. B. c., II, 11; Plut. Cato, 33). В борьбе за закон Цезарь сломил сопротивление оптиматов. После этого он без труда провел через сенат все распоряжения Помпея на востоке, снизил арендную плату для публиканов и провел другие принципиальные законы. После консульства он получает свое галльское командование. Казалось, остановить наступление оппозиции невозможно, позиции триумвиров казались незыблемыми, а Рим ждал известий о победах в Галлии.

В 58 г. ситуация принципиально изменилась. Цезарь, действительно, провел две блестящих кампании (против гельветов и Ариовиста), позиции триумвиров пока были достаточно прочны, однако на слуху в Риме было другое имя. Трибун 58 г. П. Клодий происходил из самой элиты сулланской знати. Его отцом был один из «первых людей» в окружении Суллы, консул 70 г. Аппий Клавдий Пульхр, а матерью – Цецилия Метелла⁷⁰. Три сестры Клодия были замужем за лидерами нового поколения оптиматов, старшая – за Кв. Марцием Рексом, младшая – за победителем Митридата Л. Лицинием Лу-

⁶⁸ О триумвирате см.: Kornemann E. Römische Geschichte. Stuttgart, 1938. Bd. 1. S. 571-572; Syme R. Roman Revolution. Oxford., 1939. P. 377; Bengtson H. Caesar. Sein Leben und seine Herrschaft // Kleine Schriften. München, 1974; Meyer Ed. Caesars Monarchie und das Principat des Pompejus. Stuttgart, 1919. S. 59-60; Sanders H. A. The so-called First Triumvirate // RhM. 1955. 98. S. 324-334; Ковалев С. И. История Рима... С. 424; Утченко С. Л. Кризис и падение римской республики. М., 1965. С. 57-60; подробный обзор историографии см. также Чеканова Н. В. Римская диктатура последнего века республики. СПб., 2005. С. 278-283.

⁶⁹ Утченко С. Л. Кризис и падение... С. 62

⁷⁰ Дочь консула 123 г. Кв. Цецилия Метелла Балеарского, старшего сына Метелла Македонского (см. Ootegham. Les Caecilii Metelli... P. 22; 87-92)

куллом, а средняя (знаменитая Лесбия поэта Катулла) – за Метеллом Целером. Каковы бы ни были перипетии бурной жизни Клодия, он всегда сохранял связи со своими сестрами (по слухам он состоял с ними в интимной связи) и братьями, оптиматом и консулом 54 г. Аппием Клавдием и Гаем Клавдием, который позже пошел из-за него в изгнание.

Клавдии-Клодии⁷¹ были центром римской скандальной хроники, главным персонажем которой и стал Публий. Будучи офицером Лукулла, он интриговал против командующего, а затем уехал к Марциу Рексу, попал в плен к пиратам и был освобожден Помпеем (Dio, 36, 17; 38, 30; App. В. С., II, 23; Strabo, XV, 134). В 62 г. он снова в центре скандала, связанного с проникновением в дом Цезаря (с женой которого Помпеей он, возможно, состоял в любовной связи) во время священного праздника Доброй Богини. Поведение римской элиты было довольно парадоксальным. Хотя мать Цезаря Аврелия и сестра Юлия выступили свидетелями против Клодия, сам Цезарь никаких действий не предпринял, хотя и развелся с Помпеей. Напротив, оптиматы обвинили Клодия в святотатстве. Обвинителем был Лукулл, а Цицерон опроверг алиби Клодия, после чего стал его смертельным врагом (Cic. Att., I, 20). Неожиданно для всех суд небольшим перевесом голосов (31 против 25) оправдал обвиняемого. Почти все были уверены, что судьи подкуплены, Цицерон упоминает про Красса, но это тоже остается лишь догадкой. В 59 г. Клодий перешел в плебеи и стал трибуном 58 г. На данном этапе содействие оказал Цезарь.

Мнения о Клодии очень различны. Некоторые исследователи упорно ищут «хозяина» Клодия. Чаще всего на эту роль выдвигают Цезаря⁷², иногда говорят о Крассе⁷³ или триумвирах в целом⁷⁴. По мнению других, агент вышел из-под контроля, а Эд. Мейер считает его просто союзником триумвиров⁷⁵. Впрочем, более справедливо мнение С. Л. Утченко, считавшего Клодию независимой и даже враждебной триумвирам силой⁷⁶.

Клодий сделал настоящее политическое «открытие». В отличие от предыдущих популяров, апеллировавших к народу в целом и к бедным, но работающим людям или, по крайней мере, тем, кто хотел вернуть себе средства к существованию, Клодий обратился к той части плебса, которая уже стала го-

⁷¹ О различии Claudius и Clodius см. Münzer F. Claudius // RE. Bd. 3. Stuttgart, 1899. Sp. 2662 – видимо, простонародная форма основной фамилии. Совершенно очевидно, что эту форму взял популар Публий Клодий, который, похоже, носил это имя и ранее, однако Клодиями (а не Клавдиями) были и все три его сестры, тогда как братья, Аппий и Гай, сохраняли имя Клавдиев.

⁷² Моммзен Т. История Рима... Т. 3., С. 176-178; 248-250 ; Carcopino J. Histoire Romaine. Paris, 1959. V. II, P. 729; Marsh F. B. History of Roman World. London, 1934. P. 183-198.

⁷³ Marsh F. B. History of Roman World... P. 183-198.

⁷⁴ Cary M. A. A history of Rome to the reign of Constantine. New York, 1960. P. 396.

⁷⁵ Meyer Ed. Caesars Monarchie... S. 103.

⁷⁶ Утченко С. Л. Кризис и падение..., С. 77-82.

родским люмпеном. В политику пришла «улица», и именно трибун 58 г. сделал ее серьезной политической силой. «Улица» хотела есть и не хотела работать, а потому Клодий провел закон о раздачах хлеба (Cic. *Sest.*, 25, 55), ставших тяжелым бременем для бюджета. Она нуждалась в организации, и трибун провел закон о коллегиях, на основе которых создавались его боевые отряды. Анархично настроенная, «улица» хотела быть хозяйкой города и заменяла собой комиции, и потому Клодий снимал ограничения с деятельности последних. Конечно, у Клодия не было и не могло быть хозяина, но никто не хотел с ним ссориться. Его ненавидели, боялись и...использовали. Когда трибун организовал кампанию против Цицерона, он получил молчаливое согласие не только триумвиров, для которых он все-таки был чужим, но и полное молчание оптиматов. Когда Цицерон удалился из Рима, он с полным основанием сетовал на всеобщее предательство.

Был ли Клодий нужен Цезарю? Отчасти да, потому, что он держал в напряжении оптиматов. Вместе с тем, он отнимал у Цезаря «голоса», превращаясь в альтернативного лидера народа, что едва ли было выгодно отсутствующему полководцу. Ожидал ли Клодий подобного эффекта, но его трибунат настолько дискредитировал движение в целом, что выборы на 57 год, как консульские и преторские, так и трибунские, были выиграны оптиматами, а кампания по возвращению знаменитого оратора, начатая одновременно консулами Лентулом Спинтером и Метеллом Непотом и группой народных трибунов, нашла всеобщую поддержку. Вскоре кампанию возглавил Помпей. Около полугода «улица» оказывала сопротивление, но, как выяснилось, с ней можно было справиться. В июле 57 г. сенат единогласно постановил вернуть Цицерона из изгнания. 4 августа 57 г., когда в Риме собралось огромное количество сельских избирателей, решение подтвердили комиции, а спустя месяц, Цицерон с триумфом вернулся в Рим.

«Дело Цицерона» снова консолидировало оптиматов, а Цицерон стал идеальным посредником между ними и Помпеем. Триумвират был на грани распада, а движении Клодия пошло на спад. Против него нашли и противодействие – наемные отряды Анния Милона и Публия Сестия, к услугам которых был неизменный адвокатский талант Цицерона.

В 56-55 гг. Цезарь реанимировал триумвират. Встреча в Луке, консульство Помпея и Красса (55 г.) и раздел провинций и армий сроком на 5 лет, давший триумвирам ключевые провинции (Испания, Галлия и Сирия) и почти всю армию⁷⁷, действительно на время сделали их «партией власти». Трудно сказать, какими были бы действия оптиматов, однако два роковых события, несомненно, дали им новый шанс. В 54 г. умерла дочь Цезаря и жена Помпея Юлия, что разрушило личный союз двух триумвиров. Все попытки Цезаря каким-либо образом восстановить унию не удались. В 53 г. на восто-

⁷⁷ См. Brunt P. *Italian manpower...* P. 343. Армия Цезаря в Галлии в 55-54 гг. насчитывала 8 легионов, у Помпея в Испании, видимо, тогда еще было 6 легионов, у Красса в Сирии – 8. Общее число легионов республики, видимо, не превышало 25-26.

222

ке была разгромлена армия Красса, брошенная римским правительством, а гибель самого полководца означала распад триумvirата. Наконец, 53, а особенно – 52 год стали временем больших восстаний в Галлии, которые поглощали все время и силы Цезаря. Момент для удара был более чем превосходным.

53 год был отмечен прогрессом предвыборной анархии. Цезарь не смог выставить своего кандидата, и борьба развернулась внутри правящей элиты. Претендентами были тесть Помпея Метелл Сципион, Л. Плавтий Гипсей и Милон. Оптиматы и Помпей согласились на кандидатуре Сципиона, однако дальше начались разногласия. Оптиматы делали ставку на Милона, «сильный человек» мог стать орудием для атаки против оппозиции, Помпей Милону не доверял и предпочитал нейтрального Гипсея. Естественно, против Милона выступил Клодий, кстати, успешно баллотировавшийся в преторы. «Улица» снова пришла на форум, и проведение выборов стало невозможно. Впрочем, на сей раз с ней справились довольно быстро.

18 января 52 г. возле Бовилл встретились corteжи Милона и Клодия. Цицерон уверяет, что встреча была случайной, и столь же случайным было то, что отряд Милона (около 300 человек) намного превосходил свиту Клодия (около 30 человек). Дальнейшее было вполне предопределено: в первом столкновении Клодий был ранен, сопровождающие отнесли его в ближайшую харчевню, после чего Милон приказал своему помощнику Г. Сауфею добить лидера популяров (Cic. Mil., 10; 27; 31; Liv. Epit., 107; App. B. C., II, 21; Plut. Cic., 35; Dio 40, 43). Примечательно, что Марк Брут и, возможно, Катон советовали Цицерону доказывать, что Клодий был убит «ради государства», однако знаменитый знаток права понимал, что подобные рассуждения, «уместные» в оптиматском сенате, будут совершенно неуместны в суде (Asc. Mil. 20). Гибель Клодия вызвала массовые беспорядки, устроенные его сторонниками, нападавшими на особняки аристократов и поджегшие курию Гостилия и ряд прилегающих зданий, устроив своему кумиру погребальный костер. Несколько трибунов, пытаясь вернуть процесс в конституционное русло, выдвинули против Милона официальное обвинение.

Сенат принял *senatusconsultum ultimum*, другим новшеством было назначение Помпея «консулом без коллеги» с правом избрать себе коллегу несколько позже (им стал Сципион). Предложение внесли лидеры оптиматов, Катон и Бибул (Dio, 40, 50; Liv. Epit., 107; Vell., II, 47, 2; App. B. C., II, 23; Plut. Pomp., 54). Полномочия Помпея в Испании продлевались на 5 лет, что нарушало его паритет с Цезарем (Dio, 40, 56; Vell., II, 47, 4; Plut. Pomp. 55). Именно в это время начинается создание единой помпеянско-оптиматской *factio*, которая состояла из помпеянских генералов (Л. Афраний, М. Петрей, М. Теренций Варрон, Л. Скрибоний Лион и др.) и оптиматских лидеров (М. Кальпурний Бибул, Л. Домиций Агенобарб, Лентул Спринтер и многочисленные представители Корнелиев Лентулов).

Помпей и *factio* начали серию процессов. Милоном пришлось пожертво-

вать; несмотря на речь Цицерона, он был осужден на изгнание (Asc. Mil., 1), что должно было показать «объективность» суда. Тем не менее, остальные осужденные были клодианцами, популярями или иными оппозиционерами. Руководители отрядов Клодия обвинялись в организации беспорядков и поджогов. Были осуждены или изгнаны из сената народные трибуны, начавшие процессы против Милона и его сторонников, ни один из которых (включая Г. Сауфея) осужден не был (Asc. Mil., 12; Plut. Pomp. 55; AP. B. C., II, 23-24). Осуждению подверглись другие популяры и связанные с ними лица, М. Эмилий Скавр, Плавтий Гипсей и Г. Меммий. Остатки разгромленных популяров и клодианцев бежали под защиту армии Цезаря, который стал главной целью для атаки *factio*⁷⁸.

Последующие два года «ползучий переворот» продолжался. *Factio* вела борьбу за монополию в сенате, которой у нее еще не было. Так, в декабре 50 г. предложение трибуна Куриона о взаимном разоружении Цезаря и Помпея вызвало подлинную сенсацию: «за» высказалось 370, а «против» – 22 или 25 человек, т. е. сама *factio* (Liv. Epit., 109; App. B. C., II, 30; Dio, 40, 64; Plut. Pomp., 59). Конечно, далеко не все эти люди были сторонниками Цезаря, но гражданской войны не хотели многие из них. То, что у Цезаря было немало сторонников даже в это сложное время, показывает тот факт, что во время гражданской войны сенат разделился почти пополам: около 200 человек последовали за Помпеем, но примерно столько же оставались в Риме⁷⁹. Д. Шекльтон-Бэйли показывает, что число известных нам поименно сенаторов, воевавших в обеих армиях, было примерно равным⁸⁰. И все-таки, в 52-50 гг. их было почти не слышно.

51 и 50 гг. прошли в дебатах вокруг полномочий Цезаря в Галии. Цезарь должен был протянуть время до 48 года, когда он мог баллотироваться в консулы, причем, похоже, что в его прохождении были уверены как друзья, так и враги (Liv. Epit., 107; Suet. Iul., 36; App. B. C., II, 25). В течение двух лет Цезарь держал оборону.

Вопрос о правовой стороне наместничества исключительно сложен. Впрочем, правовые основы, возможно, были не столь уж важны. Помпеянцы хотели смещения Цезаря как в 51, так и в 50 г., и для них был важен именно результат, а Цезарь, понимая, что в случае снятия полномочий начнется жестокая расправа, пытался любыми путями обеспечить какие-либо гарантии своей безопасности. Готовился и силовой вариант. Официально набор войск

⁷⁸ Подробнее см. Егоров А. Б. Римские популяры... С. 173-175

⁷⁹ Jal P. La guerre civile a Rome. Paris, 1963. P. 106.

⁸⁰ Shackleton-Bailey D. The Roman nobility in the 2-nd Civil War // CQ. 1960. 2. P. 253-268 (особенно – p. 264-265). По подсчетам Д. Шекльтона-Бэйли поименно известно 55 цезарианцев и 40 помпеянцев, принадлежащих к нобильским родам. Наши корректировки – 50:45 и, кроме того, соответственно, 27 и 21 сенаторов-неаристократов. Соотношения консуляров (18:8), преториев (20:12) в пользу помпеянцев и эдилициев и трибуниций (20:6 в пользу Цезаря) показывают расстановку сил в разных слоях сенатской элиты.

против Цезаря должен был начаться только 8 января 49 г., однако в феврале, если даже не в январе, помпеянская армия насчитывала 116 когорт (Caes., B. C., I, 12-13; 15; 17-18; Cic. Att., IX. 6, 2). Собрать такую армию в месячный срок было нереально, что позволяет предположить, что реальный набор начался значительно раньше. Эти войска должны были обеспечить выполнение решения сената, а в случае, если их было недостаточно, против Цезаря могли быть использованы военные силы в провинциях, находившиеся под контролем помпеянцев.

Теперь можно было приступить к перевороту. 1 января 49 г. Цезарю был предъявлен ультиматум с требованием безоговорочного роспуска армии. Строго говоря, решение было незаконным, поскольку на него наложили вето два трибуна, М. Антоний и Кв. Кассий (Caes., B. C., I, 2). Тем не менее, однако 7 января было принято «крайнее решение» (Ibid., I, 5). Ответа Цезаря не было, да его и не могло быть, а 8 января все серьезные посты находились в руках *factio*. Впрочем, многие из них были заняты еще раньше. Сципион стал наместником Сирии, Домиций – наместником Галлии, которому предстояло сменить Цезаря, Катон стал наместником Сицилии, Бибулу поручили флот. Примечательно, что в то время, как Сципион и Катон «продавливали» антицезарианские решения в сенате, Агенобарб и Бибул в этом не участвовали, видимо, готовясь принять новые назначения. Добавим, что и важные посты более низшего уровня были заняты сторонниками *factio*. Так, в Италии в 49 г. командование осуществляли лично Помпей, получивший полномочия командующего, Домиций и Лентул Спинтер, а также – верные им Кв. Минуций Терм, Атий Вар, Луцилий Гирр, Вибуллий Руф и др.

Как ни парадоксально, действия помпеянско-оптиматской *factio* во многом напоминают заговор Катилины, с той разницей, что во главе стояли более «серьезные» люди, занимавшие более высокие посты в сенате. События 52 г. начались с резонансного убийства, после чего начинается «точечная», а затем и массовая «зачистка» политического пространства от противников. Параллельно идет занятие важнейших позиций в сенате и установление контроля над особо важными административными и военными постами, причем, одно постоянно стимулирует другое. Одновременно с этим участники переворота постоянно используют силовой вариант, вовлеченные в их действия силовые структуры играют роль фактора давления, а в случае необходимости, могут и приступить к действиям. Что касается пропаганды, то ее главной идеей является защита традиционных устоев и наведение порядка. *Factio* все больше и больше заменяет собой сенат, а в январе 49 г. она делает это совершенно открыто.

Впрочем, на сей раз перевороту противостояла сила. В январе-марте 49 г. Италия фактически без боя оказалась в руках Цезаря. Исход был решен даже не армией Цезаря, а населением Италии и самими войсками Помпея, дезертировавшими и переходившими на сторону противника. Вмешался тот фактор, который *factio* так хотела удалить из политики – народ и население Ита-

лии. Начиналась новая фаза гражданской войны, и меч снова стал решающим фактором политики⁸¹.

Остается лишь подвести итоги. Спецификой республики было сочетание публичной и «тайной» политики, т. е. открытых методов политической борьбы и закулисной интриги. Предвыборная борьба, публичные обсуждения, открытые судебные процессы, прямая агитация, гласность и открытые принятия законов и постановлений сочетались с анонимными слухами, диффамацией, тайными интригами, «подковерной борьбой», заговорами и переворотами, подкупом должностных лиц и нераскрытыми убийствами. Даже такие «открытые» акции, как *seditio* или гражданская война, имели свою тайную подоплеку. Кульминацией «тайной политики» стала эпоха гражданских войн, предвосхитившая еще более полный интригами I век н. э., ставший явной аналогией с «галантным веком» Западной Европы. «Открытая», публичная политика уходит со сцены, и «тайная война» занимает центральное место – *seditio* покидает сцену, на его место приходит придворная интрига, репрессии императоров и заговор. Впрочем, это уже другая история.



⁸¹ Соображения объема не дают нам возможности рассмотреть события 44-43 гг. до н. э., которые, несомненно, представляют немалый интерес и для нашего сюжета. Так, заговор против Цезаря и события 44-43 гг. до н. э., во многом похожие на pompeianский переворот 52-48 гг., равно как и пропагандистская война между Антонием и Октавианом являются известным продолжением того, что мы видели в период после 70 г. до н. э. Отсутствие этого раздела отчасти компенсируется подробным изложением этих событий в нашей монографии: Егоров А. Б. Антоний и Клеопатра. Рим и Египет – встреча цивилизаций. СПб., Филологический ф-т СПбГУ, 2012. С. 159-230

Судебные процессы над братьями Сципионами в 80-е годы II в. до н. э.

Проблема судебных процессов над Публием Корнелием Сципионом Африканским Старшим и его братом Луцием, а также политической подоплеки событий 80-х годов II в. до н. э., по-прежнему, остается одной из темных страниц в истории Римской республики. С одной стороны, еще в XIX в. Т. Моммзен в специальной работе были подробно разобраны историко-ведческие, правовые и политические аспекты этого сюжета, а также восстановлена хронология, предполагаемый ход и последовательность судебных преследований¹. С другой, многие вопросы, связанные с этими событиями, в следующем столетии оказались предметом острых дискуссий и отнюдь не всегда точка зрения Моммзена разделялась исследователями². При существующем разнообразии мнений и обилии литературы на эту тему довольно трудно предложить новую интерпретацию, однако, возможно, небесполезным будет краткий обзор существующих точек зрения и новое обращение к контексту рассматриваемых событий.

Как известно, дискуссии вокруг процессов над Сципионами связаны с характером имеющихся источников, которые путаются даже в наиболее существенных вопросах: времени процессов, их фигурантах, сущности обвинений и именах обвинителей, а также результатах судебных разбирательств. Исследователи выделяют две основных традиции: одна восходит к анналисту Валерию Анциату и наиболее полно представлена у Ливия (Liv., XXXVIII, 50,

¹ Впервые вышла как статья: Mommsen Th. Die Scipionenprozesse // Hermes. I. 1866. S. 161-216, а затем была переиздана с дополнениями в: Mommsen Th. Römische Forschungen. Bd. II. Berlin, 1879. S. 417-510.

² Основная литература кроме указанной работы Моммзена: Fraccaro P. I processi degli Scipioni // Studi St. Ant. Clas. 1911. № 4. P. 217-412; De Regibus L. Il processo degli Scipioni: contributo di storia romana. Torino, 1921; Haywood R. M. Studies on Scipio Africanus. Baltimore, 1933. P. 86-108; Fraccaro P. Ancora sui processi degli Scipioni // Athenaeum. n. s. 1939. P. 1-24; Scullard H. H. Roman politics, 220-150 B.C. 2nd ed. Oxford, 1973. P. 290-302; Bandelli G. Il processo dell'Asiatico // Index. 4. 1974-1975. P. 93-126; Gruen E. S. The "Fall" of the Scipios // Leaders and masses in Roman world: studies in honor of Zvi Yavetz / ed. I. Malkin and Z. W. Rubinsohn. Leiden, 1995. P. 59-90. В отечественной историографии см.: Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986. С. 93 сл.; Бобровникова Т. А. Судебные процессы Сципионов: опыт исторической реконструкции // Ius Antiquum. 2001. № 1. С. 66-74; Квашнин В. А. Государственная и правовая деятельность Марка Порция Катона Старшего. Вологда, 2004. С. 65-86.

4 – 55, 8; 58, 1 – 60, 10). Вторая включает в себя три отрывочных рассказа у Полибия (Polyb., XXIII, 14), два из которых повторены Авлом Геллием и Валерием Максимом (Gell. N. A., IV, 18; Val. Max., III, 7, 1), а также передаваемый Геллием и восходящий к не дошедшему сочинению Корнелия Непота рассказ о вмешательстве народного трибуна Тиберия Гракха при попытке ареста Луция Сципиона, упоминаемый также Цицероном в речи о консульских провинциях (Gell. N. A., VI, 19; Cic. De prov. cons., 18). Сюда же относят те свидетельства Ливия о Сципионовских процессах, в которых он не следует Анциату, но черпает сведения из другого источника или источников (Liv., XXXVIII, 55, 10 – 57, 8), а также напрямую ссылается на Полибия и Рутилия Руфа (Liv., XXXIX, 52, 1) и, наконец, перекликающиеся с этим свидетельства Валерия Максима (Val. Max., IV, 1, 6; V, 3, 2) и ряда поздних писателей.

Т. Моммзен полагал, что совпадение некоторых моментов в той части рассказа Ливия, где он перестает следовать Анциату, и в передаваемом Геллием свидетельстве Непота может указывать на общий источник и считал таковым анналы Клавдия Квадригария, писавшего в сулланское время и в свою очередь опиравшегося на произведение одного из анналистов II в. до н. э. Г. Ацилия. Именно из анналов Клавдия, по мнению Моммзена, были взяты Ливием трибунский декрет Тиберия Гракха и другие упоминаемые в тексте официальные документы³. Впрочем, в историографии высказывались сомнения по поводу этой версии и вообще существования общего первоисточника у Ливия и Непота⁴.

Как бы там ни было, большинство исследователей признает вторую традицию более достоверной, чем путанный рассказ Валерия Анциата. Об этом говорит не только критика Авла Геллия, указывающего на противоречие сведений Анциата «записи декретов и авторитетных авторов древних анналов» (Gell. N. A., VI, 19, 8), но и соединение Анциатом всех разновременных событий в рамках одного 187 г. до н. э., а также другие противоречия и анахронизмы в его рассказе. О причинах фальсификации или, вернее сказать, искажения материала последним было написано много и нет нужды пересказывать эти суждения⁵. Принимая это утверждение, и одновременно вычлняя из свидетельства Анциата наиболее достоверные пласты информации, которые можно было комбинировать со второй традицией, исследователи, несмотря на серьезные разногласия по отдельным вопросам, в целом вполне единодушно реконструируют, по крайней мере, начало Сципионовских процессов⁶.

³ Mommsen Th. Römische Forschungen... S. 426, Anm. 27.

⁴ Haywood R. M. Studies on Scipio Africanus... P. 87.

⁵ Mommsen Th. Römische Forschungen... S. 491-510; Fraccaro P. Opuscula. Pavia, 1956. P. 301-322, 409-415; Квашнин В. А. Государственная и правовая деятельность... С. 66.

⁶ Mommsen Th. Römische Forschungen... S. 455-491; Haywood R. M. Studies on Scipio Africanus... P. 93-105; Kienast D. Cato der Zensor: seine Persönlichkeit und seine Zeit. Heidelberg, 1954. P. 57-67; Fraccaro P. Opuscula... P. 263-415; Scullard H. H. Roman politics... P. 291-303; Astin A. E. Cato the Censor. Oxford, 1978. P. 61.

Перед тем, как приступить к описанию самих процессов, необходимо в общих чертах охарактеризовать исторический контекст рассматриваемых событий. После окончания войны с Ганнибалом Сципион Африканский приобрел исключительное и в каком-то смысле выходящее за рамки республиканских политических традиций влияние. Формально он занимал в 199 г. до н. э. должность цензора и с этого же года стал принцепсом сената (Liv., XXXII, 7, 2; XXXIV, 44, 4). В 194 г. до н. э. он во второй раз занял должность консула (Liv., XXXIV, 42, 3), а четыре года спустя в качестве легата отправился вместе со своим братом на войну с Антиохом.

Однако влияние Сципиона на римскую политику в этот период опиралось не столько на его формальные полномочия, сколько на авторитет и славу победителя Ганнибала. В течение десяти лет после Замы в консульских фастах встречаются семь Корнелиев, а, кроме того, некоторые бывшие офицеры Сципиона или люди, тем или иным образом связанные с ним, как Минуций Терм и Ацилий Глабрион. Особенно высоко оценивается влияние Сципиона на римскую внешнюю политику 90-х годов II в. до н. э. вплоть до уверенности в том, что она проводилась под его непосредственным руководством и в соответствии с его идеями⁷. В связи с этим неслучайными кажутся сообщения античных авторов о том, что после победы над Ганнибалом римляне хотели наградить Сципиона пожизненным консулатом и диктатурой (Liv., XXXVIII, 56, 12; Val. Max., IV, 1, 6). Несмотря на то, что в историографии данные сведения были единодушно признаны выдумкой I в. до н. э., происходившей из лагеря цезарианцев⁸, само использование пропагандой Цезаря именно фигуры Сципиона в подобном контексте уже знаменательно. Некоторые черты в политике Сципиона действительно сближают его с лидерами поздней республики⁹.

Таким образом, особый статус и престиж победителя Ганнибала при сохранении всех традиционных республиканских институтов сместили центры власти в римской республике, поставив под угрозу олигархическое равновесие¹⁰. Подобное положение в условиях обострения политической борьбы в среде римской аристократии, которым характеризовались первые десятилетия после победы над Ганнибалом, не могло продолжаться длительное время. Как только для этого представилась возможность, противники Сципионов нанесли первый удар по его репутации.

⁷ Frank T. Rome // САН. Vol. VIII. 1930. P. 368 f. О преобладании «группировки Сципионов» в римской политике 90-х годов II в. до н. э. см. также: Haywood R. M. Studies on Scipio Africanus... P. 81-85; Scullard H. N. Roman politics... P. 83 сл.; Трухина Н. Н. Политика и политики... С. 86 сл.

⁸ Mommsen Th. Römische Forschungen... S. 503 f.; Pascal C. Fatti e leggende di Roma antica. Firenze, 1903. P. 66 sg.; Meyer E. Caesars Monarchie und das Principat des Pompejus: innere Geschichte Roms von 66 bis 44 v. Chr. 2. Aufl. Stuttgart, 1918. S. 531 f.

⁹ Подробнее об этом см. нашу статью: Васильев А. В. Сципион Африканский как политический и военный лидер нового типа// Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 2. Вып. 2. 2012. С. 109-116.

¹⁰ Capogrossi Colognesi L. Diritto e potere nella storia di Roma. Napoli, 2007. P. 190.

Большинство исследователей сходятся в том, что первым актом Сципионовской драмы было требование народных трибунов Петилиев (или, возможно, лишь одного трибуна¹¹) представить отчет о 500 талантах¹², полученных консулом Луцием Корнелием Сципионом от царя Антиоха до ратификации мирного договора в качестве первого взноса контрибуции, которую сирийский царь должен был уплатить римлянам (Liv., XXXVII, 45, 14; Gell. N. A., IV, 18, 7). Из этих средств, по всей видимости, было выплачено жалование воинам после победы при Магнесии, о чем сообщает Полибий (Polyb., XXIII, 14, 7).

Впрочем, Полибий говорит не о 500, а о 3000 талантов (Polyb., XXIII, 14, 10), включая сюда и те 2500, которые царь должен был выплатить после ратификации договора и которые, по всей видимости, поступили в распоряжение преемника Сципиона, Гн. Манлия Вульсона¹³. Последний незадолго до обвинения Луция в сенате, в свою очередь, был на грани лишения триумфа из-за жалоб его легатов на своего полководца (Liv., XXXVIII, 44, 9 – 50, 3). Особенно важно то, что по версии Анциата, один из этих легатов, Л. Фурий Пурпуреон, во время процесса Луция Сципиона требовал расширить расследование о деньгах, полученных от Антиоха, на других царей и народы, явно намекая на Манлия (Liv., XXXVIII, 54, 6-7). В связи с этим было высказано предположение, что именно Пурпуреон, после того, как не удалось сорвать триумф Манлия, побудил трибунов Петилиев потребовать в сенате отчет о деньгах Антиоха, а первый процесс затрагивал не только Л. Сципиона, но и его преемника в Азии Гн. Манлия Вульсона¹⁴.

Кроме того, в источниках явно прослеживается роль Марка Порция Катона, как одного из подстрекателей обвинения Петилиев (Liv., XXXVIII, 54, 1-2; Gell. N. A., IV, 18, 7; Plut. Cato Mai., 15). Об этом же говорит известное из Ливия название одной из несохранившихся речей Катона «О деньгах царя Антиоха» (Liv., XXXVIII., 54, 11). И хотя предпринимались попытки отрицать принципиальное противостояние Катона и Сципиона Африканского и даже утверждать об их явном взаимном уважении¹⁵, столкновение этих двух фигур в ходе сципионовских процессов несомненно.

Т. Моммзен подробно разобрал правовую сторону дела и пришел к выводу, что в процессе Луция Сципиона вопрос стоял не о его финансовой подот-

¹¹ Haywood R. M. *Studies on Scipio Africanus...* P. 88, n. 11; Квашнин В. А. Государственная и правовая деятельность... С. 67.

¹² Валерий Максим о 4 миллионах сестерциев (Val. Max., III, 7, 1), что составляет 1 миллион денариев или около 170 талантов.

¹³ Scullard H. H. *Roman politics...* P. 291; Квашнин В. А. Государственная и правовая деятельность... С. 68.

¹⁴ Kienast D. *Cato der Zensor...* S. 61 f. Впрочем, существует и другая точка зрения, согласно которой атака на Вульсона была проведена как раз «Сципионовской группировкой», что и настроило сенат против победителя Ганнибала: McDonald A. H. *Scipio Africanus and Roman politics in the second century B.C.* // JRS. Vol. 28. Pt 2. 1938. P. 162 f.

¹⁵ Ruebel J. S. *Cato and Scipio Africanus* // CW. Vol. 71. №. 3. 1977. P. 161-173.

четности, но о принадлежности тех денег, в которых от него потребовали отчета¹⁶. Победитель Антиоха рассматривал эти деньги как свою *manubiae* – то есть ту часть военной добычи (*praeda*), которой он мог распоряжаться по своему усмотрению¹⁷. Обвинители, напротив, полагали, что если эта сумма была включена в условия предварительного договора с Антиохом, утвержденного позднее сенатом и римским народом, то она должна была поступить в государственную казну¹⁸.

Впрочем, сравнительно недавно Б. Черчилль попытался обосновать тезис о том, что и *manubiae* не принадлежали полководцу, а являлись собственностью государства, лишь оставшейся под ответственностью полководца до момента сложения им своих полномочий. Исходя из этого, он объясняет эпизод с М. Ацилием Глабрионом, который еще за два года до процесса Л. Сципиона, в 189 г. до н. э., был обвинен в том, что не передал в казну часть «царских богатств и добычи» (Liv., XXXVII, 57, 12), захваченных в Антиоховом лагере после битвы при Фермопилах¹⁹. Это обвинение нередко рассматривается как инициированный Катонем пролог к открытой атаке против Сципионов, поскольку Ацилия Глабриона принято причислять к их группировке.

На наш взгляд, речь скорее может идти об определенной традиции обращения с *manubiae*, закрепленной в римской традиции (*mos maiorum*), которую нарушил Ацилий. Что же касается суммы, полученной Сципионом, то по формальным критериям она, действительно, могла не рассматриваться как часть добычи, но на деле решение об этом все равно оставалось за полководцем.

В этой связи можно вспомнить еще об одном характерном эпизоде, предвосхищавшем процессы Сципионов: в 191 г. до н. э. один из консулов, двоюродный брат победителя Ганнибала, Сципион Назика потребовал у сената денег на проведение игр, обет о проведении которых он дал в Испании. Это требование было сочтено несправедливым, а игры предложено провести на деньги от военной добычи, если у него из них что-то для этой цели отложено (Liv., XXXVI, 36, 1-2). Тот факт, что в этом случае был поднят вопрос, связанный с добычей, да еще и в связи с близким родственником Сципиона, может указывать, во-первых, на то, что уже в конце 90-х годов II в. до н. э. обращение полководцев с добычей начало вызывать вопросы, а, во-вторых, на существование в сенате достаточно сильной оппозиции чрезмерным притязаниям Сципионов.

В связи с этим можно вспомнить и о жалованье, выплаченном Л. Сципионом своим солдатам из тех средств, в присвоении которых он был обвинен. Н. Розенштейном было подсчитано, что годовое жалованье для армии в 4 легиона (а именно столько римлян и союзников сражалось в битве при Маг-

¹⁶ Mommsen Th. Römische Forschungen... S. 436.

¹⁷ Ps.-Asc. in Cic. Verr., II, 1, 54: *Manubiae... sunt praeda imperatoris pro portione de hostibus capta*.

¹⁸ Scullard H. H. Roman politics... P. 293.

¹⁹ Churchill J. B. *Ex qua quod vellent facerent: Roman Magistrates' Authority over Praeda and Manubiae* // TAPhA. 129. P. 99 ff.

несии – Liv., XXXVII, 39, 7) во II в. до н. э. составляло приблизительно 2,5 миллиона денариев²⁰, а 500 эвбейских талантов равняются приблизительно 3 миллионам денариев. Если доверять этим подсчетам, то консулу хватало бы этой суммы только на уплату годового жалования войску, тогда как Ливий говорит об уплате двойного жалования воинам после победы, а также двойного жалования, наряду с двойным пайком, после триумфа (Liv. XXXVII. 59. 6)²¹. Речь в данном случае может идти только о месячном жаловании, которое могло быть выплачено из этих средств в двойном размере, но все военные расходы, очевидно, никак не могли быть покрыты этой суммой.

По-видимому, именно к первому обвинению Луция Сципиона в сенате относится знаменитая история о том, как Публий вступился за брата и, велев принести счетную книгу, разорвал ее на глазах у сенаторов, заявив, что не считает нужным отчитываться, когда не спрашивают, каким образом поступили в казну 15 000 талантов, выплачиваемых Антиохом, и как римляне сделали обладателями Азии, Ливии и Иберии (Polyb., XXIII, 14, 7-12; Gell. N. A., IV, 18, 9-12; Val. Max., III, 7, 1). В историографии было отмечено, что этот поступок Сципиона лишил брата возможности оправдаться, опираясь на письменные подтверждения своей правоты, и обрекал Сципионов на продолжение конфликта с остальной частью римской аристократии²².

Проследить дальнейший ход событий оказывается сложнее. По-видимому, вскоре после обвинения в сенате Петилии внесли в комиции законопроект о назначении сенатом комиссии во главе с одним из преторов для расследования вопроса о деньгах, взысканных с Антиоха по условиям перемирия. Сенатом была назначена комиссия во главе с претором по делам иностранцев Кв. Теренцием Куллеоном, который осудил Луция Сципиона, а также одного из легатов и квестора из его штаба. Этот законопроект Анциат относил к 187 г. до н. э., но уже после суда над его братом Публием и его смерти (Liv., XXXVIII, 54, 2 – 55, 1). Впрочем, сам Ливий, передающий нам версию Анциата, сомневается в том, что все эти события могли произойти в один и тот же год (Liv., XXXIX, 1, 1).

Наряду с версией Анциата об обвинителях Петилиях, у Геллия мы находим в этой роли народного трибуна Г. Минуция Авгурина, который присудил Л. Сципиона к денежному штрафу и потребовал на этом основании представить поручителей. Именно к этому обвинению Геллий относит вмешательство Тиберия Гракха, наложившего вето на решение трибуна о взятии Сципиона под стражу, когда тот отказался их представить (Gell. N. A., VI, 19, 2-7). Указание Цицерона в одной из его речей на этот поступок Гракха добавляет правдоподобности всему рассказу (Cic. De prov. cons., 18)²³.

²⁰ Rosenstein N. War, wealth and consuls // CRP. Cambridge, 2011. P. 140.

²¹ Toynbee A. J. Hannibal's legacy: the Hannibalic war's effects on Roman life. London, 1965. Vol. II. P. 509.

²² Astin A. E. Cato the Censor... P. 61.

²³ Об отношениях Сципионов и Т. Гракха существуют различные версии. Ж. Карпино, вслед за П. Фраккаро (Fraccaro P. I processi degli Scipioni. P. 260-264), утверж-
232

Т. Моммзен отвергал сообщение Анциата о процессе, так как описываемая судебная процедура через постоянную судебную комиссию по делам о казнокрадстве (*quaestio perpetua peculatus*) появилась не раньше I в. до н. э. Он полагал, что суд на Луцием произошел весной 184 г. до н. э. уже после выдвинутого против Публия обвинения, которому во избежание осуждения была предоставлена почетная миссия в Этрурии в звании легата, о которой сообщает Ливий в связи с осуждением Луция Сципиона и вмешательством в это Тиберия Гракха (Liv., XXXVIII, 56, 8 sq.)²⁴.

Полемизируя с Моммзеном, можно указать на существование во II в. до н. э. многочисленных чрезвычайных судебных комиссий (*quaestiones extraordinariae*), среди которых была комиссия, назначенная для разбирательства по делу о вакханалиях в 186 г. до н. э.²⁵

Те исследователи, которые пытались примирить две версии, вынуждены были признавать наличие двух различных судебных разбирательств против Луция Сципиона, из которых первое (с Петилиями в роли обвинителей), закончившееся безрезультатно, относили к 187 г. до н. э., а второе (с обвинителем Минуцием Авгуринном), в ходе которого победитель Антиоха собственно и был осужден, к 184 г. до н. э.²⁶ П. Фраккаро убедительно показал, что сообщение о назначении Сципиона Африканского в Этрурию, вероятнее всего, является анахронизмом, так как такие легации стали практиковаться не ранее начала эпохи Гражданских войн. Об этом назначении не упоминает ни один источник, кроме Ливия, да и сам контекст этого свидетельства указывает на его сомнительность. Наконец, не в характере Сципиона было принимать такого рода назначения с целью избежать возможных осложнений²⁷.

Х. Скаллард, отвергая законопроект Петилиев и признавая более достоверной версию об обвинителе Минуции, отнес его трибунат, а вместе с тем и процесс Л. Сципиона к 187 г. до н. э.²⁸ В эту версию встраивается сообщение Ливия (со ссылкой на Анциата) о том, что после своего осуждения и распродажи имущества Луций был отправлен с особой миссией в Азию, чтобы ула-

дал о том, что упоминаемая в источниках вражда между Гракхом и Сципионами (Liv., XXXVIII, 52, 9; 57, 1-4; Cic. De prov. cons., 18; Gell. N. A., VI, 19, 6; Sen. Contr., V, 2, 3; Plin. Praef., 10; Dio Cass. frag., 65, 1) является выдумкой поздних анналистов: Carcopino J. Autour des Gracques. Paris, 1928. P. 47-81. Р. Гир в своей статье на эту тему доказывал обратное: Geer R. M. The Scipios and the Father of the Gracchi // TAPhA. 69. 1938. P. 381-388. Истина, по-видимому, как всегда находится посередине, хотя аргументы, приводимые Каркопино, представляются убедительными.

²⁴ Mommsen Th. Römische Forschungen... S. 448, 481, Anm. 135, 496 ff.

²⁵ Tarditi G. La questione dei Bacchanali // PP. 9. 1954. 265 ff.; Toynbee A. J. Hannibal's Legacy... Vol. II. 387 ff.

²⁶ Fraccaro P. I processi degli Scipioni... P. 389, n. 2; Haywood R. M. Studies on Scipio Africanus... P. 93 ff.; Bauman R. A. Lawyers in Roman Republican Politics. Munich, 1983. P. 208-212.

²⁷ Fraccaro P. I processi degli Scipioni... P. 315.

²⁸ Scullard H. H. Roman politics... P. 294, 297.

дить конфликт между царями Эвменом и Антиохом, где для него были собраны деньги, на которые год спустя он устроил десятидневные игры по обету, данному во время войны с Антиохом (Liv., XXXIX, 22, 8 sq.).

Э. Груэн признает подлинность свидетельства Анциата о законопроекте Петилиев и, кроме того, полагает, что процесс над Л. Сципионом был один и происходил 187 г. до н. э., причем приговор был вынесен трибуналом во главе с претором Куллеоном, но штраф мог быть наложен по предложению Минуция народным собранием²⁹.

В. А. Квашнин предложил еще одну версию, согласно которой процесса было все же два, однако лишь первый из них, обвинителем в котором выступал Минуций, касался Л. Сципиона, а второй уже его штаба (легатов, квестора и писцов). Именно этим вторым процессом, в ходе которого были осуждены легат Авл Гостилий и квестор Гай Фурий (Liv., XXXVIII, 55, 5), и руководил претор Куллеон³⁰.

Наконец, по мнению Т. А. Бобровниковой, Петилиям не удалось осудить Луция в 187 г. до н. э. в сенате, который передал дело городскому претору Сульпицию Гальбе. Однако Катону удалось добиться, чтобы дело от городского претора было передано претору по делам иностранцев Куллеону, настроенному против Сципионов и знати (Liv., XXXVIII, 55; Plut. Flam., 18), а само разбирательство перенесено из сената в народное собрание. Однако благодаря вмешательству Гракха дело было прекращено, так как в следующем году победитель Антиоха был отправлен сенатом с особой миссией на Восток³¹.

Петилии упоминаются Анциатом дважды – в связи с обвинениями Сципиона Африканского в сенате и затем с осуждением его брата. Во втором случае характерным моментом является их жалоба на «царство Сципионов в сенате» (*regnum in senatu Scipionum* – Liv., XXXVIII, 54, 6) и стремление, так или иначе, перенести решение этого дела в комиции. Попробуем предположить, что имело место сначала обвинение Петилиями Луция Сципиона в сенате, затем, когда стало ясно, что в сенате обвинители ничего не добьются, процесс Авгурина против Луция в народном собрании, закончившийся трибунским вето Гракха, и, наконец, второй процесс Куллеона, в ходе которого были осуждены легат и квестор из штаба Луция. В таком случае этот второй процесс, как представляется, мог быть своеобразной попыткой сената, не заинтересованного в продолжении травли Сципионов, ограничить дальнейшее судебное преследование Луция и переключить общественное мнение на более мелкие фигуры.

В этом случае исчезает необходимость подвергать сомнению последовавшую почетную миссию Луция Сципиона в Азию (Liv., XXXIX, 22, 8 sq.), призванную по мысли большинства сенаторов успокоить разгоревшиеся страсти и дать возможность обеим сторонам выйти из положения, «сохранив лицо». В краткосрочной перспективе этот расчет оправдался. Приблизитель-

²⁹ Gruen E. S. The "Fall" of the Scipios... P. 76.

³⁰ Квашнин В. А. Государственная и правовая деятельность... С. 74 сл.

³¹ Бобровникова Т. А. Судебные процессы Сципионов... С. 70 сл.

но на год наступило затишье. Однако после этого скандал разразился с новой силой в ходе кампании на выборах цензоров 184 г. до н. э.

В этой связи встает вопрос о процессе самого Сципиона Африканского. Полный противоречий рассказ Анциата снова оказывается основным источником (Liv., XXXVIII, 50, 4 – 53, 8). Очевидной редупликацией представляется очередное вмешательство Тиберия Гракха, не упоминаемое в отношении этого процесса больше ни в одном источнике. В то же время такая деталь, как повторное участие Петилиев, находит подтверждение у других авторов³². Однако сами обвинения остаются туманными и не слишком правдоподобными. Главным из них фигурирует взяточничество при заключении мира с Антиохом (*rescuniae captae reum* – Liv., XXXVIII, 51, 1; Gell. N. A., IV, 17, 3). Ливий упоминает о том, что фигурировали и старые обвинения: насчет роскоши зимней стояки в Сиракузах при подготовке высадки в Африку, а также дело о бесчинствах Племиния в Локрах (Liv., XXXVIII, 51, 1)³³. Подобные обвинения по делам двадцатилетней давности вряд ли могли фигурировать на судебном процессе, но они могли распространяться в качестве слухов и подозрений заинтересованными лицами для дополнительной дискредитации Сципиона. Аппиан добавляет к основному обвинению во взяточничестве измену (*προδοσία* – App. Сут., 40), очевидно, также связанную с условиями Апамейского мира. Упоминаются и вымогательства (*repetundae* – De vir. Ill., 49, 17), однако, вне какого-либо контекста.

Согласно другой версии процесса, известной Ливию, Геллию и Валерию Максиму (Liv., XXXVIII, 56, 2; Gell. N. A., IV, 18, 3; Val. Max., III, 7), обвинителями были не Петилии, а народный трибун М. Невий. Ливий, кроме того, говорит, что согласно магистратским спискам Невий был трибуном в год консульства П. Клавдия и Л. Порция, то есть в 184 г. до н. э., и упоминает о сохранившейся против него речи Сципиона (Liv., XXXIX, 52, 3 sq.). Однако в отношении достоверности этой речи имеются серьезные сомнения. Во-первых, сам Ливий передает, что имя Невия указано лишь в заголовке (*index*), а в самой речи оно не упоминается (Liv., XXXVIII, 56, 5). Во-вторых, Геллий сообщает, что некоторыми она не признается подлинной (Gell. N. A., IV, 8, 6); наконец, в трактате Цицерона «Об обязанностях» говорится о том, что уже в его время никаких письменных памятников, автором которых был Сципион Африканский, не было (Cic. De off., III, 4).

В свое время было высказано предположение, что название речи было додумано позднейшими анналистами, которые перепутали народного трибуна

³² Во-первых, об этом сообщает Плутарх в своей биографии Катона Старшего (Plut. Cato Mai., 15, 1). Валерий Максим передает имя Марка Невия, но добавляет что «некоторые упоминают двух Петилиев» (Val. Max., III, 7, 1). О двух трибунах-обвинителях Сципионах Африканского говорится и у Аппиана (App. Сут., 40). В сочинении «О знаменитых людях», приписываемом Аврелию Виктору, в роли обвинителя Сципиона по закону о вымогательствах упоминается некто Петилий Антей (De vir. Ill., 49, 17).

³³ Сравни: Liv., XXIX, 19, 11 sqq.; XXIX, 8, 7 sqq.

с поэтом Невием. В подтверждение этого приводились свидетельства существовавшей напряженности между поэтом и полководцем в виде своеобразного обмена острот: упоминаемая Цицероном игра слов Сципиона в отношении Невия³⁴, а также колкость самого поэта по поводу морального облика Сципиона, передаваемая Авлом Геллием (Gell. N. A., VII, 8, 5)³⁵.

В связи с этим, Г. Де Санктисом была выдвинута гипотеза о том, что суда над Сципионом Африканским не было вовсе³⁶. Т. Франк предположил, что в обоих судебных процессах (187 и 184 гг. до н. э.) обвиняемым был Луций Сципион, однако вмешательство его более знаменитого брата в обоих случаях выдвинуло именно его на первый план в дошедших до нас свидетельствах об этих процессах³⁷. Э. Грюэн недавно поддержал эту гипотезу и привел ряд новых аргументов в ее пользу. Отвергая аутентичность речи против Невия, он указывает, что единственный источник помимо нее, который может служить доказательством историчности суда, Полибий, сообщает лишь то, что «кто-то задумал привлечь его [Сципиона – А. В.] к суду перед народом» (Polyb., XXIII, 14, 2), однако, это нельзя считать свидетельством того, что судебное разбирательство имело место³⁸. Попытки Т. Моммзена и П. Фраккаро выявить указания на отдельные стадии процесса перед народным собранием (*iudicium populi*) в тексте Ливия Э. Грюэн признает неубедительными. Текст Зонары, упоминающий об одновременном осуждении Луция и Публия, по мнению Грюэна, является слишком поздним источником и противоречит сам себе (Zon., IX, 20).

Более того, Э. Грюэн пытается доказать, что события 80-х годов II в. до н. э. необходимо вывести за пределы чистой политики. Процессы по обвинению полководцев в злоупотреблениях с добычей, одним из которых был процесс Луция Сципиона, были направлены на установление ограничений на полномочия полководцев в предоставленных им провинциях, а не против Сципионов. Автор отрицает даже потерю Сципионами своего положения после процесса Луция, чему, по его мнению, противоречит участие последнего в качестве кандидата в выборах на должность цензора накануне 184 г. до н. э. (Liv., XXXIX, 40 – 41, 4), а также избрание шурина Сципиона Африканского Луция Эмилия Павла в консулы на 182 г. до н. э.³⁹

³⁴ Cic. De Orat., II: quid hoc Naevio ignavius (в переводе Ф. А. Петровского «что за невежа Невий?»).

³⁵ De Regibus L. Il processo degli Scipioni... P. 17 sg. В стихотворении Невия, передаваемом Авлом Геллием, о Сципионе говорилось следующее:

Кто много подвигов свершил рукою славной,
И чьи дела досель живут, кому дивятся люди,
Того в одном плаще отец сам вывел от подружки

(Пер. Ф. А. Петровского).

³⁶ De Sanctis G. Storia dei Romani. 2nda ed. Firenze, 1969. Vol. IV. P. 579, n. 272.

³⁷ Frank T. Rome... P. 371.

³⁸ Gruen E. S. The "Fall" of the Scipios... P. 82-86.

³⁹ Ibid. P. 71-75, 86-90.

Однако большинство современных исследователей все же признает историчность процесса над Сципионом Африканским. При этом предполагается, что победитель Ганнибала был вызван к суду трибуном М. Невием перед трибунными комициями по обвинению в «государственной измене» (*proditio*), но скорее с целью дискредитации его самого и его клана в преддверии выборов в цензоры на 184 г. до н. э., чем в надежде на осуждение⁴⁰.

Действительно, присутствие яркого эпизода ответной речи Сципиона и приглашения граждан отпраздновать годовщину победы при Заме, за которым последовал повальный исход с форума на Капитолий, в обоих обозначенных выше традициях (Liv., XXXVIII, 51, 6-14; Gell. N. A., IV, 18, 3-6), свидетельствует о том, что какое-то разбирательство все же имело место⁴¹. Отсутствие формального осуждения, так как Сципион покинул Рим и уехал доживать свои дни в своем имении в Литерне, не отвергает того факта, что обвинение было предъявлено. Очевидно, обвинители и стоявший за ними Катон удовлетворились дискредитацией своего политического противника и не решились доводить дело до крайности.

Сомнительно утверждать и о том, что Сципионы не потеряли своего положения в результате событий 187 и 184 гг. до н. э. Что касается Луция Эмилия Павла, то его родство со Сципионом не помешало ему выдать свою дочь за сына Катона. Во-вторых, как было показано Н. Н. Трухиной, период преобладания Сципионов охватывает примерно десятилетие после окончания Ганнибаловой войны, и оно начало сходить на нет еще до начала процессов против лидеров группировки⁴². Однако судебные разбирательства 80-х годов сыграли в этом решающую роль, а последним ударом стала одновременная победа на выборах цензоров 184 г. до н. э. М. Порция Катона и его союзника Л. Валерия Флакка. В результате звание принцепса сената перешло от Сципиона Африканского к Валерию Флакку (Liv., XXXIX, 52, 1 sq.), а Луций Сципион был исключен из всаднического сословия (Liv., XXXIX, 44, 1).

Столь стремительное падение Сципионов, по всей видимости, было обусловлено желанием нобилитета сохранить олигархическое равновесие, которое было нарушено этим семейством в 90-е гг. II в. до н. э. Не случайно Сципиона обвиняли в пренебрежении к решениям сената и народа (Liv., XXXVIII, 51, 4) и высокомерии (Liv., XXXVIII, 52, 4). Его поведение во время процессов действительно не оставляло шанса для компромисса. При этом, как остроумно заметил Дж. Бальсдон, Луций Сципион, сам по себе не лишенный дарований и пытавшийся реабилитироваться после 187 г. до

⁴⁰ Kienast D. Cato der Zensor... S. 61; Scullard H. H. Roman politics... P. 301 f.; Toynbee A. J. Hannibal's legacy... Vol. II. P. 510, n. 5; Astin A. E. Cato the Censor... P. 62; Квашнин В. А. Государственная и правовая деятельность... С. 80 сл.; Бобровникова Т. А. Судебные процессы Сципионов... С. 71 сл.

⁴¹ К этому можно добавить, что Э. Грюэн вырвал фразу о предполагаемой недостоверности речи Невия из контекста, в котором Геллий утверждает ровно обратное (Gell. N. A., IV, 18, 6).

⁴² Трухина Н. Н. Политика и политики... С. 108-111.

н. э. пышными играми и выдвиганием в цензоры, вновь оказался принесен в жертву первенству брата⁴³.

Подводя итоги, следует заметить, что именно особая роль Публия Корнелия Сципиона Африканского и его окружения в римской политике 90-х годов II в. до н. э. обрекала его на неизбежный конфликт с остальной частью римской аристократии в условиях той острой конкуренции в среде нобилитета, которой характеризовались первые десятилетия после победы над Ганнибалом. Безусловно, определенную роль сыграло и стремление сената поставить под контроль распоряжение полководцами добычей, однако это был лишь повод для обвинений.

В ходе самих процессов каждый новый шаг Сципиона, начиная от разорванного в сенате отчета и заканчивая яркой демонстрацией собственного превосходства над законом во время предъявления обвинения ему самому, лишь обострял ситуацию и заводил ее в тупик. Еще в 187 г. до н. э. все могло закончиться предъявлением в сенате необходимых документов, а не процессом перед народным собранием и публичной дискредитацией. Даже во время первого процесса сенат, по-видимому, старался избежать осуждения Луция Корнелия Сципиона и с этой целью отправил его с почетной миссией на восток. Однако гордость Сципиона Африканского, уверенного в своей правоте и силе своего влияния, не позволила ему пойти на компромисс.

Таким образом, «падение Сципионов» все же имело место и одну из ведущих ролей в нем, несомненно, сыграл Марк Порций Катон. Однако многое говорит о том, что и в отсутствие Катона конфликт Сципионов с остальной частью аристократии рано или поздно разгорелся бы. Во всей этой истории основной удар выпал на человека, который, возможно, менее всего этого ожидал: на брата великого полководца. Луций, будучи моложе, в отличие от Публия потерял не только репутацию, но и свое положение. Его карьера, в отличие от списка отличий брата и во многом по вине последнего, пресеклась на цензуре, которой он так и не достиг. Так что главной жертвой Сципионовских процессов оказался именно брат победителя Ганнибала.



⁴³ Balsdon J. P. V. D. Cornelius Scipio: A Salvage Operation // *Historia*. 21. 1972. P. 232 f.

Заговор Катилины

Луций Сергей Катилина является одной из самых скандальных фигур в римской истории периода Поздней Республики. Созданный Цицероном образ нравственно ущербного безумца, одержимого стремлением к власти, прошёл сквозь века, и в результате многие исследователи смотрели на Катилину глазами великого оратора, хотя с течением времени в науке получило развитие и критическое направление, представители которого стали подвергать сомнению традиционные взгляды на Катилину и его заговор¹. Данный этюд можно рассматривать как попытку выяснить, что в действительности представлял собой этот заговор, применительно к какому времени можно говорить о его возникновении и каковы были способствовавшие этому обстоятельства. Иными словами, речь пойдет о его начальном этапе, поскольку именно этот период является ключевым для понимания всего заговора в целом. Уточним, что здесь мы не будем касаться вопроса о так называемом «первом заговоре Катилины», поскольку это слишком расширило бы рамки нашего исследования, и перейдём сразу к событиям 63 г. до н. э.

После поражения на выборах на этот год, когда консулами были избраны Цицерон и Антоний Гибрида, Катилина не сдался и решил снова выставить свою кандидатуру – на этот раз на выборах на 62 г. до н. э. Борьба обещала быть серьёзной, а соперники – опасными. Их было трое: Луций Лициний Мурена – бывший легат Лукулла и офицер Помпея (Cic. Mur., 19), Децим Юний Силан – человек порядочный, но не блестящий, хотя и богатый; а также один из лучших юрисконсультов своего времени – Сервий Сульпиций Руф. Больше всего шансов на избрание было у Силана, так как он относился к тому сорту людей, которые держатся обычно на втором плане и не вызывают ни у кого беспокойства. Мурена, будучи человеком военным, импонировал «невежественной толпе» своей решительностью и веселым нравом (Cic. Mur., 38-39), хотя и действовал подчас слишком прямолинейно. Сульпиций возвышался над соперниками благодаря своей известности, но его больше ценили в кругах людей образованных и просвещённых за попытку введения философии в римское право (Cic. Brut., 41). Первые двое (да и Катилина, по видимому, тоже) не скупилась на деньги во время предвыборной кампании (Plut. Cat. Min., 21; Cic. Mur., 72) и, похоже, даже не особенно это скрывали. Во всяком случае, честный Сульпиций был глубоко возмущён творившейся коррупцией и потребовал введения закона о домогательстве (Cic. Mur., 46).

¹ Например: *Waters K. H. Cicero, Sallust and Catiline // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. Bd. 19. H2. 1970; Seager R. Iusta Catilinae // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. Bd. 22. H2. 1973.*

Цицерон ходатайствовал перед сенатом о том, чтобы этот закон приняли, так что теперь, согласно новоизданному *lex Tullia*, за подкуп на выборах кандидату грозило изгнание сроком на десять лет (Dio.Cass., XXXVII, 29). Это был неплохо продуманный ход для нейтрализации главного оружия Красса, который в свое время оказывал Катилине весьма серьёзную поддержку (Ascon. P. 82–83 Cl.), так что теперь он больше ничем не мог помочь Луцию Сергию (а, возможно, и не хотел, сочтя все это предприятие нерентабельным), и в результате тот остался один, лицом к лицу с избирателями, и мог полагаться лишь на свои собственные силы и способности.

Вот почему у Катилины были все основания полагать, «что это постановление (т. е., закон о домогательстве – Д. Д.) вынесено против него» лично (Dio.Cass., XXXVII, 29), и он, разозлившись, начал угрожать Сульпицию расправой (Cic. Mur., 49). Но дальше слов дело, по-видимому, не зашло, поскольку Сульпиций все-таки остался жив, хотя, быть может, и был напуган. Впрочем, надо признать, что, несмотря на все неприятности, которые доставляли ему соперники, Катилине всё ещё удавалось сохранять бодрый и веселый вид; он еще надеялся на Антония, который будто бы ему что-то пообещал (Cic. Mur., 24)², и ходил по Городу в сопровождении огромной, вызывающей страх свиты, а его самоуверенность вызывала у противников нескрываемое раздражение (Cic. Mur., 49). Выросший в переломное для Рима время, он прекрасно знал цену разнообразным лозунгам, которые не только отражали укоренившиеся в государстве противоречия, но и могли помочь натравить друг на друга различные сословия, а также позволяли манипулировать честолюбивыми устремлениями отдельных высокопоставленных лиц. Катилине удалось найти такой лозунг: это была всеобщая кассация долгов (Cic. Cat., II, 18; Ad fam., V, 6) – самое революционное и в то же время актуальное предложение³. Нельзя сказать, что его не вносили раньше⁴ – пару лет назад так уже делал один трибун (Dio.Cass., XXXVII, 25), но у него ничего не вышло, зато теперь, после того, как закон Рулла, имевший острое социально-политическое значение, был провален оптиматами, Катилина мог предста-

² Скорее всего, Антоний обещал Катилине поддержать его кандидатуру, но вряд ли речь могла идти о чем-то большем. По крайней мере, Катилина ничего открыто не говорил о каких-либо иных обещаниях Антония, да и Цицерон не называет его в числе заговорщиков, а напротив, считает, что он верен сенату (Cic. Mur. 84).

³ Судя по данным источников, его программа также включала в себя грабежи (Cic. Cat., II, 20) и разделение гражданских и жреческих должностей между его сторонниками (Sall. Cat. 21., Cic. Cat., II., 19), но вряд ли Катилина говорил об этом открыто. Такие обещания стоило приберечь для узкого круга самых близких сторонников.

⁴ В 86 г. до н. э., консул Луций Валерий Флакк пытался если не кассировать долги, то хотя бы сократить сумму выплат, чтобы в какой-то мере смягчить остроту проблемы. Он провел закон (*lex Valeria de aere alieno*), согласно которому все текущие долги сокращались на 75 процентов, то есть кредиторы получали лишь четверть долговой суммы, да еще и были вынуждены принимать медь вместо серебра (Sall. Cat., 33; Vell. Pat., II, XXIII, 2).

вить себя истинным защитником всех обездоленных (Cic. Mur., 50; Sall. Cat., 35). Он сделал верный ход: проблемы с долгами имела значительная часть римского общества, и, разумеется, в их среде он сразу же приобрел большую популярность. Собственно, на это и была направлена его агитация: Катилина преследовал исключительно прагматические цели. Он хотел стать консулом, для этого ему нужны были голоса, а, поскольку наказание за подкуп теперь ужесточилось, он развернул такую пропагандистскую кампанию, которая бы позволила ему привлечь на свою сторону как можно больше избирателей⁵. Иными словами, он пообещал им то, чего они хотели больше всего на свете, зная, что никто из других кандидатов не пойдет на такой шаг из страха навредить своему реноме. Катилине же терять уже было нечего: он и так был на плохом счету у оптиматов и пользовался репутацией радикала, так почему бы и не действовать в соответствии с той ролью, которую ему навязали, если это сможет помочь ему в достижении цели?

Правда, не обошлось и без проблем. Ведь одним из самых крупных кредиторов в Риме, если не самым крупным, был Красс, и предложение списать все долги вряд ли могло прийтись ему по вкусу, так что получается, в данном случае Катилина сознательно действовал против его воли и вопреки его интересам, что свидетельствовало о происшедшем между ними разрыве. В какой момент это случилось, и по какой причине, сказать сложно. Так, например, Г. Ферреро полагает, что это произошло после неудачи с законом Рулла, когда Красс и Цезарь поняли, что такими безрассудными методами они ничего не добьются; к тому же, им не хотелось «компрометировать себя чисто демагогическими элементами»⁶, и они решили прекратить поддержку сомнительных проектов. С точки зрения М. Гельцера, Красс решил бросить Катилину после того, как шансы последнего на избрание в 63 г. до н. э. резко ухудшились, т. е., когда Цицерон купил преданность Антония за провинцию Македония, а потом помог Сульпицию провести закон *de ambitu*⁷, из чего можно заключить, что по версии М. Гельцера Красс перестал поддерживать Катилину почти сразу после того, как тот провалился на выборах, и консулом стал Цицерон. «Этому способствовало также и то обстоятельство», – пишет учёный, – «что они (Красс и Цезарь – Д. Д.) все меньше видели в своенравном Катилине человека, которого можно было бы использовать как пешку»⁸. А. Б. Егоров относит время разрыва к еще более раннему периоду: по его мнению, сотрудничество Красса и Цезаря с Катилиной ограничилось финансированием последнего и Автрония, после чего «с безошибочной интуицией дельца Красс не стал «ставить» на катилинариев», так как «Красс и Цезарь имели с ними общего противника, но не общие интересы»⁹. Весьма смелую

⁵ Cary M. Rome in the absence of Pompey // САН. Cambridge, 1932. Vol. IX. P. 491.

⁶ Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 1 СПб, 1997. С. 168.

⁷ Gelzer M. Sergius (Catilina) // RE. Bd 13,1. HbBd 27. Stuttgart, 1926. Sp. 1701.

⁸ Gelzer M. Sergius (Catilina). Sp. 1701.

⁹ Егоров А. Б. Марк Лициний Красс, бизнесмен и политик // Ставропольский

гипотезу выдвигает Э. Т. Сэлмон, который утверждает, что в 63 г. до н. э. Красс поддерживал Катилину до тех пор, пока не пришли известия о смерти Митридата и, следовательно, о скором возвращении Помпея. После этого Красс, по мнению учёного, больше не пожелал видеть Катилину в роли *consul designatus* и решил сделать из него заговорщика в надежде, что Катилина устроит мятеж, а подавлять его доверят либо ему, Крассу, либо его компаньону Цезарю. Тогда у него появится армия, и он сможет вести переговоры с Помпеем на равных. По этой причине Марк Лициний не стал препятствовать принятию закона о коррупции, который предложил Сульпиций и провел Цицерон, хотя мог бы, как в 64 г. до н. э. подкупить трибуна, чтобы тот наложил на закон вето, и это обстоятельство в значительной мере сократило шансы Катилины на избрание. По мысли Красса, такая мера должна была спровоцировать Луция Сергия на организацию заговора, и, как полагает Э. Т. Сэлмон, именно это в итоге и произошло¹⁰. Предчувствуя возможные возражения – ведь у Красса было очень мало оснований считать, что в случае восстания подавлять его будет поручено ему или Цезарю, – ученый проводит параллели с восстанием Спартака и отмечает, что хотя тогда Красс был претором, а сейчас – лишь частным человеком, он мог бы добиться желаемого назначения посредством подкупа комиций. Кроме того, неплохие шансы, по мнению исследователя, были у Цезаря, который на тот момент являлся избранным претором¹¹. Но, как нам кажется, для того, чтобы попытаться реализовать такой план, Красс должен был быть твердо уверен в том, что армию для подавления восстания получит либо он, либо Цезарь, в противном случае дела могли пойти самым невыгодным для него образом, а он, как человек расчетливый, должен был это понимать и сначала взвесить все шансы. Шансы же его были невелики, поскольку и Красс, и Цезарь уже находились под подозрением (*Ascon. P. 83. Cl.*), и, думается, оптиматы сделали бы все возможное, чтобы не допустить назначения кого-либо из них. Во всяком случае, на консульских выборах им удалось забаллотировать кандидата Красса, а потому финансист, как нам кажется, не отважился бы на столь опасную игру.

Также существует точка зрения Э. фон Штерна, согласно которой именно Катилина более не пожелал оставаться на службе у вождей демократической партии и захотел действовать самостоятельно. У него появились серьёзные сомнения в том, получит ли он обещанное Крассом и Цезарем вознаграждение, и ему стало ясно, что пришло время надавить на более сильные рычаги и использовать такие средства, которые позволят ему, наконец, достичь того, к чему он так долго и безуспешно стремился, а его знаменитая ловкость и умение привлекать на свою сторону людей из различных социальных слоев указали ему тот путь, на котором дальнейшее сотрудничество с Крассом

сборник Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 9. С. 238.

¹⁰ *Salmon E. T. Catiline, Crassus and Caesar. The American Journal of Philology. Baltimore, 1935. Vol. 56. No. 4 P. 311-312.*

¹¹ *Salmon E. T. Catiline, Crassus and Caesar. P. 311.*

и Цезарем становилось уже невозможным¹². Нам однако представляется маловероятным, чтобы Катилина мог сам захотеть выйти из-под контроля людей, которые его лоббировали. С его стороны было бы крайне неумно сосориться со своими покровителями и тем самым лишать себя их финансовой (и не только) поддержки в разгар очередной предвыборной кампании при том, что сам он в это время находился на грани банкротства (Cic. Cat., I, 14). Поэтому мы склонны полагать, что не Катилина оставил своих патронов, а они – его, и в связи с этим наиболее верной нам кажется позиция Г. Ферреро, поскольку в источниках все же имеются подтверждения того, что Красс и Цезарь продолжали оказывать Катилине помощь вплоть до его поражения на выборах на 63 г. до н. э. и даже немного позднее (Ascon. P. 83. Cl.; Dio Cass., XXXVII, 10. Cic. ad Att., I, 16; Pis., 95), а уже потом, по мере дальнейшего развития событий, они осознали, что Луций Сергий является не самым перспективным кандидатом, и к тому же провозглашает такие лозунги, которые, в случае их реализации, больно ударят по финансам Красса, вследствие чего решили не тратить на него свое время и деньги. Другое дело, что этот раскол был, по-видимому, спланирован заранее и осуществлён ни кем иным, как Цицероном. Ведь великий оратор, как отмечает П. Мериме, прекрасно понимал, что ни он, ни сенат не сможет противостоять такому могущественному альянсу, а это означало, что надо заставить Красса и Цезаря отступить от своего протече. Цицерон знал, что даже в самых далеко идущих планах Красса будет сдерживать его высокое положение и природная скупость; Цезарь же, будучи племянником Мария, не сможет открыто объявить себя другом сулланского убийцы. А потому нужно было сделать так, чтобы Катилина сам скомпрометировал себя и проявил как раз те качества, которые отпугнут его покровителей¹³. В данном случае таким качеством был его радикализм, а чтобы Катилина его проявил, у него не должно было остаться других средств для достижения цели. Именно поэтому Цицерон и сделал все для того, чтобы лишить его возможности действовать законным путем, а Катилина, к сожалению, поддался на его провокацию и в итоге не только превратил дружбу Красса и Цезаря в нейтралитет, но и восстановил против себя представителей тех социальных слоев, которые не были заинтересованы в кассации долгов – консервативную часть нобилитета и богатых всадников. Если раньше они относились друг к другу в лучшем случае с подозрением, то теперь перед лицом общей опасности они были вынуждены объединиться, и Катилине пришлось иметь дело с весьма упорным сопротивлением этой коалиции, которая была полна решимости ни в коем случае не допустить его избрания. Красс стал поддерживать Мурену (Cic. Mur., 48), Цезарь – Силана, а Катон – Сульпиция, причем, были основания полагать, что ради Красса Цезарь помо-

¹² Stern E. von. Catilina und die Parteikämpfe in Rom der Jahre 66-63. Dorpat, 1883. S. 69-70.

¹³ Mérimée P. La conjuration de Catilina // Études sur l'histoire romaine. Paris, 1883. P. 300.

жет Мурене, Силан, в свою очередь, сможет рассчитывать на защиту Красса, а Катилина окажется в меньшинстве¹⁴.

Однако пока обстоятельства складывались в пользу Луция Сергия: Валерий Максим передает, что из-за возникшей в Городе паники, связанной с обещанием Катилины добиться *tabulae novae*, цена собственности «предельно упала» и «даже богатые не могли уплатить долги кредиторам» (Val. Max., IV, 8, 3). Разумеется, это привело к росту популярности Катилины, и тот, чувствуя за собой поддержку широких масс, был уверен в успехе, а потому вел себя несколько вызывающе. Цицерона это, с одной стороны, пугало, а с другой, вероятно, радовало, поскольку как нельзя лучше соответствовало его планам: ведь, как было сказано выше, он хотел выставить Катилину открытым мятежником, а тот своим поведением давал к этому все поводы. Так, например, когда на одном из заседаний сената Катон пригрозил ему процессом *de ambitu*, Катилина ответил, что «если попытаются разжечь пожар, который будет угрожать его благополучию, то он потушит его не водой, а развалинами» (*si quod esset in suas fortunas incendium excitatum, id se non aqua sed ruina restincturum* – Cic. Mur., 51; Sall. Cat., 31), но у Саллюстия это изречение опять датировано неточно, и он считает, что Луций Сергий ответил так на первую Катилинарию Цицерона (кроме того, см. Val. Max., IX, 11, 3; Flor., IV, 1)¹⁵.

Очевидно, что в сложившейся обстановке нетрудно было распускать о нем разнообразные слухи и сплетни. В частности, «говорили, что Катилина призвал из Этрурии на выборы ветеранов Суллы, что последние готовы на всё и что Цицерон будет убит»¹⁶ (Plut. Cic., 14). Как отмечает Г. Ферреро, «всякий, чтобы поразить своего собеседника, преувеличивал свои сведения, говорил, как очевидец, о том, что ему только рассказывали, прибавлял к этому своё, даже изобретал, так что событие, переходя из уст в уста, из мелкого предположения очень скоро делалось подробной длинной историей»¹⁷. Пища для слухов, безусловно, была – нет ничего невозможного в том, что Катилина в самом деле мог пригласить в Город сулланских колонистов из Арреция и Фезул (Cic. Mur., 49), но здесь многое зависит от интерпретации событий: было бы логичнее предположить, что это было сделано не для того, чтобы означенные персонажи устраивали в Риме беспорядки, а для того, чтобы, благодаря им, Катилина мог получить больше голосов (Plut. Cic., 14). Впрочем, там, где царит хаос, логика обычно молчит. Встречались и граждане, готовые поставить под сомнение аргументы, основанные на сплетнях. Цицерон говорит о том, что «кое-кто в этом сословии либо не видит того, что угрожает нам, либо закрывает глаза на то, что видит. Люди эти снисходительностью

¹⁴ *Mérimée P.* Op. cit. P. 301.

¹⁵ Не исключено, что Катилина употребил какое-то метафорическое выражение, а Цицерон просто искажил его смысл и представил дело так, будто Катилина хочет поджечь Рим. См. *Waters K. H.* Cicero, Sallust and Catiline. P. 200.

¹⁶ *Ферреро Г.* Величие и падение Рима. С. 170.

¹⁷ *Ферреро Г.* Величие и падение Рима. С. 170.

своей обнадеживали Катилину, а своим недоверчивым отношением благоприятствовали росту заговора при его зарождении» (Cic. Cat., I, 30).

Однако доказательств того, что Луций Сергий действительно готовит заговор или мятеж, у Цицерона не было, а потому он не мог заходить в своих нападках дальше речей и распространения сплетен (Plut. Cic., 14). Этих мер было явно недостаточно для того, чтобы провалить Катилину на выборах, но вскоре великому оратору представился шанс это сделать. Дело в том, что Сульпиций – тот самый кандидат, который предложил ужесточить наказание за подкуп на выборах – обнаружил, что своему закону повинуются только он сам, а остальные продолжают вести предвыборную агитацию привычными им средствами. Тогда он снял свою кандидатуру и – очевидно, по совету Катона, – подал в суд на Мурену, который слишком уж явно пользовался недозволенными методами (Cic. Mur., 48-49). Увидев, что одним конкурентом стало меньше, а против другого затевается новый судебный процесс, Катилина приободрился и незадолго до дня выборов – возможно, в июле 63 г. до н. э. – собрав у себя дома ближайших своих сторонников, произнес перед ними вдохновляющую речь, в которой поведал им о своих намерениях.

Цицерон, имевший в кругу Катилины собственных осведомителей (Sall. Cat., 23), узнал от них о собрании и решил воспользоваться этим, чтобы напугать сенаторов и, по возможности, спровоцировать Катилину на какие-нибудь высказывания, которые потом можно будет использовать против него. Для этого великий оратор созвал сенат и попросил отцов на следующий день отменить комиции, поскольку ему нужно обсудить с ними один важный вопрос. Сенаторы согласились, и на следующий день Цицерон рассказал им о том, что ему известно о планах Луция Сергия. Катилина, сообщил консул, утверждал, «что никто не может быть преданным защитником обездоленных людей, кроме того, кто обездолен сам; что посулам благоденствующих и богатых людей пострадавшие и обездоленные верить не должны; поэтому пусть те, которые хотят возместить себе растратченное и вернуть себе отнятое у них, взглянут, как велики его долги, каково его имущество, какова его отвага; бесстрашным и неимущим должен быть тот, кто станет вождем и знаменосцем неимущих» (Cic. Mur., 50). В его переложении это уже действительно было похоже на призыв к мятежу, и Цицерон велел Катилине, присутствовавшему на заседании, объясниться. Тот не стал перед ним оправдываться и просто ответил, что «у государства есть два тела: одно — слабое, с некрепкой головой, другое — крепкое, но без головы; это последнее, если пойдет ему навстречу, не будет нуждаться в голове, пока он жив» (Cic. Mur., 51; Plut. Cic., 14). Нетрудно было догадаться, что под слабым телом он понимал правящую группу нобилитета, а под его некрепкой головой – Цицерона; крепкое же тело состояло из тех, кто не относился к категории оптиматов и которых, надо полагать, было гораздо больше, чем последних. Именно им, фигурально выражаясь, Катилина и намеревался «при-

ставить» собственную голову¹⁸. В целом это высказывание можно было расценить как популистское в том смысле, что Катилина в своей политике был намерен ориентироваться на народ, а не на сенат, в худшем же случае его слова можно было принять за провокацию, поскольку они были не просто проявлением личной дерзости, но и, по мнению В. Хоффмана, служили также отражением социальных проблем, особенно обострившихся в 60-е гг. до н. э.¹⁹. Однако поскольку это была всего лишь декламация, за неимением более серьезных улик Катилину все-таки допустили на выборы.

Цицерон опять начал нагнетать обстановку: он явился на Марсово поле в панцире, скрытом под тогой, и в сопровождении целой толпы клиентов и друзей – возможно, из Реатинской префектуры, т. к. Цицерон был патроном этой общины и, по своему собственному признанию, всегда прибегал к её помощи для защиты государства (а в данном случае – себя. *Cic. Cat.*, III, 5; *Plut. Cic.*, 14). Судя по тому, что Плутарх пишет, будто оратор специально спустил с плеча тунику, чтобы все могли видеть его панцирь (*Plut. Cic.*, 14), создается впечатление, что он, как всегда, играл на публику, и, если его задачей было произвести впечатление на собравшихся и заставить их поверить в то, что и ему, и им грозит величайшая опасность, то он в этом преуспел. Благодаря комплексным мерам предосторожности, которые все это время, шаг за шагом, предпринимали оптиматы под мудрым руководством Цицерона, Катилина снова проиграл. «Деньги», – пишет Г. Ферреро, – «одержали победу над числом. Несмотря на голоса мелкого люда, Катилина не был избран»²⁰.

Здесь мы уже вплотную подходим к вопросу о начале организации заговора. Как было показано выше, долгое время ситуация представлялась неоднозначной, и даже современники описываемых событий не были уверены в том, стоит ли расценивать то, что они тогда наблюдали, как подготовку к какой-то масштабной операции. Посему неудивительно, что и среди ученых последующих эпох не существует единого мнения относительно того, как следует интерпретировать предвыборную активность Катилины и его дальнейшие действия. Так, например, Т. Моммзен склонен доверять в этом вопросе источникам (т. е. Цицерону и Саллустию): он полагает, что накануне Катилина действительно отправлял деньги в Фезулы, и там сулланский офицер Гай Манлий, временно принявший на себя верховное командование, набирал для него солдат и оружие (*Sall. Cat.*, 24)²¹. Таким образом, с точки зре-

¹⁸ Интересно, что когда Катилина находится в сенате, то, согласно источникам, он всегда использует иносказания и никогда не говорит ничего прямо, а это дает широкий простор для различных толкований его слов.

¹⁹ *Hoffmann W.* Catilina und die Römische Revolution. Gymnasium 66. Heidelberg, 1959. S. 472

²⁰ *Ферреро Г.* Величие и падение Рима. С. 173.

²¹ *Моммзен Т.* История Рима. Том 3. Книга 5 / Пер. с нем. Н. Д. Ахшарумова М., 2002. С. 171.

ния ученого, Катилина уже отказался от использования мирных средств и задумал перейти к насильственным действиям: «План заговорщиков состоял в том», — пишет Т. Моммзен, — «чтобы при выборах консулов на 692 г. (62 г. до н. э. — Д. Д.), где Катилина опять выставит свою кандидатуру, убить руководящего выборами консула и всех неудобных соперников, во что бы то ни стало добиться избрания Катилины, направив даже в случае необходимости в столицу из Фезул и других сборных пунктов вооруженные отряды, чтобы с помощью их подавить сопротивление»²². Такого же мнения придерживается и Г. Буассье. Правда, сначала он пишет, что «прежде, чем браться за оружие, Катилина хотел еще раз попытать счастья на выборах»²³, а потом, что он «надеялся, что на выборах не обойдется без сражения, а, главное, он отдал приказ, чтобы консул не вышел оттуда живым»²⁴. Так чего же он все-таки хотел — чтобы его выбрали законно или прийти на выборы, устроить путч и захватить власть силой? На основании текста Г. Буассье складывается впечатление, что Катилина хотел попробовать устроить и то, и другое: «быть может, он совершил ошибку, попытавшись объединить заговор и участие в выборах», — отмечает историк.²⁵

Если планы Луция Сергия в самом деле были такими, как их описывают источники и следующие традиции ученые, то это, бесспорно, было его ошибкой, так как в этом случае он намеревался одновременно реализовать две логически противоречащие друг другу возможности. Вот почему некоторые исследователи предлагают иной вариант развития событий. Так например, К. Джон утверждает, что, даже если Катилина и планировал восстание, войну и грабежи, то он явно собирался сделать это уже после того, как одержит победу на выборах, поскольку тогда у него будет, во-первых, звание консула, а, во-вторых, консульский империй, которые позволят ему спокойно использовать те средства, которые, будучи частным человеком, он не смог бы применить без риска подвергнуть себя и своих соратников многочисленным опасностям и трудностям. То есть в его интересах было избежать заговора и попытаться стать консулом легально. Что дальше? Предположим, говорит К. Джон, что мы поверили античным авторам и согласились с тем, что по достижении консулата Катилина собирался посредством террора и открытого насилия превратить его в диктатуру — именно такого мнения, кстати, придерживается Г. Буассье, утверждающий, что Катилина во всем ориентировался на Суллу, который был для него учителем и образцом для подражания²⁶. Но в этом случае для всех необходимых приготовлений Катилине вполне хватило бы интервала между назначением и вступлением в должность, и, следовательно, не было необходимости предпринимать какие-либо шаги для орга-

²² Моммзен Т. История Рима. С. 172.

²³ Boissier G. La Conjuration de Catilina. Paris, 1905. P. 141.

²⁴ Boissier G. La Conjuration de Catilina. P. 145.

²⁵ Boissier G. La Conjuration de Catilina. P. 141.

²⁶ Boissier G. La Conjuration de Catilina. P. 141.

низации военного переворота до выборов. Слухи же о его намерении использовать сулланских ветеранов в качестве опоры для военной деспотии, а консулат – как базу для подготовки новой гражданской войны только повредили бы его репутации у народа. По этой причине Катилина бросил все силы именно на соискание, но при этом старался ни в чем не переступить границы законности. Таким образом, предположение, будто он уже в 63 г. до н. э. организовал заговор или – что еще хуже – «на всякий случай» готовился к вооруженному восстанию – является невозможным²⁷.

Строго говоря, он еще не исчерпал возможности избрания в консулы, поскольку в источниках нет указаний на существование какого-либо закона, запрещающего кандидату баллотироваться после трех неудачных попыток подряд²⁸. Но выглядело бы это уже неприлично, а может быть, даже и смешно. Поэтому вряд ли стоит удивляться реакции Катилины на очередное поражение: его честолюбию был нанесен чудовищный удар, и то, что он совершил вслед за этим, было, как нам кажется, поступком отчаявшегося человека, лишённого уже всяческой надежды. Кроме того, как считает М. Кери, свою роль мог сыграть и вопрос чести: пообещав своим сторонникам, имевшим проблемы с долгами, *tabulae novae*, Катилина не мог позволить себе их разочаровать²⁹.

Реализация плана была назначена на конец октября, и Катилина собирался, объединив усилия заговорщиков в Риме и вспомогательных войск из Этрурии³⁰, осуществить внезапное нападение, застать Город врасплох и

²⁷ John C. Die Entstehungsgeschichte der Catilinarischen Verschwörung; ein Beitrag zur Kritik des Sallustius. Besonderer Abdruck aus dem achten Supplementbande der Jahrbücher für classische Philologie. Leipzig, 1876. S. 754.

²⁸ Квинт Лутаций Катул в свое время тоже три раза подряд потерпел поражение на выборах (Cic. Planc., 12), но потом обстоятельства сложились таким образом, что его всё-таки избрали. Недалеко от него ушел и Квинт Фульвий Флакк, который был консулом-суффектом в 180 г. до н. э. и замещал своего умершего отчима. Собственно, этот отчим и победил его на консульских выборах, а до этого, если верить Ливию, Флакк проиграл еще и выборы на 183 и 182 гг. до н. э. (Liv., XL, 37). Но счастливое завершение борьбы этих деятелей за консулат было скорее исключением, чем правилом, а вообще, далеко не у всех дела складывались так благополучно. Подробнее об этом см. Pina Polo F. *Veteres Candidati: Losers in the Elections in Republican Rome // Vae Victis! Perdedores en el mundo antiguo. Col·lecció Instrumenta*, 14. Barcelona, 2012. P. 63-82.

²⁹ Cary M. Rome in the absence of Pompey. P. 494.

³⁰ Отдельные исследователи, как например Ф. Мюнцер и С.Л. Утченко, считают наличие этих самых войск признаком того, что Катилина начал планировать свой путч заранее – скорее всего, в начале 63 г. до н.э., (в противном случае он бы просто не успел набрать такую армию за столь короткий срок). См. Münzer F. *Manlius // RE. HbBd 27. Stuttgart, 1928. Sp. 1156; Утченко С.Л. Цицерон и его время. М., 1972. С. 160. Однако мы скорее склонны согласиться в этом вопросе с Э.Т. Филиппсом, который полагает, что на первых порах Манлий действовал в Этрурии совершенно ав-*

248

убить Цицерона, а также – руководителей правящей группы нобилитета (Cic. Cat., I, 7; Plut. Cic., 15; Dio. Cass., XXXVII, 31). Это был довольно дерзкий замысел, но важно отметить, что на большее Катилина пока не решался: ни о поджогах, ни о массовой резне речи в то время еще не шло, а сообщение о том, что Луций Сергий и его сторонники собираются предать Город огню, впервые появляется только у Аппиана, и то лишь после того, как Катилина в его изложении покидает Рим (App. BC., II, 3).

Пока что имеющееся у него в запасе время Луций Сергий посвятил подготовке к осуществлению операции. Всем военным поселенцам, которых он вызывал в Рим для подачи голосов на выборах, он приказал вернуться туда, откуда они приехали. Затем отправил некоторых из своих соратников в те провинции, где «каждый из них, как он ожидал, мог бы быть ему полезен»: Манлия – «в Фезулы и ближайшую к ним часть Этрурии», некоего камеринца Септимия – в Пиценскую область, Гая Юлия – в Апулию (Sall. Cat., 27), кого-то – в Цизальпинскую Галлию, а кого-то – в Капую и на юг Италии (App. BC., II, 2). Похоже, что он мог рассчитывать и на помощь Публия Суллы в Кампании (Cic. Sull., 60). Итак, отныне план был запущен, но успех его висел на волоске: все зависело от того, какие меры в ответ предпримут сенат и консул. А это означало, что пришел звёздный час Цицерона.

Благодаря своим осведомителям «лучший из консулов» знал о том, что происходит (App. BC., II, 8) и пытался донести эту информацию до отцов: известно, что проблему заговора обсуждали в сенате 22 сентября (Suet. Aug., 24; Gell. Noct. Att., XV, 7), но тогда мало кто поверил Цицерону (Cic. Cat., I, 30), поскольку доказательств у него всё ещё не было. Да и Антоний стал вести себя весьма двусмысленно: «в то необычайно грозное и опасное для государства время, когда все были охвачены страхом, а кое-кто питал подозрения против него самого, Антоний не захотел ни оправдаться, опровергнув эти подозрения, ни успокоить опасения, прибегнув к притворству», – говорил про него Цицерон. Дион Кассий уже прямо причисляет Антония к заговорщикам (Dio. Cass., XXXVII, 30), но, похоже, что до участия в их планах он все же не дошел и ограничился лишь простым сочувствием, потому что Цицерон признается, что постоянно «сдерживал и останавливал» его, а их общий квестор Публий Сестий, хотя и относился к Антонию с уважени-

тономно. Он и его сторонники начали восстание из-за своих личных проблем с долгами (Sall. Cat., 33), разрешить которые не представлялось возможным из-за неуступчивости Цицерона (Cic. De off., 2, 84). Вот почему Манлий и те, кто был с ним, поддерживали на выборах Катилину, а после его поражения они, по всей видимости, готовы были предложить ему и другую форму поддержки, что в условиях новых планов и изменившихся обстоятельств было Катилине только на руку. Он намеревался использовать уже готовое войско Манлия для достижения консулата теперь уже насильственным путем, а Манлий, в свою очередь, надеялся, что Катилина, придя к власти, исполнит свое обещание и улучшит их финансовое положение. Это был взаимовыгодный союз. См.: *Philips E.J. Catiline's conspiracy // Historia: Zeitschrift fur Alte Geschichte. Bd. 25. H. 4. S. 1., 1976. P. 443.*

ем, но в то же время внимательно за ним наблюдал (*observavit* – см. *Cic. Sest.*, 8-9). В итоге дело кончилось тем, что Антоний даже «удостоился похвалы за то, что он порвал с участниками этого заговора всякие личные и официальные отношения» (*Cic. Cat.*, III, 14), но, судя по тому, что Цицерон упоминает об этом только в третьей речи против Катилины, не исключено, что Антоний перешел на сторону победителей лишь тогда, когда уже окончательно стало ясно, что дело заговорщиков погребло, и поддерживать их, пусть даже очень осторожно и тайно, больше не имеет смысла. «Многие люди строят дружбу и вражду с учетом влияния других людей и собственных выгод», – философски замечает по этому поводу Дион Кассий. Он признает, что Антоний перестал питать добрые чувства к Катилине, как только увидел, что тот слаб (*Dio. Cass.*, XXXVII, 39), но это случилось уже намного позднее, а пока он еще мог связывать с заговорщиками какие-то надежды.

В целом же у Цицерона были достаточно веские основания для беспокойства: он понимал, что, если хоть что-то из того, что он говорил в сенате о заговоре, не подтвердится, то его ожидают крупные неприятности. Действовать без санкции отцов он не имел права (*Sall. Cat.*, 29), поэтому ему оставалось только ждать. И вот, в ночь с 20 на 21 октября Цицерону, наконец, повезло: поздно ночью к нему в несколько театральной манере явились Красс, Марк Марцелл и Метелл Сципион, и передали анонимные письма, в которых Катилина предупреждал их о готовящейся резне и советовал поскорее покинуть Город (*Plut. Cic.*, 15; *Dio. Cass.*, XXXVII, 31). Прочитав одно из этих писем, Красс, по словам Плутарха, «тут же бросился к Цицерону — в ужасе перед грядущим бедствием и, вместе с тем, желая очистить себя от обвинений, которые падали на него из-за дружбы с Катилиной» (*Plut. Cic.*, 15), и, если это действительно было так, то подобное поведение вовсе не делает ему чести. Быть может, впервые в жизни Катилина решил поступить благородно и предупредил своего бывшего друга о грозящей опасности, а тот предал его, чтобы сохранить лицо перед консулом. С другой стороны, не исключено, что Красс просто перестраховался: рассказал Цицерону о том, что тот знал и так, но чего было бы достаточно для того, чтобы защитить его, Красса, от обвинения в соучастии, если заговор провалится. В то же время он не сообщил ничего, что могло бы навредить Катилине, если заговор увенчается успехом³¹. Иными словами, финансист, как всегда, попытался усидеть на двух стульях одновременно, и, надо признать, у него это неплохо получалось³². Цицерон был счастлив: демарш Красса служил доказательством того,

³¹ *Oman Ch. Seven Roman statesmen of the later republic.* London, 1903. P. 184.

³² Развивая свою концепцию, Э. Т. Сэлмон считает, что Красс намеренно выдал информацию Цицерону с тем, чтобы убедить власти в наличии чрезвычайной ситуации, которая позволила бы ему или Цезарю получить армию, а также очистить себя от подозрений в соучастии. См.: *Salmon E. T. Catiline, Crassus and Caesar.* P. 315. Но, как было показано нами выше, первое предположение маловероятно, а вот второе – вполне справедливо.

что отныне все отношения между заговорщиками и оппозицией прекратились, и это заставило консула почувствовать себя немного увереннее. В надежде, что теперь отцы его, наконец, послушают, он созвал на следующий день сенат³³ и приказал адресатам зачитать письма. Потом выступил бывший претор Квинт Аррий и сообщил об идущих в Этрурии приготовлениях, а Цицерон добавил, что, насколько ему известно, 27 октября Манлий должен начать восстание, а 28 октября заговорщики планируют перебить в Риме всех самых влиятельных сенаторов. Его речь произвела на отцов столь сильное впечатление, что сенат был вынужден уступить и сделать то, чего и добивался Цицерон – принять *senatus consultum ultimum*; это было равносильно объявлению чрезвычайного положения и наделению консулов диктаторскими полномочиями для спасения государства (Sall. Cat., 29; Dio. Cass., XXXVII, 31; Plut. Cic., 15). Пользуясь моментом, Цицерон также испросил себе вооружённую охрану, и получил ее (Cic. Cat., I, 7; III, 5; Plut. Cic., 16), а те оптиматы, которые считали себя достаточно влиятельными для того, чтобы их могли захотеть убить, в спешном порядке покинули Город (Cic. Cat., I, 7). Впрочем, пока еще ничто не предвещало беды, и на улицах города было довольно спокойно. Это обстоятельство заставило некоторых сенаторов усомниться в справедливости показаний Цицерона, и его даже обвинили в шантаже (Dio. Cass., XXXVII, 31) – но, думается, только частным образом, поскольку его, как консула, нельзя было привлечь к суду.

Вскоре сенат получил новые подтверждения правоты Цицерона: в один из последних дней октября сенатор Луций Сений принес в курию письмо из Фезул, где говорилось о том, что за пять дней до ноябрьских календ Манлий объединил солдат-колонистов и этрусских крестьян в одно большое войско, и разбил в этом городе военный лагерь. Тем не менее, имя Катилины в этом письме не упоминалось (Sall. Cat., 30), хотя вполне вероятно, что помимо этого письма поступали и другие, не менее тревожные новости, которые ввергли Рим в пучину страха. И, как всегда бывает в подобных случаях, тут же посыпались сообщения о чудесных знамениях, зловещих предзнаменованиях и прочих вещах, характерных для суеверного общества перед лицом опасности. Не обошлось и без сплетен со слухами: шла молва «об устраиваемых сборищах, о доставке оружия, о начинающихся в Капуе и Апулии восстаниях рабов», так что паника в Городе нарастала (Sall. Cat., 30). От сената требовалось принять контрмеры, но армии у него не было: войска, которые

³³ Некоторые ученые, например, Т. Моммзен, полагают, что консульские выборы происходили в октябре и из-за этого путают настоящее заседание сената с тем, которое состоялось за день до выборов и на котором Цицерон, рассказав отцам о речи Катилины перед его сторонниками, предложил ему объясниться (см. Моммзен Т. История Рима. С. 172). Но мы придерживаемся той же точки зрения, что и С. John, убедительно доказавший, что выборы происходили в конце июля или начале августа, а потому это были два совершенно разных заседания сената. См. John C. Die Entstehungsgeschichte... S. 750.

были предоставлены консулам в соответствии с SCU, нужны были в самом Риме для обеспечения внутренней безопасности. К счастью, под стенами Города в это время в ожидании триумфа стояли два проконсула со своими армиями, и оптиматы решили этим воспользоваться. Одного из них – Квинта Марция Рекса – они отправили в Фезулы, а второго – Квинта Метелла Критского – в Апулию. Затем подошла очередь преторов: Квинта Помпея Руфа послали в Капую, а Квинта Метелла Целера – в Пиценскую область. Каждый из этих магистратов получил право набирать войска «в зависимости от обстоятельств и степени опасности» (Sall. Cat., 30).

В самом Риме были также предприняты меры безопасности. Информаторам были обещаны значительные награды: «рабу — отпуск на волю и сто тысяч сестерциев, свободному — безнаказанность и двести тысяч сестерциев», на Палатине выставили ночной караул (Cic. Cat., I, 1), так как этот холм имел стратегически важное значение, а по всему городу расставили стражу под руководством младших магистратов (Sall. Cat., 30). Впрочем, несмотря на полномочия, которыми сенат наделил консулов, Цицерон все еще не осмеливался производить аресты. По всей видимости, он просто боялся возможных проблем в будущем, так как заговорщики были знатными людьми и римскими гражданами, и для того, чтобы привлечь их к ответственности, надо было вооружиться самыми вескими доказательствами их участия в задуманной Катилиной операции, а таковых у Цицерона всё ещё не было. Но и бездействовать тоже было опасно, а потому оратор ограничивался тем, что, узнавая от своих осведомителей о планируемых действиях Катилины, тут же блокировал ему возможность эти действия совершить. Самого Катилину он не трогал, но вскоре нашёлся человек, осмелившийся подать на лидера заговорщиков в суд. Это был молодой патриций Луций Эмилий Павел (Sall. Cat., 31). Возмущённый осторожностью, причины которой он, похоже, не понимал, Павел привлек Катилину к суду на основании *lex Plautia de vi*. Закон этот предполагал наказание за покушение на жизнь или свободу магистрата, за подстрекательство к восстанию и прочие действия, направленные на нарушение общественного порядка (Cic. Cael., 1). Гражданин, обвиняемый по Плавциеву закону, подлежал предварительному заключению, но для сенаторов и лиц высокого ранга это заключение обычно смягчалось: они не обязаны были сидеть в общественной тюрьме, но могли быть переданы на поруки гражданину, назначенному судьями, и он должен был отвечать за их присутствие в день суда. Такой вид заключения назывался *custodia libera* (Sall. Cat., 48), и именно его решили применить к Катилине. Тот не стал дожидаться, пока магистраты разберутся с предметом обвинения и назначат ему тюремщика, и сказал, что может пока пожить в доме у Марка Лепида. Лепид, однако, отказался его принять. Тогда Катилина со свойственным ему цинизмом обратился прямо к Цицерону, но и тот не захотел жить с ним под одной крышей. Претор Квинт Метелл Целер тоже ответил отказом, и лишь сенатор Марк Метелл согласился, чтобы Катилина пожил у него (Cic. Cat., I, 8).

Цицерон иронически называет этого Метелла «*virum optimum*» и говорит, что он был «сотоварищем» (*sodalem*) Катилины (Cic. Cat., I, 8), но, судя по данным Диона Кассия, Метелл не входил в число заговорщиков (Dio Cass., XXXVII, 32). Так что, возможно, их дружба была не политического, а личного характера, потому что в противном случае Метелл должен был бы быть охарактеризован как *amicus*, а не как *sodalis*.

Итак, Катилина переехал к своему приятелю или собутыльнику, который по дружбе согласился его принять, – но эта перемена места жительства никак не отразилась на его планах, и Катилина продолжал общаться со своими сообщниками так же свободно, как и раньше. Метелл ему в этом не мешал (Dio. Cass., XXXVII, 32), и уже находясь в новом доме, лидер заговорщиков разработал план захвата Пренесте – города, находящегося в 24 милях от Рима и имеющего стратегически важное значение. Осуществить операцию он планировал ночью, в ноябрьские календы, но, как только он поделился этой информацией с соратниками, произошла утечка информации, и об этом узнал Цицерон, который немедленно позаботился о том, чтобы не дать заговорщикам овладеть Пренесте. Воспользовавшись правом, которое давало ему SCU, консул обеспечил город «войсками, охраной, ночными дозорами», и, когда заговорщики обнаружили это, им пришлось отказаться от своих намерений (Cic. Cat., I, 8). Однако Катилина уже начал кое-что подозревать. Будучи человеком неглупым, он понимал, что, если консул, подобно умелому шахматисту, предупреждает все его ходы, и не дает ни шагу ступить, ни пальцем пошевелить во вред государству, то это означает, что кто-то из круга самих заговорщиков снабжает его информацией. Его, Луция Сергия, предали. Опутанный паутиной измены и шпионажа, Катилина видел, что теперь на внезапное нападение можно больше не рассчитывать. Пути назад больше не было – он и так зашёл уже слишком далеко. Поэтому для Катилины остался только один выход – открытое восстание.

Новый план заговорщики обсуждали дома у Марка Порция Леки, который жил на улице Серповщиков, и к которому Катилине удалось без проблем ускользнуть в ночь с 6 на 7 ноября (Cic. Cat., I, 8; Sull., 52). Луций Сергий наметил очаги восстания в различных частях Италии и указал, кому из заговорщиков куда следовало выехать: «знаю я, кому при дележе досталась Апулия, кто получил Этрурию, кто Пиценскую, кто Галльскую область» – хвастался впоследствии Цицерон (Cic. Cat., I, 9; II, 6), но из конкретных имен назвал только «Марка Цепария, которому, согласно показаниям, была назначена Апулия с тем, чтобы он подстрекал пастухов к мятежу» (Cic. Cat., III, 14) и Автрония, которому было приказано занять Этрурию (Cic. Sull., 53). Затем заговорщики начали совещаться относительно того, какие меры нужно будет принять в самом Риме, и постановили устроить в Городе пожар, а также перебить всех богатых и влиятельных граждан (Cic. Cat., I, 9; II, 6). Но все это происходило бы без участия Катилины, так как ему уже надо было отправляться к войску и он собирался уезжать, но сказал, что еще немного задер-

жится, потому что ему мешает Цицерон, а пока он жив, операцию начинать нельзя (Sall. Cat., 27; Cic. Cat., I, 9). Тогда двое всадников – Гай Корнелий и Луций Варгунтей – обещали помочь ему в решении этой проблемы и, когда вопрос с Цицероном был улажен, Катилина «выбрал тех, кого следовало оставить в Риме, и тех, кого следовало взять с собой» (Cic. Cat., I, 9), а затем распределил между теми, кому надлежало остаться, «кварталы Рима, предназначенные для поджога» (Cic. Cat., I, 9) и дал каждому персональное задание: так, например, Цетегу было поручено истребить сенаторов, Габинию – других граждан, а Кассий сам выпросил для себя миссию поджечь Город (Cic. Cat., II, 6; IV, 13). Сам Катилина должен был «прибегнуть к помощи рабов и возможно скорее двинуться с войском на Рим; последнее — с тем, чтобы, после того как они подожгут город со всех сторон, как это было заранее указано каждому, и перебьют бесчисленное множество граждан, он оказался на месте и мог перехватывать беглецов и соединиться с вожаками, оставшимися в городе» (Cic. Cat., III, 8). Но, как уже говорилось выше, из-за наличия факта измены, время отъезда Катилины зависело от успешности покушения на Цицерона, поскольку само существование этого красноречивого консула не позволяло Луцию Сергию передать руководство заговором внутри Города в чужие руки: риск был слишком велик, и это поставило бы на карту все предприятие в целом.

Однако Цицерон, как обычно, узнал обо всем заранее – осведомители вовремя успели его предупредить – и, когда наутро убийцы пришли к нему домой якобы для утреннего приветствия, он просто не пустил их на порог (Sall. Cat., 28). Таким образом, покушение сорвалось, и Катилине пришлось остаться в Городе. Впрочем, он не только остался, но и, узнав о том, что Цицерон на следующий день (т. е. 7 ноября) созывает сенат³⁴, спокойно пришёл на заседание. Мог ли он предполагать, что его там ждёт? Возможно. Но, как пишет П. Мериме, его обычное хладнокровие не изменило ему и в этот час, и он надеялся, что сможет, как и раньше, расположить к себе сенаторов своей обаятельной дерзостью³⁵. Почти такого же мнения придерживается и

³⁴ По мнению П. Мериме, Г. Буассье и М. Гельцера, Цицерон думал, что Катилина уже уехал из Города, а потому надеялся, что, ввиду изменившейся обстановки, ему удастся побудить сенат к более энергичным мерам. См. *Mérimée P. La conjuration de Catilina P. 316; Boissier G. La Conjuration de Catilina. P. 174; Gelzer M. Tullius // RE. Bd VII. HbBd 13. Stuttgart, 1939. Sp. 878.* В качестве доказательства своей гипотезы М. Гельцер приводит следующие места из речей Цицерона: Cic. Cat., I, 10, 13, 23-24. II, 6, 15. Однако на наш взгляд, эти фрагменты вовсе не указывают на ошибочное мнение Цицерона относительно отъезда Катилины. Они свидетельствуют скорее о том, что консул *хотел*, чтобы Катилина уехал, и всеми силами пытался заставить его это сделать. А желание и предположение наличия какого-либо действия – это всё-таки разные вещи. Но, даже если Цицерон не считал, что Катилина уехал, то в любом случае он, вряд ли рассчитывал на его появление в сенате.

³⁵ *Mérimée P. La conjuration de Catilina P. 316.* Очевидно, это мнение основывается на данных Плутарха, который говорит, что Катилина «был намерен оправдывать-
254

Г. Буассье, с точки зрения которого Катилина решил держаться до конца и пришел для того, чтобы оправдаться в том случае, если на него будут напасть³⁶. То есть, получается, что Луций Сергий догадывался о том, какие вопросы будут обсуждаться на заседании, и понимал, что ему придется выслушать много неприятного в свой адрес, но, уверенный в своем шарме, решил прийти, чтобы отразить удар и тем самым восстановить свою гибнущую репутацию. Однако нам представляется, что пришёл он скорее для того, чтобы не вызывать дополнительных подозрений в свой адрес: юридических доказательств его вины не было, и, следовательно, прятаться ему было незачем, а оправдываться – не в чем; зато если бы он не пришёл, то косвенно подтвердил бы этим тот факт, что именно он был инициатором покушения на Цицерона. Возможно также, что прав и М. Гельцер, считающий поведение Катилины демонстрацией того, что он не имеет ничего общего с восстанием Манлия, против которого было направлено SCU от 21 октября, и что его ничуть не страшит готовящийся против него процесс (Cat. II., 14; Sall. Cat., 31).³⁷ В сущности, обе эти точки зрения не противоречат друг другу, и, если обобщить их, то можно, пожалуй, утверждать, что Катилина пришел на заседание для того, чтобы показать, что он не считает себя ни в чем виноватым и, соответственно, ничего не боится.

На этот раз заседание проходило в довольно необычном месте, а именно – в храме Юпитера Статора, расположенного у подъема на Палатин (Plut. Cic., 16); это место было выбрано Цицероном специально, так как в случае внезапной атаки его легко было бы защитить. Наверху, на склоне холма, по приказу консула выстроились полицейские силы, а сам храм окружили вооруженные всадники и «другие храбрейшие граждане», которые отличались такой пылкостью, что готовы были в любой момент наброситься на того, кто покажется им заговорщиком, и удержать их от этого стоило бы больших трудов (Cic. Cat., I, 1, 21). И вот, когда Катилина зашёл в храм, на присутствующих словно повеяло холодом: пока он проходил через толпу сенаторов, пробираясь к своей скамье, никто не пожелал с ним поздороваться и никто не ответил на его приветствие. Более того, Цицерон передает, что, когда он занял свое место, все, кто сидел на этой же скамье, сразу пересели на другие места, и даже его друзья не осмелились к нему подойти (Cic. Cat., I, 16). Конечно, Катилине это вряд ли понравилось, но, тем не менее, он остался и стал ждать, что будет дальше.

ся» (Plut. Cic., 16). Но письмо самого Катилины, которое приводит в своем произведении Саллюстий, опровергает эту точку зрения: из него видно, что Луций Сергий был слишком горд для того, чтобы оправдываться перед кем-либо (Sall. Cat. 35), да и все его поведение до этого – в частности, ответ Цицерону на предложение объяснить свои высказывания (Cic. Mur. 51. Plut. Cic., 14), или угроза в адрес Катона, когда тот пообещал привлечь его к суду (Cic. Mur., 51. Val. Max., IX 11, 3. Flor., IV 1), – демонстрирует, что Катилина не был склонен объясняться и оправдываться, считая это ниже своего достоинства.

³⁶ Boissier G. La Conjuración de Catilina. P. 174-175

³⁷ Gelzer M. Tullius. Sp. 878

Цицерон изначально планировал склонить чашу весов в сенате на свою сторону: ведь и до этого он уже несколько раз докладывал отцам о заговоре, и на короткое время ему удавалось вывести их из апатии, но, после нескольких попыток энергичного сопротивления, они всегда возвращались к привычному для себя состоянию. На этот же раз, казалось, обстоятельства благоприятствовали консулу: он знал, что сенаторы придут на заседание, исполненные волнения и гнева – ведь еще 6 ноября он обсуждал с ними трудности создавшегося положения, а также предсказывал, что на него, Марка Туллия, будет совершено покушение, и теперь они могли убедиться в его правоте (Cic. Cat., I, 2, 10). Но сейчас, когда Цицерон проанализировал ситуацию, то понял, что всё окажется не так просто, как он ожидал: приход Катилины в значительной мере осложнил ему задачу. Ведь если глава заговорщиков здесь, и ведет себя так, словно ничего не произошло, то это могло скомпрометировать не в меру бдительного консула и подорвать доверие к его словам. К тому же, среди отцов присутствовали не только сторонники Катилины, но и скептически настроенное меньшинство, которое и так сомневалось в справедливости предъявленных Катилине обвинений (Cic. Cat., I, 5, 6, 30; II, 12, 14). Да и сам Луций Сергий внес провокационное предложение, согласившись пожертвовать собой ради интересов государства и добровольно уйти в изгнание, если сенат сочтет это необходимым (Cic. Cat., I, 20, 24). Это был весьма хитрый ход, так как и Цицерон, и Катилина понимали, что после такого заявления изгнание уже будет невозможным, поскольку превратит Луция Сергия в жертву, что нанесет удар по репутации консула. Вот почему Цицерону пришлось импровизировать. Он должен был сделать так, чтобы Катилина сам захотел уехать, но не в изгнание, а именно к войску, и чтобы никто бы ему при этом не сочувствовал и не обвинял консула в излишней жестокости. Технически это было трудноосуществимо, так как Цицерон не мог предъявить ничего в качестве вещественных доказательств, и ему оставалось лишь положиться на силу своего красноречия и умение манипулировать эмоциями слушателей. Речь, которую он произнес на этом заседании сената, получила название первой Катилинарии.

Прежде всего, нужно отметить, что дошедшая до нас речь не является той же самой, которую сенат услышал 7 ноября. Саллюстий говорит, что Цицерон записал её после того, как произнес, и сохранилась она в том виде, в каком он опубликовал ее три года спустя (Sall. Cat., 31). Учитывая этот факт, было бы резонно предположить, что за время, прошедшее между написанием произнесенной речи и ее публикацией, оратор мог внести в неё некоторые исправления, и было бы важно понять, какой именно стороны речи они коснулись – формы или содержания. К счастью, письма Цицерона позволяют судить о том, что корректурой он занимался обычно без особого тщания (Cic. Att., I, 13) и, следовательно, изменений в его тексте должно быть немного.

Попробуем теперь восстановить по речи ход событий и выяснить, что именно могло подвергнуться исправлениям. Итак, Катилина пришел на за-

седание и занял своё место. Цицерон обратился к нему и спросил, что он делал прошлой ночью и не присутствовал ли он на встрече, которая состоялась дома у Леки. Катилина ничего не ответил (Cic. Cat., II, 12), и уже само молчание такого человека, как он, известного своей дерзостью и задором, было немалым успехом Цицерона: “Катилина, человек небывалой наглости, онемел перед нашим обвинением в сенате», — хвастался он впоследствии в своем трактате «Оратор» (Cic. Orat., 129). Воспользовавшись временным замешательством противника, Цицерон осыпал его перечислением всех совершенных им гнусностей (Cic. Cat., I, 13-20), а благодаря рассказу о совещании в доме у Леки полностью нивелировал его попытку изобразить себя жертвой консульского произвола. Катилина же, наконец, опомнился и стал подавать реплики с места (Cic. Cat., I, 13, 20) — в частности, потребовал доложить сенату о своей готовности уйти в изгнание. Но Цицерон ловко парировал это заявление, спросив, не достаточно ли ему того, что все и так молчат, и никто не хочет высказываться в его защиту³⁸ (Cic. Cat., I, 20-21).

Вот эти фрагменты, по-видимому, и были позднее отредактированы Цицероном. Ведь прения, звучащие в живой речи, не всегда так же хорошо смотрятся в речи записанной: «Из прений можно попотчевать тебя кое-чем; прочее не может иметь той же силы и прелести вне того страстного состязания, которое вы называете агонем», — отмечал оратор в письме к Аттику (Cic. Att., I, 16). Вот почему, по мнению Г. Буассье, он и убрал из речи все, что в юридической литературе принято именовать термином «альтеркация» (*altercatio*), иначе говоря, споры двух сторон, перемежающиеся вопросами и ответами. Впрочем, следы их все еще можно обнаружить: в речи сохранился пыл борьбы, и в самих фразах порой угадывается диалог — это многочисленные цicerоновские вопросы, а иногда и ответы его противника — «Ты спрашиваешь меня — неужели в изгнание?» (Cic. Cat., I, 13) или «“Доложи, — говоришь ты, — об этом сенату”» (Cic. Cat., I, 20)³⁹. Разумеется, в живом воспроизведении все это выглядело немного иначе, а здесь мы имеем дело с корректурой, призванной слегка облагородить текст. Возможно, что оратор добавил также какие-нибудь звучные и красивые эпитеты, но здесь уже ничего нельзя сказать наверняка.

И всё же по речи чувствуется, как боится Цицерон показаться несправедливым: он осыпает Катилину упреками, вещает о том, как все его ненавидят, и в то же время сам понимает, что этого недостаточно, что нужны более весомые доказательства, а если их не будет, то всегда найдутся люди, которые смогут поставить ему в вину то, как он обошёлся с Катилиной. Такие пассажи красной нитью проходят через всю речь (Cic. Cat., I, 5, 28); складывается впечатление, что Цицерон опасается, как бы кто-нибудь из сенаторов

³⁸ Подробнее о приеме «вербализации молчания» см. *Schauer M.* Cum tacent, clamant. “Beredtes Schweigen” als Instrument rhetorischer Strategien bei Cicero. *RhM* 154. S.l., 2011. S. 300-319.

³⁹ *Boissier G.* La Conjuraton de Catilina. P. 177.

не встал и не заступился за Катилину. Он торопит Луция Сергия с отъездом из города: «покинь, наконец, Рим; ворота открыты настезь, уезжай. Слишком уж долго ждёт тебя, императора, твой славный Манлиев лагерь. Возьми с собой и всех своих сторонников... Находиться среди нас ты уже больше не можешь; я этого не потерплю, не позволю, не допущу» (Cic. Cat., I, 10). И далее: «Что же, Катилина? Неужели же ты колеблешься сделать, по моему приказанию, то, что ты был готов сделать добровольно? Консул велит врагу удалиться из Рима. Ты спрашиваешь меня — неужели в изгнание? Я тебе не велю, но, раз ты меня спрашиваешь, советую так поступить» (Cic. Cat., I, 13). И вот, наконец, он говорит вполне откровенно то, что на самом деле думает: «Я полагаю, что если Катилина доберётся до лагеря Манлия, в который он стремится, то никто не будет столь глуп, чтобы не увидеть ясно, что заговор действительно существует, и никто — столь бесчестен, чтобы это отрицать.» (Cic. Cat., I, 30). Именно это, по нашему мнению, и было целью всей речи Цицерона.

Ему повезло: Катилина, не найдя слов, а, может быть, поняв, что пререкаться с оратором не имеет смысла, молча встал и вышел⁴⁰ (Cic. Cat., II, 12; Plut. Cic., 16). Он понял, что в сенате ему больше не на что надеяться — для

⁴⁰ Некоторые ученые, например, М. Гельцер и Г. Буассье, полагают, что дела обстояли не совсем так. С их точки зрения, в ответ на эту пламенную речь Цицерона Катилина решил сыграть на аристократической гордости сенаторов и отказался ради этого от своей обычной наглости. На этот раз он будто бы скромно опустил глаза и спросил, как о нем могут думать, что он хочет погубить республику, если он такой же патриций, как они, и происходит из хорошей семьи, в отличие от инквиллина Цицерона, который якобы собирается спасти государство. См.: *Gelzer M. Sergius (Catilina)*. Sp. 1707; *Boissier G. La Conjuration de Catilina*. P. 185. Это мнение основывается главным образом на показаниях Саллюстия (Sall. Cat., 31) и Аппиана (App. BC, II, 2). Но, как мы уже говорили выше, упомянутые Саллюстием реплики Катилины относятся к июльскому заседанию сената. Что же касается данных Аппиана, то, судя по контексту, можно предположить, что он упоминает об издевательствах Катилины над Цицероном в связи с поражением Луция Сергия на выборах на 63 г. до н. э.: «Вместо него консулом был избран выдающийся оратор Цицерон, который отличался необычайным даром речи. Катилина, желая оскорбить лиц, избравших Цицерона, издевался над ним и, намекая на незнатность его происхождения, называл его «новым», как именуют людей, добившихся известности собственными заслугами, а не заслугами предков. Поскольку же Цицерон не был природным римлянином, то Катилина называл его «инквиллином», как зовут людей, снимающих квартиру в чужих домах». М. Гельцер в своей статье о Цицероне придерживается именно такой точки зрения. (См. *Gelzer M. Tullius*. Sp. 879), однако причина столь странного противоречия в статьях одного и того же ученого не совсем понятна. Кроме того, сам Цицерон в речи «In toga candida» намекал на презрительное отношение к себе со стороны Катилины: «Hanc tu habes dignitatem qua fretus me contemnis et despicias...» (Ascon. P. 91. Cl.). Не исключено, что речь шла как раз об упомянутых выше оскорблениях, но в этом случае получается, что Цицерону пришлось их выслушать еще до своей победы на выборах на 63 г. до н. э.

отцов он перестал быть «своим». Речь Цицерона сделала свое дело: консулу удалось поставить Катилину в такие условия, которые делали его дальнейшее пребывание в Риме невозможным. Все пути назад отныне были перекрыты, и ему оставалось лишь дальше идти по дороге преступлений⁴¹.

Настало время подвести итоги. Как представляется, заговор Катилины – настоящий заговор, который он начал готовить после своего поражения на выборах на 62 г. до н. э., когда его покровители, осознав всю его бесперспективность, покинули его, был своего рода попыткой поиска выхода из постигшей его череды неудач. Действительно ли Катилина видел такой выход в организации переворота, подобного тому, который имел место в 87 г. до н. э., сказать сложно, поскольку сам план заговора производит впечатление авантюры, да и реализация его проводилась таким образом, что поражение заговорщиков кажется вполне закономерным следствием их ограниченности и неопытности. Умный, серьёзный человек вряд ли увлёкся бы таким проектом, и объяснять, почему такое решение пришло в голову Катилине, можно по-разному, но мы склонны полагать, что, если уж он отважился на столь безрассудный шаг, то явно был доведен до крайности, и, быть может, просто не понимал, что ещё можно сделать. Выросший в условиях гражданских войн и прекрасно вписавшийся в элиту, созданную диктатурой, он, по видимому, считал насилие естественным способом решения проблем в тех случаях, когда закон помочь бессилён. Если же добавить к этому его холерический темперамент и необычайную гордость, которые читались на его лице даже после смерти (Sall. Cat., 61), то мысль о том, что такой человек вполне мог решиться на заговор, уже не будет казаться неуместной.

Цицерон же, со своей стороны, посредством хитроумных интриг и манипуляций общественным мнением провоцировал его на все более радикальные действия с тем, чтобы, во-первых, расколоть его союз с могущественными деятелями, стоящими в оппозиции сенату, а, во-вторых, окончательно убрать с доски эту опасную фигуру. В результате эти закулисные махинации привели к тому, что мифический заговор стал реальностью, и получилось так, что о нём все как будто бы знали, но сделать ничего не могли (или не хотели), поскольку формальных доказательств его существования не было. По этой причине Цицерон, добившийся своего лишь отчасти и, наконец, столкнувшийся с настоящей опасностью, долгое время вынужден был бороться с ней неофициально. Отныне главной его целью стало заставить Катилину играть в открытую, чтобы правящая группа нобилитета убедилась в действительном существовании заговора. Отсутствие улик не мешало консулу исполнить задуманное: его Первая Катилинария, произнесённая к тому же в удачный момент, оказалась настолько сильной провокацией, что лидер заговорщиков не мог на неё не поддаться. Планы Катилины стали общеизвестны (хотя и не доказаны!), самому ему пришлось покинуть город, и в итоге со-

⁴¹ Остальная часть заговора была уже следствием вышеописанных событий, а основной вектор был задан этими октябрьскими заседаниями сената.

граждане отвернулись от мятежника: из-за собственного радикализма, приукрашенного к тому же цicerоновской риторикой, Луций Сергей оказался в их глазах не благородным бунтарём, но врагом Отечества.



Цицерон, Цезарь и процесс Гая Антония в 59 г. до н.э.

59 г.¹, год консульства Гая Юлия Цезаря, запомнился римлянам многими важными и яркими событиями, среди которых процесс консуляра Гая Антония, закончившийся его обвинением и изгнанием из Рима, был далеко не самым заметным явлением того года. Обвинительный приговор был ожидаем, да и Гай Антоний не относился к политикам первой величины в Риме. Однако некоторые обстоятельства рассмотрения дела, ход судебного разбирательства, речи обвинителей и защитников придали неожиданную политическую остроту этому процессу и предопределили судьбу на многие последующие годы не только Гая Антония, но и Марка Туллия Цицерона, Публия Клодия и даже Юлия Цезаря. Поэтому, на наш взгляд, будет не лишним проанализировать, как получилось, что достаточно рядовое событие римской истории привело к тому, что противоречия между Антонием, Цезарем, Цицероном, Клодием вылились в открытый конфликт.

Итак, в начале 59 г. (вероятно, в марте) консул 63 г., бывший наместник провинции Македонии Гай Антоний Гибрида был привлечен к суду по обвинению то ли в вымогательстве, то ли в оскорблении величия римского народа. Главным обвинителем выступал Марк Целий Руф, защитником – Марк Туллий Цицерон. К сожалению, ход процесса, аргументы обвинения и защиты известны нам плохо, прежде всего, потому, что не сохранилась речь Цицерона на этом процессе. Зато хорошо известны предпосылки суда, основания для привлечения к суду Гая Антония, т.е. его преступления и проступки, а также причины, побудившие Цицерона стать защитником своего коллеги по консулату. Для того чтобы выяснить эти причины, столь важные для правильного понимания всей подоплеку процесса и его последствий как для непосредственных участников суда, так и для тех, кто стоял за «кулисами», необходимо проследить, как складывались непростые отношения между Цицероном и Антонием.

Марк Туллий Цицерон и Гай Антоний Гибрида², младший сын знаменитого оратора Марка Антония, были практически ровесниками, насколько можно судить на основании их *cursus honorum*, и принадлежали к тому поколению

¹ Здесь и далее все годы до н. э.

² О Гаем Антонии см.: Klebs E. C. *Antonius* // RE. Bd. I. 1894. Sp. 2577-2582; Drumann W., Groebe P. *Geschichte Roms in seinem Ubergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung*. Bd. I. Berlin, 1899. S. 390-396; Rossi R. F. *Marco Antonio nella lotta politica della tarda Repubblica Romana*. Trieste, 1959. P. 7. N. 6-7; Bengtson H. *Marcus Antonius. Triumvir und Herrscher des Orients*. Munchen, 1977. S. 16-17.

римлян, молодые годы которого пришлось на период страшного десятилетия, вместившего в себя Союзническую, две гражданские войны, проскрипции и диктатуру Суллы (90-79 гг.). Однако на этом сходство между ними и заканчивается. Каждый из них выбрал собственный путь в годину тяжелых испытаний для родины. Цицерон – путь отказа от активного участия в политике и войнах, путь продолжения своего образования и начала адвокатской деятельности; Гай Антоний, со временем вследствие своего образа жизни и поведения получивший малопривлекательное прозвище «Гибрида» («полудиккий») (Plin. N. h., VIII, 213), – путь яркого сулланца, приверженца одной из сторон в междоусобной борьбе, стремящегося извлечь наибольшую выгоду в период смуты и в результате победы своей партии. В 87 г. Гай Антоний отправился с армией Суллы на Восток и в течение нескольких лет нещадно грабил греков, совершая лихие кавалерийские набеги на города и святилища (Asc. ed. Kiessling-Schoell. p. 75, 79). Не остался он без своей доли в добыче и от сулланских проскрипций (Ibid.). Однако после смерти диктатора в 76 г. за свои прегрешения в Греции Гай Антоний подвергся судебному преследованию. Обвинителем в суде по просьбе пострадавших греков выступал Гай Юлий Цезарь, в те годы выдвигавшийся в лидеры партии популяров (Asc. p. 75, Plut. Caes., 4)³. Когда суд признал его виновным, он апеллировал к плебейским трибунам и заявил, что не желает и не может состязаться в суде с греками на равных началах (Asc. p. 75, Ср.: Cic. Or. in toga cand. fr.2, Q. Cic. Comm. pet., 8).

В то время как Цицерон после успешного исполнения квестуры в 75 г. вошел в состав сената, Гай Антоний, напротив, был исключен из его состава в 70 г., сразу как только была восстановлена цензура. Цензоры того года, Луций Геллий и Гней Лентул, провели широкомасштабную чистку сената, вычеркнув из его списка 64 имени (Liv. Ep., 98), среди которых оказалось и имя Гая Антония. Как сообщает Асконий, цензоры назвали три причины, из-за которых, по их мнению, Гай Антоний недостоин места в сенате: «потому что союзников разграбил, потому что отверг приговор суда, потому что из-за множества долгов свое имущество передал во владение другим и уже не был его собственником» (Asc. p. 75, ср.: Q. Cic. Comm. pet., 8). Однако эта неудача не сильно обескуражила Гая Антония, и они с Цицероном словно стали соревноваться в занятии государственных должностей: Цицерон в 69 г. исполнял должность эдила, а Антоний в 68 г. – плебейского трибуна (CIL, I, 589). До сих пор жизнь никоим образом не сталкивала их, но теперь волей-неволей они оказались соперниками в соискании и исполнении одинаковых должностей, и по иронии судьбы должны были пройти этот путь словно в одной упряжке, вместе исполняя и претуру (в 66 г.) и консульство (в 63 г.) И в том и другом случае Цицерон побеждал, занимая на выборах первое место. Однако если о соперниче-

³ Плутарх ошибается, полагая, что суд происходил в Греции, перед наместником Македонии. Другие источники (Asc. p. 75, Q. Cic. Comm. pet., 8) ясно свидетельствуют, что дело рассматривалось в Риме под председательством претора-пребегина Марка Лукулла. Ср.: Drumann W. - Groebe P. Geschichte Roms... Bd. I. S. 390. Anm. 11.

стве между ними за претуру не сохранилось никаких сведений, то о борьбе за консулат мы имеем достаточно подробную информацию.

Именно в роли соперника на предстоящих консульских выборах появляется впервые имя Гая Антония на страницах писем Цицерона. За год до выборов, рассуждая о шансах на успех в письме к Аттику, Цицерон перечисляет своих «несомненных соперников» и в числе первых называет Антония (Cic. Att., I, 1, 1)⁴. Повидимому как раз Антония, наряду с Катилиной, Цицерон считал своими самыми серьезными противниками, которых стоит опасаться (Q. Cic. Comm. pet., 8, ср.: Asc. p. 74).⁵ Эти опасения попытался рассеять его брат Квинт в знаменитом «Кратком наставлении по соисканию» (Commentariolum petitionis), где дал уничтожающую характеристику и Катилине и Антонию. «Оба с детства убийцы, оба развратники, оба в нужде, – пишет Квинт Цицерон, – Мы видели, что имущество одного из них (Антония – М.Б.) было внесено в списки, и, наконец, слышали его клятвенное заявление, что он не может состязаться с греком перед судом в Риме на равных началах. Мы знаем, что его вышвырнули из сената на основании прекрасной и справедливой оценки, данной ему цензорами. Он был твоим⁶ соперником при соискании претуры, причем друзьями его были Сабидий и Пантера; у него уже не было рабов, которых он мог бы выставить для продажи; однако, занимая эту должность, он купил на подмостках для продажи рабов подругу с тем, чтобы открыто держать ее у себя дома, а добиваясь избрания в консулы, предпочел ограбить всех трактирщиков во время самого позорного посольства, а не быть здесь и умолять римский народ... Случай, когда бы негодный человек, бездельник, без способностей, покрытый позором, без друзей, кому никто не обязан, опередил человека, опирающегося на поддержку большинства людей и всеобщее уважение, возможен только при непростительной небрежности» (Ibid., 8, 28).

Итак, весной-летом 64 г. развернулась ожесточенная предвыборная борьба. Очевидно, чувствуя поддержку части аристократов и всадников, а также

⁴ Тексты речей и писем Цицерона, если нет специальных указаний, цитируются в переводе В.О. Горенштейна по изданиям: Письма Марка Туллия Цицерона. Т. I-III. М., 1994; Марк Туллий Цицерон. Речи в двух томах. Т. I-II. М., 1993.

⁵ Примечательно, какую уничтожительную характеристику Гаю Антонию дает Т. Моммзен, как известно, крайне враждебно воспринимавший Цицерона. Он пишет: «Антоний был слабый, незначительный, совершенно непригодный к роли вождя и опустившийся человек» (Моммзен Т. История Рима. Т. III / Пер. с нем. под ред. Н. А. Машкина. М., 1941. С. 144).

⁶ В переводе В. О. Горенштейна (Письма... Т. I. С. 21) вместо слов «он был твоим соперником» напечатано «он был моим соперником», что является очевидной ошибкой (или опечаткой). В оригинале использовано характерное для этого письма множественное число: *in praetura competitorem habuimus*, что оставляет две возможности для перевода: либо «он был нашим соперником при соискании претуры», либо «он был твоим соперником при соискании претуры». Соперником Квинта Цицерона («моим соперником») Гай Антоний не мог быть никоим образом, так как Квинт Цицерон еще только будет претором в 62 г. (Cic. Att., I, 15, Planc., XL, 95), т.е. после консулата Гая Антония и через два года после написания данного письма.

следуя тактическим советам брата (Idid., 52, 55), Цицерон произнес незадолго до выборов (*ante dies comitiorum paucos* – Asc. p. 74) пламенную речь против своих двух самых опасных конкурентов. Такая возможность представилась во время заседания сената, когда встал вопрос о неслыханных размерах подкупа избирателей. Подкуп со стороны некоторых кандидатов велся настолько открыто, что даже в тот период, когда коррупция в римском обществе достигла невиданных размеров, он вызвал возмущение сенаторов. Сенат подготовил постановление об усилении наказания за подкуп избирателей, но народный трибун Квинт Муций Орестин наложил вето на данный сенатусконсульт (Ibid.). Тогда Цицерон, бывший как полагалось кандидатам в беленой тоге (*toga candida*), встал и произнес речь, от которой, к сожалению, сохранились только отрывки, приведенные в «Комментарии» Аскония (Asc. p. 74-84). Но даже на основании их можно увидеть, с какой страстью напал оратор на своих соперников, с каким негодованием говорил об их прошлом, напоминая всем об их преступлениях, разврате, мотовстве. Особенно досталось Катилине, но и Антония Цицерон не обошел вниманием. Он напомнил сенаторам о преступлениях Антония в Греции, о его высокомерии по отношению к союзникам, о его отказе явиться на суд к претору-перегрину (Cic. Or. in toga cand. fr. 2, 10, Asc. p. 75, 79). Цицерон указывает на постыдное, недостойное аристократа поведения Антония во время правления Суллы, называет его грабителем (*praedonem*), гладиатором, подразумевая его поступки во время проскрипций, колесничим (*quadrigarium*), имея в виду, как объясняет Асконий, роль возницы в колеснице Суллы, празднующего победу (Cic. Or. in toga cand., fr. 10, Asc. p. 79). Катилина и Антоний отвечали Цицерону грубо и оскорбительно, но смогли поставить ему в вину только то, что он *homo novus* (Asc. p. 84).

Трудно сказать, имело ли выступление Цицерона заметное влияние на ход выборов, но в любом случае, как известно, Цицерон победил на них за явным преимуществом. А вот второе место все-таки досталось Гаю Антонию, ненамного опередившему Катилину (Asc. p. 84, Sall. Cat., 24, 1, Plut. Cic., 11, Dio., XXXVII, 10, 4, 30, 3). Так что не зря Антоний разъезжал по всей Италии, собирая голоса, о чем с негодованием, как мы уже отмечали выше, писал Квинт Цицерон (Q. Cic. Comm. pet., 8). Может быть, прав Асконий, полагавший, что имя отца обеспечило Антонию незначительную победу над Катилиной (Asc. p. 84).

Римляне прекрасно понимали, что между такими людьми, как Цицерон, с одной стороны, и Катилина и Антоний, с другой, не могло быть никаких симпатий. События же, предшествовавшие выборам, вскрыли и усилили явную вражду между ними. Какое развитие получила вражда между Цицероном и Катилиной в 63 г., какое столкновение произошло в тот год между носителем государственной власти Цицероном и стремящимся захватить эту власть Катилиной, общеизвестно.

Однако накануне 63 г., казалось, что наибольшие опасения для стабильности в государстве должна вызывать вражда между Цицероном и Антонином, избранными консулами (Cic. De leg. agr., II, 37, 102-103). Но с самого начала года в их отношениях стали происходить удивительные метаморфозы.

Цицерон, приступив 1 января 63 г. к исполнению обязанностей консула, сразу активно включился в политическую борьбу. Выступления против аграрного законопроекта Сервилия Рулла, речи в защиту Отона и Кальпурния Пизона, процесс Гая Рабирия – все эти события имели ярко выраженную политическую подоплеку и произошли до новых консульских выборов в июле 63 г. В то же время нам ничего неизвестно о деятельности Гая Антония, тем более, о его противодействии Цицерону, и нет никаких веских оснований предполагать, что информация об этом просто не сохранилась⁷. Скорее, наоборот, как это не покажется странным на первый взгляд, следует доверять словам самого Цицерона, который утверждал уже в январе 63 г., во второй «Речи о земельном законе», что между консулами установилось согласие (Cic. Ibid.). В чем же причина подобной лояльности Гая Антония к Цицерону? Каким образом консулам удалось достичь соглашения? Какова его природа?

Если в начале года римляне могли только догадываться и строить предположения – сам Цицерон в «Речи о земельном законе» (Ibid.) говорит лишь о свершившемся факте, но не раскрывает его суть и причины – то к лету союз принял официальный характер, а его основа, по крайней мере, внешняя сторона, стала достоянием гласности. Однако прежде, чем анализировать само соглашение, стоит посмотреть на цели, которые преследовали Цицерон и Гай Антоний, добиваясь консулата. Для Цицерона осознание собственного гражданского долга, требующего от аристократа служения государству, сочеталось со стремлением к славе, приобрести которую, как это ясно осознавал Цицерон, он мог только в самом Риме, точнее на Форуме и в сенаторской курии. Были свои амбиции нобиля и у Гая Антония, было свое желание полностью пройти *cursus honorum* магистрата, что, кстати, ему удалось сделать, в отличие от Цицерона, но главным побудительным моментом для него, без сомнения, была не слава, а жажда денег. В этой связи и консулат рассматривался им через призму возможного обогащения. Конечно, речь идет не о самом консульстве, а о наместничестве в провинции после консулата. Еще до выборов Цицерон и Гай Антоний знали, что консулам 63 г. определены в качестве провинций Македония и Цизальпинская Галлия. Первая куда более привлекала Гая Антония, но надо же было такому случиться – при жеребьевке Македония досталась Цицерону, в то время как его коллега очень желал стать наместником именно этой провинции, ради чего затевал политические интриги, как впоследствии указывал сам Цицерон (Cic. Pis., II, 5). Таким образом, у Цицерона неожиданно появилась прекрасная возможность подкупить своего коллегу, тем самым уничтожить все его интриги, превратить соперника в союзника, да еще так, что при этом сам он ничего не терял.

Итак, летом 63 г., очевидно, накануне новых консульских выборов было официально объявлено об обмене провинциями между Цицероном и Гаем Антонием⁸. Теперь Антоний обладал возжеленной для него Македонией, а Ци-

⁷ Ср.: Gelzer M. Cicero. Ein biographischer Versuch. Wiesbaden, 1969. S. 68-69; Грималь П. Цицерон / Пер. с фр. Г.С.Кнабе и Р.Б.Сашиной. М., 1991. С. 179-180.

⁸ Klebs E. C. Antonius... Sp. 2579; Gelzer M. Cicero... S. 69; Грималь П. Цицерон...

церону оставалась Цизальпинская Галлия, от которой он, впрочем, тут же отказался. В дальнейшем Цицерон всегда представлял свой отказ от провинции как благородный жест, как некую жертву с его стороны (Cic. De leg. agr., II, 37, 102-103, Pis., II, 5). «Я пренебрег и богатой провинцией (provinciam ornatam) и несомненной надеждой на триумф», - пишет оратор в письме к Катону спустя 12 лет (Cic., Fam., XV, 4, 13). «Последуй моему примеру, за который ты всегда хвалил меня, когда я отказался от наместничества в провинции, обеспеченного и снабженного сенатом всем необходимым (instructam ornatamque a senatu provinciam), чтобы, оставив в стороне все прочие размышления, потушить пожар, охвативший родину», - с таким призывом обращается Цицерон к Гаю Пансе в марте 43 г., никоим образом не изменив отношения к своему поступку и через 20 лет (Cic. Phil., XI, 10, 23). Конечно, Цицерон в этих случаях лукавит – никакая это была не жертва с его стороны, а хорошо продуманный и дальновидный шаг, всесторонне отвечавший его интересам⁹. Во-первых, уступка провинции позволила Цицерону «прибрать Антония к рукам», как пишет Плутарх, и заставить его «словно наемного актера, играть при себе вторую роль на благо и во спасение государства» (Plut. Cic., 12, пер. С.П.Маркиша). Тем самым был расторгнут очень опасный как для самого Цицерона, так и для всего государства союз Катилины и Антония. Антоний не только никак не поддерживал заговорщиков, не только не противодействовал Цицерону в раскрытии и подавлении мятежа, но удостоился похвалы от сената и Цицерона «за то, что порвал с участниками этого заговора всякие личные и официальные отношения» (Cic. Cat., III, 6, 14). Более того, именно Антоний возглавил армию, посланную против Катилины, и разгромил жмятежников в январе 62 г. (App. Bell. civ., II, 7, Val. Max., II, 8, 7, Dio., XXXVII, 40, Plut. Cic., 22). Правда, в день решающего сражения Антоний, сославшись на болезнь, отказался от командования и передал войско своему легату Марку Петрею (Sall. Cat., 59, 4, Dio, XXXVII, 39), чем лишний раз подтвердил правоту обвинений Цицерона относительно его симпатий к Катилине.

Во-вторых, наместничество в провинции вынудило бы Цицерона надолго покинуть Рим, то есть сделать то, что было более всего противно его душе. Отказ от наместничества давал ему возможность остаться в Риме, рядом с бурлящим Форумом, рядом с действующими судами, рядом с правящим сенатом – со всем тем, без чего он не представлял полноценной жизни.

Наконец, в-третьих это соглашение было выгодно Цицерону и так сказать с материальной точки зрения, потому что часть средств, полученных Гаем Антонием законным и незаконным путем от управления провинцией Македонией, предназначалась коллеге по консулату. Эта «темная» сторона договора используется рядом исследователей как основание для обвинений вели-

С. 180-181.

⁹ Ciaceri E. Cicerone e i suoi tempi. Vol. I. Milano-Roma-Napoli, 1926. P. 187-188; Грималь П. Цицерон... С. 180-183.

кого оратора в безнравственности, бесчестности и жадности¹⁰. В этом плане особенно выделяется знаменитая книга Ж.Каркопино «Тайна переписки Цицерона»¹¹, где целая глава под характерным названием «Коррупционер через подставное лицо» (*Un prevaricateur par personne interposee*)¹² посвящена разоблачению нечистоплотности Цицерона («коррупционера»), использовавшего Гая Антония («подставное лицо») для собственного обогащения.

Цицерона выдают письма. Благодаря им становится ясно, какие обстоятельства заставляли оратора еще достаточно долгое время не порывать отношений с Антонием, отношений, которые чем дальше, тем больше приносили неприятности Цицерону¹³.

То, что соглашение между консулами 63 г. продолжало действовать и после окончания консулата, мы впервые узнаем из письма Цицерона к Публию Сестию, проквестору Гая Антония (*Cic. Fam.*, V, 6). В нем оратор, в частности, рассказывает, что защищал Антония в сенате, причем делал это «со всей убедительностью и старанием и очень сильно повлиял на сенат своей речью и авторитетом» (*Ibid.*, 3). Почему потребовалось защищать Антония, Цицерон не поясняет. Однако это было хорошо известно современникам, известно и нам благодаря другим источникам.

Антоний сразу по прибытии в Македонию весной 62 г. набросился на провинцию как голодный хищник на долгожданную добычу. Он развязал войну с варварскими племенами на границах провинции (*Dio.*, XXXVIII, 10), начал сбор налогов, сопровождавшийся всяческими притеснениями и вымогательствами, творил неправый суд, занимался ростовщицеством и открытым грабежом, то есть делал все то, за что в 59 г. будет привлечен к суду. В единственном сохранившемся отрывке обвинительной речи на суде Марк Целий Руф эмоционально и красочно показывает, как враги врасплох застают беспробудно пьяного наместника, окруженного товарищами. Те «обезумев от страха из-за приближения врагов, стали будить Антония, выкрикивали имя, напрасно трясли за плечи, что-то вкрадчиво шептали ему в ухо, что-то с грохотом разбивали, но так как он не воспринимал ни голосов, ни прикосновений, но пытался обхватить за шею кого-то ближайшего к нему, не будучи в состоянии ни пробудиться ото сна, ни протрезветь, его полусонного пришлось выносить на руках центурионов и наложниц» (*Quintil. Inst. orat.*, IV, 2, 123-124, перевод наш – М.Б.). Однако уже тогда, в конце 62 г., сенат хотел отозвать Антония из провинции, но вмешательство Цицерона спасло проконсула - Антоний был оставлен во вверенной ему провинции еще на два года.

¹⁰ Как известно, наиболее богата резкими обвинениями в адрес Цицерона немецкая историография. В данном случае особенно см.: Neumann K. *Geschichte Roms während des Verfalles der Republik*. Bd. II. Breslau, 1884. S. 222-223, Drumann W. - Groebe P. *Geschichte Roms...* Bd. V. Leipzig, 1919. S. 445-455.

¹¹ Carcopino J. *Les secrets de la correspondance de Ciceron*. Vol. I-II. Paris, 1947.

¹² Carcopino J. *Les secrets de la correspondance de Ciceron* Vol. I. P. 206-229.

¹³ *Ibid.* P. 212-214. При этом Ж.Каркопино отмечает, что мы намного лучше осведомлены о вине Антония перед Цицероном, чем об услугах, оказанных оратором своему коллеге по консулату.

А вот что побудило Цицерона встать на защиту бывшего коллеги, который, к тому же, как говорит Цицерон, «не выполнил своих обязанностей по отношению ко мне» (Ibid.), пока остается неясным. Однако из последующих писем, отправленных оратором в январе-феврале 61 г., картина постепенно проясняется. «Подарок» под названием «провинция Македония», который сделал Цицерон Антонию, не был безвозмездным, соглашение предусматривало, что часть прибыли, полученной Антонием от управления провинцией, достанется Цицерону. Но тот явно не спешил выполнить свои обязательства, да к тому же, что особенно вызвало гнев Цицерона, придал гласности их частное соглашение. Тогда оратор обратился с просьбой разобраться в сложившемся положении к своему близкому другу и родственнику, Титу Помпонию Аттику, прекрасно осведомленному о всех делах, которые связывали консулов 63 г. (Cic. Att., I, 12, Fam., V, 5).

Письмо от 1 января 61 г., адресованное Аттику, выдает крайнюю степень раздражения Цицерона, попавшего в такую шекотливую ситуацию и обременяющего своими проблемами верного друга. «Эта троянка (Teucris) – поистине сама медлительность... я не видал никого, кто бы превзошел ее бесстыдством, хитростью, медлительностью. «Посылаю вольноотпущенника, Титу поручено». Отговорки и проволочки; но, может быть, случай, а не мы...», – в таком резком тоне начинается письмо Цицерон (Cic. Att., I, 12, 1). Он не называет Антония – не хочет или не решается, но нет никаких сомнений, что под «троянкой» скрывается либо сам Антоний, либо кто-то из его доверенных лиц¹⁴. Далее Цицерон признается, что не знает, как ему лучше поступить: «Дело это такого рода, что я, считаясь с мнением честных людей и народным, не смогу защищать этого человека без ущерба для своей чести, и у меня нет желания к этому, а это самое главное» (Ibid.). Наконец, оратор сообщает, что его волнует больше всего и чем должен заняться Аттик в первую очередь по прибытии в Македонию: «Есть у меня вольноотпущенник, подлинный негодяй – я имею в виду Гилара; он счетовод и твой клиент. Переводчик Валерий извещает меня о нем, а Фиил написал, что Гилар свой человек у Антония и что Антоний часто упоминает, что, по его сведениям, в собираемых деньгах есть доля для меня и что я послал вольноотпущенника для

¹⁴ Иносказание, использованное Цицероном («эта троянка»), вызвало много споров у исследователей. В. Друманн и Ж. Каркопино не сомневаются, что речь идет непосредственно об Антонии, причем Ж. Каркопино обстоятельно, хотя и весьма замысловато, доказывает это положение: Drumann W. - Groebe P. Geschichte Roms... Bd. V. S. 453-455; Carcopino J. Les secrets... Vol. I. P. 222-227. Однако большинство исследователей более осторожны в выводах. Отмечая, что намек Цицерона все-таки до конца остается неясным, они полагают, что речь идет, как пишет М. Гельцер, «о какой-то общеизвестной даме», возможно о Корнелии, жене Публия Сестия. См.: Tyrrell R. - Purser L. The Correspondence of M. Tullius Cicero. Vol. I. Dublin, 1904. P. 192; Ciaceri E. Cicerone... Vol. I. P. 189. N.1; Gelzer M. Cicero... S. 110, Anm. 62; Shackleton Bailey D. R. Ciceros Letters to Atticus. Vol. I. Cambridge, 1965. P. 297; Горенштейн В. О. Письма Марка Туллия Цицерона... Т. I. С. 424. Прим. 1 к письму XVII (Att., I, 12, 1).

охраны общей добычи. Это немало взволновало меня; я, правда, не поверил, но какой-то разговор, конечно, был. Все это ты расследуй, разузнай, разбери и удали этого бездельника из тех мест, если есть возможность» (Ibid., 2)¹⁵.

Раздражительность Цицерона имела и еще одно объяснение: в это время он находился в крайне затруднительном материальном положении. Оно было вызвано покупкой роскошного дома Марка Красса за три с половиной миллиона сестерциев. У Цицерона никогда не было таких денег, и, чтобы осуществить подобную сделку, он вынужден был взять крупную сумму в долг, в чем признается сам в уже цитированном нами письме (Cic. Fam., V, 6). Абсолютно логичным выглядит вывод исследователей о том, что деньги, которые Цицерон ждал из Македонии, должны были покрыть эти долги, тем более что сам оратор фактически указывает на такую связь, когда вспоминает об Антонии сразу после рассказа о своей покупке (Cic. Att., I, 13, 6) или когда отмечает, что из-за медлительности Антония ему придется обратиться к ростовщикам (Cic. Att., I, 12, 1)¹⁶.

При таких обстоятельствах Цицерон считал нужным отправить письмо самому Гаю Антонию, чтобы объяснить миссию Аттика, напомнить об услугах, которые он оказал и продолжает оказывать коллеге по консулату, наконец, побудить того выполнить обещания (Cic. Fam., V, 5). Тон письма, несомненно, более сдержанный. Это и понятно, ведь Цицерон неукоснительно придерживался принятых в аристократической среде правил общения, но все равно, легко угадывается, с каким трудом сдерживается Цицерон, чтобы не показать истинные чувства, которые он испытывает к неблагодарному коллеге. «Если я попрошу тебя об очень важных услугах, - пишет оратор, - то это никого не должно удивить, ибо я сделал все, что могло послужить тебе на пользу, принести тебе почести, возвеличить тебя. Что ты никак не отблагодарил меня за все это, ты сам можешь засвидетельствовать лучше, чем кто бы то ни было. Но я слышал от многих, что ты сделал нечто противоположное. Не смею сказать, что я «собрал сведения», чтобы случайно не употребить того самого слова, которое, как говорят, ты склонен ошибочно приписывать мне... Какими исключительными были мое отношение и преданность тебе, тому свидетелями сенат и римский народ; сколь благодарным по отношению ко мне был ты, можешь решить сам; насколько ты передо мной в долгу, судят прочие» (Ibid., 2). Далее Цицерон напоминает Антонию, что тот по-прежнему очень нуждается в его услугах, но предупреждает, что без взаимности они невозможны. «К тому, что я сделал для тебя в прошлом, меня побудило собственное желание, а потом – постоянство, - подчеркивает Ци-

¹⁵ Ж.Каркопино, изобличая лицемерие Цицерона, указывает, что, несмотря на грубые эпитеты в адрес Гилара в этом письме, тот сохранил расположение патрона на многие годы, оставаясь его доверенным лицом. Следует согласиться с французским ученым, что «переписчик Гилар» (Hilarus librarius), упомянутый в письмах 45 г. (Att., XII, 37, XIII, 19) и Гилар данного письма – это одно и то же лицо: Carcopino J. Les secrets... Vol. I. P. 215-216.

¹⁶ Ciaceri E. Cicerone... Vol. I. P.189; Carcopino J. Les secrets... Vol. I. P. 220; Shackleton Bailey D. R. Ciceros Letters to Atticus... Vol. I. P. 297.

церон, - но то, что остается сделать, верь мне, требует от меня гораздо большего усердия, большей настойчивости и труда. Если мне будет казаться, что я не трачу и не теряю их попусту, приложу к этому все свои силы. Если же почувствую, что все это останется не вознагражденным, то я не допущу того, чтобы казаться безумцем в твоих глазах» (Ibid., 3). В конце письма Цицерон выражает надежду, что все недоразумения при помощи Аттика будут улажены. «В чем здесь дело и какого рода, ты сможешь узнать от Помпония, - пишет он. - Самого Помпония я так настоятельно препоручаю тебе, что хотя я и уверен в том, что ты сделаешь все ради него самого, я все-таки прошу тебя, если в тебе еще есть хоть сколько-нибудь любви ко мне, проявить ее всю в деле Помпония. Ты не можешь сделать ничего более приятного мне» (Ibid.).

Действительно, надежды Цицерона стали вскоре оправдываться. Очевидно, не без участия Аттика, дело было улажено. Правда, в письме от 25 января 61 г. вновь читаем: «Та троянка – сама медлительность, но все-таки можно надеяться» (Cic. Att., I, 13, 6). Теперь Цицерон пишет без особых эмоций, достаточно спокойно. И вот, уже 13 февраля он как бы между прочим замечает: «Троянка сдержала обещания» (Cic. Att., I, 14, 7) и, обращаясь к Аттику, прибавляет: «Ты же выполни то, что взял на себя» (Ibid.). Больше Цицерон ни разу не возвращается к этой теме, из чего можно сделать вывод, что согласие между коллегами по консулату 63 г. в той или иной степени было восстановлено.

Итак, на основании анализа источников можно со всей уверенностью утверждать, что соглашение с Антонием отвечало интересам Цицерона еще и потому, что приносило ему материальную выгоду, но сколь существенную, сказать трудно. Только сам великий оратор знает, компенсировала ли она его хлопоты, переживания и упреки общественного мнения. Более того, Г.Буассье полагает, что Цицерон вообще никаких денег от Антония так и не получил¹⁷. Однако это маловероятно. Источники скорее говорят об обратном, да и Антоний нуждался в таком авторитетном покровителе как Цицерон, чтобы полностью отказаться от своих обещаний. Да и последующие события, прежде всего защита Цицероном своего коллеги по консулату на суде в 59 г., также скорее свидетельствуют в пользу выполнения соглашения обеими сторонами, хотя мотивы, побудившие Цицерона выступить на процессе в качестве защитника Гая Антония, были различными. Вместе с тем показательно, что если мы обратимся к двум самым знаменитым источникам, где собраны все обвинения современников, порой откровенно неприличные и гнусные, в адрес Цицерона, то увидим, что там нет ни малейшего намека на соглашение с Гаем Антонием. Речь идет об «Инвективе против Цицерона» Гая Саллюстия (Sall. Inv. in Cic.) и о большой речи, вложенной в уста Фуфия Калена Дионом Кассием, источником для которой, очевидно, послужили материалы сочинений злейшего врага Цицерона Азиния Поллиона (Dio., XLVI, 1-28). Вместе с тем, «Инвектива» упоминает злополучную покупку Цицероном дома Красса за чужой счет (Sall. Ibid., 3). Однако это день-

¹⁷ Буассье Г. Цицерон и его друзья / Пер. с фр. Н.Н. Спиридонова. СПб., 1993. С.117.

ги не из провинции Македония, а взятые в долг – не отданный впоследствии – у Публия Корнелия Суллы, родственника диктатора, которого вскоре после этого Цицерон защищал в суде (Aul. Gell., XII, 12, 2)¹⁸. Отсюда напрашивается вывод, что подобные манипуляции рассматривались римским обществом как недопустимые и возможные для обвинений, а соглашение Цицерона с Антонием было настолько естественным и логичным, что обвинять в этом Цицерона было глупо и бессмысленно. Получение наместниками личного дохода с провинций считалось нормой государственной жизни, соответствовало принципам устройства римской державы, а способы могли быть различными.

В конце 60 г. Антоний наконец покинул Македонию, вернулся в Рим и был призван к ответу за содеянное в провинции. Несмотря на то, что ни защитительная речь Цицерона на суде, ни тем более речи обвинителей – кроме небольшого фрагмента речи Марка Целия Руфа, приведенного выше – не сохранились, мы достаточно хорошо осведомлены о фактической стороне судебного процесса над Гаем Антонием благодаря прежде всего многочисленным упоминаниям о нем в последующих речах Цицерона.

Суд состоялся в начале 59 г., не позднее марта, так как с апреля Цицерон живет в своих усадьбах и ведет оживленную переписку с Аттиком (Cic. Att., II, 4, I, 6 и др.). Правда, не совсем ясно в какой комиссии состоялся суд. Возможно, это была комиссия *peretundarum* («о вымогательствах»), как можно предположить на основании комментария к одному месту в речи Цицерона «За Флакка» (Schol. Bob. p. 229: «Гай Антоний был обвинен Марком Целием Руфом не столько вследствие преступления в вымогательстве (*rescuniarum peretundarum crimine*), сколько из-за заговора, в котором он не был осужден прежде»)¹⁹. Однако, по мнению большинства исследователей, это была комиссия *maiestatis* («об оскорблении величия римского народа»), как это косвенно следует из сообщений Цицерона и сути сохранившегося фрагмента обвинительной речи Целия²⁰.

Гай Антоний был обвинен, прежде всего, в некомпетентном управлении Македонией, следовательно, в оскорблении величия римского народа, а также в соучастии в заговоре Катилины. Обвинителей было трое: помимо уже не раз названного Марка Целия Руфа (Cic. Cael., 15, 47, 74, Quintil. Inst. orat., IV, 2, 123-124), малоизвестные Квинт Фабий Максим (Cic. in Vat., 27-28) и Гай Каниний Галл (Val. Max., IV, 2, 6). Защитительная речь Цицерона не возымела действия, и Антоний был признан виновным по совокупности обвинений. Он был лишен гражданских прав и отправился в изгнание на остров Кефалению, где впрочем устроился весьма неплохо, и, по словам Страбона, «осно-

¹⁸ Ср.: Буассье Г. Цицерон... С. 119; Ciaceri E. Cicerone... Vol. I. P. 189; Грималь П. Цицерон... С.202.

¹⁹ Greenidge A. H. J. The Legal Procedure of Cicero's Time. Oxford., 1901. P. 286-287.

²⁰ См.: Klebs E. C. Antonius... Sp. 2580-2581; Drumann W - Groebe P. Geschichte Roms... Bd. I. S. 390-396; Ciaceri E. Cicerone... Vol. II, Milano-Roma-Napoli, 1930. P. 39-42; Gelzer M. Cicero... S. 123-125; Грималь П. Цицерон... С. 223-224.

вал там еще один город... и держал весь остров в своей власти так, как будто это было его частное владение» (Strabo, X, 2, 13, пер. Г.А.Стратановского).

Но вернемся к судебному процессу, который интересен не очевидной внешней стороной, а внутренними противоречивыми подтекстами. Не вызывает никакого сомнения, что процесс имел политическую подоплеку, был направлен не только против Гая Антония, но и Цицерона²¹. Великий оратор это прекрасно осознавал, поэтому, защищая Антония, он защищал, прежде всего, себя и свои действия в 63 г., в год консульства.

Первые же свидетельства Цицерона о суде над Антонием показывают внутренние противоречия этого процесса. В речи «За Флакка», произнесенной осенью того же 59 г., Цицерон, защищая еще одного своего соратника по борьбе с Катилиной в 63 г., говорит: «Осужден тот, кто убил Катилину, совершившего нападение на родину (*qui Catilinam signa patriae inferentem interemit*)» (Cic. Flacc., 5).

Тезис о том, что намеки на участие Антония в заговоре Катилины являются домыслами, а важное сотрудничество его с Цицероном и непосредственное участие в подавлении заговора – очевидным фактом, становится краеугольным камнем защиты оратором своего коллеги по консулату. С предельной ясностью эту мысль выразил Цицерон спустя три года, когда в свою очередь защищал Марка Целия Руфа, бывшего главного обвинителя по делу Антония: «Он [Целий] обвинил моего коллегу Гая Антония, которому, на его беду, память о славном благодеянии, оказанном им государству, несколько не помогла, а слухи, что он будто бы замышлял злодеяние, повредили» (Cic. Cael., 74). Более того, Цицерон свидетельствует, что значительная часть римской публики встретила с радостью осуждение Антония именно не как участника заговора, а как противника Катилины и виновника его гибели. По словам Цицерона, после обвинения Антония могила Катилины была украшена цветами, и был устроен праздник (Cic. Flacc., 95).

Таким образом, защищая Гая Антония, Цицерон выступал против мифологизации заговора Катилины и героизации главаря заговора. Оратор видел, как меняется настроение в обществе, как через судебное преследование его соратников по борьбе с Катилиной (причем Гая Антония можно было весьма условно считать соратником Цицерона) готовится нападение на него самого. Защищая Антония, Цицерон напоминал римлянам, какую опасность представлял заговор Катилины для Римской республики, какое благодеяние он и его соратники оказали Республике, раскрыв заговор и уничтожив Катилину, настаивал на недопустимости переоценки этих событий и его роли в них. Более того, оратор в своей речи показывал, что он знает, кто подогревает общественное мнение и стремится к пересмотру событий 63 г., а именно: Гай Юлий Цезарь, консул 59 г.

Учитывая это обстоятельство, становится понятным краткое сообщение Диона Кассия о том, что в речи за Антония Цицерон яростно напал на Цезаря (Dio, XXXVIII, 10).

²¹ Gelzer M. Cicero... S. 123; Грималь П. Цицерон... С. 224.

Мы, конечно, можем только предполагать, что ставил в вину Цезарю Цицерон. Но с большой долей вероятности можно утверждать, что речь шла о снисходительности Цезаря к катилинариям, проявленной в 63 г., о политике милосердия к участникам заговора в последующие годы, возможно, об участии самого Цезаря в так называемом первом заговоре Катилины в 65 г.²² Конечно, сведения Диона Кассия о том периоде римской истории не всегда надежны. Но, на наш взгляд, его свидетельству стоит доверять, так как сам Цицерон подтверждает его. В речи «О своем доме», произнесенной вскоре после возвращения из изгнания 29 сентября 57 г., он рассказывает: «Защищая своего коллегу Гая Антония, я посетовал в суде на некоторые события в государстве, которые как мне показалось, имели отношение к делу этого несчастного человека. Бесчестные люди передали мои слова кое-кому из влиятельных мужей совершенно иначе, чем они мной были сказаны» (Cic. De domo, 16, 41). Этот фрагмент речи Цицерона будет важен нам и в другой связи, пока лишь заметим, что под «влиятельным мужем», несомненно, следует понимать Цезаря.

Подобная смелость Цицерона, а скорее его дерзость, не прошла для оратора бесследно. Цезарь нашел замечательную возможность уколоть своего политического оппонента в тот же день. Спусти всего несколько часов после выступления Цицерона в суде над Антонием он перевел из патрициев в плебеи посредством усыновления Публия Клодия – злейшего врага великого оратора (Cic. De domo, 16, 41, De provinciis, 17, 42, Suet. Jul., 29, Dio, XXXVIII, 10). Через несколько месяцев Публий Клодий становится плебейским трибуном, а ровно через год после процесса над Антонием, в марте 58 г., Цицерон отправлен в изгнание стараниями и усилиями Клодия. Вот к каким последствиям привела неудачная защита Цицероном своего коллеги по консулату!

Но, может быть, то, что Публий Клодий стал плебеем в один день с защитой Цицероном Антония, случайное совпадение? Отнюдь – наши источники уверены в обратном. Аппиан не сомневается, что Цезарь сделал Клодия трибуном «назло Цицерону» и «в силу необходимости стал выше личной обиды и оказал благодеяние одному врагу ради мщения другому» (App. В.С., II, 14). Дион Кассий также видит в этом действии Цезаря прямую месть Цицерону (Dio., XXXVIII, 10). Однако, сдается, что эта «романтическая», по определению П.Грималья²³, версия, подсказана самим Цицероном. Вот как оратор рассказывает о последовательности событий того дня, обращаясь к Клодию: «Приблизительно в 6-м часу дня, защищая своего коллегу Гая Антония, я посетовал в суде на некоторые события в государстве, которые как мне показалось, имели отношение к делу этого несчастного человека. Бесчестные люди передали мои слова кое-кому из влиятельных мужей совершенно иначе, чем они мной были сказаны. В 9-м часу, в тот же день, ты был усыновлен. Если при адопции достаточно 3-х часов для того, на что при издании других законов требуется три нундины,

²² См.: Klebs E. C. Antonius... Sp. 2581; Ciaceri E. Cicerone... Vol. II, P. 42; Gelzer M. Cicero... S. 125; Грималь П. Цицерон... С. 224.

²³ Грималь П. Там же.

то мне сказать нечего» (Cic. De domo, 16, 41). Чуть позднее в речи «О консульских провинциях» Цицерон предельно четко объясняет свое видение случившегося: «Он [Цезарь] перевел в плебеи моего недруга либо в гневе на меня, так как видел, что не может привлечь меня на свою сторону, даже осыпая меня милостями, либо уступив чьим-то просьбам» (Cic. De provinciis, 17, 42).

Мы уверены, что в этих словах Цицерона очень много тщеславия и самомнения, и очень мало правильного понимания целей и мотивов Цезаря. Клодий нужен был Цезарю в качестве плебейского трибуна для решения огромного спектра задач, где «мести» Цицерону занимала далеко не первое место²⁴. Представить, что будущий диктатор задумал перевод Клодия в плебеи спонтанно, «в гневе» на Цицерона, тем более, «уступив чьим-то просьбам», просто невозможно. Это была хорошо продуманная и заранее подготовленная акция. Да и о какой мести могла быть речь – Цицерон и Цезарь не были врагами (как, например, Клодий и Цицерон), да и Цезарь был всегда выше подобной мелочной «мести»²⁵.

С другой стороны, приурочить подобную акцию к ожидаемо резкой речи Цицерона на судебном процессе Антония, чтобы «уколоть» оратора, показать ему, кто в Риме хозяин, это было в духе Цезаря. Цицерон, по мысли Цезаря, должен был понять, что над его головой сгущаются тучи, что, если он не умерит свою гордыню, его ждут большие неприятности, имя которым – плебей, а в скором времени, плебейский трибун Публий Клодий. Но, создав реальную угрозу для Цицерона, Цезарь сразу протягивает руку дружбы и показывает, что есть выход из ситуации. То есть делает то, что оратор пренебрежительно называет «милостями» Цезаря. Прежде всего, отправляясь в Галлию, он предлагает Цицерону сопровождать его в качестве легата. Только тогда, когда Цицерон отказывается и от этого способа избежать опасности (Cic. Att., II, 18), как раньше и от других его предложений, он, по словам Т.А. Бобровниковой²⁶, «с великой грустью» выдает его Клодию.

Вот таким многогранным и судьбоносным оказался один день в истории Рима в начале 59 г., запомнившийся римлянам двумя взаимосвязанными событиями – неудачной защитой Цицероном своего коллеги по консулату Гая Антония и переводом в плебеи Публия Клодия.



²⁴ Дискуссию в науке о Публии Клодии и о его союзе с Цезарем см.: Егоров А. Б. Юлий Цезарь. Политическая биография. СПб., 2014. С.171-172 (с огромной библиографией)

²⁵ Ср., напр.: Yazetz Z. Julius Caesar and His Public Image. New-York, 1983. P.114-127.

²⁶ Бобровникова Т. А. Цицерон: Интеллигент в дни революции. М., 2006. С.318.

Падение Сеяна (а был ли заговор?)*

Как известно, историку античности сплошь и рядом приходится иметь дело не только с различными мнениями и противоречивыми суждениями по поводу событий и фактов древней истории, но и с еще более важным и сложным вопросом о достоверности самих событий и фактов. Века и даже тысячелетия, отделяющие нас от древности, безвозвратно поглотили большую часть литературного наследия греко-римского мира. Дошедшую до нас традицию можно уподобить фрагменту статуи, по которому искусствоведы пытаются определить, какова была эта скульптура в своем первоначальном виде. Также и мы, антиковеды, по отдельным дошедшим до нас произведениям древних авторов и их фрагментам пытаемся воссоздать целостную картину истории. При этом, ввиду того, что сведения наших источников по многим вопросам носят неполный или вовсе отрывочный характер, а сами эти источники зачастую отделены от описываемых в них событий длительными временными промежутками, в науке не единожды возникали и продолжают возникать сомнения относительно реалистичности многих деталей. В римской истории такие сомнения связаны, по большей части, с ее ранним периодом, однако подобные «спорные территории» встречаются даже в традиции об императорской эпохе. В частности, уже долгое время предметом спора является сюжет о заговоре Луция Элия Сеяна, префекта претория и ближайшего помощника императора Тиберия.

Уже в древности падение всесильного временщика представлялось многим неразрешимой загадкой. «За какое преступление он был наказан? Кто донёс на него, и кто выступил свидетелем?» – вопрошает Ювенал (*Sat.*, X, 69 sq.). Официальная версия, которую передает Светоний, ссылающийся на мемуары Тиберия, гласит, что император покарал префекта за то, что тот кознями погубил детей Германика (*Tib.*, 61). Светоний также сообщает, что Сеян готовил переворот, но не приводит никаких деталей предполагаемого заговора, а говорит лишь о почитании золотых изображений префекта претория и о всенародном праздновании его дня рождения (65). Сведения, предоставляемые по этому поводу Иосифом Флавием, несколько более определены: Сеян подкупил войска (очевидно, преторианские когорты) и вовлек в заговор многих видных сенаторов и вольноотпущенников Цезаря. Автор «Иудейских древностей» называет нам и того, кто предупредил Тиберия о грозящей ему опасности: вдова Друза Старшего Антония в подробном письме рассказала обо всем императо-

* Первоначальная публикация: Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 14. СПб., 2014. С. 203-210.

ру (AJ, XVIII, 6, 6). О стараниях Сеяна подладиться к войнам столичного гарнизона, втереться к ним в доверие, говорит и Тацит в IV книге «Анналов» (2). Кроме того, по словам Тацита, префект завел себе немало друзей среди представителей сенаторского сословия, для которых он добывал должности и доходные места в провинциях (*ibid.*). Но наиболее подробный и детальный рассказ о роковых для фаворита Тиберия событиях 31 г. содержится в «Римской истории» Диона Кассия (LVIII, 6 sqq.). Греческий историк считает что император, сам возвысивший префекта до статуса второго лица в государстве и даже сделавший его членом своей семьи¹, сам же затем и избавился от него (*ibid.*, LVIII, 3, 9).

Эта позиция разделяется и многими современными исследователями². Так, А. Боддингтон считает, что Тиберий намеревался объявить своим наследником Гая Цезаря, а Сеяна – регентом при нём, так как Калигула был слишком молод и нуждался в опытном и надёжном советнике³. Но среди правящей элиты нашлись влиятельные силы, решительно воспротивившиеся этим планам. Против Сеяна выступили его бывшие союзники легат Нижней Германии Луций Апроний и его зять легат Верхней Германии Гней Корнелий Лентул Гетулик. Хотя ранее они поддерживали префекта претория, видя в нём ценного партнёра, перспектива превращения в его подчинённых их не устраивала⁴. Не считаться с мнением этого клана Тиберий не мог, так как за Гетуликом и его тестем стояли рейнские легионы. Враги префекта возвели на него тяжкие обвинения, главным из которых было разжигание вражды в императорской семье, но, безусловно, не это было причиной его падения, чтобы ни писал в своих мемуарах Тиберий⁵.

Равным образом и Д. Хенниг, автор монографического исследования о Сеяне, считает версию событий, предшествовавших падению префекта претория, в античной традиции, в целом, недостоверной, а обвинения в заговоре против принцепса – недостаточно мотивированными. Сеян хотел играть при Тиберии ту же роль, что и Марк Агриппа при Августе, а после его смерти рассчитывал стать регентом при малолетнем Тиберии Гемелле. Отстранение императора от власти было ему невыгодно, так как его политическое положение основывалось не на собственном влиянии и весе, а на доверии, которое питал к нему Тиберий. К несчастью для Сеяна в лице Квинта Невия Корда Сутория Макрона у него появился опасный конкурент, с помощью наветов и интриг убедивший принцепса в необходимости сместить префекта в тот самый момент, когда до осуществления его планов оставался всего один шаг⁶.

¹ Через брак с Юлией, дочерью Друза Младшего и Ливиллы.

² Обзор литературы вопроса см.: *Парфенов В.Н.* Сеян: взлет и падение // АМА. Вып. 10. Саратов, 1999. С. 63 слл.

³ *Bodding A. Sejanus. Whose conspiracy? // AJPh. Vol. LXXXIV, 1963. P. 4 f., n. 10.*

⁴ *Bodding A. Sejanus. P. 14 ff.*

⁵ *Bodding A. Sejanus. 12 f., 16.*

⁶ *Hennig D.L. Aelius Sejanus. Untersuchungen zur Regierung des Tiberius. München, 1975. S. 70 ff., 75, 150 ff., 158 f.*

По мнению В.Н. Парфенова, нет никаких оснований считать Сеяна заговорщиком. Не будучи самостоятельной политической фигурой и не располагая сколько-нибудь заметной поддержкой среди римской правящей элиты, префект был полностью зависим от своего могущественного патрона, и когда последний решил избавиться от него, не смог (да и не мог!) ничего предпринять⁷. Враги Сеяна, соединившись с некоторыми из его прежних союзников (Суторий Макрон, Сатрий Секунд и т.д.), пустили против него в ход его же оружие – интриги, наветы и козни, и сумели должным образом настроить Тиберия, после чего трагическая развязка была уже неизбежна⁸.

Нам кажется, что сомнения в реальности заговора Сеяна и поиски в связи с этим иных причин отстранения от власти и гибели императорского фаворита возникают в основном из-за отсутствия в нашей традиции какой-либо информации о его деталях. Сам по себе этот факт легко объясняется утратой большей части V книги «Анналов». Тем не менее, будет не лишним разобрать этот вопрос немного подробнее.

Возьмём для сравнения такое достаточно хорошо освещённое в источниках событие как заговор Катилины. Благодаря главным образом Саллюстию и Цицерону нам известно немало подробностей, но предположим, что ближайшие по времени источники не сохранились, и мы были бы вынуждены судить о нём лишь на основании сообщений Плутарха, Аппиана и ещё более поздних авторов. Вряд ли получившуюся в таком случае картину можно будет назвать полной. Но и так в истории движения катилинариев существует немало неясностей и тёмных мест. Вообще, заговоры, тайные общества и движения как предмет изучения представляют серьёзную проблему вследствие конспирации, к которой, естественно, вынуждены прибегать их участники. Поэтому, было бы наивным думать, что в случаях, подобных заговору Сеяна, можно добиться полной ясности, как бы нам этого ни хотелось.

Очевидно, что наиболее сильным возражением является позиция Диона Кассия, противоречащая точке зрения других источников в лице Иосифа Флавия, Тацита и Светония. Однако в историографии давно было предложено вполне убедительное объяснение этому несоответствию: греческий историк был свидетелем устранения префекта претория Плавциана, продолжительное время пользовавшегося столь большим влиянием на Септимия Севера, что тот даже согласился женить своего сына Каракаллу на дочери последнего, Плавцине (Dio, LXXVI, 1, 2; Herod., III, 10, 5; SHA, X, 14, 8). Эта женитьба, однако, ни сколько не умерила той ненависти, которую испытывал к префекту сын императора, а скорее даже увеличила ее, так как Каракалла питал к своей супруге полнейшее отвращение и много раз клялся убить как ее саму, так и ее отца (Dio, LXXVI, 3, 1; Herod., III, 10, 8). С этой целью он подкупил нескольких центурионов, чтобы они показали, что получили от Плавциана тайный приказ умертвить императора и двух его сыновей. Этой клевете поверили, и дело кон-

⁷ Парфенов В.Н. Сеян... С. 75 слл.

⁸ Парфенов В.Н. Сеян... С. 80 слл., 86 слл.

чилося для Плавциана плохо: он потерял не только всю свою власть и огромное богатство, но и саму жизнь (Dio, LXXVI, 3 sq.)⁹. Принято считать, что и в Сеяне Кассий Дион увидел уже знакомый ему на примере Плавциана образец человека, высоко вознесшегося над прочими благодаря расположению императора, но затем, по мановению августейшей руки, низвергнутого в пучину смерти¹⁰.

В самом деле, в описании Дионом событий, связанных, соответственно, с падением Сеяна и убийством Плавциана, немало общего. Сеян, в период своего наивысшего могущества, казался подлинным императором Рима, тогда как Тиберий – всего лишь правителем острова Капри, но и Плавциан на пике своей славы, казалось, поменялся местами с Септимием Севером: последний играл роль префекта, а Плавциан – роль императора. Сеян получал донесения от преданных ему людей в окружении Тиберия, из которых он знал все о намерениях своего повелителя, но ни кто не сообщал принцепсу о намерениях префекта. Точно так же и Плавциан знал все, что Септимий Север говорил или делал, но никто не был посвящен в тайны Плавциана. В правление Тиберия граждане клялись Фортуной Сеяна, но ровно то же самое происходило и при Севере, только в подтверждение клятв призывалась уже Удача Плавциана. В честь обоих префектов возводились многочисленные статуи, затмевавшие числом и великолепием императорские изображения. Наконец, в LVIII книге Диона Кассия есть даже прямое сопоставление Сеяна и Плавциана (Dio, LVIII, 2, 7. 4, 1. 5; 1. 14, 1; LXXVI, 14, 6 sq. 15, 1). Таким образом, представление, что история возвышения и гибели Плавциана была спроецирована Дионом на похожие события времен Тиберия можно считать близким к истине.

Впрочем, и Дион Кассий, по крайней мере однажды, указывает на намерение Сеяна осуществить переворот, использовав для захвата власти преданных ему воинов преторианских когорт. Это намерение, так и оставшееся неосуществленным, возникло у него, когда Тиберий объявил своим наследником только что надевшего мужскую тогу и удостоенного жреческого сана Гая Цезаря (ibid., LVIII, 8, 2 sq.). Если сообщение Диона верно¹¹, у Сеяна просто не оставалось бы другого выхода, кроме как попытаться подбить своих гвардейцев на мятеж. Напомним, что именно префект претория был главным организатором расправы над матерью и братьями Калигулы, так что приход к власти представителя уничтоженной им же семьи ничего хорошего ему, очевидно, не сулил. В таком случае,

⁹ Геродот передает эту же историю иначе: Плавциан действительно замыслил убийство, но был предан тем, кого сам же избрал его исполнителем (Herod., III, 11 sq.).

¹⁰ Koestermann E. Der Sturz Sejanus // Hermes. Bd. LXXXIII, 1955. S. 350 ff., 369 ff.; Парфенов В.Н. Сеян... С. 71.; Князький И.О. Тиберий: третий Цезарь, второй Август. СПб., 2012. С. 292.

¹¹ В точности сведений Диона по этому поводу не сомневается, к примеру, Э. Баррет: Баррет Э. Калигула / Пер. с англ. С. Володиной. М., 1999. С. 87 слл.

событие, известное нам как заговор Сеяна, по-видимому, представляло собой не что иное, как реакцию префекта претория на начавшееся возвышение Гая. Однако В.Н. Парфенов решительно и вполне обоснованно возражает против такого взгляда: в самом деле, зачем императору, у которого был наследник, связанный с ним кровным родством по прямой нисходящей линии, оставлять свою власть и положение приемышу, отпрыску ненавистной ему Агриппины¹² и не слишком-то любимого им племянника¹³? Эти доводы покажутся еще более вескими, если вспомнить, сколько усилий положил Тиберий на то, чтобы руками Сеяна и его присных расчистить путь к власти для своего родного внука, Тиберия Гемелла (Suet. Tib., 55). И, тем не менее, факт остается фактом: Калигула не был уничтожен ни до, ни после казни Сеяна, хотя «проницательный старик¹⁴», как называет императора Светоний (Calig., 11), должен был прекрасно осознавать, каким опасным конкурентом младший сын Германика окажется для его наследника. Гай Цезарь был на семь лет старше Гемелла, за ним стояла громкая слава его отца, которого, в свое время, большинство римлян желало бы видеть императором вместо Тиберия. И если он (Тиберий) так и не отдал приказ убить Гая, то, очевидно, он оценил и принял все последствия этого решения, какие бы мотивы им при этом не руководили.

Кстати, о мотивах. Возможно, Тиберий намеревался использовать популярность Гая Цезаря, или скорее его отца, Германика, у столичного населения, как козырную карту в назревавшем конфликте с Сеяном. Ничего невероятного в этом нет, напротив, показательно, что точно также император планировал использовать и старшего брата Калигулы, Друза, который в то время был еще жив и содержался в подземелье Палатинского дворца (Tac. Ann., VI, 23; Suet. Tib., 65, 2; Dio, LVIII, 13, 1)¹⁵. Во всяком случае, сведения, предоставляемые по этому поводу Дионом Кассием, наводят именно на такую мысль: всеобщее ликование в связи с провозглашением Гая наследником удержало префекта от попытки поднять меч восстания, хотя воины столичного гарнизона были всецело на его стороне. При этом, по словам Диона, Сеян горько сожалел о том, что промедлил с выступлением и не поднял мятеж в то время, когда он вместе с Тиберием исполнял консульскую должность (Dio, LVIII, 8)¹⁶. Конечно, с исчезновением Сеяна указанный выше мотив переставал действовать, зато могли явиться новые обстоятельства, также благоприятствовавшие Гаю. Таким обстоятельством, несомненно, стало предсмертное письмо Апикаты, бывшей супруги префекта претория (во всяком случае, этот документ считался ее предсмертным письмом). Из него Тиберий узнал истинную причину смерти своего сына Друза (ibid., LVIII,

¹² О том, что враждебность Тиберия к Агриппине, по-видимому, не распространялась на ее младшего сына, см.: *Баррет Э.* Калигула... С. 72 слл.

¹³ *Парфенов В.Н.* Сеян... С. 87.

¹⁴ *Перевод М.Л. Гаспарова.* По-латыни «sagacissimus senex».

¹⁵ Сомнения в достоверности этой информации высказывает Д. Шоттер. См.: *Shotter D.* The fall of Sejanus. Two problems // *CIPh. Vol. LXIX*, 1974. P. 44 ff.

¹⁶ В первые месяцы 31 г.

11, 6 sq.¹⁷), а на его родного внука Гемелла пала тень незаконного происхождения.

Впрочем, нам лучше покинуть зыбучие пески предположений и гипотез и вернуться на твердую почву достоверно известных фактов. Преемник Августа не объявлял Калигулу своим наследником, коль скоро против этого предположения имеются весьма веские доводы. Одно несомненно: в августе¹⁸ 31 г. он вызвал в императорскую резиденцию на Капри младшего из сыновей Германика, против которого обвинитель Секстий Пакониан уже готовил процесс (Тас. Ann., VI, 3; Suet. Calig., 10). Этого сигнала самого по себе было достаточно, чтобы спровоцировать Сеяна на выступление: префект претория сделал блестящую карьеру в правление «проницательного старика» в том числе потому, что и сам был отнюдь не глупым человеком. В таком случае, он должен был прекрасно понимать, что Гай Цезарь (пока был жив) оставался потенциальным претендентом на «престол», а в таком качестве он был ему, несомненно, очень опасен.

Какое-то, по-видимому, непродолжительное время, Сеян мог надеяться, что расправа над Гаем лишь отложена. Его агенты даже на Капри не оставляли Калигулу в покое, надеясь вырвать у него выражения недовольства участью, постигшей его мать и братьев, но он ни разу не поддался на провокации (Suet. Calig., 10, 2). К тому же одним тревожным сигналом дело не ограничилось: за первым последовали новые, показывающие, что префект уже далеко не в том фаворе у Тиберия, в каком был прежде.

Этим новым сигналом стала неудачная попытка обвинения в оскорблении величия Луция Аррунция, наместника Ближней Испании, находившегося, впрочем, в Риме и управлявшего вверенной ему провинцией через своих легатов. Тиберий и на этот раз не только решительно пресек все поползновения префекта претория, но даже выпустил специальный эдикт, запрещающий обвинять наместников, пока они находятся при исполнении своего служебного долга (Dio., LVIII, 8, 3). Такого с Сеяном не случалось никогда: до сих пор все, кого он намеревался погубить, послушно шли в расставленные им сети; теперь же от него ушли сразу двое: можно не сомневаться в том, что фаворит Тиберия, как опытный царедворец, сразу почуял неладное: он понял, что безвозвратно утратил свое влияние на принцепса и, в чем нет никакого сомнения, начал готовиться к худшему.

Но даже если бы и этого оказалось мало, чтобы дать понять Сеяну, что удача, прежде во всем ему способствовавшая, отвернулась от него, а его августей-

¹⁷ Во всех подробностях сложная интрига, жертвой которой пал Друз, описана у Тацита (Ann., IV, 3. 7 sq.). Несмотря на всю сомнительность источника, из которого происходят первоначальные сведения об этой истории, кажется, что она и в самом деле могла иметь место. См.: *Князький И.О.* Тиберий... С. 293 слл.

¹⁸ Гай Цезарь появился на свет в канун сентябрьских календ. На Капри ему исполнилось девятнадцать, он впервые сбрил бороду и, наконец, надел мужскую тогу, впрочем, без всяких торжеств, которыми обыкновенно сопровождались подобные события в жизни членов императорского дома (Suet., Calig., 8, 1. 10, 1).

ший друг больше не питает к нему прежнего доверия, следующий сигнал должен был неминуемо рассеять все иллюзии на сей счет, если, конечно, они вообще имели место. Речь идет о том, что Тиберий под разными благовидными предлогами запретил префекту не только посещать Капрею, но даже приближаться к ней (Dio, LVIII, 4, 9, 7, 5). И хотя свой демарш принцепс сопроводил обещаниями, в скором времени прибыть в Рим самолично, подсластил посулами, выразив твердое намерение предоставить в ближайшем будущем трибунскую власть (ibid., LVIII, 9, 2)¹⁹, многоопытный Сеян вряд ли мог обманываться этими надеждами. Напротив, он должен был прекрасно понимать, что фактическое изгнание его с острова, хоть и преподнесенное в праздничной обертке, равносильно его отставке, так как все его положение базировалось ни на чем другом, как на личном влиянии на императора и на доверии принцепса к нему. Теперь, когда ни того, ни другого уже не было, что могло ждать Сеяна? Какие перспективы открывались перед некогда всесильным временщиком? В лучшем, хотя и крайне маловероятном случае, он был бы отставлен со всех постов и должностей и обречен прозябать в деревенской глуши, и это после того, как он был без пяти минут соправителем Тиберия (ibid., LVIII, 6, 2)! В случае худшем, притом гораздо более вероятном, его ждала смерть от петли палача. Но даже если бы Тиберий и оставил его в живых (свежо предание, да вериться с трудом!), ему вряд ли удалось бы надолго пережить своего покровителя: весьма вероятный переход власти к Гаю (о чем мы уже говорили выше) также означал для него смерть. Итак, выбора у него не было.

Смелому, решительному человеку, каким был Сеян²⁰, нелегко было смириться с неизбежным и покорно ждать неминуемого конца: он должен был попытаться предпринять хоть что-то, чтобы отразить роковой удар, пусть даже затеваемое им предприятие было заранее обречено на провал. Впрочем, людям свойственно скорее самообольщаться на собственный счет, чем трезво взвешивать на весах сомнений все *pro et contra*: возможно, что и наш префект был склонен думать, что раз уж он, простой римский всадник, смог подняться до уровня второго лица в государстве, то и из нынешних своих затруднений он как-нибудь выкрутится. Вероятно, у него были основания рассчитывать на преданность воинов преторианских когорт, которыми он командовал уже более пятнадцати лет; возможно, переоценивая свои шансы на успех и собственную значимость, он полагал, что его могут поддержать и некоторые провинциальные наместники²¹.

То, что расчет его в итоге не оправдался, не должно служить основанием для сомнений в реальности этого заговора. Уже самый масштаб и характер тех мер,

¹⁹ Ранее Сеян был наделен проконсульским империем (Dio, LVIII, 7, 4).

²⁰ О его храбрости и гражданском мужестве говорит хотя бы такой факт, как посещение им опального Тиберия на острове Родосе, с чего, собственно, и началась их дружба. Характеристику Сеяна см.: *Бейкер Джс.* Тиберий. Преемник Августа / Пер. с англ. Н.А. Поздняковой. М., 2004. С. 216 слл.

²¹ Шансы Сеяна на успех переоценивают даже некоторые современные историки. См.: *Marsh F.B.* The reign of Tiberius. London, 1931. P. 190 f.

которые были приняты Тиберием, показывают, что мы имеем дело далеко не с фикцией. Строжайшая конспиративная завеса, призванная усыпить бдительность префекта претория, тщательная изоляция его от преторианских когорт, оптический телеграф, передававший в императорский дворец на Капри последние новости о положении дел в столице, готовые к отплытию корабли, на которых император мог бы бежать из своей островной резиденции: все это покажется бессмысленным, если принять мнение тех, кто отрицает реальность заговора Сеяна²². Тиберий и его новые приближенные (Макрон, Лакон и проч.) могли, конечно, приписать префекту намерение совершить переворот, чтобы оправдать учиненную над ним расправу, но подходить столь фундаментально к подавлению выдуманного ими же самими мятежа, это уж увольте! Все вышесказанное вкупе с поразительным единодушием трех наиболее авторитетных источников (Иосифа Флавия, Тацита и Светония), помноженное на встречающиеся и у Диона Кассия, чье мнение всегда с особой охотой поднимается на щит противниками теории заговора, упоминания о намерении Сеяна совершить переворот, позволяют нам ответить на вынесенный в заглавие риторический вопрос: «А был ли заговор?» Конечно, был!



²² Общий ход событий изложен у Диона Кассия (LVIII, 6 ff.). Об оптическом телеграфе говорит Светоний в биографии Тиберия (65, 2).

Луций Анней Сенека. Автопортрет философа и царедворца

Правление императора Нерона, последнего представителя династии Юлиев – Клавдиев, с точки зрения римской аристократической элиты, имело блестящее и многообещающее начало. Рядом с молодым принцепсом стоял выдающийся оратор и философ Луций Анней Сенека, представлявший самую популярную в Риме того времени стоическую философскую школу и превосходивший в мудрости, по свидетельству Диона Кассия, всех своих современников: (Σενέκας ὁ Ἀνναῖος ὁ Λοῦκιος, ὁ πάντας μὲν τοὺς καθ' ἑαυτὸν Ῥωμαίους πολλοὺς δὲ καὶ ἄλλους σοφία ὑπεράρας; Dio Cass., LIX, 19, 7). Жизнь и творчество Сенеки Младшего породили богатую историографию, и, тем не менее, и в наше время продолжают страстные споры вокруг личности этого древнего римлянина¹. Сам Сенека предвидел, что суд над ним будет вершиться не только его современниками, но и спустя тысячелетия далёкими потомками, которые, как он надеялся, будут беспристрастны и поэтому более справедливы по отношению к нему (*sine offense, sine gratia* – Ep., LXXIX, 17). Оправдались ли его надежды? Действительно, ненависть ушла вместе с уходом его современников, но пристрастное отношение осталось. История противоречивых суждений, обвинений в лицемерии, корыстолюбии, даже откровенном цинизме начинается с того момента, когда судьба вознесла его на вершину могущества, и он, направляя деятельность своего венценосного воспитанника, фактически стал вершителем судеб народов Римской империи.

¹ В отечественной историографии наиболее полная биография Луция Аннея Сенеки была написана Платоном Красновым еще в XIX веке и остается актуальной до настоящего времени. См.: Краснов П. Сенека, его жизнь и философская деятельность. СПб., 1895. С.И.Ошеров в статье к переводу писем Сенеки к Луцилию отмечает, что жизнь Сенеки трудно согласовать с образом философа-моралиста. См.: Ошеров С.И. От Рима к миру // Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. 1986, С. 390. А.Н. Чанышев высказывает мнение, что Сенека был сыном своего времени и являл собой пример расхождения между мировоззрением и образом жизни: Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М., 1991. С. 286. И.Н. Титаренко утверждает, что Сенеке не удалось полностью воплотить идеалы стоической мудрости: Титаренко И.Н. Философия Аннея Луция Сенеки и ее связь с учением ранней Стои. Ростов н/Д, 2002. С. 78. Французский исследователь Пьер Грималь полагает, что Сенека на протяжении всей своей жизни оставался верен провозглашаемому им философским воззрением: Грималь П. Сенека или совесть империи / пер. Е.Головиной. М., 2003. С. 80.

До этого рокового для Сенеки момента его жизнь была обычной жизнью представителя провинциальной аристократии из испанского города Кордова (Кордуба). Его отец, талантливый ритор и честолюбивый провинциал, желал видеть своих сыновей в рядах римской сенаторской знати и переселился в Рим, чтобы обеспечить им эту возможность. О своей семье, молодости, увлечении философией, тяжелой болезни Сенека рассказывает охотно, в частности, в таких сочинениях как «Утешение к Гельвии» и письмах к другу Луцилию, где с теплотой и любовью говорит о своей матери, рисуя портрет идеальной римской матроны, всецело посвятившей себя семье, своим детям; с глубоким уважением относится к своему отцу и другим родственникам.

Сенаторская карьера Луция Аннея Сенеки развивалась успешно, но о ней он предпочитал хранить молчание. События его жизни с этого времени реконструируются на основании сообщений античных авторов и тех намёков и иносказаний, которые мы можем обнаружить в его сочинениях². В чем причина нежелания философа говорить о своем участии в общественной деятельности, которая его несомненно увлекала? Очевидно, в том, что времена были суровые: правление императора Тиберия ознаменовалось жестоким террором по отношению к представителям сенаторского сословия, особенно из так называемых новых людей, к которым и принадлежала семья Сенеки Младшего. Наступила эпоха настоящей доносительной горячки, когда опасными стали не только дела, но и неосторожно сказанные слова. Именно тогда, по-видимому, Сенека овладел искусством быть осторожным в беседах (Ер., 105). Более того, в правление Калигулы Сенеке пришлось навсегда расстаться с создавшей ему славу адвокатской карьерой, поскольку его блестящее искусство красноречия едва не стоило ему жизни (известный эпизод из жизни Сенеки, рассказанный Дионом Кассием, LIX, 19, 7). И все же ему не удалось избежать опалы – в правление императора Клавдия он был отправлен в ссылку на остров Корсику.

В 49 г. опальный философ был возвращен из ссылки третьей женой императора Клавдия Агриппиной Младшей с тем, чтобы стать воспитателем её сына и помочь ей возвести его на трон в обход родному сыну Клавдия Британнику. Предложение, сделанное женой императора, было серьезным и даже грозным вызовом судьбы, брошенным опальному философу. Почему выбор Агриппины Младшей пал именно на Сенеку, а не, например, Тразею Пета, признаваемого римским обществом того времени образцом добродетели (Тас. Апп., XVI, 21; Dio Cass., LXII, 26, 1)? Оба принадлежали к одной философской школе и входили в состав сенатского большинства, готового сотрудничать с

² См.: Griffin M. T. *Seneca: A Philosopher in Politics*. 1992. Гриффин полагает, что в сочинениях Сенеки находит отражение его государственная деятельность и присутствуют скрытые политические цели. Автор задаётся вопросом, насколько объективно Сенека отражал в своих трудах обстоятельства своей общественно-политической жизни. Гриффин предостерегает об опасности поверхностных заключений, относительно того, что Сенека отражал в своих философских трудах все обстоятельства его собственной карьеры в качестве советника Нерона (с. 389).

единоличной властью при условии сохранения заключённого некогда Октавианом Августом компромисса между республикой и монархией³.

Предлагая Сенеке роль наставника будущего принцепса, Агриппина руководствовалась не столько желанием препоручить воспитание своего сына заботам выдающегося ритора и философа, сколько стремлением заручиться поддержкой известного в кругах интеллектуальной римской элиты общественно-го деятеля. И главное – она была уверена, что Сенека сможет помочь ей обеспечить это будущее. От лидера стоической оппозиции его отличало не только присущее ему честолюбие, но и глубокое понимание сути политической жизни в современном ему Риме. В этом состояло принципиальное отличие этих двух приверженцев римской стои, которое позволило Сенеке стать фактически у кормила власти, тогда как политическое поведение Тразея в целом было мало продуктивным и совершенно бесперспективным. Весьма показателен тот факт, что, несмотря на глубокое уважение, которое Сенека испытывал к Тразее Пету, последний не входил в число его близких друзей. Непреклонность, характеризующая поведение лидера стоической оппозиции, была чужда Аннею Сенеке. По сути своей философ был человеком компромисса. Он был глубоко убеждён, что непреклонность, которую столь высоко ценил Тразея Пет, скорее отпугивает людей от добродетели, чем привлекает на путь её достижения. «Ведь само имя философии, – пишет Сенека Луцилию, – вызывает достаточно ненависти, даже если приверженцы её ведут себя скромно; что же будет, если мы начнем вести себя наперекор людским обычаям? Пусть внутри мы будем иными во всем – снаружи мы не должны отличаться от людей... Будем делать все, чтобы жить лучше, чем толпа, а не наперекор толпе, иначе мы отпугнём от себя и обратим в бегство тех, кого хотим исправить» (Ер., V, 2).

Эта черта характера философа, очевидно, была хорошо известна в тех кругах, где он вращался до времени своей ссылки. Тразея говорил во время одного из своих выступлений в сенате, возможно, в укор Сенеке: «Есть добродетели, навлекающие неприязнь, каковы непреклонная строгость, не идущий ни на какие поблажки ради снискания расположения несгибаемый дух» (Тас. Ann., XV, 21). Знала о ней и дочь Германика Агриппина. Она хорошо продумала свой шаг. Сенеке нравилось привлекать к себе внимание своим красноречием, быть на виду, в гуще событий и идей. Потеря этой возможности в результате ссылки тяжело переживалась им. Он пытался исправить ситуацию, расположив к себе Полибия, всесильного министра императора Клавдия, обратившись к нему с утешением по поводу смерти сына и фактически предлагая свои услуги императорскому двору. Безрезультатность этой попытки не могла не вызвать разочарование и затаенную обиду. Всё это было учтено Агриппиной и она не ошиблась в выборе. Появление опального

³ Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. М., 1981. С. 17; Кочеров С.Н. Стоическая оппозиция в римском сенате (Опыт морального сопротивления тирании) // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Новгород, 1991. С. 78 – 92. С. 83 С. 84.

философа при дворе императора в качестве наставника её сына расположило оппозиционное режиму Клавдия «сенатское большинство» в её пользу, и возведение на трон Луция Домиция Агенобарба, усыновленного Клавдием, было принято им весьма доброжелательно.

Соглашение, на которое пошёл философ стало отправной точкой для дискуссии вокруг его личности. Задаваясь вопросом, чем руководствовался Луций Анней Сенека, принимая предложение Агриппины Младшей, исследователь неизбежно оказывается в области догадок, основывающихся на его субъективном отношении к философу. Поэтому ответ может быть исключительно гипотетическим, поскольку сам философ избегал прямого обсуждения всего, что было связано с его придворной деятельностью. Есть, однако, одно объяснение, подсказываемое нам самим Сенекой: он подчинился судьбе из элементарного чувства самосохранения. Будучи человеком проницательным и осторожным, он понимал, какая работа ждёт его при дворе, и почему выбор пал именно на него. Просто есть предложения, отказываться от которых смертельно опасно: «К тому же нельзя и сопротивляться, когда счастье начинает водить вас вкривь и вкось. Или уж плыть прямо, или разом ко дну!» (Ер., VIII, 3). Разумеется, что столь простое решение вопроса не может ни удовлетворить, ни быть единственной причиной, по которой известный интеллектual и философ принял судьбоносное для себя решение.

Однако, из всех возможных побудительных мотивов, толкнувших Сенеку в гущу политической жизни, один, на наш взгляд, можно исключить без колебаний – это корыстолюбие. Тем не менее, данное утверждение нуждается в обосновании, поскольку именно многочисленные и настойчивые обвинения в корыстолюбии были и остаются до настоящего момента основой обвинений философа в несоответствии его образа жизни нормам исповедуемой им стоической морали. Голоса современных Аннею Сенеке недоброжелателей доносит до нас близкий по времени к обсуждаемым событиям историк Корнелий Тацит, а также историк III века Дион Кассий. Тацит сообщает, что после смерти Британника, сына императора Клавдия, Сенека получил от Нерона в подарок дома и поместья его сводного брата, за что одни осуждали философа за несоответствие слова и дела, другие же указывали на то, что это дары из разряда тех, которые опасно отвергать (Тас. Анн., XIII, 17-18). Но самым тяжёлым ударом по репутации философа стали обвинения, брошенные в его адрес Публием Суиллием, одним из известных доносчиков времени правления Клавдия. Суиллий был привлечён к суду в связи с возобновлением действия закона, запрещающего адвокатам выступать в суде за плату. Считая, не без основания, что инициатором данной меры был Сенека, Суиллий обрушился на философа с целым рядом тяжелейших обвинений, в частности и в том, что за четыре года близости к дому Цезарей Сенека нажил огромное богатство, что он «словно ищейка, выслеживает завещания и бездетных граждан, Италию и провинции обирает непомерной ставкой роста» (Апп., XIII, 42). Тацит в целом довольно осторожно передаёт обвинения Суиллия в адрес Сенеки, не присое-

диняясь к ним, и характеризуя обвинителя как ненавистного всем доносчика. Обвинение Сенеки в непомерной жадности повторяет и Дион Кассий, заявляя, что чрезмерными процентами по займам Сенека довёл население Британии до восстания, и что «поведение Сенеки, казалось, противоречило его философии, так как осуждая тиранию, он сам сделался учителем тирана, осуждая роскошь, сам скопил огромное богатство» (LXI, 10; LXII, 2). Возможно, ответом на инвективу Суиллия стал диалог «О блаженной жизни», адресованный брату Галиону⁴. В этом диалоге Сенека с поразительной дотошностью перечисляет все пересуды своих хулителей и самым подробным образом останавливается на теме богатства: «Про меня говорят: “Почему он, любя философию, остается богатым? Почему учит, что следует презирать богатства, а сам их накапливает?”» Отрицать очевидное было невозможно и Сенека признаётся, что он чрезмерно богат, настолько, что его жена носит в ушах целые состояния. Более того, он признаётся не только в том, что невероятно богат, но и в том, что стремиться преумножить своё достояние, что любит комфорт, изысканную обстановку и утварь, что на обед у него подаются дорогие вина, что у него толпы рабов и даже есть специалист по разрезанию живности. Но вслед за этими признаниями, Сенека разворачивает серию аргументов, оправдывающих столь поразительные для философа-моралиста откровения. Прежде всего, он не совершенен, как, впрочем, и все философы, и ставит себя в этом отношении в один ряд с Платоном и Аристотелем, ссылаясь на пример Катона, ставшего в римской традиции эталоном добродетели и при этом владевшего состоянием в четыре миллиона сестерциев: «Все философы говорят не о том, как они сами живут, но как надо жить. Я говорю о добродетели, а не о себе». «За что обрекать мудрость на нищету?», – с возмущением вопрошает Сенека. Презирать богатство следует не для того, чтобы от него отказываться, но чтобы не беспокоиться об этом. Он не любит богатство, но предпочитает его бедности (*De vita beata* – XIII, 17,21; 23,2; 21,4).

Более того, Сенека сопрягает богатство с добродетелью разумеется при условии, что оно нажито честным путём, и если оно является для его обладателя средством творить благодеяние: Мудрец может иметь состояние, но оно не должно быть отнято с пролитием крови ближнего, не должно быть захвачено коварством или грязными процессами. Наконец мудрец лучше других распорядится богатством. Мудрый владеет богатством; невежда же сам во власти его. Мудрый дает богатству полезное назначение, наконец, раздаёт его. Богатство, – утверждает Сенека, – не лишает мудрого величия духа, более того, оно тот оселок, с помощью которого оттачивается величие его души: «Слаб духом тот, кому богатство не по силам» (Ер., V, 6).

⁴ Motto Anna Lydia. *Seneca on The Trial: The Case of Opulent Stoic*//The Classical Journal. Vol. 61. № 6, 1966. P. 254-258. Автор статьи полагает, что ком грязи, брошенный Суиллием в Сенеку имел тяжелые последствия для его репутации: на протяжении двух тысячелетий эти обвинения повторялись многими исследователями жизни и творчества Сенеки.

И, наконец, переходит в наступление на своих хулителей: «Оглянитесь лучше на собственные пороки, на зло, осадившее вас со всех сторон, вгрызающееся в вас снаружи, палящее огнем самые ваши внутренности! Если вы не желаете знать вашего собственного положения, то поймите хотя бы, что дела человеческие вообще сейчас в том состоянии, чтобы вам оставалось много досуга чесать языки, порицая лучших, чем вы, людей» (De vita beata, XIII, 27, 6.).

Однако, все, что говорил Сенека в своё оправдание мало убеждало и его современников и, очевидно, не в полной мере убеждало его самого. Отсюда всплески отчаяния, многочисленные заявления о своем несовершенстве, что провозглашаемые им истины – это высокая норма, к которой он стремится, но до которой ему ещё далеко. Не признавая суровой критики своих современников («Отбрось людское мнение: оно всегда ненадёжно», Ер., XXVI, 6), он продолжал до конца дней своих возвращается к этой теме, приводя в письмах к Луцилию бесчисленные аргументы в обоснование права мудреца не отказываться от богатства: «Велик тот, кто и в богатстве беден» (Ер., XX, 10); «Даже тот, кто не спешит к нужде как к лучшему уделу, а лишь решит готовиться к ней как к уделу лёгкому, наделен от природы великой душой» (Ер., XX, 12); «Велик тот человек, кто глиняной утварью пользуется как серебряной, но не менее велик и тот, кто серебряной пользуется как глиняной» (VIII, 3); «Кратчайший путь к богатству – через презрение к богатству» (V, 6).

Итак, Сенека признаётся, что он тот, кто не спешит к нужде, но не потому, что он пленник богатства, а потому, что оно ему безразлично. Данное заявление не простили Сенеке многие его современники и потомки, обвинив его в лицемерии. Однако, чрезмерная роскошь, в которой он жил, была очевидно той ловушкой, из которой он не мог выбраться без риска не реализовать свои амбиции. Завершая данную тему, хотелось бы процитировать Пьера Грималья, который считает, что ни недруги, ни многие историки не смогли разобраться с отношением Сенеки к богатству: «Деньги становятся злом, когда они овладевают душой человека, а случиться это может как с богатым, так и с бедным, так что важен не размер богатства, а отношение к нему души»⁵.

Оказавшись перед судом своих современников, Сенека считал необходимым ответить своим оппонентам. Это заставляло его пристальнее взгляды в себя: «Я присматриваюсь к себе, словно близится срок испытания и наступает день, который вынесет приговор всем моим дням» (Ер., XXIV, 1, 4). И пытается ответить уже самому себе, кто же он – мудрец или лицемер, цинично оправдывающий себя тем, что даже самые выдающиеся мыслители не соответствовали создаваемым ими идеалам: «Только ли слова мои были отважны или также и чувства: не были ли притворством и лицемерием все мои непреклонные речи против фортуны» (Ер., XXVI, 1). Этот диалог с самим собой, которой мы обнаруживаем в письмах к Луцилию («Слушай меня так, словно я говорю с самим собой», Ер., VIII, 3), составляет автопортрет

⁵ Грималь П. Сенека, с. 78-79.

философа, адресованный возможно не столько своим современникам, сколько потомкам: «Для немногих рожден тот, кто думает лишь о поколении своих современников. Вслед придут многие тысячи лет, многие сотни поколений, гляди на них!» (LXXIX, 17).

Но прежде чем мы обратимся к этому автопортрету, зададимся вопросом, насколько искренен был его автор с самим собой, не является ли все написанное им риторикой, не имеющей ничего общего с реальностью? Самоанализ, в ежедневных занятиях которым он признаётся Луцилию, и к занятиям которым он призывает своего друга – «уходи в себя как можно глубже» (Ер., VIII, 3), – является очень важным элементом системы воспитания души, разработанной философом. Данное обстоятельство требует осторожного подхода к тому, что представляется Сенекой как самооценка. Когда автор писем говорит своему другу, что ему сладить удалось лишь кое с чем, или утверждает, что «мы много достигли, не значась в числе худших», то это, скорее всего, нечто вроде наглядной агитации для тех, кто только начал свой путь к добродетели, и Сенека поощряет новичка заявляя: «Я становлюсь другим человеком. Я не хочу сказать, будто во мне уже нечего переделывать, да и не надеюсь на это. Как может больше не быть такого, что надо было бы исправить, поубавить или приподнять. Ведь если душа видит свои недостатки, которых прежде не знала, это свидетельствует, что она обратилась к лучшему» (LXXV, 15; VI, 1). Представляя себя человеком, находящимся лишь в начале пути, Сенека протягивает руку всем, желающим двигаться к высотам мудрости вместе с ним. Но наряду со столь скромной оценкой своих достижений на пути к мудрости философ не сомневается в величии своего труда на благо всего человечества на все времена, он уверен, что потомки будут ему благодарны за открытый им путь к счастливой и добродетельной жизни: «Я буду дорог потомкам и могу увековечить имена тех, кого приведу с собою» (Ер., XXI, 5).

И именно эта уверенность отражает истинное представление Сенеки о себе. На главный же вопрос, который Сенека задал сам себе и ответ на который продолжают искать многие исследователи до настоящего времени, философ отвечает обстоятельно и с удивительной искренностью. Обвинение, которое Сенеке приходилось слышать особенно часто – расхождение между словом и делом, он отмечает, признаваясь, что он человек с благородной душой, но ещё далёкий от совершенства, он не мудрец, познавший истину, но лишь ищущий её (Ер., II, 4; LXXV). И признание это нельзя игнорировать или объявлять циничным. Оно дается философу очень нелегко. Важнейшей задачей самосозерцания, по мнению Сенеки, является «выявление недужных членов своего духа, требующих лечения» (XXVI). Ежевечерний самоанализ, которому по собственному признанию он подвергал себя, приводил порой философа в глубокое отчаяние. Он обнаруживал свою душу больной, с нарывами и скоплениями гноя, изъязвленную пороками, требующими лечения: «Нет, не хочу я похвал, не хочу, чтобы ты говорил: “О великий муж! Он все презрел и бежит от неистовств человеческой жизни, которую осу-

дил!" – Ничего я не осудил, кроме самого себя. И не с чего тебе приходиться ко мне в надежде на пользу. Кто рассчитывает найти здесь помощь, ошибается. Не врач, а больной здесь живет...» и добавляет: «Я не так беспечен, чтобы сам, будучи не здоров, лечить других...» (Ер., LXVIII, 8). Но всплески отчаяния проходят, и Сенека с увлечением лечит и учит и в этом видит своё главное предназначение.

Счастливые пятилетие, когда Сенека в качестве советника совсем еще молодого принцепса фактически правил Римской империей, определяя характер политического режима Нерона, закончилось для него, его близких и многих представителей римской интеллектуальной элиты катастрофой⁶. Путь компромисса, сознательно избранный Сенекой в надежде на то, что он станет творцом «просвещенного монарха», руководствующегося принципами справедливости и милосердия в отношении своих подданных, завёл его слишком далеко – в глазах своих современников и потомков он стал советником тирана, потакавшим его увлечениям и приучившим своего воспитанника к мысли, что ему всё дозволено, и что бы он ни совершил недостойного всё будет восприниматься обществом как должное, и даже бросившимся спасать Нерона после того, как тот убил свою мать (Dio Cass., LXI, 4, 2).

Вопрос об участии Сенеки в подготовке этого преступления остаётся открытым. После того как Нерон пришёл к власти между бывшими союзниками разгорелась яростная борьба за влияние на принцепса, и Сенека использовал далеко не самые благородные средства, чтобы удержать Нерона под своим контролем. В частности, он потворствовал страсти Нерона к вольноотпущеннице Акте и, по сообщению Тацита, с её помощью настраивал сына против матери (Tac. Ann., XIV, 2). Но прямого обвинения Сенеки в причастности к убийству Агриппины Тацит избегает. Говоря о совещаниях с «приближёнными» относительно способов убийства, историк не называет при этом имён (XIV, 3). Он лишь отмечает, что неприязненное отношение современников к Сенеке было вызвано письмом в сенат, которое философ составил для Нерона, и в котором утверждалось, что «её смерть послужит ко благу народа» (XIV, 11). Напротив, Дион Кассий прямо обвиняет Сенеку в причастности к убийству матери Нерона: «Сабина советовала Нерону избавиться от матери, к тому же подстрекал его и Сенека» (LXI, 12). Не рискуя принимать определённое решение по данному вопросу, скажем лишь, что написав

⁶ То направление, которое Сенека осуществлял в области внутренней политики Римской империи, свидетельствует о том, что он был талантливым и реалистичным политиком, придерживавшимся монархических взглядов. Эта тема достаточно исследована в научной литературе, и общая оценка Сенеки как прирожденного политика монархического толка, довольно единодушна. См.: Межеричский Я.Ю. Принципат Юлиев-Клавдиев в произведениях Сенеки // Из истории античного общества. Горький, 1979. С. 95-109; Буасье Г. Оппозиция при цезарях / Пер. В.Я.Яковлева. под ред. Э.Д.Фролова. СПб., 1993. С. 89; Thornton M.K. The Augustan tradition and Neronian Economics // ANRW II. 2, p. 149-175.; Bergener A. Die Führende Senatorenschicht im Frühen Prinzipat. Bonn, 1965. S. 30.; Griffin M. T. Seneca. P. 389.

подобное письмо, Сенека переступил черту допустимого на своём пути компромисса. И, очевидно, он это осознавал, иначе отчего такие всплески отчаяния и слова о «гноя в сердце»?

Смерть префекта преторианской гвардии Бурра, верного сподвижника Сенеки, стала и началом его падения. Тацит пишет, что на Сенеку сразу же посыпались всевозможные обвинения, что он мол обладает огромным состоянием, превышающим меру состояния частного лица, домогается расположения граждан, осуждает образ жизни Нерона и стремится к тому, чтобы всё, что совершается в государстве достойного одобрения, считалось исходящим от него (Тас. Анн., XIV, 52, 1-3). Осведомлённый об этих обвинениях, Сенека добивается встречи с Нероном и просит принцепса отпустить его на покой и забрать у него все огромные богатства, которые тот подарил своему наставнику и советнику. Очевидно, именно данный эпизод из жизни философа имеют в виду следующие строки из письма к Луцилию: «А велика ли доблесть уйти, когда тебя выбрасывают за дверь? Впрочем, и тут есть доблесть: если ты будешь выброшен, будто сам уходишь» (Ер., LIV, 7).

После разговора с Нероном у Сенеки уже не могло оставаться сомнений в своей дальнейшей судьбе: «Немногим удалось мягко сложить с плеч бремя счастья; большинство падает вместе с тем, что их вознесло» (Ер., LXXIV). И все же слабая надежда оказаться среди этих немногих, очевидно, теплилась в душе наставника императора: «Никто не сцепится с уходящим врукопашную, никто не ударит удаляющегося: вся свалка – вокруг добычи» (LXXIV, 18). Он спешит заверить своего бывшего ученика в том, что его единственная цель – жить праведно и он будет чтить Нерона за предоставленную ему возможность наслаждаться досугом: «Ошибаются те, кто утверждает, что философы презирают царей и всех тех, кто управляет общественными делами. Наоборот, люди, чья высокая цель жить праведно – недостижима без общего спокойствия в государстве, непременно будут чтить как отца подателя этого блага» (Ер., LXXIII, 1). Он не единожды повторяет эту мысль, заверяя своего воспитанника в искренней преданности и лояльности: «А человек чистосердечный и порядочный, который покинул курию и форум и отошел от государственных дел ради более важных, любит тех, чья охрана даёт ему такую возможность» (Ер., LXXIII, 4).

В то же время мы слышим голос глубоко разочарованного человека, осудившего самого себя за то, что запутался в делах сомнительных и ненадежных, навязанных честолюбием (Ер., XXII, 8). Анализируя тот поворотный момент в своей жизни, который сделал его самым могущественным человеком в империи, Сенека приходит к выводу, что именно честолюбие, стало причиной того, что он не сумел отличить дары фортуны от ее козней. Заворожённый перспективой стать тем самым философом у трона, образ которого был создан Платоном, он был пойман «на приманку сладкой надежды». Решив, что судьба посылает ему счастливую возможность претворить в жизнь мечту великого философа (ведь это была та самая идеальная ситуация, о ко-

торой писал Платон: ему был доверен мальчик, из которого он мог вылепить идеального правителя!), он, «возомнив будто добыча в (его) руках», сам стал добычей «вымазанных птичьим клеем благодетелей» (Ер., VIII, 3).

В 65 г. был раскрыт заговор Пизона – самое крупное выступление сенаторской оппозиции в период правления императоров династии Юлиев-Клавдиев. Он имел следствием гибель многих представителей римской интеллектуальной элиты, в том числе и Луция Аннея Сенеки. Несмотря на то, что причастность философа к заговору Пизона остаётся вопросом спорным, он, на наш взгляд, является центральной фигурой в истории его формирования, прежде всего, в силу той выдающейся роли, которую он играл в жизни римского общества.

Тацит сообщает, что ещё в 62 году, когда на советника Нерона после смерти Бурра посыпались многочисленные обвинения, некий Роман выступил с доносом о заговоре Сенеки и Пизона, но Сенеке удалось отклонить обвинение. Следующий донос оказался для него роковым: о его причастности к заговору заявил схваченный одним из первых заговорщиков Натал. Тацит говорит, что причастность Сенеки к заговору не была доказана, так как кроме Натала никто из схваченных заговорщиков обвинение не поддержал, да и свидетельство самого Натала, пишет Тацит, было весьма туманным. Он говорил, что был послан Пизоном к Сенеке спросить, почему тот не допускает Пизона к себе. Сенека, якобы, в ответ указал на опасность частого обмена мыслями в беседах с глазу на глаз, прибавив, что «впрочем его спокойствие зависит от благополучия Пизона» (Ann., XV, 60, 3). Сенека во время допроса не отрицал разговора с Наталом в целом, кроме последней фразы, заявив, что «у него не было никаких причин подчинять своё благоденствие благополучию частного лица» (Ann., XV, 61, 1). Переданный Тацитом разговор между Наталом и Сенекой вызывает сильное подозрение, что Сенека был осведомлён о существовании заговора и именно потому прекратил общение с Пизоном, с которым ранее был дружен. Но что ещё более заставляет предполагать осведомлённость Сенеки о существовании заговора, так это активное участие в нём его племянника Лукана, знаменитого поэта, введенного в своё время философом в круг друзей Нерона. Гастон Буасье определяет именно его как «знаменосца» заговора.⁷ Однако, будучи опытным царедворцем и государственным деятелем Сенека не мог не знать истинную цену Пизона и его единомышленников и, вероятно, старался держаться в стороне от происходящих событий. В рассказе о заговоре Пизона Тацит в целом даёт негативную характеристику всем его участникам.

До раскрытия заговора они медлили и откладывали момент решительно-го выступления, после раскрытия заговора вели себя трусливо и подло, стремясь купить себе жизнь любой ценой, не щадя ни друзей, ни ближайших родственников. Ничтожество заговорщиков Тацит намеренно подчеркивает рассказом о мужественном поведении Эпихариды, которая, перенеся мучитель-

⁷ Буасье Г. Оппозиция при Цезарях, с. 238.

ные пытки, покончила с собой, не выдав ни одного имени (Ann., IV, 57). Самым энергичным участником заговора, выказавшим деятельный характер и высокую твердость духа оказалась женщина вольноотпущенница.

Вторую, менее значительную по численности группу заговорщиков составляли офицеры преторианской гвардии во главе с префектом Фанием Руфом. По свидетельству Диона Кассия именно с префектом преторианской гвардии Фанием Руфом Сенека составил заговор против Нерона (LXII, 24, 1). Душой военной группы заговорщиков и самым решительным её участником был трибун преторианских когорт Субрий Флав. Именно он ещё в 64 году дважды выказывал намерение убить Нерона, и уже после раскрытия заговора, присутствуя на допросе, снова проявил готовность убить императора, но был остановлен Фанием Руфом. Приведённая Тацитом речь Флава, обличающая Нерона и произнесённая им уже после ареста может рассматриваться как политическое кредо большинства римской знати. В ней отчетливо проступает образ идеального правителя, созданный наставником и советником Нерона Сенекой в его трактате «О Милосердии». Право истинного правителя на власть должно быть обеспечено его моральными качествами. Он должен быть достойным любви народа, не нарушать законов и обычаев Рима.

Знал ли Сенека о существовании этой группы заговорщиков и об их планах вручить ему верховную власть? Создавая свой автопортрет, Сенека представляет себя человеком деятельным и мужественным: «Мужеством я уподобляюсь тому, кто ищет, где бы испытать себя, кто хочет показать свою доблесть. Мне хочется, чтобы было над чем взять верх, над чем закалить терпеливость» (Ер., LXIV, 2-5). Кроме того, «честолюбие одолевает», и есть одно любопытное замечание: «ведь какую бы малость я не имел, денег на дорогу у меня остается больше, чем самой дороги, — особенно с тех пор, как я вступил на такой путь, по которому нет необходимости пройти до конца» (LXXVII). На какой путь намекает в этом письме к Луцилию философ? Ответов на данный вопрос может быть два — либо имеется в виду путь, приведший его к вершинам власти, либо участие в заговоре. Однако последний вариант представляется менее вероятным. Хотя Сенека и признаётся, что его продолжает одолевать честолюбие, последнее имело мало общего с властолюбием. Его амбиции простирались гораздо выше — он мечтал о славе философа, претворившего в жизнь идеал в качестве наставника и советника. Свой уход из ближайшего окружения Нерона он воспринимал не как личную катастрофу, а как досадную неудачу, обусловленную неблагоприятными обстоятельствами. Себя же он считал человеком, стоящим «выше своих обстоятельств», не теряющим величия ни при каких поворотах судьбы, как благоприятных, так неблагоприятных (Ер., XXXVI, 6). Если невозможно служить конкретному государству, то всегда есть возможность заняться более важными делами — «божественными и человеческими» (Ер., XXXI, 11). О многом также говорят настойчивые заверения Сенеки в лояльности и даже любви к тому, кто является гарантом такой возможности.

В письмах к Луцилию Сенека большое внимание уделяет теме смерти и права мудреца на самоубийство. Совершенно очевидно, что это внимание обусловлено не только тем значением, которое данному вопросу придавали создатели стоической философии, и даже не тем, что он жил в эпоху, когда в высших кругах римского общества было создано своеобразное искусство умирать. Эта тема имела для него глубоко личное значение. Надежды на то, что ему удастся мирно наслаждаться ученым досугом было очень мало, поэтому Сенека готовил себя к смерти. Призыв, обращенный к Луцилию – это призыв в первую очередь к самому себе: «Размышляй о смерти. Кто научился смерти, тот разучился быть рабом. Он выше всякой власти, и уж наверняка вне всякой власти» (Ер., XXIV, 10). Это важно для Сенеки – ощутить себя свободным, вознесшимся над властью, когда стала очевидной угроза, исходящая от Нерона. Размышляя, не поторопиться ли ему отпустить себя на волю, он в конечном итоге приходит к убеждению, что «глупо умирать от страха смерти. Пусть придет убийца – ты жди! Зачем ты спешишь навстречу? Зачем берешь на себя дело чужой жестокости?» (Ер., LXX). «Ты обязан умереть стоя, непобеждённым», – приказывает себе философ (Ер., XXXVII, 2). Именно так и умер Луций Анней Сенека, по свидетельству Тацита (Ann., XV, 62).

О своём времени Луций Анней Сенека написал, что оно не хуже и не лучше прошедших и будущих поколений: «Посему скажем в заключение, что вина не должна падать на наш век. И предки наши жаловались, и мы жалуемся, да и потомки наши будут жаловаться на то, что нравы развращены, что царит зло, что люди становятся все хуже и беззаконнее. Но все эти пороки остаются теми же и будут оставаться, подвергаясь только незначительному изменению, подобно тому как море далеко разливается во время прилива, а при отливе снова возвращается в берега». (De vita beata, X, 4, 6). Потомкам же Сенека оставил высший нравственный принцип – «Человек – предмет для другого человека священный». (Ер., XCV, 33).

О себе же в одном из писем к Луцилию он сказал: «Начало в нашей власти, что выйдет – решать фортуне, но над собой я не признаю ее приговора».



Гней Юлий Агрикола. Этапы карьеры и взаимоотношения с властью

Гней Юлий Агрикола, один из самых талантливых полководцев и способных государственных деятелей в Риме I в. н. э., зятем которого был великий Тацит, написавший его биографию, жил не в самую простую и безопасную из эпох. Родился Агрикола 13 июня 40 г., а умер 23 августа 93 г. (Тас. Agric., 44). Это было время, когда принципат Августа, представлявший собой по существу режим личной власти императора, несколько завуалированной республиканскими формами правления (сенат, магистратуры и еще теплившееся народное собрание), при его преемниках (сначала – при династии Юлиев–Клавдиев, затем – при династии Флавиев) приобретал все более ярко выраженные монархические черты.

Хотя республиканские институты не играли сколько-нибудь значительной роли в реальной политической жизни Рима I в. н. э., существуя скорее для видимости, однако в обществе еще были живы воспоминания о республике и свободе; и оппозиция¹ от эпиграмм, сатирических стихов, памфлетов, скрытых намеков, направленных против власти Цезарей, которые содержались в литературных произведениях (например, в трагедиях Сенеки), публично читавшихся в декламационных залах, иногда переходила к открытым заговорам. В связи с этим для упрочения нового, авторитарного режима императоры должны были прибегать к мерам принуждения.

Как известно, для создания юридической базы, которая обусловила бы законность применения репрессивных методов борьбы императорской власти с республиканской оппозицией, был использован старинный республиканский закон 103 г. до н. э. об оскорблении величия римского народа (*lex laesae maiestatis*), который еще при Августе был перенесен на особу императора и создал прекрасную возможность для преследования всех элементов, оппозиционных новому режиму, когда обвинение в оскорблении величия императора (*crimen laesae maiestatis*) могло последовать за любые действия или даже

¹ Г. Буассье, задаваясь вопросом, что представляла собой оппозиция императорской власти в Риме I в. н. э., и тщательно исследовав ситуацию в римском мире, установил, что оппозиции не было ни в армии, ни в провинциях, ни в муниципиях, так как они только выиграли от введения нового порядка. Очаги недовольства находились в самом Риме, где оппозиционерами были представители аристократического сословия, еще питавшегося республиканскими традициями (Буассье Г. Оппозиция при Цезарях. Перевод с фр. В. Я. Яковлева / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1993. С. 13–93).

высказывания, направленные против императора или членов его семьи². Закон об оскорблении величия стал широко применяться при преемниках Августа, превратившись в инструмент террористической политики, которая проводилась для подавления или предупреждения любой оппозиции.

Тиберий, непосредственный преемник Августа, после 24 г. (когда было подавлено восстание Такфарината в Нумидии, раскрыт большой заговор рабов в Южной Италии и император усилил военное начало в империи) и особенно после 31 г. (когда был казнен всесильный временщик, префект претория Сеян, готовивший захват императорской власти) начал все увеличивать и увеличивать число судебных разбирательств по обвинениям в оскорблении величия, заканчивавшихся ссылками, конфискациями имущества, казнями подсудимых, а также самоубийствами тех, кто, не дожидаясь конца судебного процесса и приговора, предпочитал добровольно уйти из жизни³.

Калигула сочетал свои сумасбродные затеи, обусловленные неуравновешенностью психики и стремлением сделать свою власть абсолютной, напоминающей власть эллинистических восточных монархов, с процессами по обвинениям в оскорблении величия, целью которых было как раскрытие заговоров, направленных против императора (реальных и мнимых), так и пополнение растраченной им государственной казны конфискованным имуществом побежденных.

Принципат Нерона после первого пятилетнего периода его либерального правления так называемого «Золотого пятилетия Нерона», когда им руководили префект претория Афраний Бурр и его воспитатель Сенека, затем превратился в вакханалию разгула низменных страстей, безумной расточительности, приведшей к финансовому хаосу, отвратительного доносительства и бесчисленных судебных процессов по обвинениям в оскорблении величия, рассказывая о которых, античные историки создают картину безудержного тотального террора, повергшего в ужас все население Рима.

Как время тотального террора предстает также в изложении античных авторов вторая половина принципата Домициана, когда после подавления мятежа Сатурнина (88 г.) опять возобновлены были процессы об оскорблении величия. По наветам доносчиков (*delatores*), на которых, в отличие от Веспасиана и Тита, опирался Домициан и услуги которых он щедро вознаграждал, были обвинены и казнены многие сенаторы, а имущество казненных конфисковано, изгнаны философы из Рима; репрессиям подверглись даже члены императорской семьи.

Правда, императорский террор не шел сплошным потоком в течение всего I в. н. э., бывали периоды затишья: первые несколько месяцев принципата Калигулы, когда он правил в согласии с сенатом; «Золотое пятилетие Неро-

² Гримм Э. Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. 1. Римская императорская власть от Августа до Нерона. СПб., 1900. С. 219–222; 227–231; Буассье Г. Оппозиция при Цезарях. С. 344; Ковалев С. И. История Рима / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Изд. 2. Ленинград, 1986. С. 509.

³ Kurt von Fritz. Tacitus, Agricola, Domitian and the Problem of the Principate // *Classical Philology*. Vol. 52. 1957. P. 89.

на»; смягчение террористического режима при Клавдии, когда жертвами репрессий были только участники заговоров; относительно спокойные принципы Веспасиана и Тита, отличавшихся взвешенной политикой, согласием с сенатом. Однако сообщения античных авторов (особенно Тацита) – о жестокости и зверствах императоров, проводивших политические репрессии, о грязных наветах доносчиков, выдвигавших подчас нелепые, фантастические обвинения, о какой-то ужасающей безропотности, с которой обвиняемые, даже не дождавшись конца судебного процесса и вынесения приговора кончали с собой, о кажущемся бесконечным числе жертв (при том, что дошедший до нас список не полон)⁴ – создают впечатление, что спокойствие, наступавшее в периоды затишья, было кратковременным, хрупким и ненадежным, а в целом это была «эпоха террористического режима»⁵.

Трагические события римской истории I в. н. э. не обошли стороной Агриколу и его семью. Отец Агриколы, сенатор Юлий Грецин, которого Тацит характеризует «как красноречивого оратора и философа», был казнен Калигулой за то, что отказался выступить с обвинительной речью против Марка Силана, отца первой жены императора (Тас. Agric., 4). У его матери, Юлии Проциллы, было наследственное поместье в Интимилии (в Лигурии), где ее и убили во время Гражданской войны 68–69 гг. моряки из флота Отона, слонявшиеся по побережью и разграбившие Интимилий, по словам Тацита, так, «как если бы то была вражеская страна» (Agric., 7).

Родиной Агриколы была колония Форум Юлия в Нарбоннской Галлии (Прованс): Агрикола родился и жил там в раннем детстве с матерью после смерти отца. В юности он получил философское образование в Массалии. Стоическая философия была широко популярна в римском обществе I в. н. э., являясь питательной средой для проникнутой республиканскими воспоминаниями оппозиции в разных ее проявлениях. Стоический идеал внутренней свободы человека, полной независимости от внешних обстоятельств мог быть истолкован по-разному.

С одной стороны, людям, измученным жизнью в постоянном страхе перед непредсказуемыми проявлениями террористического режима, перед императорскими репрессиями, отстраненность от политики, уход во внутреннюю жизнь казались спасением, единственным возможным проявлением внутренней свободы. Впрочем, как справедливо заметил К. В. Вержбицкий, «пресловутая внутренняя свобода на практике оказывалась лишь свободой уйти из жизни»⁶. Имея в виду такую трактовку идей стоической философии, Г. Буассье утверждал, что оппозиция философов против Цезарей носила не столько политический, сколько моральный характер: «Она не осмеливалась

⁴ Гримм Э. Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. 1. С. 286.

⁵ Ковалев С. И. История Рима. С. 504.

⁶ Вержбицкий К. В. Гней Юлий Агрикола (историко-психологический этюд) // Университетский историк. № 2. Исторический факультет СПбГУ. 2003. С. 40.

выливаться в определенных и прямых действиях и никогда не шла дальше молчания и воздержания»⁷.

С другой стороны, права М. Гриффин, замечая, что стоическая доктрина вдохновляла людей, занимавших активную позицию в неприятии императорского режима, и даже вдохновляла самое радикальное крыло оппозиции⁸. Идея стоиков о неуязвимости мудреца по отношению к внешним обстоятельствам давала смелость приверженцам стоической философии требовать от самих себя и от других неукоснительного следования бескомпромиссным стандартам мужественного поведения и смело критиковать любое уклонение от этих стандартов. Мужественный идеал стоиков, требовавший настойчивости в исполнении долга, подчинения личности тому, что является должным и необходимым, близко напоминал старинные республиканские идеалы аристократического сословия, воспитанного на уважение к старым традициям и легендарным предкам, жертвовавшим всем для блага родного государства (*mos maiorum*). В связи с этим, стоицизм, хотя и не занимая определенной политической позиции, мог наложить отпечаток республиканского свободолюбия на фразеологию и манеру поведения сенатора, приверженца стоической философии. Такой сенатор мог назвать принцепса, злоупотреблявшего своей властью, тираном, непригодным к управлению государством, мог, отказываясь забыть о преступлениях императора, покинуть заседание сената в знак протеста, как поступил благородный Тразея Пет, когда в 59 г. н. э. весь сенат раболепствовал перед Нероном после убийства его матери Агриппины (Тас. *Ann.*, XIV, 12). Как известно, позднее Тразея стал одной из последних жертв Нерона, а впоследствии был объявлен стоическим мучеником (Тас. *Ann.*, XVI, 21–35)⁹.

Император Марк Аврелий, выдающийся представитель стоической философии, в то же время до конца исполнявший свой долг принцепса, стоявшего во главе государства в грозные годы надвигавшегося кризиса III в., считал благом для себя, что он «... узнал о Тразее, Гельвидии, Катоне, Дионе и Бруте и возымел представление о государстве, которым правят в духе равенства и равного права на речь, с законом, равным для всех, также о единовластии, которое всего более почитает свободу подданных» (М. *Aug. Med.*, I, 14 – пер. А. К. Гаврилова). Марк Аврелий, перечисляя героев стоицизма, помимо Тразеи Пета и его зятя Гельвидия Приска, изгнанного из Рима при Нероне и казненного при Веспасиане¹⁰, называет имена таких активных борцов с тиранией, как Катон Младший, бывший, как известно, активным республиканцем и покончивший с собой после разгрома помпеянцев, Дион из Сиракуз, ученик и друг Платона, боровшийся против сиракузского тирана Дионисия II и убитый в 356 г. до н. э., и, наконец, Брут – убийца Цезаря.

⁷ Буассье Г. Оппозиция при Цезарях. С. 92.

⁸ Griffin M. *The Flavians* // *CAH*. Vol. XII. Ed. 2. Cambridge, 2008. P. 42.

⁹ Griffin M. *Tiberius to Nero* // *CAH*. Vol. XI. Ed. 2. P. 244; Буассье Г. Оппозиция при Цезарях. С. 91.

¹⁰ Griffin M. *The Flavians*. P. 44–46.

Именно эти герои вдохновляли радикальное крыло оппозиции императорскому режиму в Риме I в. н. э. В «Истории» Тацита Эприй Марцелл, которого вернувшийся в Рим из ссылки Гельвидий Приск обвинял в сенате в том, что по его доносу казнили Тразею Пета, восклицает: «Пусть Гельвидий равняется мужеством и доблестью с Катонами и Брутами; я – всего лишь один из членов этого сената, пресмыкавшийся и унижавшийся вместе со всеми» (Tac. Hist., IV, 8 – пер. Г. С. Кнабе). Как замечает М. Гриффин, тем, «кто следовал за Брутом и Кассием», естественно, приходила в голову мысль о тираноубийстве¹¹. Неудавшейся попыткой воплотить ее в жизнь был заговор Пизона (65 г.), участником которого (среди них были и философы–стоики) имели в виду убийство Нерона. Однако, как известно, заговор был раскрыт, многие участники его были казнены, другие же покончили с собой.

У. Либешютц замечает, что, когда эти активные борцы за свободу выступали в сенате, то, с одной стороны, они стремились с честью и достоинством, в соответствии с республиканскими идеалами, исполнять свой долг римских граждан и сенаторов, но, с другой стороны, ими двигала жажда славы. Он приводит примеры, подтверждающие эту точку зрения¹². Тацит сообщает, что, когда в 62 г. в сенате рассматривалось дело претора Антистия, обвиненного в оскорблении величия, и ему был вынесен смертный приговор, Тразея воспротивился этому решению сената и не изменил своего мнения, несмотря на явное неудовольствие Нерона, «в силу всегдашней твердости духа (*sueta firmitudine animi*) и чтобы не уронить себя в общем мнении (*et ne gloria intercideret*)» (Ann., XIV, 49 – пер. А. С. Бобовича).

Когда сенат принял постановление о смертном приговоре Тразее, он советовался с ближайшими друзьями, стоит ли ему явиться в сенат и попытаться себя защитить или даже и не предпринимать такой попытки. «На этом совещании, – говорит Тацит, – присутствовал Арулен Рустик, молодой человек пылкого нрава (*flagrans iuvenis*); увлекаемый стремлением к славе (*cupidine laudis*), он заявил, что воспротивится сенатскому постановлению, – в то время он был народным трибуном» (Ann., XVI, 26 – пер. А. С. Бобовича). Относительно Гельвидия Приска Тацит замечает, что «некоторые считали чрезмерным его стремление к славе (*erant quibus adpetentior famae videretur*)» (Hist., IV, 6 – пер. Г. С. Кнабе).

Любопытно, что, сообщая о начальной стадии философских занятий Агриколы, Тацит называет те же самые побудительные мотивы стремления юного Агриколы к постижению философского знания, которые заставляли действовать стоических мучеников. «Его возвышенный и порывистый ум, – пишет Тацит, – и в самом деле домогался с неосмотрительной и безрассудною страстностью великолепия и блеска огромной и всезатмевающей славы (*Scilicet sublime et erectum ingenium pulchritudinem ac speciem magnae excelsaeque gloriae vehementius quam*

¹¹ Ibid. P. 43.

¹² Liebeschuetz W. The Theme of Liberty in the Agricola of Tacitus // The Classical Quaterly. Vol. 16. 1966. P. 168.

caute adpetebat)» (Agr., 4 – пер. А. С. Бобовича). Таким образом, Агрикола, несомненно, знакомый с мужественным, республиканским вариантом идеала стойков, по-юношески честолюбивый и жаждущий славы, вполне мог примкнуть к радикальному крылу оппозиции императорскому режиму.

Однако Агрикола не пошел по этому пути. По словам Тацита, благоразумие матери (*prudentia matris*), следившей за его образованием, а в дальнейшем «размышления и годы его образумили, и он, что труднее всего, удержался в пределах мудрой умеренности (*Mox mitigavit ratio et aetas, retinuitque, quod est difficilium, ex sapientia modum*)» (Agr., 4 – пер. А. С. Бобовича). С тех пор, согласно Тациту, умеренность (*moderatio*) и мудрая предосторожность (*prudentia*) стали характернейшими чертами личности Агриколы, проявлявшимися на протяжении всей его жизни во всех его поступках и на всех этапах его карьеры.

У. Либешютц, проследивая эти, столь ценимые Тацитом, качества Агриколы по всей его биографии, приходит к выводу, что со стороны Агриколы это было обдуманное и последовательное стремление остаться в тени, не оказаться в центре внимания, что позволило ему избежать зависти и враждебности и тех, кто был выше, и тех, кто был ниже по положению в обществе, и более всего самого императора (на последнем этапе карьеры Агриколы – это был Домициан)¹³. Здесь явно чувствуется влияние основного постулата стоической доктрины о внутренней свободе человека и независимости от внешних обстоятельств, истолкованного как отстраненность от политики, уход во внутреннюю жизнь. Это, как мы видели, был идеал пассивной оппозиции стойков императорскому режиму, о которой Г. Буассье говорил, что она носила моральный, а не политический характер.

В заключительной части биографии Агриколы, в замечательном отрывке, Тацит сравнивает жизнь и судьбу Агриколы с судьбами стоических мучеников, знаменитых представителей активной оппозиции: «... Благоразумная умеренность Агриколы смягчила его (Домициана – Н. Ш.), ибо тот не искал славы и не искушал судьбы ни непреклонностью, ни выставлением напоказ своей независимости. И да будет ведомо тем, у кого в обычае восторгаться недозволенной дерзостью по отношению к наделенным верховною властью, что и при дурных принципах могут существовать выдающиеся мужи и что послушание и скромность, если они сочетаются с трудолюбием и энергией, достойны не меньшей славы, чем та, которую многие снискали решительностью своего поведения и своею впечатляющей, но бесполезной для государства смертью» (Agr., 42 – пер. А. С. Бобовича).

У. Либешютц замечает, что своим вызывающим сравнением с мучениками, героями радикальной оппозиции, Тацит переносит похвалу Агриколе, которая является лейтмотивом его биографии, из частной сферы в общественную и превращает жизненные принципы Агриколы в идеал общественного значения. Оппозиционные сенаторы своими выступлениями и манерой поведения неизбежно привлекали внимание к самим себе и к своему идеалу и достигли

13 Liebeschuetz W. The Theme of Liberty in the Agricola of Tacitus. P. 126.

славы мученической смерти. Однако, по мнению Тацита, такая слава не приносит никакой общественной пользы. Агрикола же, держась «в тени», трудился на благо общества и государства и приобрел славу на этом поприще общественного служения. В связи с этим, по мысли Тацита, жизни и карьеры таких людей, как Агрикола, заслуживают такого же восхищения, как и жизни активных борцов за свободу, и, кроме того, вызывают желание подражать им¹⁴.

Начальный этап служебной карьеры Агриколы пришелся на последнюю декаду принципата Нерона. Его карьера началась с военной службы. Еще по указу Августа, считавшего военную службу подготовительной школой к политической деятельности, сыновья сенаторов направлялись в войска в звании военного трибуна. Так и Агрикола в звании военного трибуна был послан в Британию, с которой затем оказалась связанной большая часть его военной и административной деятельности. Он произвел хорошее впечатление на тогдашнего британского наместника Светония Паулина (59–61 гг.), который взял его в свою ставку, где Агрикола и проходил военную службу, принимал участие в военной экспедиции на остров Мону (о. Англси) и в подавлении восстания Боудикки.

Нужно сказать, что Агриколе повезло с командиром: Светоний Паулин обладал как раз теми качествами, которые стремился приобрести и молодой человек. Он подавал Агриколе пример умеренности (*moderatio*): Тацит называет Светония Паулина «полководцем деятельным и осторожным – *diligenti ac moderato duci*» (*Agric.*, 5). По словам Тацита, Агрикола в отличие от большинства знатных юношей, превращавших военную службу в непрерывный разгул, стремился как можно лучше узнать административную жизнь провинции, обычаи и нравы местных жителей острова; военные поручения командования выполнял осмотрительно и вместе с тем отважно и приобрел популярность в войсках римского гарнизона, стоявших в Британии (*Agric.*, 5).

После этих успехов юным Агриколой, несмотря на всю его умеренность и осмотрительность, овладело желание боевой славы (*militaris gloriae cupido*). Сообщив это, Тацит добавляет, что боевая слава была «весьма неблагодарна в те времена, ибо все выдающиеся люди подозревались в самых злых намерениях и благожелательная молва в городе была чревата не меньшей опасностью, чем дурная» (*Agric.*, 5 – пер. А. С. Бобовича). В этих словах Тацита видят намек на судьбу знаменитого полководца Домиция Корбулона, который, завершив победоносный поход против парфян, навлек на себя подозрения Нерона и был вынужден покончить с собой¹⁵.

Вернувшись из Британии в Рим, Агрикола собирался делать обычную политическую карьеру римского аристократа, начав восхождение по служебной лестнице гражданских государственных магистратур. Однако сначала он

14 Liebeschuetz W. Ibid. P. 130.

15 Бобович А. С. Комментарий к «Жизнеописанию Агриколы» // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. / Изд. подготовили А. С. Бобович, М. Е. Сергеев, Я. М. Боровский. Т. 1. Анналы. Малые произведения. Ленинград, 1969. С. 430.

удачно женился на Домиции Децидиане, девушке знатного рода, происходившей, вероятно, из тех же самых провинциальных кругов, что и сам Агрикола. Полагают, что она была дочерью сенатора из Нарбоннской Галлии Домиция Децидия, которому покровительствовал император Клавдий¹⁶. Этот брак обеспечил Агриколе влиятельную поддержку, что было важно для молодого человека, только что начавшего свою карьеру. Жена родила Агриколе сына, умершего во младенчестве, и дочь, которая впоследствии вышла замуж за Тацита, ставшего в будущем биографом Агриколы.

Первой государственной должностью Агриколы была выпавшая ему по жребию квестура в провинции Азии, которую он исполнил, по свидетельству Тацита, с безупречной честностью (Agric., 6), несмотря на то, что проконсул провинции Сальвий Тициан, отличавшийся неимоверной алчностью и беззастенчиво грабивший богатую провинцию, предлагал взять его в долю и закрыть глаза на любые злоупотребления. «Но, – говорит Тацит, – ни тем, ни другим (ни богатством провинции, ни посулами проконсула – Н. Ш.) он подкуплен не был (*neutro corruptus est*)» (Agric., 6).

Когда Агрикола был избран народным трибуном, то он не стал заниматься активной политической деятельностью: «Год своего трибуната, – пишет Тацит, – он прожил в покое (*quiete*) и в стороне от общественных дел (*otio*), ибо хорошо понимал, что в обстоятельствах, сложившихся при Нероне, благоразумнее всего ни во что не вмешиваться» (Agric., 6 – пер. А. С. Бобовича).

В той же манере Агрикола вел себя, когда был избран претором. «Так же вел он себя и так же молчал и в бытность претором (*idem praeturae et silentium*), – замечает Тацит, – ведь на его долю не выпало отправление правосудия» (Agric., 6 – пер. А. С. Бобовича). Дело в том, что еще при Юлии Цезаре, а затем при первых принцепсах число преторов значительно увеличилось, так что некоторые, избранные на эту должность, освобождались от своих прямых судебных обязанностей. Зато преторы должны были проводить общественные игры, устройство которых, изначально возглашавшееся на эдилов, Августом было передано преторам. Агрикола, проводя общественные игры в качестве претора, придерживался свойственного ему принципа умеренности. По словам Тацита, «проводя игры ... он соблюдал середину между расчетливостью и расточительностью и чем дальше держался от роскоши, тем большее одобрение находил в народе» (Agric., 6 – пер. А. С. Бобовича).

Неподкупная честность Агриколы, его осторожность и тактичность при исполнении административных функций были замечены; и во время кратковременного принципата Гальбы ему было дано новое поручение – произвести ревизию хранившихся в храмах даров от государства и частных лиц, которые чрезвычайно уменьшились в связи с тем, что после пожара Рима в 64 г. н. э. Нерон изъял храмовые сокровища, чтобы отстроить Рим и свои дворцы (Tac. Ann., XV, 45). Агрикола провел тщательное расследование и

¹⁶ Richmond I. A. Gnaeus Iulius Agricola // The Journal of Roman Studies. Vol. 34. 1944. P. 35.

«добился, что государство не потерпело ущерба от каких-либо иных святотатств, кроме Нероновых (Agric., 6 – пер. А. С. Бобовича)».

В следующем году (69 г.), когда Агрикола после смерти матери, погибшей в хаосе гражданской войны, разразившейся после падения принципата Нерона, ехал на похороны, в пути он получил известие о притязаниях Веспасиана на верховную власть в государстве. По словам Тацита, Агрикола, не колеблясь, присоединился к сторонникам Веспасиана, сделав верный выбор (Agric., 7)¹⁷. И.А.Ричмонд высказал мысль, что к этому решению его не в последнюю очередь подтолкнуло убийство его матери¹⁸.

В это время в Риме, ввиду отсутствия Веспасиана, порядок и спокойствие поддерживал заменявший императора легат Сирии Лициний Муциан, один из инициаторов большого военного заговора, приведшего Веспасиана к власти¹⁹. Когда Агрикола прибыл в Рим, Муциан поручил ему произвести набор войска, что тот и выполнил «честно и успешно (*integre ac strenue*)» (Agric., 7). После этого Муциан назначил его командиром Двадцатого легиона, который медлил принести присягу на верность Веспасиану и которого не смогли заставить это сделать назначенные для этой цели ранее Агриколы ни легат в ранге претора, ни легаты в консульском ранге. Агриколе было предписано наказать непокорный легион. Однако «Агрикола, – говорит Тацит, – проявив исключительную умеренность (*rarissima moderatione*), предпочел сделать вид, будто нашел воинов готовыми к повиновению, а не принудил их стать таковыми» (Agric., 7 – пер. А. С. Бобовича).

Таким образом, проявив свои способности в деле не только гражданского, но и военного администрирования, Агрикола оказался в Британии в ранге легата Двадцатого Валериева Победоносного легиона, который со времен Клавдия размещался именно в Британии. Это назначение было очень важной ступенью в карьере молодого сенатора: когда-то, еще при Клавдии, с легионного командования в Британии сам Веспасиан начинал свое восхождение к высшим военным и государственным должностям (Suet. Div. Vesp., 8). Однако обстоятельства, казалось, не благоприятствовали Агриколе. В это время наместником в Британии был Веттий Болан, человек мягкий и безынициативный. Тогда Агрикола с характерной для него мудрой осторожностью умирил свой пыл, который он обычно проявлял в военных кампаниях, чтобы не слишком выделяться. Тацит говорит, что он вел себя как человек «привыкший к повиновению и умевший сочетать полезное с честным (*peritus obsequi utilia honestis miscere*)» (Agric., 8 – пер. А. С. Бобовича).

Когда вскоре в Британию был назначен новый наместник Петилий Цериал, проводивший активную военную политику, Агрикола принял участие в войне Цериала против кельтского племени бригантов, оказав полководцу большую помощь в ведении военных действий. По словам Тацита, «снача-

¹⁷ Вержбицкий К. В. Гней Юлий Агрикола (историко-психологический этюд). С. 42.

¹⁸ Richmond I. A. Gnaeus Iulius Agricola. P. 36.

¹⁹ Waters K. H. The Second Dynasty of Rome // Phoenix. Vol. 17. 1963. P. 212.

ла Цериал делил с ним тяготы и опасности, а затем стал делиться и славою» (Agric., 8 – пер. А. С. Бобовича). Доверяя Агриколе, он отдавал ему под командование не только Двадцатый легион, но и более значительные подразделения армии в целом. Заканчивая свой рассказ о военной кампании Цериала, в которой Агрикола принимал участие, Тацит замечает, что Агрикола не распространялся о своих успехах: он их приписывал полководцу, в подчинении у которого находился. «Таким образом, – заключает Тацит, – образцовое повиновение и скромность в речах ограждали его от зависти, но не от соучастия в славе (*Ita virtute in obsequendo, verecundia in praedicando extra invidiam nec extra gloriam erat*)» (Agric., 8 – пер. А. С. Бобовича).

В награду за активное участие в британской кампании Цериала Веспасиан зачислил Агриколу в патрицианское сословие и назначил его правителем провинции Аквитании, чтобы он приобрел опыт, необходимый для провинциального наместника. Агрикола такой опыт приобрел. Например, он успешно вершил правосудие во вверенной ему провинции. Тацит замечает, что большинство военных людей не знакомо с тонкостями судопроизводства, потому что в военных лагерях правосудие осуществляется просто и скоро без проведения тщательного дотошного расследования, без использования хитроумных юридических уловок, которые были характерны для судебных процессов, происходивших на римском форуме. Однако Агрикола, благодаря свойственному ему природному здравому смыслу (*naturali prudentia*), легко вникал в самую суть гражданских исков и выносил справедливые приговоры. В качестве наместника провинции Агрикола вел себя в своей всегдашней скромной манере: он не искал славы, не выставял напоказ своих добродетелей, не заводил каких бы то ни было интриг. Он не соперничал со своими коллегами, наместниками соседних провинций, не ссорился с императорскими прокураторами (Agric., 9).

Через три года Агрикола был отозван в Рим и назначен консулом на 77 год, а затем был послан наместником в Британию (Agric., 9). Это была задача, не сравнимая по ответственности с управлением цивилизованной и мирной Аквитанией. Однако воля Веспасиана и общественное мнение назначили его на этот пост, так как считали, что он знает Британию лучше, чем кто-либо другой из всех его современников, которые уже достигли положения в иерархии государственных магистратур и возраста, необходимых для занятия этой должности.

Агрикола переправился в Британию поздним летом 77-го или 78-го г.²⁰ В руках наместника была сосредоточена большая власть: он был верховным главнокомандующим войсками, состоявшими из четырех легионов и контингентов конных и пеших вспомогательных войск, – всего 40–50 тыс. человек; высшая судебная и административная власть также находилась в его компетенции. Лишь финансовые вопросы подлежали ведению прокуратора. Военные кампании Агриколы в Британии велись в течение восьми лет; они начались при Веспасиане и продолжались при двух следующих императорах династии Флавиев – Тите и Домициане.

²⁰ Richmond I. A. Gnaeus Iulius Agricola. P. 37.

Прибыв на остров, Агрикола застал там опасную ситуацию. Незадолго до этого ордовики (племя, жившее в труднодоступном горном районе на северо-западе Уэльса – на территории Карнарвоншира и Мерионетшира)²¹ перешли границу провинции, захватили врасплох и целиком уничтожили отряд вспомогательной конницы. Существовало опасение, что волнение перекинется на другие племена и охватит запад и север Британии. В результате, значительной армией, собранной Агриколой, который стянул подразделения легионов, разбросанные по всей провинции, и добавил относительно небольшой отряд вспомогательных войск, племя ордовиков было уничтожено почти целиком.

Таким образом, племена Северного Уэльса так же, как и племена Южного Уэльса, приведенные к покорности еще Цериалом в 79 г., были подчинены Риму после того, как они сопротивлялись римскому завоеванию более четверти века, с тех пор как римляне впервые вступили на их территорию. В дальнейшем не было слышно, чтобы в этом регионе имели место какие-нибудь волнения. Впрочем, Двадцатый легион постоянно базировался в Честере (Deva). По-видимому, Агрикола и его преемники считали разумным иметь под рукой достаточно большое войско, опасаясь, что восстание местных племен опять может вспыхнуть на этих землях, так хорошо приспособленных для оборонительной войны, ведущейся в условиях горной местности.

После того, как был завоеван Уэльс, Агрикола получил возможность в следующем, 79 г., обратить внимание на север. Здесь бриганты, владения которых простирались от реки Хамбер на юге до реки Тайн на севере, разбитые пять лет назад Цериалом, еще не были покорены окончательно. Жители северных районов Британии постоянно совершали набеги на равнины Йоркшира и Южного Ланкашира, находившиеся в сфере римского влияния. Вероятно, Веспасиан имел в виду только покорение Бригантии, но он умер в июне 79 г., и для Агриколы не составило труда получить разрешение Тита идти дальше. Может быть, он хотел разорить территории селговов и новантов, поскольку эти племена, хотя и жили за пределами северной границы Британии, оказывали помощь вождю бригантов Венуцию.

Проследить маршруты шести военных кампаний Агриколы затруднительно, так как Тацит дает очень скудную топографическую информацию. О походе Агриколы 79 г. Тацит рассказывает: «С наступлением лета он собрал войско и повел его на врага; неутомимый и вездесущий в походе, он ободрял и хвалил исполнительных, подтягивал разбредавшихся и отстававших, сам выбирал места для разбивки лагеря; сам обследовал леса и затопляемые приливом низины и вместе с тем не давал врагам роздыха, внезапными набегами разоряя их земли. Но вселив в них подобающий страх, он милостивым обращением с ними показал им и привлекательность мира. Благодаря этому многие общины, ранее с ожесточением отстаивающие свою независимость, изъявили покорность, после чего были окружены нашими заставами и укреплениями, размещенными с такой предусмотрительностью и тщательностью,

²¹ Frere Sh. *Britannia. A History of Roman Britain*. London, 1967. P. 53.

что ни одна из прежде завоеванных нами частей Британии не приняла нашего господства столь же легко, как эта» (Agric., 20 – пер. А. С. Бобовича).

Ч. Оумэн замечает, что неясный язык этого текста Тацита «мучителен в высшей степени»²². Единственным указанием направления и протяженности продвижения войска Агриколы в северные районы Британии является утверждение Тацита, что Агрикола сам выбирал места расположения лагерей, сам обследовал леса и эстуарии (расширенные воронкообразные устья рек, заливаемые приливом). На основании этого свидетельства реконструируют пути следования Агриколы. По мнению Оумэна, в 79 г. Агрикола воевал с кланами бригантов, живших в районе Пеннинского горного хребта, в Нортамберланде, в Хамберланде и Уэстморленде. Эстуарии рек, которые исследовал Агрикола, были устьями рек Тиса, Тайна и Солуэя. Таким образом, граница провинции оказалась отодвинутой до линии Солуэй–Тайн и почти полностью совпадала с северной оконечностью территории бригантов. Однако Агрикола не был удовлетворен таким положением вещей. Он слышал, что в девяноста милях к северу можно было пересечь остров по более короткой линии – от устья Клайда до устья Форта – и решил перенести туда границу провинции.

В 80 г. Агрикола начал завоевывать земли, расположенные к северу от Тайна и Солуэя. «Агрикола, – говорит Тацит, – совершил поход, познакомивший нас с дотоле неизвестными племенами, ибо он разорил народы, обитавшие до Таная (usque ad Tanaum)» (Agric., 22 – пер. А. С. Бобовича). Считают, что под выражением «usque ad Tanaum» Тацит понимал устье реки Тей²³. Теперь, когда Агрикола достиг реки Тей (в районе Перта), естественная оборонительная линия, образованная двумя глубоко врезающимися в сушу заливами, представляющими собой расширенные устья рек Клайда (Клота – у Тацита) и Форта (Бодотрия – у Тацита), – осталась у него в тылу. Агрикола лично исследовал этот узкий перешеек, лежащий между заливом Ферт-оф-Клайд (у Глазго) и заливом Ферт-оф-Форт (у Эдинбурга), убедился в его природных преимуществах, и здесь было решено построить укрепления. Форты строились в 80–81 гг.; позднее по этой линии были построены пограничные лимесы, образующие вал Антонина²⁴.

Между тем, как явствует из изложения Тацита (Agric., 23, 25), в Риме между государственными деятелями шла ожесточенная дискуссия по поводу того, где следует остановиться, завоевывая северную часть Британии. Одни, которых Тацит называет «трусами», считали, что нужно ограничиться территориями, лежащими южнее линии Форт–Клайд; другие же были убеждены, что римская «миссия» состоит в том, чтобы идти дальше на север, продолжая завоевание. Победило мнение первых, потому что к нему присоединился император Тит. На основании докладов Агриколы он решил ограничиться завоеванием Южной Шотландии не только потому, что перешеек между Клайдом и

²² Oman Ch. England before the Norman Conquest. London, 1938. P. 92.

²³ Frere Sh. Britannia. P. 106.

²⁴ Shotter D. Roman Britain. Ed.2. London and New York, 2004. P. 30.

Фортом обеспечивал относительно короткую и поэтому удобную для устройства границы линию, но и потому что это была, в известном смысле, лингвистическая и культурная граница. Каледонские племена, жившие к северу от перешейка Клайд–Форт, были другого происхождения, чем британцы более южных областей. «Русые волосы и высокий рост обитателей Каледонии, – замечает Тацит, – говорят об их германском происхождении» (Agric., 11 – пер. А. С. Бобовича). Северные земли Каледонии рассматривались почти как другой остров, отличный от Британии. «Враги были отброшены как бы на другой остров», – пишет Тацит (Agric., 23 – пер. А. С. Бобовича).

В связи с таким решением императора летом 81 г. Агрикола постарался укрепиться на уже завоеванных территориях Южной Шотландии, лежащих между Солуэем и Фортом: «Лето, – говорит Тацит, – было отдано им обеспечению за нами столь стремительно занятых областей» (Agric., 23 – пер. А. С. Бобовича). Южную Шотландию занимали племена вотадинов, владения которых тянулись на восток от реки Тайн по направлению к реке Форт; селговов, живших по верхнему течению Твида; думнониев, земли которых располагались по обе стороны перешейка, образованного заливами Ферг–оф–Клайд и Ферг–оф–Форт. Нованты, жившие в Галловее, не были затронуты римскими нашествиями 80–81 гг.

На следующий год (82 г.) пришла очередь новантов, занимавших южную часть земель, входящих в состав графства Дамфрис–энд–Галловей. Хотя они были отделены от селговов дорогой, шедшей на Эннендейл, однако, враждебно настроенные, они представляли опасность не только для римских гарнизонов, располагавшихся на этой дороге, но и для камберлендского побережья, которого они достигали, пересекая залив Солуэй–Ферт (с севера на юг). Агрикола переправился через залив в обратном направлении (с юга на север), находясь на головном корабле своего флота. По словам Тацита, после многочисленных и удачных битв он разместил свое войско «в обращенной к Гибернии (Ирландии) части Британии» (Agric., 24). Таким образом, Агрикола достиг юго–западной оконечности Галловей, которая находится напротив Ирландии, и полководец полагал, что остров легко завоевать. Он приютил одного изгнанного из своей общины ирландского царя, который мог быть полезен, если бы дело дошло до похода в Ирландию. Порты Ирландии и подступы к ней были ему известны от купцов, торговавших с этой страной. «Я не раз слышал от самого Агриколы, – писал Тацит, – что силами одного легиона с приданным ему относительно небольшим количеством вспомогательных войск можно овладеть Гибернией и укрепиться на ней» (Agric., 24 – пер. А. С. Бобовича).

По поводу этого заявления Агриколы Ч. Оумэн рассуждал следующим образом. Он полагал, что оно было сделано для укрепления репутации наместника, а в действительности Агрикола никогда не сделал попытки завоевать остров. Его оценка сил, необходимых, чтобы подчинить Ирландию и занять ее римскими легионами, была им явно слишком занижена. Оумэн заметил, что для того, чтобы достичь границы по линии Тайн–Солуэй в Британии, были задействованы четыре легиона и соответствующее им число

вспомогательных войск. Ирландия поглотила бы, по крайней мере, половину этих сил, кроме большого дополнения, необходимого, чтобы укомплектовать корабли британского флота. Если бы Агрикола вторгся в Ирландию с менее значительным войском, то он был бы разбит. Если бы он взял с собой всю свою полевую армию (что было в действительности необходимо), то, без сомнения, у него в тылу восстали бы бриганты и все их северные соседи. Тогда наместник был бы вынужден вернуться в Британию не самым достойным образом и повторить всю ту работу, которую он уже выполнил в 80–82 гг. В этом случае его задача была бы гораздо труднее, чем раньше, так как он потерял бы свою репутацию непобедимого полководца²⁵. К счастью, Агрикола не совершил этой ошибки – не вторгся в Ирландию.

Интересные соображения по поводу отказа Агриколы от вторжения в Ирландию высказал Ш. Фрер. Он предположил, что Агрикола был вынужден это сделать по приказу римского правительства. Тит умер в сентябре 81 г., и новый император Домициан, на которого произвели впечатление стремительность, с которой Агрикола проводил свои военные кампании, и достигнутые им успехи, решил продолжить военное наступление в самой Британии и полагал, что настала реальная возможность закончить ее завоевание. В связи с этим он отменил предыдущее решение римского правительства остановить завоевание на линии Форт–Клайд.

По мнению Фрера, таков истинный смысл неясной ремарки Тацита: «И если бы доблесть нашего войска и слава римского имени позволили это, то в самой Британии война была бы завершена, поскольку мы вышли к ее границе» (*Agric.*, 23 – пер. А. С. Бобовича). Содержание 23 главы как будто указывает на то, что речь идет как раз об остановке на границе по линии Форт–Клайд. Однако Фрер считал, что Тацит специально завуалировал свой текст таким образом, чтобы у читателя не создалось впечатление, что Домициан, враждебность и зависть которого по отношению к Агриколе Тацит подчеркивал, мог и позволить герою его произведения начать новое наступление, которое должно было принести тому большую победу²⁶. Сам Домициан собирался отправиться на войну в Германию в 83 г., поэтому он отозвал вспомогательные войска из всех четырех британских легионов (Dessau H. ILS, 1025; 9200). Если Агрикола мог обойтись без этих сил, то ему было разрешено начать наступление на севере Британии.

Таким образом, в 83 г. решено было начать наступление на шотландские территории, лежащие к северу от линии Форт–Клайд. «Агрикола задумал покорить живущие за Бодотрией (Фортом) племена», – писал Тацит (*Agric.*, 25 – пер. А. С. Бобовича). Последняя из больших наступательных военных кампаний Агриколы пришлась на следующий (84) год. Солдаты Агриколы, воодушевленные успехами кампании предыдущего года, горели желанием завоевать всю Шотландию вплоть до самой северной ее оконечности: «Гордое добытой им славой и охваченное по этой причине боевым пылом войско на все лады толковало о том, что для его доблести не существует неодолимого и что

²⁵ Oman Ch. *England before the Norman Conquest*. P. 96.

²⁶ Frere Sh. *Britannia*. P. 109.

нужно пройти насквозь Каледонию и отыскать, наконец, хотя бы ценой непрерывных сражений, оконечность Британии» (Agric., 27 – пер. А. С. Бобовича). Агрикола послал флот курсировать вдоль восточного побережья, чтобы экипажи кораблей, высаживаясь в разных местах побережья и производя опустошение окрестностей, наводили страх на британцев и держали их в неизвестности относительно того, как далеко на север продвинется наступление Агриколы.

Римская полевая армия подошла к горе Гравпий (Graupium), на которой расположилось войско каледонцев (Agric., 29). Считают, что битва при Гравпии, в которой Агрикола одержал в 84 г. последнюю победу над британцами, происходила где-то на подступах к заливу Мари–Ферт²⁷. Победа при Гравпии была одержана, когда сезон ведения военных действий в Британии уже заканчивался, так что не было времени продолжать военную кампанию. Агрикола привел свою армию на территорию борестов (предположительно в районе Форфаршира), принял от них заложников и отошел на зимние квартиры, на побережье Ферт–оф–Тей²⁸. По приказу полководца, флот обогнул северную оконечность Британии, установив, таким образом, что она является островом. Согласно сообщению Тацита, во время этого плавания экипажи римских кораблей высадились на Оркадских (Оркнейских) островах и привели к покорности местных жителей (Agric., 10). Когда новости об одержанной Агриколой победе в Британии достигли Рима, Домициан приказал сенату наградить Агриколу триумфальными знаками отличия и отозвал его из провинции в Рим (Agric., 40).

Если отвлечься от конкретного, детального изложения хода военных действий Агриколы и бросить общий взгляд на его британские кампании, чтобы выявить теоретические особенности его военного искусства, то следует сказать, что в этом плане его достижения были блестящи. Это отмечает целый ряд исследователей²⁹. За шесть лет, которые он провел в Британии, он удвоил территорию, находившуюся под римским контролем. Он хорошо знал страну, и места для устройства его фортов были так хорошо выбраны, что оставались занятыми в течение столетий. В отличие от большинства римских полководцев Агрикола мастерски оценил роль флота в продолжительных военных операциях и успешно использовал корабли и как транспортные средства, и для совместных наступательных действий с сухопутной армией, когда флот и сухопутное войско действовали параллельно друг другу. Заслуживают также уважения быстрота и абсолютная компетентность его рекогносцировки, в результате чего он всегда находил верные пути для продвижения его боевых колонн и удобные ключевые позиции для устройства своих фортов.

Хотя Агрикола в основном был занят своими завоевательными походами, его деятельность в Британии включала, так сказать, и «гуманитарную состав-

²⁷ Frere Sh. *Britannia*. P. 111; Richmond I. A. *Gnaeus Iulius Agricola*. P. 42; Shotter D. *Roman Britain*. P. 33.

²⁸ Oman Ch. *England before the Norman Conquest*. P. 101.

²⁹ Frere Sh. *Britannia*. P. 112–113; Richmond I. A. *Gnaeus Iulius Agricola*. P. 43; Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. Москва, 1981. С. 122.

ляющую»: он внес большой вклад в романизацию провинции. Ш. Фрер замечает, что, поскольку Агрикола был родом из Нарбоннской Галлии, у него отсутствовало высокомерие исконного римского аристократа, и он был способен относиться с вниманием и симпатией к нуждам провинциалов и к тем трудностям, которые они испытывали³⁰. Уже в первую зиму своего пребывания в Британии он устранил различные административные злоупотребления, которые, может быть, были невелики сами по себе, но, накапливаясь, приводили к тому, что местное население начинало ненавидеть римлян. Налог на зерно (аннона), который британцы должны были выплачивать военным властям, представлял собой случай такого рода. Тацит писал о британцах, что они исправно платят налоги, пока римские власти не начинают чинить несправедливости (Agric., 13). Подготовка сдачи анноны попала в руки спекулянтов, которые, если британцы не соглашались с их ценой, назначали для сдачи хлеба отдаленные округа, куда можно было попасть только кружными путями, вместо расположенных поблизости римских зимних лагерей. Бывали даже случаи, когда общины, не собравшие достаточно хлеба, были вынуждены покупать зерно на римских государственных складах по вздутым ценам и затем сдавать его на сыпные пункты (Agric., 19). Агрикола прекратил все эти безобразия.

Следующей зимой Агрикола начал проводить в жизнь обширную гуманитарную программу, целью которой была романизация Британии. «Он частным образом, — пишет Тацит, — и вместе с тем оказывая поддержку из государственных средств, превозносился похвалами усердных и порицая мешкотных, настойчиво побуждал британцев к сооружению храмов, форумов и домов, и соревнование в стремлении отличиться заменило собой принуждение. Больше того, юношей из знатных семей он стал обучать свободным наукам, причем природную одаренность британцев ценил больше рвения галлов, и те, кому латинский язык совсем недавно внушал откровенную неприязнь, горячо взялись за изучение латинского красноречия. За этим последовало и желание одеться по-нашему, и многие облеклись в тогу» (Agric., 21 — пер. А. С. Бобовича).

Подтверждением образовательной политики Агриколы является, по-видимому, случай с Деметрием из Тарса, которого Плутарх встретил в Дельфах в 83–84 гг. Деметрий был школьным учителем, недавно вернувшимся из Британии; он принимал участие в морской экспедиции по исследованию западных островов (Plut. De defectu oraculorum, 18). Как заметил Ш. Фрер, присутствие греческого учителя в Британии как раз во времена Агриколы вряд ли могло быть простым совпадением или единственным случаем этого рода³¹. А. Р. Берн полагал, что тем же самым Деметрием была сделана посвятельная надпись морским богам на маленькой бронзовой табличке, найденной в 1840 г. в Йорке, около старой железнодорожной станции: «Океану и Фетиде Деметрий (посвятил)» (RIBI, 62). По мнению Берна, она представляет собой обет, данный Деметрием за благополучное возвращение из морского путешествия к западным островам³².

³⁰ Frere Sh. Britannia. P. 113.

³¹ Frere Sh. Britannia. P. 114.

³² Burn A. R. The Roman Britain. An Antology of Inscriptions. Oxford, 1969. P. 49.

Таким образом, одним из результатов романизации явилась настоятельная потребность привлечения в Британию школьных учителей и лекторов, чтобы посвятить британцев в тайны латинской и греческой литературы и научить их тонкостям риторики, владение которой казалось римлянам вершиной аристократического воспитания. Ювенал в свои «Сатирах» рассказывает о том, как Британия впитывает римское ораторское искусство:

Красноречивая Галлия в стряпчие учит британцев,
И толкуют уже о наемке ротора в Туле»³³.

(Juvenal. Satires, XV, 110–112)³⁴.

Прекрасной иллюстрацией градостроительной политики Агриколы, о которой говорит Тацит, является найденная в Сент-Альбанс надпись, происходящая с форума древнего Веруламия в области катувеллаунов. Раскопками 1955 г. были обнаружены четыре фрагмента огромной надписи, имевшей около четырех метров в длину, которая шла вдоль фасада общественного здания, находившегося в центре города на форуме. Надпись реконструируется таким образом: «Императору Титу Цезарю Веспасиану, сыну божественного Веспасиана, Августу, великому понтифику, в девятый раз наделенному властью народного трибуна, императору в пятнадцатый раз, консулу в седьмой раз и избранному в консулы в восьмой раз, цензору, отцу отечества; и Цезарю, сыну божественного Веспасиана, Домициану, консулу в шестой раз и избранному в консулы³⁵ в седьмой раз, принцепсу юношества и жрецу всех жреческих коллегий; при Гнее Юлии Агриколе, легате Августа, наместнике провинции, муниципий Веруламия, по завершении сооружения и украшения базилики» (RIBI, 40)³⁶. Эту надпись, упоминающую имя Агриколы, датируют 79 г. Как явствует из надписи, в Веруламии имелись форум и базилика с украшениями, составлявшие центральную часть римского муниципия. Таким образом, деятельность Агриколы по сооружению «храмов, форумов и домов» в провинции явно была успешной. Археологи полагают, что форумы, построенные в Эксетере, Лондоне и, возможно, в Лейкестере и Сайренсестере датируются флавиевским периодом³⁷. Вероятно, во времена Агриколы были воздвигнуты упоминаемые Светонием многочисленные статуи императора Тита и его бюсты с надписями, которые можно было видеть в Британии (Suet. Titus, 4).

Наиболее поразительный след, сохранившийся до настоящего времени, оставила в римской Британии деятельность Агриколы в виде созданной им для контроля за северными территориями системы фортов и дорог. На землях к северу от линии Тайн–Солузэй находились, по крайней мере, 40 фортов, из которых 33 были построены Агриколой; на равнинных территориях Шотландии находились

³³ Остров, который древние считали крайним северным пределом мира. Тацит, рассказывая, что римский флот обогнул северную оконечность Британии, добавляет: «Уже виднелась и Туле...» (Agric., 10).

³⁴ Юния Ювенала Сатиры / Пер. А. Фета. Москва, 1985.

³⁵ Consul designatus — избранный консулом (но еще не вступивший в исполнение консульских обязанностей).

³⁶ Burn A. R. The Roman Britain. An Antology of Inscriptions. P. 39–40.

³⁷ Frere Sh. Britannia. P. 115.

20 фтортов, а к северу от реки Форт – еще 9 или 10 вдобавок к легионной крепости. Ш. Фрер замечает: «Постройка более 60 фтортов – это была большая работа, сама по себе, но поставка продовольствия многочисленному, разбросанному по этим укреплениям войску требовала административного гения»³⁸. Для выполнения этой сложной задачи Агриколой было построено более 1300 миль дорог. На карте его дорожной системы можно видеть, как дороги проникают в массивы холмов, окружают их, так что патрули могут пресечь неразрешенное движение и быстро подавить источники беспорядка. Аэрофотосъемки, производившиеся к северу от перешейка Ферт–оф–Форт – Ферт–оф–Клайд, обнаружившие форт в Стракастро, показали, что весь район Стратмора был постоянно занят римскими войсками вплоть до той точки, где горы вплотную подходят к морю в Стоухейвене³⁹.

Таким образом, Агрикола был успешным полководцем, далеко на север продвинувшим пределы римских владений в Британии, и энергичным государственным деятелем, внесшим большой вклад в романизацию страны, однако его наместничество в Британии было высшей и последней точкой его карьеры.

Затем наступает последний период в жизни Агриколы, нашедший отражение в последнем разделе его биографии, написанной Тацитом, который до сих пор интригует современных исследователей, высказывающих противоположные точки зрения по поводу взаимоотношений Агриколы с властью (императором Домицианом) в это время. Одни, безоговорочно веря Тациту, полагают, что, вернувшись из Британии, отказавшись от продолжения карьеры, ведя скромный и умеренный образ жизни, не подвергаясь репрессиям, Агрикола находился тем не менее в смертельной опасности из-за ненависти и зависти императора⁴⁰. Так, У. Либешютц замечает, что в изложении Тацита более осторожное поведение Агриколы, чем мучеников стоицизма, было в долгосрочной перспективе не менее опасно, чем поведение оппозиционной группы, что, живя жизнью, которая заставляла его совершать великие деяния (имеется в виду деятельность Агриколы в Британии), он медленно, но неизбежно подпадал под смертельную ненависть императора, жертвой которой он должен был пасть в конечном итоге. Поэтому Тацит, прямо не утверждая этого, тем не менее передает слух, что Агрикола был отравлен Домицианом⁴¹.

Другая группа исследователей, критически анализируя текст Тацита, приходит к противоположному выводу, что у императора не было особых поводов для ненависти и зависти по отношению к Агриколе, что их взаимоотношения после возвращения Агриколы из Британии не выходили за рамки обычной формальной процедуры, которая соблюдалась, когда кандидат на замеще-

³⁸ Ibid.

³⁹ Frere Sh. *Britannia*. P. 116.

⁴⁰ Liebeschuetz W. *The Theme of Liberty in the Agricola of Tacitus*. P. 131; Griffin M. *The Flavians*. P. 64; Грант М. Двенадцать Цезарей / Пер. с англ. Д. Мишина. Москва, 1998. С. 236; Вержбицкий К. В. Гней Юлий Агрикола (историко-психологический этюд). С. 42–43.

⁴¹ Liebeschuetz W. *The Theme of Liberty in the Agricola of Tacitus*. P. 131.

ние должности наместника провинции отказывался от этой должности; болезнь же и смерть Агриколы вызвали искреннюю скорбь императора⁴².

Текст Тацита, если отнестись к нему с доверчивостью, создает впечатление, что исследователи первой группы правы. Согласно сообщению Тацита, Агрикола был отозван Домицианом в Рим еще до окончания военной кампании 85 г. Тацит приписывает этот внезапный вызов в Рим его тестя зависти императора к полководцу, завоевавшему великолепную и уникальную военную репутацию. Тацит говорит, что Домициан вообразил, что все будут сравнивать реальные победы его легата с фиктивным триумфом, который он справил, якобы одержав победу над германцами в 83 г. «Особую опасность для себя, — пишет Тацит, — он усматривал в том, что имя его подчиненного ставится выше его имени, имени принцепса..., честь слыть выдающимся полководцем должна принадлежать императору» (Agric., 39 — пер. А. С. Бобовича). По мнению Тацита, особенно дурным предзнаменованием для Агриколы, «признаком зловещих намерений», было то обстоятельство, что император внешне не проявлял своей неприязни: «Он счел за лучшее приберечь свою ненависть до того времени, когда пойдут на убыль превозносящие Агриколу толки и любовь ему войска, — ведь тогда тот еще управлял Британией» (Agric., 39 — пер. А. С. Бобовича).

Курт фон Фриц замечает, что особенная слабость ситуации Домициана, как принцепса, заключалась в том, что он получил власть только по принципу наследования, а не за личные заслуги и с согласия сената, как это было при Веспасиане, Тите, Нерве и Траяне. В связи с этим он жил в постоянном смертельном страхе, что появится кто-нибудь более способный, чем он сам, и ему казалось, что случай с Агриколой это как раз случай такого рода⁴³. Курту фон Фрицу вторит М. Гриффин, утверждающая, что Домициан боялся талантов, особенно военных талантов⁴⁴.

Далее, по сообщению Тацита, Домициан приказал сенату вместо триумфа (поскольку со времени Августа триумф могли справлять только принцессы или члены правящей династии) определить Агриколе триумфальные знаки отличия: лавровый венок, расшитые золотом тогу и тунику и украшенный орлом жезл из слоновой кости. Кроме этих обычных триумфальных отличий, Агриколе в виде особой милости была дарована почетная, увенчанная лавровым венком статуя, а в Риме распространился слух, что ему предназначена в управление провинция Сирия. По поводу этого предполагаемого назначения Агриколы Тацит с характерной для него неприязнью по отношению к Доми-

⁴² Dorey T. A. *Agricola and Domitian* // *Greece and Rome. Second Series*. Vol. 7. 1960. P. 66–71; Traub H. W. *Agricola's Refusal of a Governorship* (Tac. Agr., 42, 3) // *Classical Philology*. Vol. 49. 1954. P. 255–257; Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. С. 123–124; Парфенов В. Н. Домициан и его «генералитет» // *История. Мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию профессора Э. Д. Фролова*. СПб., 2008. С. 333.

⁴³ Kurt von Fritz. *Tacitus, Agricola, Domitian and the Problem of the Principate*. P. 92.

⁴⁴ Griffin M. *The Flavians*. P. 64.

циану замечает: «Не знаю, правда ли это или только правдоподобный, принимаю во внимание нрав принцепса, вымысел» (Agric., 40 – пер. А. С. Бобовича).

Между тем Агрикола повел себя со свойственной ему мудрой осторожностью, которая не раз спасала его в тяжелые времена. Чтобы избежать по прибытии в Рим помпезной встречи при большом стечении народа, Агрикола въехал в город ночью и тотчас же, как было предписано, явился во дворец, где встретил холодный, формальный прием принцепса. По словам Тацита, чтобы не раздражать императора и его окружение своей военной славой, Агрикола удалился в частную жизнь и от души наслаждался спокойствием и досугом (*tranquillitatem atque otium penitus hausit*), «скромный в образе жизни, любезный в речах, сопровождаемый одним, много двумя друзьями и вообще настолько простой и доступный, что те, у кого в обычае судить о великих мужах в меру их самонадеянности и надменности, увидев Агриколу и присмотревшись к нему, задавались вопросом, чем он достиг знаменитости, и лишь немногие находили этому объяснение» (Agric., 40 – пер. А. С. Бобовича).

Затем, согласно Тациту, несмотря на старание Агриколы, став частным человеком, остаться в тени, «самозатушеваться», над ним начали сгущаться тучи: положение его становилось все более опасным. Причиной этого были, с одной стороны, неудачная внешняя политика Рима, а, с другой, – полководческая слава Агриколы. Зимой 85–86 гг. даки вторглись в Мезию, разбили римское войско, причем был убит возглавлявший его полководец Оппий Сабин. Отвоевав эту провинцию, римляне потерпели от даков новое поражение (в том же 86 г.), потеряв своего главнокомандующего, префекта претория Корнелия Фуска. В 88 г. поднял восстание наместник Верхней Германии Люций Антоний Сатурнин. Подавив это восстание, Домициан двинулся из Паннонии на германские племена маркоманов и квадов, которые оказали помощь Сатурнину. В 91–92 гг. язиги вместе с маркоманами и квадами вторглись в Паннонию и полностью уничтожили римский легион. Таковы факты.

Истолковывая их, Тацит дает понять, что причиной всех этих неудач и поражений было недостаточное военное искусство Домициана и его военачальников. В связи с этим «народная молва, – пишет Тацит, – стала настойчиво требовать вручения Агриколе верховного начальствования над войском, причем все сравнивали его энергию, твердость и испытанное в стольких войнах мужество с бездеятельностью и трусливостью остальных» (Agric., 41 – пер. А. С. Бобовича). По словам Тацита, это общественное мнение, такое благосклонное по отношению к Агриколе, безмерно раздражало принцепса, «склонного ко всему дурному и низменному», а дурные советчики, бывшие недоброжелателями Агриколы, еще более разжигали в нем чувство зависти к успешному и талантливому полководцу.

Исследователи, придерживающиеся традиционной точки зрения доверия традиции, считают, что Тацит изобразил истинное положение вещей относительно сравнения военных успехов Домициана и Агриколы, относительно общественного мнения, царившего в Риме, относительно настроений самого императора и его ближайшего окружения. По их мнению, военные действия на

Рейне и Дунае, которыми Домициан руководил лично, не привели к сколько-нибудь существенным территориальным приобретениям⁴⁵; триумф, справленный Домицианом по поводу победы, одержанной им над германцами в 83 г., был фиктивным так же, как и сама победа; победа над даками была «более чем сомнительной»⁴⁶. Британские же походы Агриколы раздвинули границы римских владений на острове и сулили возможность дальнейшего продвижения до самых северных оконечностей Британии. В связи с этим общественное мнение в Риме склонялось на сторону Агриколы: присоединение новых провинций и покорение варварских племен казалось римлянам более значимым и более славным делом, чем оборонительные войны с германцами и даками⁴⁷. Таким образом, у Домициана был реальный повод для зависти по отношению к Агриколе. Между тем, Тацит заканчивает 41 главу утверждением, что опасность, грозившая Агриколе со стороны императора, увеличивалась, потому что «... слава Агриколы и вследствие собственных его добродетелей, и вследствие присущих другим недостатков возрастала и ширилась и тем самым влекла его на край пропасти» (*Agric.*, 41 – пер. А. С. Бобовича).

Затем наступает кардинальный момент интриги Домициана, направленной против Агриколы; по крайней мере, исследователи, следующие за Тацитом, считают, что такая интрига существовала, и мастерски построенный, несколько загадочный текст Тацита заставляет это предполагать. В 91 г. должна была состояться жеребьевка (*sortitio*) двух сенаторских провинций Африки и Азии, и, по словам Тацита, Агрикола должен был принять в ней участие и получить по жребию должность проконсула в одной или в другой провинции (*Agric.*, 42). Судя по тексту Тацита, император хотел, чтобы Агрикола отказался от проконсульства. Незадолго до этого был казнен проконсул провинции Азия Цивика Цериал, и Тацит говорит, что для Агриколы это было предупреждение, чтобы он соблюдал осторожность, а для Домициана это был «пример для устрашения».

Несмотря на это, Агрикола как будто собирался, выражаясь современным языком, «баллотироваться» в проконсулы, тем более что после окончания его британской кампании уже предполагалось назначить его проконсулом провинции (тогда имелась в виду Сирия). Курт фон Фриц твердо убежден, что человек таких способностей и такого чувства ответственности, как Агрикола, не мог не хотеть служить отечеству, занимая снова и снова важные государственные посты, хотя Тацит и изображает его человеком, лишенным личных амбиций⁴⁸.

Дальнейшее изложение Тацита как будто подтверждает точку зрения фон Фрица, Тацит рассказывает, что к Агриколе явились некие люди, посвященные в замыслы принцепса (*cogitationum principis periti*), и стали его спрашивать, собирается ли он ехать в провинцию. По мнению фон Фрица, Агрико-

⁴⁵ Вержбицкий К. В. Гней Юлий Агрикола (историко-психологический этюд). С. 42.

⁴⁶ Смирнова Е. Л. Императоры династии Флавиев (69–96 гг.): опыт политико-психологической характеристики // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002. С. 156.

⁴⁷ Вержбицкий К. В. Там же. С. 43.

⁴⁸ Kurt von Fritz. Tacitus, Agricola, Domitian and the Problem of the Principate. P. 76.

ла дал уклончивый ответ, поэтому они сначала расхваливали удовольствия частной жизни (покой—*quietem* и досуг—*otium*), а потом стали угрожать ужасными последствиями, если он тотчас же не откажется от должности наместника провинции (*Agric.*, 42)⁴⁹. Только под таким жестким давлением, насильственно приведенный во дворец агентами принцепса Агрикола попросил императора освободить его от назначения провинциальным наместником.

Далее следует сцена, представлявшая собой, судя по описанию Тацита, фарс, разыгранный Домицианом, в котором Агриколе была отведена унижительная роль: «Тот (Домициан — Н. Ш.), заранее готовый к притворству, с надменным и неприступным выражением лица выслушал молившего снизойти к его просьбе (*preces excusantis*) Агриколу, изъявил согласие и дозволил, чтобы за это ему была принесена благодарность, не постыдившись выдать за благодеяние то, чего домогался из ненависти (*ne erubuit beneficii invidia*). Обычно выплачиваемого проконсулам содержания (*salarium tamen proconsulare solitum*), которое им самим было предоставлено некоторым, он, однако, Агриколе не дал, то ли задетый тем, что тот не добивался его, или, быть может, из опасения, как бы не показалось, что он купил то, чего в действительности не допустил» (*Agric.*, 42 — пер. А. С. Бобовича).

В римской империи существовала такая практика, когда кандидат на должность наместника провинции мог выступить с просьбой освободить его от предполагаемого назначения⁵⁰ (по состоянию здоровья, семейных обстоятельств и др.). В случае, если просьба удовлетворялась, то человеку выплачивалось проконсульское содержание (*salarium proconsulare*), хотя он и не исполнял обязанности проконсула. Положение Агриколы было двусмысленным: он не знал, чего на самом деле хочет Домициан. С одной стороны, император обещал по окончании срока его полномочий в Британии назначить ему в управление провинцию, с другой стороны, его агенты вынудили Агриколу угрозами просить освободить его от обязанностей проконсула. И Агрикола, видимо, был вынужден выдвинуть какие-то причины для своего отказа, каких в действительности не существовало. Поэтому он не стал просить о выделении ему проконсульского содержания, не понимая истинных намерений императора. Курт фон Фриц полагает, что Агриколе, человеку стольких достоинств и заслуг, двусмысленность его положения, лицемерие и фальшь Домициана были тягостны и унижительны⁵¹.

Дальнейшее изложение Тацита о последней болезни Агриколы, о том, как беспокоился о нем принцепс, как его приближенные и врачи то и дело посещали больного, докладывая императору о малейших изменениях его состояния, чего обычно никогда не делалось, нагнетает впечатление, что все это было сплошным лицемерием, фальшью и обманом. Тацит замечает, что единственным искренним чувством Домициана была радость, когда он узнал, что

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Глагол *excusare*, помимо прочих значений, имеет еще значение увольнять, освобождать (от каких-либо обязанностей); отсюда выражение Тацита — *preces excusantis*.

⁵¹ Kurt von Fritz. Tacitus, Agricola, Domitian and the Problem of the Principate. P. 75.

Агрикола назначил его своим сонаследником. И это единственное допущение наталкивает читателя на мысль, что слух о том, что Агрикола был отравлен, был недалек от истины (Agric., 43). В связи с этим исследователи, целиком доверяющие Тациту, считают, что, в конечном итоге, Агрикола все-таки пал жертвой террористического режима Домициана.

Исследователи второй группы, критически относящиеся к тексту Тацита и полагающие, что у Домициана не было особенных поводов для зависти и ненависти по отношению к Агриколе, в поддержку своей точки зрения приводят доводы как более общего порядка, касающиеся характера внешней политики Домициана, так и более частного – по поводу личных взаимоотношений императора и Агриколы в случае отказа Агриколы от провинциального наместничества и в случае его последней болезни.

Т. А. Дори замечает, что попытка Тацита доказать зависть и враждебность Домициана и наличие смертельной опасности для Агриколы имеет под собой весьма ненадежные основания. Главный аргумент Тацита – это контраст между блестящими победами Агриколы в Британии и позорными неудачами и мнимыми успехами военных походов Домициана. По мнению Дори, этот контраст в действительности не существовал, являясь результатом совершенного непонимания, если не сознательного искажения фактов со стороны Тацита⁵². Отзыв Агриколы из Британии в 85 г. объяснялся не личной неприязнью к нему императора, а причинами военной и политической целесообразности⁵³.

Агрикола командовал британской армией в течение семи-восьми лет, и это само по себе было, по справедливому замечанию Г. С. Кнабе, «признаком величайшего доверия к нему императора»⁵⁴, поскольку обычно срок провинциального командования не был таким долгим⁵⁵. Агриколе было разрешено дать сражение каледонцам. Когда же он одержал решительную победу, альтернатива состояла в том, чтобы или отозвать Агриколу из провинции и проводить там политику консолидации уже завоеванных областей Британии, или оставить его и предпринять попытку включить в состав римской провинции дикие, почти необитаемые районы Северной Шотландии. Выполнение этой задачи не только не принесло бы пользы, но также, ввиду растянутости линий коммуникаций, было бы делом трудным и опасным.

К тому же, исследователи данной группы полагают, что военная задача, стоявшая перед Агриколой в Британии, не была такой уж сложной. Его предшественниками были два способных и энергичных наместника, Петилий Цериал и Юлий Фронтин, которые подняли моральный дух и боеспособность римской армии, дислоцировавшейся в Британии, и уже успешно преодолевали британское сопротивление. Агрикола с его четырьмя легионами и приданными им вспомогательными войсками, естественно, был способен стре-

⁵² Dorey T. A. Agricola and Domitian. P. 67–68.

⁵³ Парфенов В. Н. Домициан и его «генералитет». С. 338.

⁵⁴ Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. С. 123.

⁵⁵ Dorey T. A. Agricola and Domitian. P. 68.

мительно продвигаться вперед, воюя на сравнительно узком участке фронта против недисциплинированного, плохо организованного и относительно немногочисленного противника. Его успехи были заслуженными, но их вклад в благосостояние и безопасность империи не был особенно значительным⁵⁶.

Между тем военные операции, проводившиеся Домицианом, были гораздо более жизненно важными для империи в целом, чем британские походы Агриколы. Его кампания против хаттов (83 г.), включая аннексию района горы Таунус, укрепление римских границ в прирейнских областях, создание системы кастелей (укрепленных пунктов), в которых разместились небольшие гарнизоны, обеспечила безопасность римских территорий по Рейну на значительный период времени. Тот факт, что операции были так искусно спланированы и выполнены, что обошлось без тяжелых и кровопролитных сражений, только увеличивает кредит доверия полководческому искусству Домициана, чего не могли оценить наиболее консервативные римские историки, которые мерили успех военной экспедиции только по числу убитых и раненых врагов⁵⁷.

На Дунае Домициан воевал не так успешно, обстановка там была гораздо сложнее и опаснее. Дунайская граница была слишком протяженной, охранять ее было трудно, а жившие за Дунаем племена (сарматы, свевы и даки) были многочисленны, могущественны и хорошо организованы. Тем не менее опасное вторжение вождя даков Децебала в Мезию было быстро отбито, а за нанесенное даками поражение префекту претория Корнелию Фуску римляне отомстили, одержав победу в битве при Тапах. Заключив мирный договор с Децебалом, Домициан показал, что он мудро оценивает сложившуюся ситуацию. Он понимал, что римляне не могут себе позволить вести продолжительную войну по всей дунайской границе. В основе мирного договора лежало номинальное признание даками сюзеренитета Рима. В то же время римляне обязались выплатить дакам денежную контрибуцию, поставлять им вооружение и посылать инструкторов по постройке военных машин и крепостей. Римляне пошли на эту уступку, чтобы сделать зависимый статус даков, который они получали по этому договору, более приемлемым для них.

Мир, заключенный с даками, казался позорным тем из римлян, которые еще были привержены республиканским идеалам и считали, что безусловная сдача противника была важнейшей частью любого почетного мира. В действительности, благодаря договору Домициана с Децебалом, в дальнейшем Децебал не тревожил римлян вплоть до того момента, когда Траян был уже готов начать свою завоевательную политику. Вообще существует точка зрения, что успешная внешняя политика Траяна, по большому счету, была продолжением домициановских войн⁵⁸. Таким образом, имея в виду масштабность и значимость внеш-

⁵⁶ Кнабе Г. С. Там же; Dorey T. A. Ibid. P. 67.

⁵⁷ Dorey T. A. *Agricola and Domitian*. P. 67–68; Oman Ch. *England before the Norman Conquest*. P. 1 01–102; Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. С. 123; Бобович А. С. Комментарий к «Жизнеописанию Юлия Агриколы». С. 433.

⁵⁸ Егоров А. Б. Домициан и Траян, деспотизм и просвещенная монархия // Античное общество. Проблемы политической истории / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1997. С. 117.

неполитических задач, которые решал Домициан, трудно поверить, что у него был повод завидовать военным успехам Агриколы в Британии.

Г. У. Трауб в своей статье «Отказ Агриколы от провинциального наместничества (Tac. Agr., 42. 3)» приводит доказательства того, что сцена, описанная Тацитом, в действительности представляла собой обычную процедуру отказа от провинциального наместничества (когда кандидат на должность провинциального наместника обращался к императору с просьбой освободить его от этой должности), а вовсе не фарс, придуманный Домицианом, чтобы унизить Агриколу. Слова же и выражения, которые Тацит истолковывает как насквозь пропитанные фальшью и особенно унижительные для Агриколы, на самом деле были просто терминами и формулами, употреблявшимися при проведении этой процедуры⁵⁹.

Г. У. Трауб приводит подборку из двух надписей и двух текстов (один – Фронтон, другой – Тацита: App., III, 32, 35), в которых речь идет об отказе от провинциального наместничества. В надписи, датируемой временем Траяна, говорится о некоем человеке по имени Либерал (Liberalis), который, будучи назначен проконсулом провинции Азии, просил освободить его от этого назначения: «[procos. fac]tus provinciae Asiae se excusavit» (Dessau, 1011). В другой надписи речь идет об Овинии Патерне, который в 281 г. н. э. был градоначальником Рима (praefectus urbi) и добился освобождения (excusatio) опять-таки от должности проконсула провинции Азии (CIL, VI, 31719=[3832]).

Текст Фронтона, оратора и адвоката, который был воспитателем Марка Аврелия, представляет собой письмо Фронтона императору Антонину Пию. В этом письме, написанном в период между 157–161 годами, Фронтон обращается к императору с просьбой о предоставлении прокураторской должности историку Апплану. Затем он упоминает другого человека, который тоже хотел получить прокураторство, однако по поводу этого второго кандидата Фронтон замечает, что он, возможно, поступит по его примеру (по примеру Фронтона) и попросит императора об освобождении от должности прокуратора: «Fecerit exemplo nostro, si ipse quoque tibi impetraverit excusare» (Fronto. V. d. Hout, I, 161)⁶⁰.

Говоря о собственном примере (exemplo nostro), Фронтон намекает на тот факт, что в 154 г. он получил по жребию проконсульство в провинции Азии, но отказался от должности из-за болезни (о причине своего отказа он сообщал в более раннем письме императору: Fronto. V. d. Hout, I, 80). Г. У. Трауб полагает, что знак равенства между этими двумя магистратурами (прокураторством и проконсульством) в данном случае вполне уместен, потому что, хотя прокуратор – это была всадническая должность, однако прокураторы управляли иногда некоторыми императорскими провинциями и часто, по мере надобности, замещали наместников как императорских, так и сенатских провинций⁶¹.

⁵⁹ Traub H.W. Agricola's Refusal of a Governorship (Tac. Agr., 42, 3). P. 255–257.

⁶⁰ M. Cornelii Frontonis Epistulae quas edidit M. P. Y. Van den Hout, Munchen, 1954.

⁶¹ Traub H. W. Agricola's Refusal of a Governorship (Tac. Agr., 42, 3). P. 257, n. 9.

В тексте Тацита (Ann., III, 32, 35) речь идет о назначении проконсула провинции Африка в 21 г. н. э. Тиберий, в это время находившийся в Кампании, прислал письмо в сенат, в котором распорядился, чтобы сенаторы по собственному усмотрению избрали проконсула для Африки, имея в виду, что это должен быть человек, обладающий большим военным опытом, способный подавить восстание Такфарината. Сенат, однако, вынес постановление предоставить самому принцепсу решить, кому поручить провинцию (Ann., III, 32).

На ближайшем заседании сената было прочитано второе письмо Тиберия, в котором он, упрекнув сенаторов за то, что они все заботы перекалывают на его плечи, назвал Мания Лепида и Юния Блеза в качестве кандидатов, одного из которых нужно было избрать проконсулом Африки. Оба просили освободить их от назначения, но Лепид просил об этом более настойчиво (*intentius excusante se Lepido*), ссылаясь на слабость здоровья, на малолетних детей, приводя и другие причины своего отказа. Сенат удовлетворил просьбу Лепида и назначил проконсулом Африки Блеза (Ann., III, 35).

Судя по текстам Фронтонa и Тацита, просьба об освобождении от обязанностей наместника провинции (от прокуратуры или проконсульства) должна была подкрепляться вескими причинами, о значимости которых судил император, по собственному усмотрению удовлетворявший ее или отказывавший это сделать. Таким образом, освобождение от провинциального наместничества рассматривалось как благодеяние (*beneficium*) со стороны императора⁶².

Когда Тацит рассказывает об отказе Агриколы от провинциального наместничества, он использует слово *beneficium*: «... *nec erubuit beneficii invidia* – не постыдился выдать за благодеяние то, чего домогался из ненависти» (Agric., 42). У него оно служит для усиления впечатления лицемерия поведения Домициана. В действительности же, по-видимому, это было выражение, обозначавшее один из последовательных этапов обычной процедуры отказа от исполнения обязанностей наместника провинции. «Следовательно, – замечает Г. У. Трауб, – нам должно быть ясно, что у Домициана не было никаких оснований краснеть (*erubere* – стыдиться, краснеть), когда Агрикола благодарил его за благодеяние»⁶³.

Таким образом, источники, собранные в статье Трауба, свидетельствуют о том, что на протяжении длительного промежутка времени (в царствования Тиберия, Домициана, Траяна, Антонина Пия и много позднее) в римской империи существовала определенная, установившаяся практика отказов от провинциальных наместничеств. Процедура в целом была следующей. Получивший назначение являлся к императору и, объяснив, почему он не может принять управление провинцией, просил освободить его от назначения. Получив освобождение (*excusatio*), он благодарил императора за это благодеяние (*beneficium*). После этого он просил о выплате ему проконсульского (или прокураторского) содержания (*salarium*), которое обычно полагалось несостоявшемуся наместнику. Тацит говорит о том, что Агрикола не стал просить о такой выплате, и Домициан был как будто этим задет (Agric., 42). Тацит подает это как еще один пример ли-

⁶² В 21 г. н. э. сенат просто заменял отсутствовавшего императора.

⁶³ Traub H. W. *Agricola's Refusal of a Governorship*. P. 256.

цемерия Домициана. Однако, если это была регулярная процедура, то Домициан действительно мог быть оскорблен гордым молчанием Агриколы.

Что касается последней болезни и смерти Агриколы, то если оставить в стороне постоянные намеки Тацита на скрытую лицемерием ненависть Домициана по отношению к Агриколе, и рассматривать сообщаемые им факты, то оказывается, что император был очень обеспокоен болезнью Агриколы, то и дело спрашивая о его здоровье, послал к нему своих собственных врачей. Когда же Агрикола умер, то, по словам Тацита, «Домициан казался подавленным, и весь его облик выражал душевную горестъ – возможно, и искреннюю» (Agric., 43 – пер. А. С. Бобовича). По поводу того, что Агриколу отравили, Тацит замечает, что он ничего не берется утверждать, поскольку это был только слух.

Исследователи, отрицающие наличие веских причин для зависти и ненависти Домициана по отношению к Агриколе, полагают, что в действительности не существовало и смертельной опасности, которая якобы угрожала ему после возвращения из Британии. Агрикола принадлежал к высшему командному составу римской армии, который Домициан тщательно подбирал и к которому в целом был весьма расположен, за что «подавляющее большинство римских “генералов” сохраняло безукоризненную лояльность по отношению к своему шефу»⁶⁴.

Т. А. Дори отмечает, что за все время принципата Домициана погибли только три полководца. Один из них – это Антоний Сатурнин, убитый собственными солдатами после подавления поднятого им восстания. Двое других – это Цивика Цериал, который, будучи проконсулом провинции Азии, был казнен по обвинению в попытке поднять мятеж (Tac. Agric., 42), и Саллюстий Лукулл, наместник Британии, осужденный за то, что позволил копья нового образца называть «Лукулловыми» (Suet. Dom., 10).

По мнению Дори, в действительности и Цивика Цериал, и Саллюстий Лукулл погибли, потому что были связаны с Сатурнином. Тацит в биографии Агриколы сообщает, что Цивика был убит незадолго до того, как Агрикола должен был получить проконсульство в Азии (Agric., 42: «occiso Ciuica nuper»). Дори полагает, что он был казнен в начале 89 г. за соучастие в восстании Сатурнина. Дата наместничества в Британии Саллюстия Лукулла точно неизвестна, но он мог быть тоже замешан в деле Сатурнина, поскольку правдоподобно предположить, что Сатурнин попытался заручиться поддержкой наместника Британии⁶⁵.

Однако, если никакой опасности со стороны императора для Агриколы не существовало, то встает вопрос, почему он после возвращения из Британии удалился в частную жизнь, повел скромный и спокойный образ жизни, стараясь остаться в тени, «самозатушеваться» на протяжении последних восьми лет своей жизни, отказался от наместничества. Дори, который не только отрицал наличие какой бы то ни было опасности для Агриколы в последний период его жизни, но даже считал, что между Домицианом и Агриколой существовали дружеские, доверительные отношения, отвечая на этот вопрос, высказывал предположение о пошатнувшемся здоровье Агриколы. Агрикола был че-

⁶⁴ Парфенов В. Н. Домициан и его «генералитет». С. 335.

⁶⁵ Dorey T. A. Agricola and Domitian. P. 69.

ловеком неумной энергии, он перегружал себя работой. Во время своих военных кампаний он сам принимал участие в боевых действиях, «неутомимый и вездесущий в походе», по словам Тацита, сам обследовал местности, по которым предстояло передвигаться и сражаться его войску, сам выбирал места для разбивки лагерей и строительства фортов на завоеванных территориях, с особой тщательностью отбирал подчиненных ему офицеров своего штаба, вообще не стремился переложить ответственность на чьи-то чужие плечи; в моменты личного горя (когда погибла его мать) находил облегчение в тяжелой работе. Неудивительно, что он в конце концов устал. Тацит говорит, что Агрикола иногда давал волю вспышкам яростного гнева (Agric., 22), что, по замечанию Дори, является симптомом крайнего напряжения. Дори считал, что Агрикола принадлежал к тому типу людей, которые истощают себя уже в раннем среднем возрасте (он умер, когда ему было 53 года)⁶⁶.

Все это выглядит правдоподобно, однако, это только предположение, а, например, Курт фон Фриц высказывает прямо противоположное предположение: что здоровье Агриколы оставалось хорошим⁶⁷. Может быть, более вероятно, что уход Агриколы в частную жизнь, нежелание заниматься государственной деятельностью и принимать участие в войнах, были просто продолжением его всегдашней мудрой и осторожной политики, которая уже спасала ему жизнь в тяжелые времена (например, при Нероне). Когда Агрикола вернулся из Британии, в Риме как раз наступали такие времена. Вскоре после подавления восстания Сатурнина (88 г.), принципат Домициана превратился в открыто террористический режим: возобновлены были процессы об оскорблении величия, по наветам доносчиков были обвинены и казнены многие сенаторы, изгнаны философы из Рима, репрессиям подверглись даже члены императорской семьи⁶⁸. Будучи человеком очень умным, обладавшим большим жизненным опытом, Агрикола хорошо понимал, что при таком положении вещей благосклонность тирана легко могла превратиться в ненависть.

Таким образом, мы рассмотрели две научные традиции, по-разному интерпретирующие текст Тацита, посвященный последним восьми годам жизни Агриколы. Исследователи, придерживающиеся одной из этих двух традиций, следуя за Тацитом, полагают, что Домициан, ревниво относившийся к военным успехам Агриколы в Британии и ненавидевший его за благосклонность к нему римского общественного мнения, плел вокруг отказа Агриколы от провинциального наместничества интригу, ставившую Агриколу в унижительное и опасное положение и, в конце концов, возможно, довел его до смерти. Исследователи второй группы, критически анализируя текст Тацита, считают, что причин для зависти у Домициана не было (поскольку местные военные победы Агриколы в Британии не шли ни в какое сравнение с важными внешнеполитическими задачами, которые решал император) и что интриги вообще не существовало, а Агрикола, вернувшись из Британии, спокойно прожив по-

⁶⁶ Dorey T. A. Ibid. P. 70.

⁶⁷ Kurt von Fritz. Tacitus, Agricola, Domitian and the Problem of the Principate. P. 77.

⁶⁸ Грант М. Двенадцать Цезарей. С. 240–241.

следние восемь лет, умер естественной смертью. Если отвлечься от намеков, искусно разбросанных по тексту Тацита, и иметь в виду только факты, то создается впечатление, что больше правды у второй научной традиции, хотя это личное дело каждого исследователя, какую точку зрения выбрать.

Тацит завершает характеристику личности Агриколы описанием его внешности: «Что касается его внешности, то, если бы потомки пожелали узнать, какою она была, замечу: скорее приятною, чем внушительной; в его чертах не было ничего властного; его лицо неизменно выражало благожелательность. В нем легко было признать хорошего человека и охотно – великого (Agric., 44 – пер. А. С. Бобовича). Этим тацитовским описанием внешности Агриколы завершает свою статью о нем И. А. Ричмонд, который вслед за Плотинем (Enneades, VI, 7, 22) высказывал мысль, что лицо человека содержит отблеск его души»⁶⁹.

По поводу привлекательности образа Агриколы С. И. Соболевский заметил, что «сочинение Тацита производит впечатление искренности»⁷⁰, а Г. С. Кнабе утверждал, что Тацит в биографии Агриколы был верен жизненной правде. Это не значит, что в образе Агриколы нет идеализации. Наличие ее тонко показал еще И. А. Ричмонд, который отметил, что Тацит в последней главе биографии Агриколы называет его *pius* (благочестивый), а после Вергилия этот эпитет для каждого римлянина означал наивысшую похвалу, которой мог добиться хороший гражданин. «И у нас не остается никакого сомнения, – писал Ричмонд, – что основа натуры Агриколы – это *pietas*⁷¹, потому что его биография является творением великого ума»⁷². Вероятность же жизненной правды состояла в том, что Тацит, взяв за образец живую, конкретную, симпатичную ему личность своего тестя, идеализировал и обобщил свойственные ему черты, и в результате получился образ «героя нашего времени», идеального представителя той категории людей, которые, по мысли Тацита, в современную ему эпоху более всех других могли принести пользы империи и содействовать ее успешному развитию.

Тацит представляет программу жизненных ценностей, которую Агрикола претворил в жизнь: «Ведь по достижении им истинных благ, которые покоятся в добродетелях, а также консульских и триумфальных отличий чем еще могла его одарить судьба? Чрезмерными богатствами он не обладал, но состояние его все же было значительным. И так как жена и дочь пережили его, он может быть сочтен даже счастливым: ведь он избежал неотвратимых в будущем бедствий, уйдя с ничем не омраченным достоинством, в сиянии славы, при благополучно здравствующих родичах и друзьях» (Agric., 44 – пер. А. С. Бобовича).

Таким образом, «истинные блага» Агриколы – это личные ценности частного человека, честного, добросовестного, скромного, умеренного в своих

⁶⁹ Richmond I. A. Gnaeus Iulius Agricola. P. 45.

⁷⁰ Соболевский С. И. Агрикола // История римской литературы / Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. Т. 2. Москва, 1962. С. 251.

⁷¹ Понятие, означающее благочестие и, вместе с тем, любовь, преданность, справедливость, сострадание и др.

⁷² Richmond I. A. Ibid.

потребностях. А характернейшие черты его личности, проявившиеся на протяжении всей его жизни во всех его поступках на всех этапах его карьеры и позволившие ему благополучно пережить даже периоды тотального террора – это мудрая осторожность, обдуманное, последовательное стремление остаться в тени, не оказаться в центре внимания. Здесь явно чувствуется влияние основного постулата стоической доктрины о внутренней свободе человека и независимости от внешних обстоятельств, истолкованного как отстраненность от политики, уход во внутреннюю жизнь. Это был идеал пассивной оппозиции стойков императорскому режиму.

Однако, в отличие от стойков, Агрикола вел активную и плодотворную общественную жизнь: как мы видели, он был талантливым полководцем, применявшим новую, передовую для того времени военную тактику; энергичным администратором, успешно внедрявшим элементы латинской культуры в жизнь римской Британии, способствуя тем самым романизации провинции. И. А. Ричмонд отметил, что в связи с этим главной целью биографии Агриколы могло бы стать восхваление его полководческого искусства или его способностей как провинциального наместника, однако Тацит намеренно добивался эффекта, чтобы эти выдающиеся качества Агриколы и все другие характеристики, указывающие на его высокий интеллектуальный уровень, отошли на задний план, были подчинены его умению самозатушевываться и быть лояльным по отношению к государству⁷³.

Агрикола не был единственным человеком такого рода. Просто Тацит в своем сочинении сделал его образцовым представителем целой категории людей – способных, дельных, часто незаметных администраторов, которые работали на империю в целом, а не на интересы того или иного императора, шедшие часто вразрез с истинными интересами государства. Г. С. Кнабе называл этих людей «третьей силой» в отличие от двух других категорий, выделенных им на основе анализа общественных типов людей, составлявших римский сенат: людей «всесильного меньшинства» – честолюбивых, энергичных, наглых, неразборчивых в средствах и делавших обычно блестящую карьеру, и людей «большинства», исповедовавших принципы еще старой республиканской морали и стоической философии и находившихся в оппозиции к системе (среди них были и мученики, составлявшие радикальное крыло оппозиции и погибшие в борьбе с режимом императорской власти, как, например, Тразея Пет)⁷⁴. Тацит же был уверен, что именно люди «третьей силы» или, так называемого, «среднего пути», которые скромно и трудолюбиво работали на благо государства или воевали за него, могли вывести римскую империю из кризиса конца I в. н. э., что за ними было будущее.



⁷³ Richmond I. A. Ibid.

⁷⁴ Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. С. 16–33; 38–53.

Заключение

Бесспорно, содержание новой монографии являет собой достаточно пеструю картину. Некоторые разделы представлены довольно полным набором статей (греческая классика и римская история), другие далеки до необходимой полноты (позднеклассическая Греция и эллинизм). Некоторые статьи разрослись до размеров солидных очерков, как то случилось с главами, посвященными афинским святотатцам, Сократу и Агриколе, другие – и таких большинство – остались на уровне более скромных этюдов. Есть статьи, претендующие на некое проблемное осмысление темы, другие ограничиваются фактическим описанием. Наконец, среди авторов есть такие, которые стремятся к исчерпывающей библиографической полноте, но есть и такие, которым подобное стремление чуждо. Представляется, что ценно всякое усилие и каждый позитивный вклад в общее дело. Что же касается качественной отделки, то здесь каждый может сказать вслед за древними: *Feci quod potui, faciant meliora potentes*.

Как бы то ни было, ознакомившись со статьями, вошедшими в настоящее издание, читатель может судить о том, сколь богатой была общественная жизнь в античном греко-римском мире, богатой именно скандалами, непрерывно сотрясавшими его структуру. Без преувеличения можно сказать, что жизнь древних греков и римлян являла собой поток, бурлящий потрясениями, опасными интригами и громкими судебными процессами, что делает ее столь похожей на жизнь современного общества. В самом деле, лишь наивность или ограниченность способна видеть в античности подобие моря, застывшего в величавом спокойствии, лишь изредка волнуемого гармоничным колыханием волн. На самом деле это был полнокровный поток вечно нарождающихся событий, чье содержание определялось острыми внутренними коллизиями, а проще говоря – скандалами. Да, жизнь античного общества являла собой причудливую вереницу бурных схваток, отталкивающих своею низменной сутью, но притягивающих и даже чарующих порою яркими характерами и трагической судьбой протагонистов.

Отмеченное сходство античности и современности естественно заключает в себе возможность типологического сопоставления. Как в классической древности, так и в новое время можно наблюдать сходные сплетения закулисных интриг и вынесенных на поверхность громких судебных процессов, а в иных случаях – подготовленных интригами откровенно внесудебных расправ. И дело здесь не только в некой неизменности психологической приро-

ды людей, но и в фундаментальном сходстве, можно сказать – в постоянстве направляющих общественную жизнь факторов экономических, социальных, политических, духовных, по крайней мере в народившихся из общего корня странах европейской культуры. Античность в этом плане продолжает жить и в новое время – она остается вечно живой.

Э.Д. ФРОЛОВ

Сведения об авторах

Белкин Максим Владимирович, к.и.н., доцент кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ; e-mail: m.belkin@spbu.ru; mbelkin@inbox.ru

Васильев Андрей Владимирович, преподаватель Санкт-Петербургской классической гимназии № 610; e-mail: ander-vaas@yandex.ru

Вержицкий Константин Викторович, к.и.н., доцент кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ

Владимирская Ольга Юрьевна, к.и.н., доцент кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ; e-mail: o.vladimirskaya@spbu.ru

Дымская Дарья Дмитриевна, аспирантка кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ; e-mail: cromwell@inbox.ru

Егоров Алексей Борисович, д.и.н., профессор кафедры Истории Древней Греции и Рима Института истории СПбГУ; e-mail: a.egorov@spbu.ru

Климов Олег Юрьевич, д.и.н., профессор кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ; e-mail: o.klimov@spbu.ru; olegklimov@mail.ru

Кулишова Оксана Викторовна, д.и.н., профессор кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ; e-mail: o.kulishova@spbu.ru; omphalos@yandex.ru

Никитюк Елена Валентиновна, к.и.н., доцент кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ; e-mail: e.nikityuk@spbu.ru; nikitjuk-23@yandex.ru

Печатнова Лариса Гавриловна, д.и.н., доцент, професор кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ; e-mail: l.pechatnova@spbu.ru; pechatnova@mail.ru

Портнягина Ирина Павловна, к.и.н., доцент кафедры Всеобщей Истории Тверского Государственного Университета; e-mail: portnjagina@mail.ru

Фролов Эдуард Давидович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ; e-mail: eduard.frolov@spbu.ru; frolov@ef6518.spb.edu

Широкова Надежда Сергеевна, д.и.н., профессор кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ; e-mail: n.shirokova@spbu.ru; n.s.shirokova@yandex.ru

Юрин Алексей Игоревич, соискатель кафедры истории Древней Греции и Рима Института истории СПбГУ; e-mail: alexisyurin@mail.ru

Список сокращений

*а) сборники источников, справочные пособия,
общие труды*

- Bengtson SVA —Bengtson H. Die Staatsvertraege des Altertums. Bd.II. Die Vertraege der griechisch-roemischen Welt von 700 bis 338 v.Chr. Munchen—Berlin, 1962 (2.Aufl. — 1975).
- CAH —The Cambridge Ancient History. Vol.I—XII. Cambridge, (1923) 1924—1939 (2nd ed., 1970—)
- CIA —Corpus Inscriptionum Atticarum. Vol.I—III. Berlin, 1873-1897
- CID —Corpus des Inscriptiones de Delphes
- CIG —Corpus Inscriptionum Graecarum. Vol.I—IV. Berlin, 1828-1877
- DA —Daremberg Ch. et Saglio E. Dictionnaire des antiquites grecques et romaines. T.I—V. Paris, 1877—1919
- Ditt. Syll.³ —Dittenberger W. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Editio III. Vol.I—IV. Leipzig, 1915—1919
- FAS —Forschungen zur antiken Sklaverei
- F(ontenrose) —Fontenrose J. Catalogue of Delphic Responses // Fontenrose J. The Delphic Oracle: its Responses and Operations with a Catalogue of Responses. Berkeley—Los Angeles—London, 1978, p.240-416 (H — Historical Responses; Q — Quasi-Historical Responses; L — Legendary Responses; F — Fictional Responses)
- FgrHist —Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Tl.I—III. Berlin—Leiden, 1923—1958
- FHG —Muelleri K. et Th. Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol.I—V. Paris, 1841—1872
- IG —Inscriptiones Graecae. Vol.I—. Berlin, 1873—
- IG² —Inscriptiones Graecae. Editio minor. Vol.I-II/III. Berlin, 1913-1924
- I.Metropol —Die Inschriften von Metropolis. Teil I. Die Dekrete fur Apollonius: Stadtische Politik unter den Attaliden und im Konflikt zwischen Aristonikos und Rom / Hrsg. B.Dreuer und H. Engelmann. Bonn, 2003.

- IOSPE —Latyshev B. Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol.I-II, IV. Petropoli, 1885-1890, 1901 (Vol.I²: 1916)
- I.Pergamon —Die Inschriften von Pergamon / Hrsg. B.Fraenkel. Bd.1. Berlin, 1890.
- LSJ —Liddell H.G., Scott R., Jones H.S. A Greek-English Lexicon. Oxford, (1940) 1996
- Kleine Pauly —Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike. Bd.I—V. Munchen, 1964—1975
- Ch.Michel —Michel Ch. Recueil d'inscriptions grecques. Paris, 1900. Supplement: Paris, 1912
- ML —Meiggs R. and Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Oxford, (1969) 1971
- Nauck TGF² —Nauck A. Tragicorum Graecorum Fragmenta. Editio II. Leipzig, 1889
- OGIS —Dittenberger W. Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Vol.I—II. Leipzig, 1903—1905
- P-W —Parke H.W., Wormell D.E.W. The Delphic Oracle. Vol.I—II. Oxford, 1956 (I — The History; II — The Oracular Responses)
- RE —Pauly's Realencyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Stuttgart—Munchen, 1894—1978
- M.N.Tod —Tod M.N. A Selection of Greek Historical Inscriptions. 2nd ed. Vol.I—II. Oxford, 1946—1948

б) периодические издания

- АМА —Античный мир и археология. Саратов.
- ВДИ —Вестник древней истории
- ДБ —Древности Боспора
- ЖМНП —Журнал министерства народного просвещения
- ИАК —Известия Императорской Археологической комиссии

ИАН СССР	—Известия Академии наук СССР. VI серия
КСИА	—Краткие сообщения Института археологии
КСИМК	—Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА	—Материалы и исследования по археологии СССР. М.;Л.
РА	—Российская археология
СА	—Советская археология
Abh.Akad.Mainz	—Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Geistes- und sozialwissenschaftliche Klasse
ABSA	—The Annual of the British School at Athens
ACI	—L'Antiquite classique
AJA	—American Journal of Archaeology
AJPh	—American Journal of Philology
AJTh	—American Journal of Theology
AM	—Mitteilungen des Deutschen Archacologischen Instituts. Athenische Abteilung
APF	—Archiv fur Papyrusforschung und verwandte Gebiete
ASAW	—Abhandlungen der Sachsischen Akademie der Wissenschaften
BCH	—Bulletin de correspondance hellenique
BJRL	—Bulletin of the John Rylands Library
CIPh	—Classical Philology
CIQu	—Classical Quarterly
CM	—Classica et mediaevalia
CR	—Classical Review
CRAI	—Comptes-rendus des seances de l'Academie des inscriptions et belles-lettres
GR	—Greece and Rome
HTR	—Harvard Theological Review
HSClPh	—Harvard Studies in Classical Philology
HZ	—Historische Zeitschrift
JclPh	—Jahrbucher fur classische Philologie
JECS	—Journal of Early Christian Studies

JHS	—The Journal of Hellenic Studies
JJP	—Journal of Juristic Papyrology
JNG	—Jahrbucher fur Numismatik und Geldgeschichte
JNES	—Journal of Near Eastern Studies
JOAI	—Jahreshefte des Oesterreichischen Archaeologischen Institutes in Wien
MAL	—Atti della Academia Nazionale dei Lincei. Memorie. Classe di scienze morali, storiche e filologiche
NGG	—Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Goettingen
PP	—La parola del passato. Rivista di studi antichi
RA	—Revue archeologique
REA	—Revue des Etudes Anciennes
REG	—Revue des Etudes Grecques
RF	—Rivista di filologia e di istruzione classica
RhM	—Rheinisches Museum fur Philologie
RPh	—Revue philosophique
SB Berlin	—Sitzungsberichte der (Preussischen) Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philosophisch- historische Klasse
SB Leipzig	—Sitzungsberichte der Saechsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse
SB Munchen	—Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu Munchen. Philosophisch- philologische und historische Klasse
SB Wien	—Sitzungsberichte der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse
TAPhA	—Transactions and Proceedings of the American Philological Association
WS	—Wiener Studien
ZN	—Zeitschrift fur Numismatik
ZPE	—Zeitschrift fur Papyrologie und Epigraphik